ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТНАДЦАТЫЙ

Москва
2002

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск пятнадцатый)
М., 2002, 352 стр.

Ответственный редактор **Арунова М.Р.**

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией в Арабском мире и с положением в ряде сопредельных государств. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5- 89394-076-8

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5–89394–076–8

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Ю.В.Агавельян

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ЛИВАНЕ

Армянская община обосновалась в Ливане относительно недавно и по своей численности составляет не более 200 тыс. человек[1], представители этнических армян занимают прочные позиции во всех значимых секторах экономики, в политической жизни, а также в социальной и культурной сферах ливанского общества.

При рассмотрении истории возникновения армянской общины в Ливане обычно выделяют несколько этапов расселения армян на ливанской территории. Уже в XIV в. после падения Киликийского королевства в 1375 г. небольшие группы армян расселились в Северном Ливане. Крупная волна эмиграции армян в район Горного Ливана, спровоцированная репрессиями османских властей в отношении армян-католиков, отмечается в первой половине XVIII в. В 1749 г. был основан первый армяно-католический монастырь в Бзоммаре, ставший впоследствии важным армянским духовным центром. Семьи армяно-католиков через какое-то время интегрировались в маронитскую среду. С введением в 1861 г. на территории Горного Ливана института мутасаррифата на должность мутасаррифа стали назначаться армяно-католики[2].

Трагические события 1895–96 гг. и 1909 г. повлияли на приток армян как в Горный Ливан, так и в Бейрут, который в течение столетий был местом, где останавливались армянские странники по пути в Иерусалим. Ко второй половине XIX в. начала складываться армяно-григорианская община Ливана.

Открытие в 1866 г. Сирийского протестантского колледжа (переименованного в дальнейшем в Американский бейрутский университет) усилило приток армян-евангелистов, которые после обучения на медицинском факультете, как правило, открывали свои врачебные кабинеты. Созданный позднее в 1875 г. университет Сан-Жозеф также обучал армянских студентов. В Бейруте проживали и богатые коммерсанты-армяне, торговавшие текстилем как с европейскими, так и с восточными странами. В целом же к началу XX в. более 2/3 армян в Ливане представляли армяно-католики.

Значительный приток армян на территорию Ливана происходил и в начале 20-х годов XX в. Эвакуация французов из Киликии в 1920 г. и победа Ататюрка в Турции вызвали массовую миграцию армянского населения в разные страны, в том числе и в Ливан, изменив здесь

демографическую обстановку увеличением численности армян всех трех конфессий, но прежде всего – григориан. Так, армяне-григориане составили 85 тыс. беженцев, тогда как армяно-католики – 15 тыс. беженцев, численность армян-евангелистов неизвестна[3]. Беженцы расселились в Бейруте и его пригородах (Бурж-Хаммуд, Даура, Сен-Мишель).

В соответствии с п. 30 Лозаннского договора, который давал право армянам-беженцам из Османской империи принимать гражданство принявшей их страны, Постановление № 2825 от 30 августа 1924 г. предоставило армянским беженцам в Ливане возможность принять ливанское гражданство[4].

В 1930 г. григорианский католикосат обосновался в Антелиасе (пригороде Бейрута), что сделало его важным религиозным центром и символом национально-духовного возрождения не только для ливанских армян-григориан, но и для всей армянской диаспоры в мире.

В 1939–40 гг. около 10 тыс. армян из Александреттского санджака, большинство из которых были григорианами, эмигрировали в долину Бекаа и расселились в местечке Анджар[5], где стали заниматься сельским хозяйством.

По мнению социолога А.Буджиканьян, эмиграция армян в Ливан носила особый характер. В XIX в. армяне пережили подъем национального самосознания, сопровождавшегося культурным ренессансом (развитие искусства, философской мысли, образование политических партий). В скором времени «националистические» мечты образования своей автономии или независимого государства потерпели крах, армяне были вынуждены покинуть территории своего проживания. Поэтому, прибывая в Ливан, армяне считали одной из главных задач сохранение своих этнических культурных ценностей и прежде всего – армянского языка.

Другой важной характеристикой армянской общины в Ливане являются особенности экономической деятельности и профессиональных занятий ее членов. Когда в 20-е годы XX в. армяне переселились в Ливан, промышленность в этой стране находилась на начальной стадии развития. Среди беженцев были представители различных ремесленных профессий: сапожники, портные, жестянщики, ювелиры, мастера по плетению кружев и работе с шелком, менялы, мелкие торговцы и т.д. – т.е. профессий, которые были распространены в городах бывшей Османской империи. Следует подчеркнуть, что каждое из этих занятий имело множество мелких специализаций, которым мастера обучали своих молодых подмастерьев. Однако наравне с традиционными ремеслами стали развиваться мелкие механические, столярные и автомобильные мастерские, получили распространение различные строительные специальности. Женщины приобрели навыки работы санитарками, сиделками, а также швеями. Эти специальности ливанские армяне осваивали в приютах, поскольку среди беженцев было много детей-сирот. Изрядное число армян расселилось рядом с промышленными зонами в Бейруте, созданными французскими

мандатными властями, и многие беженцы соглашались работать на местных предприятиях за минимальную зарплату.

Дальнейшее развитие ремесленной деятельности привело в 50–60-е годы к качественно новому этапу в экономической жизни армянской общины в Ливане – начинается процесс так называемой индустриализации производства.

Экономическая специализация армян тем не менее оставалась неизменной. Они занимали важные позиции в производстве одежды и обуви, ювелирном деле и изготовлении украшений, часов. Индустрия одежды и обуви к первой половине 60-х годов составляла почти половину всего производства ливанских армян (44% или 115 предприятий из 260)[6]. Например, производство обуви располагалось исключительно в Бурж-Хаммуде. По свидетельствам местных жителей, экономическая ситуация района в эти годы напрямую зависела от удачного развития обувного производства и смежных с ним отраслей. Предприятия по производству одежды находились в разных частях Бейрута (портовая зона, Медавар, Ашрафье, Баб-эд-Дрисс) и в северо-восточном пригороде.

Двадцать девять заводов были ориентированы на изготовление различных изделий из металла для промышленных и хозяйственно-бытовых целей. Бумажная промышленность была представлена 28 фабриками. Деревообрабатывающих и мебельных цехов было 24. Существовали также цехи, выпускающие продукты питания, ювелирные мастерские, заводы керамики и кирпича. Во всех этих производствах было занято 3509 человек, из которых 2701 работали на предприятиях, где общая численность работников составляла более 10 человек с достаточно высокотехнологичным оборудованием (по тем временам)[7]. В целом преобладали малые и средние предприятия. По форме собственности это были индивидуальные предприятия или семейный бизнес, когда владельцами становились братья или друзья-компаньоны. Бывали также случаи, когда рабочие открывали собственное производство, либо становились посредниками, коммерсантами, торговцами, прекращая собственную производственную деятельность.

Ко второй половине 60-х годов XX в. стало складываться второе поколение предпринимателей – промышленников-финансистов. В сфере их экономических интересов оказывались инвестиции в строительство, фармацевтическое производство, химическую промышленность, производство пластиков, а также в литейные заводы. Образовывались группы экономических интересов, где армяне и неармяне соединяли свои капиталы для различных финансовых проектов. Развивается банковское дело, организуются страховые компании и корпорации, работающие на рынке недвижимости. Новая специализация предприятий выгодно отличалась от уровня полукустарного ремесленного производства, что позволило промышленности быть более гибкой и приспособленной к динамике местного и регионального рынка; экспортно-импортные отношения получают новый импульс.

В этот же период в Ливан переезжает некоторое число армянских семей из Алеппо. Вновь прибывший средний класс начинает активно инвестировать свой капитал в ливанскую экономику. К 1969 г. среди предприятий, чей капитал составлял более 100 тыс. ливанских фунтов, 13% принадлежало армянам[8]. Конец 60-х – начало 70-х годов можно считать золотым веком ливанских армян. Помимо благоприятной экономической ситуации, само устройство ливанского общества, где уважалась общинная принадлежность, культурная идентичность и индивидуальные свободы личности, делало эту страну притягательным социально-культурным пространством для мигрантов. По статистике, начиная с 1960 г. в Ливан эмигрировало 50% сирийских армян, 20% иракских армян, 20% иорданских армян и 10% египетских армян[9]. К этому же периоду относится и социально-культурный расцвет ливанской армянской общины: открываются новые школы, консерватории, строятся концертные и театральные залы, создаются издательства, где выходят периодические издания и разнообразная литература, читаемая не только в Ливане, но и всей армянской диаспорой. С 1967 по 1975 гг. в Ливане увидели свет 37 новых армянских журналов. Уже во время гражданской войны, к 1981 г. появилось еще 19 периодических изданий[10].

Выросло число армян, занимавшихся так называемыми либеральными профессиями. В целом армянскую общину в Ливане характеризовал высокий уровень образованности. Традиционно было принято в армянских семьях посылать учиться одного из своих детей (чаще всего любимчика) в университете, в то время как остальные трудились в лавке или мастерской. Крупные армянские фонды строили школы, организовывали специальные образовательные биржи высшего образования, чтобы дать возможность ребенку из семьи армянина-рабочего, мелкого буржуа или скромного служащего получить высшее образование. Многие армянские молодые люди из общин Иордании, Ирана, Греции приезжали учиться именно в Ливан.

Бейрут во многом выполнял функцию столицы армянской диаспоры. В ливанской столице находились представительства трех политических партий армян (Дашнакцутюн, Рамкавар, Гнчак). С 1956 г. под юрисдикцией Католикосата в Антелиасе разместились григорианские епархии Сирии, Кипра, Греции, Ирана, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, США и Канады. Армянские представители участвовали и в политической жизни Ливана. У армянской общины было 5 депутатов в Парламенте Ливана и одно министерское кресло[11]. Внутриобщинные взаимодействия и связи церкви со светскими общинными структурами регулируются Конституцией 1863 г., принятой еще в Османский период, по которой церковь играет важную роль в принятии как религиозных, так и политических решений, касающихся жизни всей армянской общины. В свою очередь светские армяне могут

участвовать в различных религиозных советах (например, Центральном совете армянского католикосата Киликии).

С началом гражданской войны 1975 г. экономическая жизнь армянской общины стала испытывать на себе тяготы разразившегося социально-экономического кризиса. Рост безработицы, отсутствие социальных гарантий и элементарной безопасности жизни побуждали армянские семьи эмигрировать как на Запад (прежде всего в США в Калифорнию, где была сильная армянская диаспора – с 1975 по 1981 гг. в США уехали от 8700 до 9000 армян; в Канаду, Австралию, страны Европы), так и в страны Персидского залива (около 60 тыс. человек, 10% от общеливанского миграционного потока в этот регион)[12]. В целом за 15 лет гражданской войны более 1/3 ливанских армян уехало из страны[13].

В политическом плане армянская община в Ливане в лице трех основных политических партий приняла решение воздерживаться от поддержки какой-либо из воюющих сторон, заняв позицию «позитивного нейтралитета». Подобное позиционирование также позволяло армянам являться своего рода посредниками между враждующими сторонами. Однако, несмотря на нейтралитет, в 1986 г. армяне подверглись нападению со стороны объединенной милиции из Западного Бейрута.

Военные действия заставили армян, живших в Бейруте до войны как в восточной, так и западной частях, мигрировать в восточные христианские районы столицы. Однако армянские учебные заведения, бывшие в западном секторе, остались на прежних местах (например, Университет Хагазьян находится в Западном Бейруте). Школы организовывались (как бы воссоздавались) на новом месте поселения.

Во время войны многие армяне переехали в ближайший бейрутский пригород Бурж-Хаммуд, что несколько изменило социально-экономическое лицо этого преимущественно армянского района[14].

Разрушение центральных рынков Бейрута подталкивало армянских торговцев открывать свои лавки и магазины в более безопасном месте, каковым и являлся Бурж-Хамуд. Стали реконструироваться и строиться новые жилые дома и помещения под склады и офисы, что дало положительный импульс развитию инфраструктуры этого района.

Несмотря на многолетний кризис, Ливан продолжает играть одну из ведущих ролей в культурной жизни армянской диаспоры. Внутренняя структура общины остается такой же крепкой, как и до кризиса. Следует отметить, что именно в период кризиса возросла активность и усилилась роль социальных и благотворительных центров, помогающих различным слоям населения. Под эгидой армянской григорианской церкви оказывалась помощь в приобретении жилья нуждавшимся семьям. Патриархат армяно-католической церкви содержит сиротские приюты в Анджаре и Бзоммаре, где живут также дети из неблагополучных семей. Армянская евангелическая церковь курирует различные социальные службы и службы для больных и престарелых людей. Более 70 начальных и средних армянских школ функциониру-

ют сейчас в Ливане, где помимо общегосударственной образовательной программы дети изучают армянский язык, историю армянского народа, армянских церквей, а также национальную литературу, искусство, музыку.

В Ливане действуют около 200 армянских спортивных, культурных, музыкальных организаций. Как и до кризиса, продолжает выходить периодическая пресса на армянском языке, по радио и телевидению идут программы на национальном языке. В современном Ливане насчитывается более 10 армянских издательских домов[15]. То есть армянская община в Ливане, удачно интегрировавшись в ливанское общество, не ассимилировалась, продолжает поддерживать свою этническую идентичность, несмотря на тяжелые испытания в период гражданской войны и социально-экономического кризиса. С другой стороны, армянская община активно участвует в восстановлении страны. Армянские промышленники и бизнесмены продолжают играть важную роль в экономической жизни современного Ливана, развивая как внутренние сегменты рынка, традиционно закрепленные за армянами, так и активно устанавливая международные связи, в частности с Республикой Армения. Так, Католикос Арам Первый заявил, что «…община участвовала и будет активно участвовать в восстановлении Ливана. Мы верим, что Ливан занимает важное место и играет особую роль не только в арабском мире, но и в процессе взаимодействия Востока и Запада … Мы, армяне, не только говорим о Ливане, но мы действуем и работаем во имя Ливана. Ливан стал важной частью христианской и армянской жизни всей армянской диаспоры»[16].

[1] Поскольку точной статистики о численности армян нет, то по данным, полученным в различных интервью с представителями армянской общины в Ливане, в 1972 г. численность армян в Ливане составляла не более 250 тыс. человек; на 2002 г. – примерно 150–200 тыс. человек. Из них 90% – армяне-григориане; 7% – армяно-католики; 3% армяне-евангелисты.

[2] Мутасарриф должен был принадлежать к католической вере, но быть неливанского происхождения.

[3] Le point sur le Liban 1998. Population. Beyrouth, 2000, c. 59.

[4] Amine Jules Iskandar. La nouvelle Cilicie. Les armeniens du Liban. – Antelias, 1999, c. 127.

[5] Le point sur le Liban 1998. Population. Beyrouth, 2000, c. 59.

[6] Doudjikanian A.K. Industrie et mutations socio-economiques d'une communaute: l'example armenien au Liban. Industrialisation et changements sociaux dans l'Orient arab. Ed. A.Bourgey. CERMOC, P. 1982, c. 322.

[7] Doudjikanian A.K. Industrie et mutations socio-economiques d'une communaute: l'example armenien au Liban. Industrialisation et changements sociaux dans l'Orient arab. Ed. A.Bourgey. CERMOC, P. 1982, c. 322.

[8] Doudjikanian A.K. Industrie et mutations socio-economiques d'une communaute: l'example armenien au Liban. Industrialisation et changements sociaux dans l'Orient arab. Ed. A.Bourgey. CERMOC, P. 1982, с. 328.

[9] Doudjikanian A.K. Les armeniens du Moyen-Orient lieur existence actuelle a la lumiere du passe recent. Les temps modernes № 504–505–506, juillet-aout-septembre 1988. Paris, Gallimard, с. 246.

[10] Doudjikanian A.K. Les armeniens du Moyen-Orient lieur existence actuelle a la lumiere du passe recent. Les temps modernes № 504–505–506, juillet-aout-septembre 1988. Paris, Gallimard, с. 246–247.

[11] Сейчас в Ливанском парламенте из 128 мест 6 занимают армянские депутаты (5 – армяне-григориане, 1 – армяно-католик).

[12] Doudjikanian A.K. Les armeniens du Moyen-Orient lieur existence actuelle a la lumiere du passe recent. Les temps modernes № 504–505–506, juillet-aout-septembre 1988. Paris, Gallimard, с. 252.

[13] Amine Jules Iskandar. La nouvelle Cilicie. Les armeniens du Liban. – Antelias, 1999, с. 132.

[14] В 1970 г. в Бурж-Хаммуде было 50 тыс. армян, что составляло 45% от общей численности населения этого района (110 тыс. человек), поскольку здесь проживали армяне, не имеющие ливанского гражданства, курды, шииты и другие христиане. См.: Boudjikanian A.K. Les armeniens de l'agglomeration de Beyrouth: etude humaine et economique. Hask, Almanac Armenologique, Nouvelle serie (1981–1982), Fntelias, с. 401–439.

К 1991 г. общая численность населения Бурж-Хаммуда составила 280 тыс. человек (только 110 тыс. человек имеют право участвовать в выборах). См.: Welcome to Bourj-Hamoud and Anjar. Ashjian Advertisting, 1993, с. 21.

[15] Amine Jules Iskandar. La nouvelle Cilicie. Les armeniens du Liban. Antelias, 1999, с. 129; также информация получена из интервью с представителями армянской общины в Ливане.

[16] Kechichian Aram (Catolicos) in Hask, Antelias, janvier 1997, с. 58, 62–63.

В.М.Ахмедов

РОЛЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ САР

Современная модель экономического развития Сирии начала складываться в начале 70-х годов после прихода к власти в стране Хафеза Аль-Асада. С ноября 1970 г. в стране прошла серия социально-экономических преобразований. Они способствовали превращению национальной экономики из монокультурной в диверсифицированную. Реформирование обеспечивало постепенный переход общества к ускоренной индустриализации, возникновению новых отраслей производства, определенному возрастанию роли науки и техники, урбанизации и изменению структуры занятости.

Однако развитие Сирии осуществлялось вширь, происходили эволюционные, чисто количественные изменения в уровне модернизации, в целом укладывавшиеся в рамки разработанной в свое время правящей Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ) социально-экономической концепции «непролетарского социализма».

В основе экономической политики Сирии лежала идея непосредственного участия государства в экономической деятельности, которая воплощалась через госсектор. Экономический потенциал страны возрастал за счет фондов частного сектора, который использовал любые возможности для расширения и укрепления своих позиций в хозяйственной сфере. Однако эти возможности были невелики, а политика государственного покровительства частного сектора отличалась непоследовательностью.

Внешним факторам хозяйственного развития государство отводило достаточно важную роль в интересах роста материально вещественных потоков и для ускорения экономического роста. Именно внешние экономические связи обеспечивали промышленный механизм, являлись средством повышения эффективности общественного производства, каналом, через который осуществлялось снабжение и подпитка национальной экономики. Поэтому понятно стремление сирийского руководства повысить действенность внешнеэкономических связей на национальную экономику.

Механизм функционирования внешнеэкономической деятельности САР определялся законодательно и осуществлялся непосредственно Советом министров через Министерство экономики и внешней торговли (МЭВТ) Сирии в тесном взаимодействии с министер-

ством финансов, Центральным банком и Коммерческим банком. Главная роль здесь принадлежит МЭВТ, которое является головным учреждением, ответственным за ведение переговоров, подготовку торговых соглашений, реализацию экспортно-импортного обмена, контроль за всей внешней торговлей Сирии. При сирийском правительстве функционирует экспертная комиссия по экспорту, импорту и потреблению, комитет по организации экспорта и импорта.

Все операции с валютой регламентируются Центральным банком и проводятся через валютное бюро.

Министерство экономики и внешней торговли осуществляет контроль над внешнеторговой деятельностью как государственного, так и частного секторов через выдачу экспортно-импортных лицензий, установление правил ввоза и вывоза тех или иных товаров и т.д. В его функции входит также подготовка предложений по внесению дополнений и изменений в существующий порядок регулирования внешней торговли Сирии.

Министерство планирования занимается вопросами привлечения финансовых ресурсов из-за рубежа на цели развития экономики САР. В Сирии широко практикуются традиционные формы внешнеторгового регулирования, к числу которых относятся лицензирование, валютный контроль, таможенный режим, нетарифные ограничения.

Однако в условиях Сирии важно, кто именно разрабатывает, осуществляет, принимает, предлагает и докладывает высшему политическому руководству конкретные решения, программы и проекты по основным аспектам социально-экономической политики государств; т.е. кто фактически определяет экономическую политику и стратегию развития. На протяжении последних пятнадцати лет такими ключевыми фигурами являлись видные представители «экономического блока» правящей элиты Сирии: бывший вице-премьер по экономическим вопросам Салим Саид Ясин (с 1985 по 2000 гг.), который начиная с 1980 г. активно занимался вопросами экономического планирования; бывший министр экономики и внешней торговли Мухаммед Аль-Имади (1972–1979; 1985–2001 гг.), которого хорошо знали не только в Сирии, но и в других арабских странах как высококвалифицированного экономиста, ученого, технократа, далекого от политики.

Его соратники в финансовых структурах, на которых М.Имади опирался в проведении экономической политики, были директор (до 2000 г.) Центрального банка САР Мухаммед Саракби, директор департамента внешней торговли в МВЭТ Шибли Абу Фахр, ряд других.

Бывший министр нефти и минеральных ресурсов Надир Ан-Набулси (с 1992 по 1996 гг.), известный активной деятельностью по привлечению зарубежных (главным образом западных) инвестиций в нефтегазовый комплекс Сирии и принятием (совместно с М.Имади) в 1996 г. мер, направленных на смягчение условий долевого распределения продукции, вызывавших недовольство западных нефтяных

компаний. В тоже время Н.Набулси всячески противился созданию совместных проектов с Египтом, Иорданией и ПНА (не говоря уже об Израиле) до тех пор, пока не будет подписан мирный договор между Дамаском и Тель-Авивом. В противном случае, заявил Н.Набулси на конференции ОАПЕК в Каире в декабре 1994 г., подобные проекты «открывают прямой путь для установления израильского контроля над нефтяными ресурсами арабов».

Бывший министр финансов (до 2001 г.) Халед Аль-Махайни, конечно, уступал по своему влиянию Н.Набулси и М.Имади, но играл заметную роль в распределении бюджетных ассигнований для экономики. Так, в представленном Минфином в апреле 1995 г. сирийскому парламенту проекте бюджета на 1995 г. 1,78 млрд. долл. выделялось на поддержку различных инвестиционных проектов с целью создания 70,5 тыс. новых рабочих мест, в том числе 25 тыс. – в госсекторе.

Внешнеэкономическая политика сирийского государства была направлена на поддержку экспорториентированных производств, углубление степени переработки местного сырья и наращивание объемов экспорта готовой продукции и развитие отношений с широким кругом стран, прежде всего арабских и западноевропейских, а также международных экономических и финансовых организаций. В целях развития национальной промышленности и оптимизации структуры импорта сирийское руководство последовательно проводило курс на организацию в стране импортзамещающих производств. Они создавались как в форме государственных предприятий, сооружаемых за счет внешних и внутренних источников финансирования, так и по линии инвестиционной активности местного и зарубежного частного капитала в рамках принятого в 1991 г. декрета № 10 «Об инвестициях в САР». Официально либерализация экономики была санкционирована именно этим декретом о поощрении инвестиций. Согласно заложенным в нем нормам, формально изменился порядок, направленность и условия ведения всей внешнеэкономической деятельности, активизации которой в немалой степени способствовали создание соответствующей инфраструктуры, в том числе и в виде компаний, занимающихся сортировкой, упаковкой, погрузкой и транспортировкой грузов.

В результате принятия этого декрета источники капиталонакопления постепенно диверсифицировались. В сирийскую экономику стали вновь вкладываться деньги богатых арабских государств Персидского Залива – часть, как и прежде, в госсектор, в качестве определенной «платы» за участие САР в антииракской коалиции. Однако немалая доля этих инвестиций направлялась в виде частных средств и вкладывалась в частный сектор САР. Сирийские эмигранты стали осторожно изучать конъюнктуру сирийского рынка. Мелкая торговая буржуазия начала вкладывать средства в промышленное производство (например, компания «Сайф Бразерс»). Частные инвестиционные компании, близкие к власти, мобилизовали в начале 90-х годов

ранее укрываемые накопления среднего класса. Объем их был столь значителен, что государственные банки Сирии не смогли «освоить» эти средства.

Определенные успехи в этом направлении были достигнуты в отраслях легкой, пищевой, фармацевтической промышленности и сельском хозяйстве. Использование современного западного оборудования и технологий позволяет обеспечивать выпуск качественной продукции для собственных потребностей и даже экспорта.

В рамках либерализации экономической политики и создания условий интенсификации внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности сирийское правительство ввело льготы для частных лиц, вовлеченных в экспортно-импортные операции. Были предприняты и другие шаги, способствовавшие повышению эффективности сирийской внешней торговли. В частности, была создана система контроля над экспортом, что должно было повысить конкурентоспособность сирийских товаров на мировых рынках. В целях активизации экспорта были также подписаны соглашения с Программой развития ООН.

При определенной либерализации экономической жизни страны сохранялся государственный контроль над сферой внешней торговли путем использования таможенных, валютно-финансовых, лицензионных, статистических и прочих инструментов в ходе реализации экспортно-импортных операций компаниями государственного и частного сектора. Это было тем более важно, что государство пока не в состоянии извлекать достаточно средств через механизм налогообложения. Так, несмотря на то, что в начале 90-х годов в результате значительного экономического роста (8% годовых) налоговые поступления выросли, немалая их часть поступала в бюджет не от прибылей и доходов, а от таможенных пошлин, которые платили торговцы потребительскими товарами.

Экспортно-импортное регулирование в Сирии осуществлялось как тарифными, так и нетарифными методами. В целом таможенное законодательство Сирии было направлено на поощрение развития промышленности и сельского хозяйства путем установления низких таможенных ставок или освобождения от них импортеров машин и оборудования, запчастей, сырья, удобрений, сельхозтехники. Одновременно оно вводило ограничения на импорт автомобилей, видеотехники, спиртных напитков и т.д. Законодательство защищает сирийские отрасли промышленности и кустарное производство путем установления высоких пошлин на товары, которые производятся в стране из импортного сырья (обувь, одежда, телевизоры, холодильники и т.д.). Основным законодательным актом Сирии в области таможенного регулирования являлся таможенный закон 1975 г. с дополнениями, введенными декретом № 5 от 1983 г.

Нетарифное регулирование осуществлялось различными методами, основными из которых являются выдача министерством экономики и внешней торговли САР лицензий на определенные экспортно-импортные операции, проведение международных торгов на закупку товаров, запрет частному сектору на совершение ряда экспортно-импортных операций и введение других ограничений.

Тенденция к государственному регулированию внешней торговли привела к принятию ряда нормативных подзаконных актов о формах и условиях внешнеторговых договоров. Одним из основных актов является декрет президента САР от 1979 г. № 195/т с поправкой от 1990 г. об утверждении Положения о контрактах для государственных организаций и предприятий, в соответствии с которыми импорт осуществляется посредством прямых закупок, торгов (тендеров), сделок по соглашению.

В характере и порядке организации внешнеэкономической деятельности Сирии можно выделить два периода.

Первый 1970–1990 гг. знаменовался прежде всего торговлей с СССР и странами СЭВ на основе «Платежного соглашения», что способствовало развитию целого ряда производств Сирии.

Торгово-экономические отношения между Сирией и социалистическими странами начали складываться в послевоенный период, когда была образована социалистическая система, а Сирия добилась политической независимости. Товарооборот с социалистическими странами был выгоден для Сирии, т.к. темпы роста импорта в эти страны опережали стоимость экспорта. Наиболее важными партнерами Сирии из числа социалистических государств были СССР и КНР. В конце 50-х годов правительство Сирии заключило торговые и платежные соглашения с ГДР, Румынией, Венгрией, Болгарией, Чехословакией.

Главными направлениями технико-экономического сотрудничества Сирии с социалистическими странами были промышленность и энергетика. Большое значение приобретало сотрудничество в агропромышленной сфере – ирригационное строительство, освоение земель и создание на них агропромышленных комплексов. Уделялось внимание развитию транспорта и связи. В Сирии с помощью СЭВ были введены в эксплуатацию свыше 100 различных хозяйственных объектов.

Важнейшим экономическим партнером Сирии из числа социалистических государств являлся СССР.

Торгово-экономические связи с Советским Союзом имели большое значение для сирийской экономики, в том числе в таких ведущих отраслях, как энергетика, нефтяная промышленность, сельское хозяйство и др. При помощи СССР в Сирии были построены важные для ее экономки объекты, включая Евфратский гидротехнический комплекс с ГЭС мощностью 800 МВт, гидроузел «Тишрин» мощностью 400 МВт, около 1,5 тыс. км железных дорог, 2,8 тыс. км линий электропередач, ирригационные и водохозяйственные объекты, обеспечивающие орошение около 60 тыс. га земель, завод азотных удобре-

ний в Хомсе, ряд учебных центров профтехобразования, были также обустроены нефтепромыслы. Организации бывшего СССР поставляли в Сирию машины и оборудование (около 75% от общего объема импорта), сырье и материалы (около 20%) (в том числе прокат черных металлов, стальные трубы, пиломатериалы, масла, смазка, другие товары). Сирия поставляла в нашу страну нефть, хлопок, фосфаты, а также товары народного потребления (ткани, трикотаж, парфюмерию, косметические изделия, медикаменты и др.), которые составляли 90% общего импорта из САР.

Начало перестройки в СССР и последовавший вслед за ней распад Советского Союза на независимые государства привели к свертыванию торгово-экономического сотрудничества со многими традиционными партнерами СССР, в том числе и с Сирией. Россия перешла на новые коммерческие условия расчетов с зарубежными странами. Теперь российская сторона требовала оплатить стоимость поставок и услуг в свободно конвертируемой валюте в год поставки. В результате в сирийско-российских отношениях наметился определенный спад, который был также вызван несогласованностью подходов сторон к урегулированию сирийской задолженности по госкредитам бывшего СССР. Объем оказываемого Сирии технического содействия сократился с 1990 по 1994 гг. в стоимостном выражении более чем в 3,5 раза.

Сократились внешнеэкономические связи Сирии и с другими странами, бывшими членами СЭВ. Серьезным фактором, препятствовавшим становлению на новых принципах взаимовыгодного сотрудничества с большинством прежних торговых партнеров, остается, как уже отмечалось, неурегулированность проблемы задолженности САР по ранее предоставленным кредитам, а также низкая конкурентоспособность предлагаемых товаров и услуг.

Кроме того, торговля Сирии с бывшими социалистическими государствами традиционно уступала ее товарообороту с Западом. В общей стоимости внешнеторгового оборота Сирии в 80-е годы на СССР приходилось 6–8%, Румынию – 5–6%, Чехословакию – 2–4%. Причинами такого положения являлось недостаточное качество оборудования, поступавшего из социалистических стран, неоправданные задержки при поставках, слабое обеспечение проданной техники запасными частями и др. Негативное воздействие оказывала ограниченность экспортных ресурсов САР. Кроме того, социалистические страны устанавливали отношения в основном с госсектором, что ограничивало использование возможностей частного сектора и объема товарооборота в целом.

В 70-е годы в стране была провозглашена особая «доктрина экспорта», предусматривающая широкие меры по улучшению качества вывозимой продукции, снижению ее себестоимости, поиску новых рынков. В 70–80-е годы внешнеторговый оборот вырос в 20 раз. Среди факторов, обусловивших столь быстрый рост сирийской торговли,

наибольшее значение имело повышение цен на нефть. Экспортные поступления Сирии возросли за этот период с 0,8 млрд. до 15,2 млрд. сир. ф., а расходы по импорту с 1,4 млрд. до 27,9 млрд. сир. ф. Опережающие темпы роста импорта по сравнению с экспортом привели к тому, что дефицит внешней торговли стал хроническим, причем объем его заметно увеличился в 80-е годы.

В 80–90-е годы торговый баланс Сирии зависел в значительной степени от колебаний мировых цен на нефть. В связи с ростом доходов от экспорта нефти они стали составлять более 50% всех ежегодных поступлений от внешней торговли. В результате доля нефти и нефтепродуктов в структуре всего гражданского импорта САР сократилась с 35% в 1980–1985 гг. до менее чем 5% в 1989–1994 гг. В результате такого существенного роста объемов импорта нефти в 1980–1988 гг. удалось частично сократить дефицит торгового баланса в нефтяном секторе. Однако уже в 1989–1992 гг. в результате роста доходов от нефти (1,7 млрд. долл. в год) Сирия впервые за долгие годы не сумела покрыть торговый дефицит в ненефтяном секторе (609 млн. долл. в год). Продолжающийся в первой половине 90-х годов рост доходов от экспорта нефти (до 1,8 млрд. долл. в год) в сочетании с увеличением объемов ненефтяного импорта привели к возникновению огромного дефицита торгового баланса в ненефтяном секторе САР (2,5 млрд. долл. в год).

Таким образом, в 90-е годы внешнеторговый баланс Сирия сводила с явным дефицитом (около 1 млрд. долл. в год) по сравнению с положительным сальдо (1,1 млрд. долл. в год) в 1985–1992 гг. В 90-х годах ненефтяной экспорт составлял 40% всего ежегодного экспорта Сирии, 20% которого приходилось на долю продукции обрабатывающей промышленности, 25% – сельского хозяйства, 5% – на хлопок-сырец.

Увеличение объемов производства легкой нефти привело к сокращению импорта нефти на 3% от всего объема ежегодного сирийского импорта, 20% которого приходилось на станки и оборудование, 20% – продукты питания, 15% – металлоизделия и металлолом, 10% – транспортное оборудование, 8% – текстильные товары. Положение, сложившееся в соотношении «экспорт-импорт» было во многом следствием противоречивой внешнеторговой политики государства.

Центральное место в системе защиты сирийского рынка со стороны государства занимали количественные ограничения и лицензирование импорта. В Сирии выдача лицензий была обязательной для импорта всех товаров, стоимость которых превышала 2 тыс. сир. ф. Специального разрешения на импорт требовал ввоз многих видов оборудования для сельского хозяйства и промышленности. Все попытки сирийского государства регулировать развитие внешней торговли были тесно связаны с его стремлением сбалансировать экспортные возможности с импортными потребностями, избежать резких перепадов в эволюции внешнеторговых связей. Однако сделать это зачастую не удавалось.

Вместе с тем государственное регулирование сыграло положительную роль, обеспечив относительно стабильное развитие экономики, индустриализацию и дифференциацию промышленного производства, повышение уровня жизни основных групп населения. Однако уже к концу 80-х, началу 90-х годов стали очевидными и издержки такой политики. Протекционистские меры сдерживали совершенствование технологического уровня, сохраняли высокие издержки производства и низкую эффективность рабочей силы. Усиливалась бюрократизация государственного аппарата, относительно закрытая экономика тормозила модернизацию промышленности и снижала конкурентоспособность сирийских товаров. Пересмотра экономической модели требовали конъюнктурные колебания мировой экономики и региональные интеграционные процессы.

Первые признаки переориентации экономической стратегии наметились еще в начале 80-х годов: хотя расширение строительства, повышение производительности аграрного сектора и стимулирование экспорта еще вполне вписывались в существующую модель развития, ведущая роль в экономике стала постепенно переходить к частному сектору.

Именно частный сектор обеспечивал значительный рост объемов сирийского экспорта. Так, в 1990–1995 гг. частный сектор вывозил за рубеж продукции в 7 раз больше, чем в начале 80-х годов. Росла доля частного сектора и в импорте: с 30% в начале 80-х годов до 60% в середине 90-х. В это же время стоимость импорта госсектора в первой половине 90-х годов равнялась 1,2 млрд. долл. в год (на 1/3 больше, чем в начале 80-х годов). Упрочились позиции мелкой торговой буржуазии (прежде всего Халеба), которая сумела использовать возможности экономической либерализации и хорошо заработать на импортных сделках в счет оплаты внешнего долга САР (главным образом советского). К началу 90-х годов численность торговой буржуазии выросла. Ее доля в экономически активном населении Сирии увеличилась до 12% против 9% в начале 80-х годов.

Несмотря на либерализацию внешней торговли, товарная структура САР существенных изменений не претерпела. Основными экспортными статьями были и остаются продовольствие, сырье и топливо, на которые в 90-е годы приходилось в среднем свыше 75% общей стоимости экспорта. Около 20% суммарного экспорта САР приходилось на продукцию сельского хозяйства. Основными сирийскими сельскохозяйственными экспортными товарами являются хлопковолокно, овощи и фрукты, зерновые, скот. Преобладающая часть экспорта сирийского хлопка-волокна традиционно приходится на Западную Европу – Италию, Германию и другие страны. Меры, предпринимаемые сирийским правительством по стимулированию экспорта сельскохозяйственной продукции, способствовали расширению поставок на внешний рынок овощей и фруктов. Их удельный вес в суммарном экспорте возрос с 7,2% в 1995 г. до 8% в 1996 г.

Но удельный вес вывозимого продовольствия и сырья, несмотря на относительный рост его объемов, имел тенденцию к снижению, что было связано с резким ростом стоимости нефти на мировых рынках. Этому способствовало обнаружение в Сирии коммерческих запасов нефти и начало ее экспорта. На экспорт нефти и нефтепродуктов, которые являются ведущими экспортными товарами, приходилось свыше половины стоимости экспорта. В натуральном выражении экспорт сырой нефти из Сирии составлял в 1994 г. 17,5 млн. т, 1995 г. – 19 млн. т, 1996 г. – 22,2 млн. т. Основными покупателями нефти были страны Западной Европы и, в первую очередь, Италия и Франция.

Значительную часть сирийского экспорта составляет продукция обрабатывающей промышленности – 15% общего объема. Доминирующее положение в сирийском экспорте готовых изделий и полуфабрикатов занимает текстильная и швейная продукция. Главным ее рынком сбыта были Россия и Украина, поставки в которые осуществлялись исключительно за СКВ. Хлопчатобумажная пряжа в основном поставляется в страны Западной Европы. В последние годы вырос экспорт предметов одежды, которая в середине 90-х годов достигала 9% экспорта САР.

В 80–90-е годы заметно повысилась роль импорта в связи с нехваткой машин и оборудования. Ввоз сложных машин и механизмов возрос почти в 70 раз. В связи с поставками энергетического оборудования для строящихся электростанций и все растущими закупками автомобилей доля машин, оборудования и транспортных средств в импорте за 1996 г. выросла до 32% (25% – в 1995 г.).

Импорт продовольственных товаров в 70–80-е годы имел тенденцию к заметному росту в связи с нехваткой зерновых и мясомолочных продуктов. Но проведение реформ в сельскохозяйственном секторе страны способствовало активизации производства продукции сельского хозяйства. И как мы отмечали выше, зерно и скот стали продуктами экспорта САР. Поэтому в 90-е годы доля продовольственных товаров постоянно сокращалась (1995 г. – 20%, 1996 г. – 16%).

Еще одна важная импортная статья – это сырье и материалы, в том числе металлопрокат, черные и цветные металлы, лесоматериалы, бумага, синтетические волокна, ткани и резина и т.д. (1996 – 35%).

Характерной чертой развития внешней торговли середины 90-х годов было усиление позиций частного сектора в импорте САР, где его доля стала явно преобладающей – 70% против 30%, приходящихся на госсектор. Удельный же вес частного сектора в экспорте САР, наоборот, несколько снизился (1996 г. с 28% до 22%). В целом же частный сектор Сирии продолжал расширять свое участие во внешнеэкономической деятельности, пользуясь некоторым ослаблением ограничений на ее операции.

Значительную роль в экономической нестабильности Сирии играли закупки оружия. Только за 1979–1983 гг. Сирия затратила на

импорт оружия 10,5 млрд. долл. Столь значительные расходы на приобретение вооружения во многом определялись сохраняющейся конфронтацией с Израилем. Это не проходило бесследно: усиливалась долговая кабала САР.

И хотя внешняя торговля Сирии по-прежнему остается нацеленной на всемерное повышение доходов от экспорта путем увеличения его объема, изменения товарной структуры, а в импорте главными задачами являются сокращение закупок потребительских товаров и контроль над импортом машин, оборудования и сырья, но отсутствие необходимого баланса между экспортными и импортными операциями, часто неоправданные и необоснованные попытки государственного регулирования внешней торговли, непомерные военные расходы и др. привели к тому, что доходы от экспорта стали все более отставать от импортных расходов. Так, с 1994 по 1996 гг. импорт вырос с 4,6 млн. долл. до 5,5 млн. долл., а экспорт с 3,7 до 4,5 млн. долл.

Внешнеэкономические связи Сирии осуществлялись с широким кругом стран и различными международными экономическими и финансовыми организациями. Основными внешнеторговыми партнерами САР в 90-е годы являлись следующие группы стран (далее в процентах от общего товарооборота по используемой в Сирии классификации): арабские страны – 15%, государства ЕС – 43%, другие европейские государства – 1%, страны бывшего социалистического содружества – 15%, страны американского континента – 6%, азиатские страны (включая Кипр) – 11%, другие государства – 9%.

Торгово-экономическое сотрудничество с промышленно развитыми странами является основным во внешнеэкономических связях Сирии.

Прежде всего развивались торгово-экономические отношения со странами-членами ЕС, в том числе с Германией, Францией, Италией, Великобританией. На них, как правило, приходилось свыше 50% всей стоимости сирийской торговли. За 1970–1995 гг. торговый оборот с ними вырос с 1 млрд. до 50,7 млрд. сир. Ф., в том числе по экспорту – с 0,3 млрд. до 26,3 млрд. и по импорту – с 0,7 млрд. до 24,4 млрд. сир. ф.

В географическом распределении экспорта САР за 1995–1996 гг. около 70% его суммарной стоимости приходилось на страны Западной и Восточной Европы, США, Японию, в том числе на государства ЕС – 56% (Италия – 23%, Франция – 15%, Германия – 3%, Испания – 7%, Великобритания – 4%). По импорту на страны Западной и Восточной Европы, США и Японию приходилось 66%, из них на государства ЕС – 33% (Германия – 11%, Италия – 8%, Франция – 3,5%).

По решению ЕС Сирия была отнесена к числу «привилегированных партнеров» Сообщества, отношения с которой строятся на основе преференциальных соглашений, заключенных в 1976–1977 гг. По этим соглашениям Общий рынок взял на себя обязательства полностью отменить таможенные пошлины и количественные ограничения на импорт промышленных товаров. В этот период уступки, предостав-

ленные ЕС по сельскохозяйственным товарам, затрагивали почти 50% аграрного экспорта Сирии в эти страны. В 90-х годах в столице Сирии начал функционировать сирийско-европейский рабочий центр, в задачу которого входило обеспечение информацией и проведение консультаций о возможности участия европейских фирм в осуществлении сирийских экономических проектов. С открытием этого информационного центра связана реализация соглашений по техническому и финансовому содействию сотрудничеству, цель которых – поддержка промышленного сектора, а также разработка программ расширения рыночной экономики Сирии. Общая стоимость этих программ оценивалась в 9 млн. экю (11,25 млн. долл.). Кроме того, ЕС планирует оказать Сирии техническое содействие в совершенствовании банковской системы (45 млн. экю), а также помощь Центральному банку и в подготовке кадров.

Сравнительно устойчивые внешнеэкономические связи существуют у Сирии с Японией, прежде всего на рынке услуг и подрядного строительства. Удельный вес этой страны в импорте САР достиг в 90-е годы 6%. Определенные успехи Японии на сирийском рынке объясняются благоприятными условиями, которые создает японское правительство для развития торговли с арабскими странами. Это прежде всего система кредитования компаний, занимающихся экспортом, возврат пошлин экспортеру за товары, ввозимые для производства продукции на экспорт, ускоренные амортизационные отчисления фирмам-экспортерам и др.

Несмотря на сложности в сфере сирийско-американских политических взаимоотношений, фирмы США рассматривают отдельные отрасли сирийской экономики в качестве перспективного рынка и, торгово-экономическое сотрудничество между странами продолжает развиваться. Доля США в товарообороте САР оценивалась в 1996 г. в 4%. Следует заметить, что торговля США с арабскими странами и, в частности с Сирией, отличается селективным подходом. Как правило, эти отношения зависят от того, в какой мере партнер разделяет политические интересы США в арабском регионе.

Помимо внешней торговли, остающейся основной формой экономического сотрудничества Сирии и развитых капиталистических стран, важным способом привлечения западного капитала в экономику Сирии были прямые инвестиции на основе концессионных соглашений. Наибольшее развитие получила практика организации смешанных компаний, деятельность которых проходила под достаточно жестким контролем государства. Особенно широко смешанные компании были представлены в добывающей промышленности и строительстве.

К началу 90-х годов торгово-экономическое сотрудничество Сирии с капиталистическими странами несколько изменило свои формы. Это уже был не только обмен готовой промышленной продукцией Запада на сырьевые сирийские товары. Он дополнялся вывозом капи-

тала, сопровождался поставками машин, оборудования, современной техники, продажей патентов и лицензий.

После 1990 года в связи со свертыванием внешнеторговых операций с бывшим СССР и странами СЭВ, объемы сирийского импорта существенно сократились, что нанесло сильный удар по экономике Сирии в целом. В этот период отмечается намерение сирийского руководства активизировать процесс перехода страны к рыночной экономике. Связанная с этим стратегия развития предполагала подключение страны к существующей системе международных экономических и торговых отношений и к регулирующим их институтам, в частности к ВТО.

Сирия в настоящее время активно сотрудничает с рядом международных специализированных организаций ООН (Программа развития ООН, Фонд ООН по народонаселению, Программа развития сельского хозяйства.) Ряд проектов в Сирии финансирует Международный Банк (МБРР). Кроме того, Сирия принимает участие в ежегодных сессиях Международного валютного фонда (МВФ), членом которого она является с 1947 г.

Более активному развитию внешнеэкономических связей Сирии с западными странами препятствует ряд факторов политического и экономического характера. На осторожный подход западных стран к развитию торгово-экономических связей с САР серьезное влияние оказала позиция администрации США, в очередной раз включившей Дамаск в «черный список» государств, поддерживающих международный терроризм. Однако ключевую роль в сдержанном отношении Запада к сотрудничеству с САР играли, как и ранее, причины экономического порядка – половинчатость осуществляемых реформ в стране и ее недостаточная надежность в финансовом плане, вследствие которой западные агентства по кредитованию экспорта продолжали воздерживаться от операций с Сирией.

Стремясь освободиться от односторонней ориентации на рынок Запада, Сирия предпринимает шаги по развитию торговых отношений с другими странами, прежде всего с государствами Восточной Европы. Товарооборот с ними заметно вырос и составил в 90-е годы около 10–12% всего объема внешней торговли Сирии. Государства Восточной Европы выступают постоянными покупателями не только традиционных товаров сирийского экспорта, но и нефтепродуктов, товаров производственного и потребительского назначения. Сирия закупает у них машины, оборудование, лес, металл, химикаты и др.

Приоритетное значение сирийское руководство всегда придавало расширению и интенсификации экономических связей с арабскими странами, прежде всего с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Ливаном. Усилия в данном направлении предпринимались как на двусторонней, так и многосторонней основе.

На отношения Сирии с арабскими странами оказывали и продолжают оказывать влияние политические события на Ближнем Востоке.

После подписания кэмп-дэвидских соглашений между Израилем и Египтом Сирия в знак протеста разорвала дипломатические и экономические отношения с Египтом. Серьезные разногласия существовали с Ираком во время ирако-иранской войны, когда Сирия оказала поддержку Ирану. Во время гражданской войны в Ливане Сирия лишилась своего торгового партнера. Сложные отношения с Иорданией также негативно отражались на экономических связях этих двух стран. Особенно ощутимо отражается на внешнеэкономических связях Сирии продолжающийся ближневосточный конфликт и отношения с Израилем. Все это привело к тому, что постепенно удельный вес арабских государств в общей торговле Сирии постепенно снизился.

Но к началу 90-х годов положение стало меняться. В арабском регионе уже сложилась и достаточно эффективно действовала целая сеть межарабских производственных компаний, что соответствовало объективной заинтересованности большинства арабских государств в развитии взаимного экономического сотрудничества.

Главная цель сотрудничества Сирии с арабскими экономическими и финансовыми организациями – получение финансовой помощи и содействия с их стороны в решении социально-экономических проблем страны. Налаживание сотрудничества с арабским миром сопровождалось экономической либерализацией, которая помогала улучшить отношения с государствами Запада и упрочить внутреннюю поддержку среди торговых суннитских группировок.

Наиболее активно САР сотрудничает с различными межарабскими организациями, в первую очередь с фондами стран Персидского залива, зачастую определяющими возможности реализации проектов и поддержания «на плаву» госсектора Сирии. Так, в 1995 г. кувейтский фонд арабского экономического развития предоставил Сирии очередной заем в размере 21,2 млн. кув. динаров на финансирование расширения цементного завода в Хаме, 10 млн. кув. динаров на ирригационные объекты. С предоставлением этих кредитов общая сумма средств, выделенных Сирии фондом, составила 258 млн. кув. динаров. Арабский фонд экономического и социального развития выделил 100 млн. долл. на финансирование проекта создания единой энергетической системы Сирия – Иордания.

Межарабское сотрудничество, помимо связей с различными фондами, активно развивается на двусторонней основе, в первую очередь со странами Персидского залива, а также Ливаном, Иорданией, Египтом.

В 1995–1996 гг. суммарная стоимость экспорта САР на арабские и соседние страны составила 29% (Ливан – 8%, Саудовская Аравия – 5%, Иордания – 3%, Турция – 6%). Суммарная стоимость импорта на арабские и соседние страны составляла 14% (Саудовская Аравия – 1,7%, Египет – 1,5%, Иордания – 1,6%, Турция – 5%). Кризис в Персидском заливе несколько затруднил деятельность различных межарабских экономических организаций и снизил их активность. Но межарабское эконо-

мическое сотрудничество будет продолжаться, и оно будет играть если не основную, то достаточно важную роль в хозяйственном развитии региона.

Торговля Сирии с другими развивающимися государствами развита весьма слабо. На них приходится не более 4–5% стоимости ее общего товарооборота. Регулярная торговля осуществлялась в 80–90-е годы с Ираном, Турцией, Индией, Китаем, Бразилией, Аргентиной, Шри-Ланкой. Как правило, торговля Сирии с латиноамериканскими и азиатскими странами была представлена импортом из них. Сирия поставляла в страны «третьего мира» довольно ограниченный ассортимент товаров.

Как видим, внешнеэкономические связи играли и в обозримом будущем сохранят ключевую роль в развитии экономического потенциала САР и планах сирийского руководства по его модернизации. Это ясно осознал новый сирийский президент Башар Аль-Асад, который после прихода к власти в стране столкнулся с весьма непростыми экономическими проблемами.

Действительно, на рубеже столетий сирийская экономика переживала далеко не лучшее время: ВНП на душу населения составлял около 1000 долл. США; на фоне отрицательных показателей экономического роста (1,7%) в стране отмечались одни из самых высоких в регионе темпов прироста населения (2,7%), что вело к безудержному росту безработицы. Торговый баланс сводился с отрицательным сальдо. Нефтедобыча падала. Сегодня безработица в Сирии охватывает 20% экономически активного населения страны (около 4500 тыс. чел.). Около половины безработных – молодежь в возрасте от 14 до 18 лет. Высокие темпы прироста населения порождают проблему создания новых рабочих мест. Ежегодно на рынке труда появляются 200 тыс. выпускников средних и высших учебных заведений. Чтобы обеспечить создание стольких новых рабочих мест в год, необходим ежегодный 6-процентный рост сирийской экономики. Около 25% рабочей силы должен абсорбировать госсектор. Однако государственные возможности весьма скромны. Поэтому безработица, особенно молодежная, как серьезный фактор социальной нестабильности в государстве стоит в ряду первостепенных экономических проблем правительства.

Сирийская экономика по-прежнему всецело зависит от доходов от продажи нефти, особенно с учетом сокращения собственных разведанных запасов углеводородного сырья. Около 70% сирийского экспорта, а также 50% бюджетных поступлений напрямую связаны с нефтью.

В этой связи новое сирийское руководство стало уделять приоритетное внимание развитию экономического сотрудничества с Ираком и другими нефтедобывающими арабскими странами (прежде всего Ливией), отношения с которыми в силу тех или иных политических причин были фактически заморожены.

Начавшаяся еще при жизни Хафеза Аль-Асада на рубеже 1996–1997 гг. постепенная нормализация двусторонних отношений получила дальнейшее ускоренное развитие после прихода к власти в САР

Башара Аль-Асада, который, судя по всему, не отягощен грузом политических амбиций и обид прошлых лет и имеет неплохие личные контакты с молодым поколением правящей элиты Ирака. Действительно, сегодня сирийско-иракское сотрудничество переживает ускоренное развитие. В течение последних лет между двумя странами не прекращается обмен визитами на достаточно высоком уровне. Открыта сирийско-иракская граница, сняты ограничения на выдачу виз гражданам двух стран. Увеличился объем двусторонней торговли. Подписан ряд важных соглашений в области торговли, транспорта и связи. В 2000 г. Ирак открыл секцию защиты своих интересов в Дамаске. Иракские власти отдали указание всем своим партийным организациям (местным и зарубежным) поддерживать политику сирийских властей. Багдад резко ограничил активность базирующихся в Ираке противостоящих Сирии группировок. Аналогичные меры приняли и в Дамаске. 19 мая 2001 г. в Багдаде открылась секция защиты сирийских интересов в Ираке.

Многие на Ближнем Востоке полагают, что, налаживая связи с Багдадом, Б.Асад стремится продемонстрировать свое стремление «на равных» участвовать в принятии политических решений, определяющих судьбы региона. В то же время молодой сирийский лидер рассматривает Ирак наряду с Ираном в качестве «стратегической глубины» для реализации региональной политики САР и выстраивания отношений Дамаска с США и Израилем. Недаром в ряде западных и арабских СМИ появились в последнее время публикации о планах строительства «стратегической железной дороги Тегеран – Багдад – Дамаск с выходом к Средиземному морю», а прошедшие весной этого года ирако-иранские контакты по урегулированию спорных вопросов между двумя странами оказались на редкость результативными и обнадеживающими.

В условиях укрепления турецко-израильского военного альянса, на фоне отсутствия какого-либо заметного прогресса в арабо-израильском урегулировании Дамаск активизировал свои связи в военной области с Ираком. Багдад со своей стороны заинтересован в восстановлении своих вооруженных сил за счет возможных поставок из САР запчастей и военного оборудования советского производства, которыми, как известно, более чем на 80% укомплектованы сирийская и иракская армии.

По данным издающегося в Лондоне арабского еженедельника «Аль-Кудс Аль-Арабий», в конце 2000 г. командующий одной из элитных частей сирийской армии, родной брат Башара Аль-Асада Махер в течение нескольких дней находился с неофициальным визитом в Багдаде, где встречался с младшим сыном Саддама Хусейна Кусаем и обсуждал вопросы двустороннего сотрудничества в области обороны и безопасности. Вслед за этим по указанию Б.Асада была образована специальная комиссия в составе высокопоставленных военных и сотрудников спец-

служб под руководством вице-президента САР А.Х.Хаддама для осуществления контроля за развитием военных связей с Ираком. В ходе ответного визита высокопоставленного иракского представителя в Дамаск в январе 2001 г. обсуждались планы совместных сирийско-иракских оборонительных действий в случае нападения Израиля на одну из сторон.

В январе 2001 г. премьер-министр САР М.Миро и вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан подписали соглашение о таможенных тарифах, предусматривающее постепенное сокращение и снятие значительного числа ограничений на развитие торговли между двумя странами (соглашение о совместной зоне свободной торговли). Для Дамаска развитие торговых связей с Багдадом служит одним из важных элементов ускоренного развития национальной экономики. Сирия также стремится утвердиться на иракском рынке в ожидании снятия санкций СБ ООН с Ирака, для которого развитие торговли с соседней Сирией способно облегчить бремя этих ограничений. Ожидается, что объем двусторонней торговли (сирийский экспорт в Ирак осуществляется в основном по контрактам в рамках действующих программ ООН «нефть в обмен на продовольствие»), составлявший в марте 2001 г. 500 млн. долл., может удвоиться или даже утроиться к середине 2002 г.

Сирия с дальним прицелом реализует планы возобновления транспортировки иракской нефти через свою территорию. По некоторым данным, Сирия уже в ближайшее время начнет испытывать острую нехватку собственного жидкого углеводородного сырья. Между тем доходы от нефти (около 3–3,5 млрд. долл. в год, по неофициальным данным) играют ключевую роль в поддержании сирийской экономики, особенно в финансировании оборонных статей бюджета и закупок военной техники и вооружений за рубежом. Из-за падения и резких колебаний мировых цен на нефть в текущем году многие экономические и оборонные программы Дамаска оказываются под угрозой срыва. В этой ситуации Сирия активизирует экономические контакты с Ираком, в том числе и по вопросу прокачки иракской нефти, доходы от которой могут ориентировочно составить до 400 млн. долл. в год. В 1997–1998 гг. были подписаны контракты на прокладку новой нитки нефтепроводов по линии Киркук – Баниас, подключение старой, а также строительство нового нефтеперерабатывающего завода в Баниясе, что, по расчетам сирийских экономистов, должно существенно пополнить доходную часть бюджета. В ноябре 2000 г. Б.Асад принял решение возобновить прокачку нефти по действующему нефтепроводу Киркук-Баниас (800 км), через который ежедневно пропускается около 150 тыс. баррелей нефти. После завершения ремонта мощность указанного нефтепровода составит 800 тыс. баррелей в день. Для проблемной сирийской экономики это чрезвычайно важно. Сирия покупает нефть у Ирака по цене 10–15 долл. за баррель, перерабатывает ее и экспортирует продукты переработки наряду со своей нефтью по сложившимся

мировым ценам. Транспортировка значительного количества иракской нефти через территорию Сирии осуществляется в обход санкций СБ ООН. От поставок свой нефти в Сирию Багдад может получать около 2 млн. долл. в день.

Еще при Х.Асаде с начала 90-х годов сирийское руководство взяло курс на широкое развитие сотрудничества в торгово-экономической области с западными странами, в первую очередь со странами-членами ЕС. Представители ЕС рассматривают сотрудничество с Сирией как часть своей средиземноморской политики. Примечательным событием в этой области было участие Сирии в конференции в Барселоне в 1994 г. по вопросу экономического сотрудничества ЕС и стран Средиземноморья. Сегодня Дамаск ведет переговоры с ЕС о вхождении САР в зону свободной торговли и принятии в ВТО к 2010 г. Особая роль в решении поставленной задачи отводится сирийцами Франции, которая имеет давние и традиционные интересы в Сирии. Находившийся в марте 2000 г. во Франции с официальным визитом председатель Торгово-промышленных палат Сирии (ТППС) Ратеб Шаллях во главе представительной делегации деловых сирийских кругов специально подчеркнул в интервью, что в Дамаске уделяют особое внимание расширению и углублению двусторонних связей с Францией в торгово-экономических, технических и гуманитарных вопросах.

Некоторые сегменты сирийской экономики (прежде всего нефтедобыча, новые системы связи и передача информации) рассматриваются американскими бизнесменами в качестве перспективного рынка, и они стремятся активизировать свое торгово-экономическое сотрудничество с Сирией. В ноябре 1999 г. сирийское руководство впервые за последние 20 лет направило в США высокопоставленную сирийскую торговую делегацию во главе с председателем ТППС Р.Шалляхом для проведения переговоров о налаживании торгово-экономических связей и обмена опытом в области частного предпринимательства.

Понимая, что главная опасность для стабильности режима коренится в серьезных проблемах экономики, Башар Асад основательно укрепил новыми кадрами экономический блок властных структур и лично содействовал внесению важных изменений на законодательном уровне в валютно-финансовый, банковский, кредитно-инвестиционный, налоговый кодексы САР. Впервые после 1963 г. в Сирии открылись частные коммерческие банки. Принят закон о защите иностранных инвестиций. Это создает благоприятные условия внешнеэкономической деятельности для иностранных инвесторов на сирийском рынке (участие в объявляемых международных торгах, выполнение ряда тендерных обязательств, создание смешанных предприятий и т.п.), а также открывает новые области сотрудничества с Сирией в финансово-банковской, инвестиционно-кредитной сферах, туризме и других областях.

Несмотря на то, что с момента прихода к власти в САР Б.Аль-Асад дважды (в марте 2000 и декабре 2001 гг.) провел широкомасштабные

кадровые перестановки в правительстве, фактически полностью обновив его состав (за исключением ряда ключевых фигур), инициировал принятие более 100 законов в социально-экономической и финансово-банковской сферах, экономическая либерализация продвигается с большим трудом. Б.Аль-Асад продолжил начатую еще при жизни Х.Аль-Асада борьбу с коррупцией. В конце 2001 г. к длительным срокам заключения по обвинению во взяточничестве и «подрыве национальной экономики» был приговорен ряд высокопоставленных чиновников (выше упомянутый Салим Ясин, бывший министр транспорта САР Муфид Абдель Карим, бывший премьер-министр Мухаммед Аз-Зоаби застрелился в мае 2000 г., чтобы избежать ареста) и бизнесменов (Мунир Абу Каддур, например). Однако борьба с коррупцией ведется не как с социальным явлением, а только с отдельными (пусть и высокопоставленными) коррупционерами, что придает ей ограниченный характер и дает основания оппозиционным силам в САР и за ее пределами говорить о «сведении политических счетов» с неугодными режиму лицами.

Глобализация, модернизация экономики, внедрение передовой технологии требуют либерализации потоков информации и в конечном счете способствуют переходу к открытому обществу и политической демократизации.

Курс на модернизацию экономики в рамках неолиберальной модели и переход от ограниченной к представительской демократии разделяют далеко не все социальные слои и группы в САР. Некоторые из них пытаются внести коррективы в осуществляемые реформы с учетом своих интересов, другие же категорически отвергают стратегию правящих кругов, используя все возможные методы.

Однако предпринятые Б.Асадом в декабре 2001 – январе-феврале 2002 гг. меры (начало процесса реформы судебной системы, отклонение апелляции и публичное осуждение к длительным срокам тюрьмы бывших высокопоставленных госчиновников, обвиненных в коррупции, реформа правительства, некоторые знаковые перестановки в армии и спецслужбах, новые послабления в деятельности частного сирийского капитала и т.п.) свидетельствуют, что сирийский президент твердо намерен следовать курсом реформ. И в этом ему есть на кого опереться в армии и органах безопасности.

1. Ахмедов В.М. Современная Сирия. – М., 1991.

2. Сирия. Справочник. – М., 1992.

3. Ахмедов В.М. Сирия: активизация экономических связей и интересы России // Ближний Восток и современность. Вып. 10. – М., 2001.

4. ЦСБ САР. Статистические ежегодники 1980–1999 гг.; результаты выборочной переписи экономически активного населения и рабочей силы Сирии за 1979 г., Дамаск (на арабском языке).

5. Мир глазами президента Асада. – М., 2001.

6. EIU. Country Profile – Syria 1998–1999.

7. IMF. Balance of Payments. Statistics Yearbook 1991–1992.

8. Philippe Droz-Vincent. Syrie, La nouvelle generation au pouvoir: Une annee de presidence de Bachar AL Assad. Monde arab. Maghreb Machrer, № 173, juil-sept, 2001.

В.И.Гусаров

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АРАБСКОГО МИРА ТЕРАКТОВ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г. (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

11 сентября 2001 г. в США практически повторилась трагедия 60-летней давности, когда 7 декабря 1941 г. японская авиация неожиданно нанесла массированный удар по американскому флоту в гавайской гавани Перл-Харбор. Разумеется, атака на Вашингтон и Нью-Йорк несколько отличалась от нападения на американский флот. Тогда целью японской авиации стали военные корабли, а 11 сентября 2001 г. ударам смертников – арабских камикадзе подверглись мирные здания торгового центра в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне. По количеству внезапно загубленных человеческих жизней теракты 11 сентября значительно превзошли нападение японцев. Если в Перл-Харборе в считанные часы погибло около двух с половиной тысяч американцев и около тысячи было ранено, то в Нью-Йорке и Вашингтоне за несколько минут погибло более трех с половиной тысяч человек, в числе которых были не только американцы, но и граждане десятков других стран, находившиеся в эти минуты в атакованных зданиях.

Сопоставим и материальный ущерб обоих нападений. Своим ударом японцы вывели из строя 10 американских линкоров и уничтожили более 250 самолетов[1]. Ущерб от терактов 11 сентября еще точно не подсчитан, но он уже оценивается во многие миллиарды долларов.

За истекшие 60 лет о нападении на Перл-Харбор, которое в США назвали «Днем позора», написано более 100 книг[2]. Об 11 сентября 2001 г. книги только пишутся. Зато уже в газетах и журналах десятков стран опубликованы тысячи статей. Прошло уже более полугода после этой трагедии, а темы терроризма как глобальной угрозы и борьбы с ним не сходят со страниц прессы и с экранов электронных СМИ.

На следующий день после нападения на Перл-Харбор («Жемчужную гавань» – англ.), т.е. 8 декабря 1941 г. тогдашний президент США Франклин Д.Рузвельт заявил в своем обращении к нации: «Сколько бы нам ни потребовалось времени, чтобы отразить это тщательно подготовленное нападение, американский народ в своем справедливом гневе пройдет путь до конца – до полной победы. Я полагаю, что выражу волю конгресса и народа, когда скажу: мы не только не пощадим усилий, защищая себя, но сделаем все, чтобы подобное предательское нападение никогда больше не угрожало нам»[3].

Ф.Д.Рузвельта уже нет в живых более полувека лет, и процитированные выше его слова были, по всей вероятности, забыты американцами. Да и реально ли ждать предательского нападения на США от дружественной теперь Японии? Хотя, правда, фильмы о Перл-Харборе в канун 7 декабря «крутят» по многим американским телеканалам ежегодно.

Но 11 сентября 2001 г. предательское нападение пришло совсем с другой стороны, с арабской, а более точно – с саудовской. Из 19 арабских террористов-камикадзе, таранивших здания в Нью-Йорке и Вашингтоне, 15 были саудовцами. На таран их послала арабская террористическая организация «Аль-Каида» («Руководящая»), во главе которой стоит саудовец Усама бен Ладен.

А ведь США и Саудовская Аравия на протяжении многих десятилетий были друзьями и союзниками. Особые отношения между ними начались с проникновения в Саудовскую Аравию американских нефтяных компаний еще в 30-е годы истекшего века. 14 февраля 1945 г. состоялась встреча короля Ибн Сауда с президентом Ф.Д.Рузвельтом, в ходе которой были достигнуты соглашения об использовании саудовских портов в Персидском заливе военно-морскими флотами США и Англии и военно-воздушной базы в Дахране – американской авиацией. С тех пор присутствие вооруженных сил США на территории королевства воспринимается как одна из гарантий его независимости. Иракская агрессия против Кувейта и последовавшая за ней операция «Буря в пустыне», осуществленная силами США, Саудовской Аравии и других стран антииракской коалиции, лишь подтвердили необходимость сохранения дружественных и союзнических американо-саудовских отношений. Это понятно и очевидно для политических и государственных деятелей Саудовской Аравии.

Но, как показали события 11 сентября 2001 г., такие взгляды и оценки не разделяются многими другими гражданами королевства, в частности религиозными мусульманскими кругами и, в особенности, радикальными воинствующими исламистами, к которым относится «Аль-Каида». Но одно дело – не разделять взгляды и оценки, и совсем другое – совершать массовое убийство ни в чем не повинных мирных людей путем использования фанатиков-камикадзе. Почему такое стало возможным? Почему повторилась трагедия, подобная Перл-Харбору? Исследователи самых разных направлений и специальностей пытаются сегодня дать ответы на эти вопросы в своих публикациях. Нам представляется, что в наиболее сконцентрированном и сжатом виде ответ сформулирован в британском журнале «Экономист» в номере за 23–29 марта 2002 г., где на стр. 11 говорится: «Террористический акт 11 сентября показал со всей очевидностью глубокие разногласия во взглядах на религию и культуру между арабами и Западом. Может быть однажды демократия станет для них тем объединительным идеалом, который будут разделять обе стороны?»

Действительно, глобальное технологическое развитие большинства отраслей экономики и социальной сферы все более ускоренными темпами подрывает и разрушает основы мусульманского мировоззрения и мировосприятия, сформировавшихся в средние века, а тем самым и предпосылки материального благосостояния мусульманского духовенства. Осознавая это и осмыслив свое полное бессилие противостоять как-либо серьезным образом указанным тенденциям, радикальные воинствующие исламисты попытались 11 сентября 2001 г. методом безумного террора нанести удар по символу враждебного им технического прогресса, ведущего к необратимым изменениям не только в том образе жизни, который они считают единственно верным, но и в образе мышления, меняющегося в неблагоприятном для них направлении.

Этот фаталистический иррациональный образ мышления, в котором любое мало-мальски значимое событие, действие или явление объясняется волей Аллаха, явно сдает свои позиции прагматическому евро-американскому мышлению и его носителям-европейцам и американцам, руководствующимся совсем другими мотивами в своем мышлении и поступках. Этих доводов много, в каждом конкретном случае они свои и разные, но среди них нет ни одного такого, как «воля Аллаха».

Что же получилось в итоге сентябрьских терактов? Каковы те последствия этого теракта для арабского мира, которые уже сегодня можно как-то оценить? Причем под арабским миром в данном случае понимается не только географический арабский регион с входящими в него государствами или Арабский Восток, но и арабская диаспора во всех странах мира и прежде всего в США. Отметим сразу, что после атаки террористов положение этой диаспоры заметно ухудшилось в результате быстрого формирования арабофобии.

В первую очередь арабофобия распространилась на арабскую диаспору в США, поскольку именно против этой страны были направлены удары террористов. Государственные органы, частные и общественные научные заведения, газеты и журналы США стали прежде всего оценивать численность арабской диаспоры и вспоминать, каким образом вообще арабы оказались в Америке. Выяснилось, что в 90-е годы истекшего века арабы в США насчитывали около 3 млн. человек. А внутри США наиболее крупной была арабская община в г.Детройте, составлявшая более 250 тыс. человек[4]. Она пополняется вновь прибывающими сюда арабами от 3 до 10 тыс. человек в год.

Многие члены арабской диаспоры являются потомками тех арабов, которые эмигрировали из Ливана, Сирии, Палестины, Иордании и других стран более столетия тому назад. Другие прибыли в США в последние годы или прибывают туда и в настоящее время. Из стран Арабского Востока арабов выталкивали и выталкивают сегодня социально-экономические, военно-политические причины и комбинации разных причин и обстоятельств. Так, на рубеже XIX и XX веков, особенно

после 1900 г., многие арабы эмигрировали, в частности из стран Восточного Средиземноморья, спасаясь от политических репрессий и экономического ограбления властями Османской империи.

В США их группировала прежде всего быстро развивавшаяся автомобильная промышленность с центром в Детройте. Поэтому именно здесь уже в 1919 г. была построена первая исламская мечеть. Сначала арабы приезжали сюда, не обладая квалификацией, и без семей. Но по мере того, как они овладевали специальностями, заработки их начинали расти, и они перевозили в США свои семьи. Трудовая арабская эмиграция все больше трансформировалась в поселенческую на постоянной основе.

Арабская диаспора в США постоянно увеличивалась как за счет собственного роста, так и за счет притока все новых иммигрантов из стран Арабского Востока. Она расселялась в разных штатах и городах, осваивала специальности в других отраслях экономики и социальной инфраструктуры и постепенно втягивалась в политическую жизнь США. Самым заметным фактом участия арабской диаспоры в американской политической жизни стало убийство в 1968 г. иорданским арабом С.Сирханом кандидата на пост президента Роберта Фрэнсиса Кеннеди в знак протеста против произраильской, по мнению убийцы, политики США. О Сирхане, который и по сей день отбывает пожизненное заключение, американская пресса вспоминает время от времени по различным поводам. В любом случае преступление Сирхана явилось предвестником второго Перл-Харбора, случившегося через 33 года после убийства Р.Кеннеди.

Уже тогда в американском общественном сознании появились первые признаки арабофобии, которые усилились после первой попытки взрыва Всемирного торгового центра арабскими террористами в 1993 г. После сентября 2001 г. участились случаи нападения на арабов и других лиц «ближневосточной национальности» на улицах и в общественных местах, их избиения. Далеко не все эти случаи освещаются в газетах и электронных СМИ, но и те из них, которые все-таки становятся достоянием гласности, подтверждают наличие такой общественной тенденции.

Постепенно антиарабские и вообще антимусульманские настроения распространились и на Лигу арабских государств (ЛАГ). Например, как стало известно, 25 декабря 2001 г. представительство ЛАГ в Нью-Йорке возбудило иск против одного из местных агентств по недвижимости. Риэлторы потребовали, чтобы дипломатическая миссия крупнейшей межарабской организации покинула здание на Манхэттене, в котором она размещалась последние 30 лет.

Это агентство буквально через неделю после терактов 11 сентября обратилось к представительству ЛАГ с уведомлением о необходимости «немедленно покинуть» занимаемые им помещения. Подобное решение мотивировалось тем, что дальнейшее пребывание миссии в этом

здании «создает проблемы в сфере безопасности для других арендаторов служебных и жилых помещений». Представитель ЛАГ в Нью-Йорке Хуссейн Хасуна расценил этот демарш как недружественный.

В ноябре 2001 г. в Каире состоялась конференция «Диалог между цивилизациями: сближение, а не борьба». В ней приняли участие более 100 представителей правительств, идеологических, религиозных и культурных организаций арабских стран. ЛАГ впервые в своей истории организовала конференцию, задача которой состоит в том, чтобы выработать меры по противостоянию тенденции к дискредитации ислама и арабов.

Выступая на открытии конференции, генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса предостерег страны Запада от «поиска новых врагов в лице арабов и мусульман после краха коммунизма». Он указал на неприемлемость самой постановки вопроса о превосходстве западной цивилизации над другими мировыми системами культуры и традиций. Амр Муса объявил о создании Фонда, из которого будут финансироваться программы, призванные противостоять антиарабской и антиисламской кампании на информационном и идеологическом уровнях. Первый вклад в размере 1 млн. долларов в этот фонд сделал президент ОАЭ шейх Заид бен Султан Аль-Нахайян.

Арабофобию в США в настоящее время многие обозреватели, историки, специалисты по международным отношениям сравнивают с антияпонской кампанией, развернувшейся в стране после Перл-Харбора, когда японцам и американцам японского происхождения предстояло оплатить за него счет. Приведем лишь некоторые выдержки из СМИ того времени. Тогдашний популярнейший публицист У.Липпман констатировал: «Проблема «пятой колонны» очень серьезна... ...Над западным побережьем США нависла непосредственная угроза комбинированного нападения извне и изнутри».

Другой известный журналист, Г.Маклемор прямо требовал: «Я за немедленную высылку всех японцев с западного побережья в глубь страны. Причем отнюдь не в привлекательную местность. Давайте погоним их туда и скучим на самых скверных землях. Зажмем их в тисках нужды, пусть им будет плохо, пусть они голодают и подыхают там... Я лично ненавижу япошек. Всех до единого».

Аналогично высказывались и многие американские политические, государственные и военные деятели в служебных документах. Так, генерал-лейтенант Дж.Левит, назначенный командующим западным оборонительным округом, писал уже в явно расистском духе: «Японская раса – враждебная раса. Хотя немало японцев во втором и третьем поколении, родившихся в США, являются американскими гражданами и американизированы, их расовая природа не изменилась»[5].

Под давлением фактов и нараставшей волны антияпонских настроений президент Рузвельт поручил военному министерству собрать все 112 тысяч японцев, как граждан, так и неграждан США, и

поместить их в концентрационные лагеря. Повсюду в населенных пунктах западного побережья были развешаны одинаковые оповещения следующего содержания: «Приказ всем лицам японского происхождения... Граждане США или нет подлежат депортации из (данного) района к 12.00 (такого-то) числа. Размеры и вес багажа ограничиваются тем, что может унести в руках отдельный человек или семья»[6]. Распродав за бесценок или бросив свое имущество, эти люди под конвоем были депортированы в 13 концлагерей в отдаленных местностях, где они и содержались всю войну.

Сегодня в США дело до концлагерей, разумеется, не дошло, поскольку теракты были спланированы не каким-либо арабским государством, а «общественной организацией» «Аль-Каида». Тем не менее на учет берутся все выходцы из арабских стран. Особенно тщательно проверяются те лица, которые въехали в США по студенческим визам, поскольку некоторые из саудовских пилотов-камикадзе имели именно студенческие визы. А концлагерь все-таки организован. Он разместился на американской военной базе Гуантанамо на Кубе и предназначен для пленных афганских талибов. Сколько среди них арабов – «арабских афганцев» – пока неизвестно, но что они там есть, сомнения не вызывает и подтверждается данными разных арабских стран, разыскивающих среди пленных своих граждан.

Другим регионом, в котором положение арабской диаспоры после сентября минувшего года весьма осложнилось, стала Западная Европа, где в середине 90-х годов насчитывалось до 3 млн. арабов-иммигрантов, не считая миллионов выходцев из других мусульманских стран[7]. До сентябрьских событий в большинстве западноевропейских стран рост недовольства широких масс местного населения все возрастающими волнами иммиграции нарастал в целом медленно, но неуклонно, при отдельных вспышках этого недовольства, проявлявшихся во время очередных парламентских или президентских выборов. Европейцам памятны, например, успех праворадикальной националистической Австрийской партии свободы (АПС), набравшей в 1999 г. 27% голосов по сравнению с 7% в 1986 г., и заявления ее лидера Йорга Хайдера об отношении к иммигрантам. Однако после сентябрьского налета недовольство притоком иностранцев, в особенности из Азии и Африки, поднялось на новый, явно взрывной уровень и нашло свое конкретное материальное выражение в результатах последних выборов во Франции и Голландии.

Так, во Франции в первом туре президентских выборов, состоявшемся в апреле 2002 г., ультранационалист Жан-Мари Ле Пен, выступающий под лозунгом «Франция для французов», набрал 17,3% голосов и обошел социалиста Лионеля Жоспена, за которого отдали голоса лишь 15,9%. Ле Пен открыто и яростно выступает против все нарастающего притока иммигрантов, которые в начале XXI века составили уже 10% численности населения Франции или 6 млн. человек.

Иммигранты, по его словам, «ослабляют нацию» и «отъедают значительную часть социальных расходов»[8].

К этому результату на президентских выборах 2002 г. Ле Пен шел исподволь на протяжении более четверти века. В 1974 г. он набрал всего 0,7% голосов, в 1988 г. – 14,4%, в 1995 г. – 15,1%[9]. При этом результаты первого тура выборов 2002 г. весьма разнятся по регионам страны. В южной Франции, в частности в Ницце, за него отдали голоса 30% принявших участие в выборах. Это весьма характерно, поскольку именно юг Франции принимает на себя основные волны иммигрантов – арабов и других выходцев из Северной Африки и больше других районов ощущает воздействие как социальных, так и криминальных факторов, связанных с этими волнами.

В мае 2002 г. аналогичная история повторилась в Нидерландах, где на выборах в парламент ультраправый «Список Пима Фортейна», также выступающий за резкое ограничение иммиграции, вышел на второе место после партии «Христианско-демократический призыв» и в итоге получил 26 мест из 150 в голландском парламенте. Это дает возможность членам «Списка» претендовать на портфель в правительстве страны.

В целом следует отметить, что проблемы иммиграции создают дилемму для многих западноевропейских государств. Им необходим стабильный приток иностранных рабочих, чтобы поддерживать экономический рост, компенсировать низкий уровень рождаемости в Европе и заполнять «грязные» или опасные рабочие места, которые не желают занимать многие европейцы. В то же время правительства не хотят нестабильного социального климата, который часто устанавливается, когда иностранные общины становятся достаточно многочисленными, чтобы бросить вызов местному населению[10]. Эта дилемма не поддается решению сегодня, а в будущем она станет еще более острой и в социально-экономическом и в культурно-правовом планах. Но после сентября 2001 г. к ней добавился новый аспект, антитеррористический. Поскольку все пилоты-камикадзе были арабами, и большинство из них прибыло в США из стран Западной Европы, именно арабские иммигранты стали рассматриваться как потенциальные террористы или как их пособники, либо просто как сочувствующие им.

Издающийся в Бонне журнал «Международная политика и общество» в своем первом номере за 2002 г. писал: «Увеличивается число продиктованных ненавистью нападений на людей ближневосточного происхождения, на мечети и другие сооружения…

…В Германии культура доносов оказывается востребованной в любое время. Работавшая в приюте зазывалой женщина арабского происхождения была уволена за то, что она высказала «радость» после терактов (11 сентября 2001 г. – В.Г.), две учительницы из Саксонии были отстранены от работы по той же причине» (на стр. 21).

Во всех странах Европы началось интенсивное выявление возможных очагов терроризма и связей их между собой. Некоторые отголоски

этой деятельности европейских правоохранительных органов, осуществляемой, как правило, в закрытом режиме, просочились в печать, и 23 декабря 2001 г. газета «Лос-Анджелес Таймс» опубликовала статью своих корреспондентов из Франции под заголовком «Идет охота на руководителей среднего звена терроризма». Приведем лишь несколько выдержек из нее.

Авторы, в частности, подчеркивают, что, действуя подобно мафиозным боссам, экстремисты в то же время пользуются правовыми гарантиями, существующими в западных демократиях. Статья иллюстрирует это на примере двух видных фигур в международной террористической сети, арестованных недавно в Бельгии и Великобритании. Это Тарик Маруфи, свободно чувствовавший себя в Брюсселе, и другой подозреваемый, лидер организации «Аль-Каида» по кличке Абу Катада, «годами проживавший в Лондоне в субсидируемой правительством квартире, сплачивая мусульман на священную войну-джихад против Америки и воспитывая завербованных сторонников в духе терроризма». Представители правоохранительных органов считают Абу Катаду главным идеологом организации «Аль-Каида» на Западе.

В статье говорится, что таких людей считают руководителями среднего звена международной сети, присоединение к которой свободно и состав которой постоянно меняется. Руководителей и боевиков организации «Аль-Каида», базирующихся в Европе и подозреваемых в терроризме, нельзя уничтожить ударами с воздуха или штурмом спецназа. Они действуют больше как наркодельцы или мафиозные боссы, тщательно дистанцируясь от совершаемого насилия.

Маруфи и Абу Катада наряду с появляющимися в Европе кадрами подпольных лидеров умело использовали географические границы и ограничения в сфере юрисдикции, чтобы поддерживать эту деятельность на должном уровне. Их умение, замечают авторы, сделало из Европы подмостки для нанесения ударов в других местах, как это было с угонами самолетов 11 сентября или убийством за несколько дней до этого лидера афганской оппозиции Ахмада Шаха Масуда. Европейский континент продолжает быть источником угрозы, несмотря на разгром командного центра бен Ладена в Афганистане.

В статье указывается, что установленное наблюдение за такими подозреваемыми, как Маруфи и Абу Катада наряду с арестом в последние месяцы трех десятков других подозреваемых в терроризме помогли полиции создать представление о деятельности сети. Обнаружена форменная паутина связей, которая зиждется на этнической солидарности и закодированных формах информации по меньшей мере с десятком стран. Но даже самые бывалые следователи ломают головы над тем, как функционируют автономные и зачастую самофинансирующиеся подразделения этой сети.

Обобщения – задача трудная, признают авторы, но Лондон явно представляет опорный пункт этой сети, охватывающей Европу, центр

идеологии, операций и финансирования и до недавнего времени – ворота, ведущие в тренировочные лагеря бен Ладена в Афганистане. Германия и Бельгия были базами подготовки групп террористов, включая подозреваемых в участии в терактах 11 сентября террористов из Гамбурга. Италия и Франция являлись центрами по изготовлению фальшивых документов и вербовки сторонников наряду с Испанией, а также источниками финансирования и оживленными транзитными пунктами.

В статье далее говорится, что идеологи и лидеры террористов – это обычно выходцы с Ближнего Востока, а специалистами по операциям и исполнителями выступают североафриканцы, особенно алжирцы и тунисцы, имеющие боевой опыт, приобретенный в террористических кампаниях в собственных странах. Недавно значимость тунисцев возросла: подозревают, что базирующаяся в Брюсселе тунисская сеть организовала 9 сентября 2001 г. убийство Масуда. Это дело, как заявляют следователи, могло бы пролить свет на подготовку атак 11 сентября в Соединенных Штатах. «Тунисцы, кажется, превзошли алжирцев и приблизились к уровню саудовцев, образующих первый круг приближенных бен Ладена».

Показателем наличия своего рода ближневосточной элиты в организации «Аль-Каида» с привилегированными связями с бен Ладеном стала ее гамбургская ячейка, состоящая прежде всего из саудовцев и возглавляемая египтянином по имени Мохаммед Атта.

Хотя эти ячейки в Европе кажутся изолированными друг от друга, отмечают авторы, руководители среднего звена постоянно общаются между собой путем личных встреч или по телефону, организуют снабжение поддельными документами и оружием. Подозреваемые в террористических актах 11 сентября, по данным полиции, как раз поддерживали контакт с ячейками в Испании и Лондоне.

Годами европейские власти следили за исламскими группировками и проводили там «чистки», а после сентябрьских событий стали уделять этому особое внимание. Они установили, что вместо арестованных экстремистов обычно появляются новые кадры. По заявлению представителей правоохранительных органов, несколько тысяч мусульман-экстремистов, прошедших подготовку в афганских лагерях «Аль-Каиды», сейчас осели в «законсервированных» ячейках в Европе до наступления благоприятных возможностей для нанесения удара.

В Европе значение Абу Катады в «подстрекательстве и теоретизировании джихада» сравнимо с положением самого бен Ладена. Репутация Абу Катады как блестящего теолога делает его кумиром террористов, слушающих его по сети Интернет и приезжающих за сотни миль, чтобы присутствовать на его проповеди. Полиция часто во время рейдов по убежищам сторонников «Аль-Каиды» находит кассеты с записями его наставлений.

В начале мая 2002 г. британский эксперт в области исламского терроризма Рохан Гунаратна из шотландского университета Святого

Андрея заявил, что глава террористической сети «Аль-Каида» Усама бен Ладен жив и набирает в свой стан новых сторонников в странах Европы, в том числе и в Великобритании.

В качестве подтверждения он привел заявление, появившееся 26 апреля 2002 г. на электронном сайте «Аль-Каиды», следующего содержания: «Нас не волнует общественное мнение Запада, потому что оно в любом случае поддерживает курс западных правительств. В силу этого нас не должно беспокоить то, против или в нашу пользу настроено общественное мнение Запада. Мы провели эту операцию не во имя человеческого рода, а во имя Аллаха».

Сам стиль послания и то, как оно было составлено, ясно говорят, что его автором является лично бен Ладен, уверен Гунаратна. По его мнению, заявление является признанием причастности «Аль-Каиды» к терактам в США. Санкцию на публикацию такого признания могла дать только «верхушка» террористической организации, т.е. сам «враг США номер один», считает профессор. В то же время отсутствие подписи бен Ладена отражает стремление «Аль-Каиды» держать Запад в неизвестности относительно того, жив сам вожак террористов или нет. Признание того, что он уцелел, однозначно спровоцирует интенсификацию поисков бен Ладена и увеличит угрозу командной структуре сети, сказал эксперт.

На сайте фактически развернута пропагандистская кампания, ориентированная на увеличение поступлений средств на нужды «Аль-Каиды» от сочувствующих в Европе, считает британский профессор. Он указывает, что в Англии наиболее податливыми к такого сорта пропаганде являются мусульманские диаспоры Лондона, Шеффилда, Лестера и Бирмингема.

Парижский еженедельник «Журналь дю диманш» со ссылкой на собственные источники во французских спецслужбах сообщил 5 мая 2002 г., что «Аль-Каида» готовится в ближайшие дни захватить заложников в Европе. Такая акция замышляется ее организаторами для оказания давления на руководство некоторых стран Европейского союза с целью освобождения из заключения находящихся там сторонников бен Ладена.

Примерно тридцати террористам, прибывшим в Европу из Ирака, Йемена, Судана и Ирана, поручено совершить громкую акцию, захватив, по возможности, от 300 до 400 заложников в каждой из выбранных для устрашающего удара европейских стран. Речь идет о Франции, Великобритании и Германии. Преступники планируют взять под свой контроль массы людей в кинотеатрах, церквях, других людных местах и, если удастся, осуществить высадку на борт теплоходов, курсирующих в Средиземном море.

В создавшихся условиях большие надежды возлагаются на Интерпол. Эта организация, созданная в 1923 г. для содействия сотрудничеству разделенных государственными границами полицейских

органов, казалось бы, должна быть естественным командным центром антитеррористических действий полиции. Но, как считают некоторые криминалисты, из-за того, что Интерпол не занимается политически мотивированными преступлениями, а национальные полицейские службы придерживают нужную информацию, Интерпол оказался в стороне от борьбы с терроризмом.

Новое руководство организации, в которую сегодня входят 179 стран, в новых условиях вынуждено менять методы и формы деятельности. Теперь Интерпол работает круглосуточно без выходных, в то время как раньше он работал лишь пять дней в неделю по восемь часов. К трем прежним официальным рабочим языкам (английскому, французскому и испанскому) добавлен арабский, чтобы расширить деятельность Интерпола по арабским странам. В рамках организации создана оперативная группа, которая направляет в США информацию, связанную с терактами 11 сентября. Профессор криминологии в Кардиффском университете (Уэльс) Майкл Леви считает, что Интерпол может содействовать антитеррористической кампании своими банками данных и сетью связи. «До 11 сентября я не думал, что Интерпол может сыграть большую роль в борьбе с терроризмом, – сказал Леви. – Но он может подключиться, поскольку (террористические) группировки вовлечены в торговлю наркотиками и оружием, мошенничество и преступные действия. Так что банк данных Интерпола может иметь весьма важное значение»[11].

Вместе с тем ситуация складывается таким образом, что некоторые страны-члены организации (такие, как Ливия, Иран, Ирак и Сирия) не желают делиться оперативной информацией. Интерпол заявляет, что сами страны могут определять, какие государства должны иметь доступ к их информации. По данным Интерпола, террористы, участвовавшие в атаках 11 сентября, не значились в его списках как разыскиваемые преступники. Но если бы даже они числились там, то иммиграционные власти США вряд ли обратили внимание на их имена, поскольку они обычно не сверяются со списками Интерпола.

Поскольку террористы полагаются на украденные или поддельные паспорта для поездок и меняют сведения о себе, весьма важен глобальный банк данных, касающихся проездных документов. Компании, использующие кредитные карточки, могут тут же проверить, действительна ли какая-то карточка или, по поступившим сообщениям, она была украдена. Иммиграционные власти обычно могут определить только действительность паспортов, выданных в своей стране.

Интерпол сейчас сосредоточивает внимание на террористических ячейках организации «Аль-Каида» в Европе. Часть из них уже была раскрыта полицией в результате сотрудничества европейских стран. Однако остатки «Аль-Каиды» могут просто изменить названия и попытаются направлять и расширять деятельность «замороженных» ячеек террористов, прошедших подготовку в афганских лагерях

и ныне проживающих в Европе и в других местах, замышляя нападения на западные объекты.

В целом можно считать, что на протяжении нескольких месяцев после сентябрьских терактов США и страны Западной Европы смогли мобилизовать усилия своих правоохранительных органов на борьбу с новой посткоммунистической угрозой в обличье мусульманского экстремизма и терроризма, опираясь на моральную поддержку значительной части общественного мнения своих стран. Вместе с тем в этом в целом справедливом и гневном отпоре таятся свои многообразные опасности, угрожающие будущему социально-политического развитию наиболее развитых стран мира.

Эти опасности не остались незамеченными наблюдателями и соответствующими специалистами. Так, германский политолог из Фонда Фридриха Эберта М.Эрке отмечал: «Самая большая опасность в современной ситуации заключается в том, что «Запад» на нападение из лагеря исламского фундаментализма реагирует тем, что он сам, сознательно или нет, мобилизует свою собственную фундаменталистскую изнанку»[12].

Определенным негативным образом в социально-политическом отношении сентябрьские теракты отразились и на государствах собственно арабского региона. После 11 сентября 2001 г. электронные и другие СМИ многих стран мира многократно показывали ликующих и улюлюкающих палестинцев, публичное сжигание флагов США и чучел американского президента. В некоторых арабских странах знакомые при встречах стали одобрительно приветствовать друг друга не двумя раздвинутыми пальцами правой руки в виде латинской буквы «V», означающей победу, а двумя согнутыми пальцами, что символизировало два подорванных здания ВТЦ.

Это не могло не означать, в любом случае, что вполне определенная часть общественного мнения арабских стран приветствовала совершенные теракты. Понимая это, и стремясь увеличить свою опору в арабском мире, Усама бен Ладен в начале ноября 2001 г. адресовал арабам и мусульманам всего мира призыв «присоединиться к священной войне против Запада». В видеообращении, показанном по катарскому телеканалу «Аль-Джазира», он призвал мусульман мира «принять вместе с ним участие в джихаде против неверных христиан и евреев». Он также назвал «предателями» арабских лидеров, поддерживавших операцию возмездия США в Афганистане.

Давая отповедь бен Ладену, генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса отверг его призыв и заявил, что тот не может говорить ни от имени последователей ислама, ни от имени арабов. А министр иностранных дел Египта Ахмад Махер подчеркнул, что в действительности речь идет о войне между бен Ладеном и всем остальным миром.

Из отдельных арабских стран особенно отрицательно события 11 сентября отразились на Саудовской Аравии. Ее правители убеждены,

что главная цель бен Ладена состоит в том, чтобы добиться вывода американских войск из королевства и препятствовать подрыву основ правления королевской семьи Саудов. Но эта арабская страна должна считаться с озабоченностью Вашингтона, который ожидает, что Эр-Рияд будет тесно сотрудничать в борьбе против терроризма, в том числе перекроет финансирование бен Ладена через мусульманские благотворительные организации и индивидуальные пожертвования. Однако саудовские официальные лица не проявляют желания пресечь чью-либо деятельность без достаточных доказательств.

Внутриполитические факторы усугубляют отношения Саудовской Аравии с США. Население страны болезненно относится к военным акциям США в мусульманском Афганистане. Эта враждебность усугубляется еще и тем, что большинство саудовцев возлагает на США вину за военные акции Израиля против палестинцев. В специальном приложении, посвященном Саудовской Аравии, газета «Файнэншл таймс» в декабре 2001 г. привела следующие слова видного саудовского дипломата: «Глубокое недовольство вызывает даже среди правящей королевской семьи нынешняя тенденция внешней политики США на Среднем Востоке. Это порождает настроения, при которых нынешние цели США не получают в обществе безоговорочного одобрения. Правительство должно быть готовым к тому, что некоторые люди могут открыто выразить свой гнев».

При этом подобные антиамериканские настроения порождают сочувствие к бен Ладену, который использует палестинскую проблему, чтобы оправдать свой террор. Примечательно также, что террористические акции 11 сентября породили в Саудовской Аравии волну критики господствующей в стране системы образования. Критики указывают, что общеобразовательная и университетская программы делают слишком большой упор на преподавание религии и не воспитывают в людях терпимость.

Отдавая в своей реакции дань антиамериканским настроениям внутри страны, правительство Саудовской Аравии все же позволило Вашингтону пользоваться своей военно-воздушной базой для поддержки военных операций Пентагона. Саудовская Аравия нуждается как в американской военной помощи, так и в иностранных капиталовложениях. Как самый крупный в мире экспортер нефти, королевство должно поддерживать стабильность рынка нефти; его политический вес в арабском и мусульманском мире имеет большую ценность для дипломатии США.

Однако в этих отношениях не удалось избежать напряженности, когда Вашингтон потребовал заморозить банковские счета отдельных саудовцев, которых подозревают в финансировании бен Ладена.

В более широком плане Саудовская Аравия не скрывает своей озабоченности по поводу роста масштабов войны с терроризмом. Министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал предостерег мировое

сообщество против нанесения авиационных ударов под предлогом борьбы с терроризмом по другим арабским странам, в том числе по Ираку. Он заявил, что «открытие других фронтов может только отвлечь внимание». Официальные лица также испытывают тревогу по поводу попыток США наклеивать ярлыки террористических организаций на группы, которые борются против израильской оккупации арабских земель и пытаются вместе с другими мусульманскими и арабскими странами предвосхитить действия США, основанные на их определении терроризма, которое исключает правомерность движений, оказывающих сопротивление оккупации.

Но все-таки основным звеном «оси зла» не только на Арабском Востоке, но вообще в мире является, по мнению многих западных военно-политических стратегов не Саудовская Аравия, а Ирак, и более точно – преступный режим Саддама Хусейна. Атаки террористов на США заставили Запад активизировать свои усилия по ликвидации этого режима и формированию новой антииракской коалиции. Одним из наиболее заметных свидетельств таких усилий стала поездка вице-президента США Р.Чейни по 11 странам Ближнего Востока в марте 2002 г.

Конечно, за 12 лет, истекших после иракской агрессии против Кувейта в 1990 г., ситуация изменилась. Некоторые арабские страны восстановили отношения с Ираком, другие наладили с ним экономические связи и оказались в определенной взаимозависимости с авторитарным диктаторским режимом. Поэтому предсказать сегодня будущий реальный расклад военно-политического противостояния в регионе в случае новой войны против Ирака мало кто возьмется. Многое будет зависеть от силы первого удара и быстротечности военной операции. Опыт операции «Буря в пустыне» показал, что иракская армия оказалась практически небоеспособной и не смогла оказать не только достойного, но вообще какого-либо серьезного сопротивления силам антииракской коалиции, оснащенным новейшими видами вооружений.

В любом случае можно считать, что если до налетов 11 сентября у военно-политических кругов США, готовящих и принимающих решения об использовании вооруженных сил за рубежом, могли оставаться сомнения в отношении применения их против Ирака, то после этой даты таких сомнений, как представляется, не осталось. Характерно при этом, что уже в сентябре 2001 г. генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса заявил, что большинство стран-членов этой организации не будет участвовать в контртеррористической коалиции, возглавляемой США, если в нее войдет Израиль.

Теракты 11 сентября 2001 г. вызвали значительный рост социально-политической напряженности и в таких странах, как Сомали, Сирия, Судан, Йемен, где она и до того была весьма высокой. Американские средства массовой информации со ссылкой на осведомленные, но неназванные источники сообщают о том, что США и их союзники в последнее время ведут усиленное наблюдение за Сомали, где,

как предполагается, скрываются террористы из «Аль-Каиды». По всей вероятности, они связаны с фундаменталистской группировкой «Аль-Иттихад аль-Ислами» во главе с Мохаммедом Айдидом. Наблюдение ведется с воздуха, и в нем участвуют разведывательные самолеты США, Великобритании и Франции. По мнению некоторых обозревателей, такое интенсивное наблюдение за территорией Сомали может означать подготовку к началу военных действий в этой африканской стране, являющейся к тому же членом Лиги арабских государств.

Сирия называется в числе возможных целей ударов в рамках борьбы с исламским терроризмом потому, что на ее территории базируется ряд радикальных палестинских группировок, которые самым активным образом выступают против любых попыток арабо-израильского урегулирования.

Судан уже на протяжении многих лет, начиная с 1983 г., когда еще при Нимейри был взят откровенный курс на исламизацию общественной жизни, считается очагом и рассадником исламского экстремизма и терроризма. Именно в Судане проживал и функционировал в 90-е годы бен Ладен. Причем нынешний режим аль-Башира не собирается отдаляться от фундаментализма, а тем более порывать с ним. По Судану уже наносились удары американской авиации.

Йемен, поддержавший в начале 90-х годов иракскую агрессию против Кувейта, тоже не случайно попал в список стран-целей антитеррористической кампании и соответствующих возможных военных ударов. Дело в том, что семья, к которой принадлежит бен Ладен, лишенный саудовского подданства, происходит корнями из Хадрамаута. Среди сподвижников главаря «Аль-Каиды» немало выходцев из этой провинции Йемена. К тому же ряд периферийных йеменских городов стал за последние 10 лет прибежищем для сотен моджахедов – участников движения 80-х годов, которые не пожелали возвращаться на родину, где уже начались репрессии против фундаменталистов, и предпочли осесть в Йемене, точнее, в ряде его районов, воспользовавшись их почти «свободным статусом».

На протяжении последних лет йеменские власти время от времени предпринимали кампании по депортации этих бывших моджахедов. По некоторым данным, страну покинуло свыше 4 тыс. человек (преимущественно граждан Алжира, Ливии, Ирака, Иордании и Сирии). Однако сколько их осталось еще на краю Аравии, не знает никто.

После начала военной операции в Афганистане йеменский и саудовский министры внутренних дел Рашид аль-Алими и принц Наиф ибн Абдель Азиз Ас Сауд договорились усилить контроль за совместной границей и прилегающими к ней районами. Сана и Эр-Рияд приняли меры с целью не допустить направления в Афганистан новых исламских добровольцев и своевременно нейтрализовать возвращающихся оттуда боевиков «Аль-Каиды». Строгий контроль был введен в прибрежных водах с тем, чтобы воспрепятствовать бегству «опас-

ных элементов» в Эритрею, Сомали и Джибути на рыбацких шхунах и морских катерах.

Под давлением США йеменские власти отложили суд над шестью подозреваемыми в причастности к организации диверсии против эсминца «Коул» в Аденской бухте 12 октября 2000 года. После проявленной Вашингтоном настойчивости йеменские власти разрешили агентам ФБР вновь прибыть в Сану и самостоятельно допросить арестованных экстремистов. Сообщалось также об увольнении 150 мулл, замеченных в антиамериканской агитации во время проповедей. Йеменские власти согласились заморозить счета физических лиц и организаций, возможно связанных с «Аль-Каидой».

Согласно опубликованным данным, за период с сентября по декабрь 2001 г. в Йемене было арестовано около пятисот человек, так или иначе связанных с исламскими группами; многие из них были отпущены на свободу после допросов. Ликвидировано несколько тренировочных лагерей, в том числе база салафитов в пограничном районе с Саудовской Аравией. 350 арабских студентов из университета «Иман» отправлены на родину. Тем не менее опасная криминогенная обстановка сохраняется на юге страны, где орудует «Исламская армия Адена и Абъяна». Ее лидеры были казнены в 1999 г., однако экстремисты продолжают антиправительственную деятельность.

Значительно осложнили реакцией на события 11 сентября свое, и без того тяжелое, положение палестинцы. Я.Арафат, стремясь загладить в глазах мировой общественности вину за своих сограждан, ликовавших после 11 сентября перед телекамерами, сдал свою кровь для раненых в Нью-Йорке. Но волну террора своих камикадзе против израильтян он остановить не смог, если даже хотел это сделать. Более того, в мировых СМИ появились доказательства причастности Я.Арафата к некоторым терактам, найденные во время операции «Защитная стена», проводившейся израильской армией.

Можно предполагать, что в знак своего осуждения терроризма и именно под давлением таких фактов от встреч с Я.Арафатом во время своих поездок на Ближний Восток отказались Председатель Совета Федерации РФ Сергей Миронов и специальный посланник США Энтони Зинни. Более того, в дни визита в Израиль в феврале 2002 г. премьер-министр Чехии Милош Земан сравнил Я.Арафата с Гитлером, призвав к изгнанию палестинцев с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа, если они не примут израильские мирные предложения.

Отвечая на это выступление главы правительства Чехии, генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса заявил в Каире 19 февраля, что «возмущен и удивлен» антипалестинскими высказываниями М.Земана. «Подобное заявление свидетельствует о том, что он не владеет проблемой в той степени, в которой следовало бы», – отметил А.Муса. «Он не прислушивается к мнению обеих сторон конфликта и в результате вышел за пределы разумного и допустимого». «Если чешский премьер не

оговорился, то его позицию следует рассматривать как антиарабскую и противоречащую общим настроениям в Европе», – подчеркнул А.Муса.

Накануне своего визита в Россию и другие европейские страны 6 мая 2002 г. президент США Дж.Буш дал интервью ряду влиятельных европейских газет. Отвечая на вопросы по проблемам Ближнего Востока, в частности на вопрос о том, возможно ли достижение мира при Арафате, Дж.Буш сказал, выражая позицию США: «Прежде всего я хотел бы вновь повторить свои слова, высказанные 4 апреля. Тогда я заявил, что Ясир Арафат подвел палестинский народ. У него был шанс стать реальным лидером. У него был шанс заключить мирное соглашение еще при предыдущем президенте. Ему предоставлялся один шанс за другим. Но он не справился со своей ролью лидера и подвел палестинцев.

Я говорю это с горечью в сердце, потому что меня очень беспокоит вопрос тяжелого положения палестинских граждан, нищета, полная изоляция и разочарование, в которых они живут. Большое число палестинцев в течение долгих лет влачит жалкое существование в лагерях беженцев. И совершенно очевидно, что многие из них уже не имеют никакой надежды. И я полностью разочарован. Как-то меня спросили, уважаю ли я Арафата. Я ответил, что нет. И именно потому, что он подвел свой народ. Ведь настоящий лидер должен всегда быть лидером.

Но, несмотря на эти слова, я все еще думаю, что мир возможен. Очень важно продолжать поиски компромисса, при котором будут существовать два государства, живущие друг с другом в мире. Прогресс на этом пути потребует усилий всех вовлеченных сторон: США выступят с руководящей ролью в этом процессе; Израилю придется сделать непростой выбор в пользу создания Палестинского государства; палестинцам – отвергнуть терроризм и начать борьбу с ним. Но я не собираюсь начать выделение средств для этого региона до тех пор, пока не буду убежден в том, что деньги пойдут на оказание реальной помощи палестинскому народу.

И я продолжу работу, направленную на достижение мира. Но я отвергаю терроризм. Настаиваю на том, чтобы люди тоже осудили террористические акты, потребовали привлечь к ответственности тех, кто вовлечен в террористический процесс. Необходимо перекрыть финансовые потоки, чтобы не дать террористам пустить мирный процесс под откос. Мы должны пресечь всякую возможность того, чтобы убийцы и дальше могли сеять смерть. Уверен, что мы можем добиться реальных результатов»[13].

Подводя некоторые итоги рассмотрению данной темы, можно привести вполне обоснованный вывод, сделанный в статье «Америка и арабы» цитировавшегося выше британского журнала «Экономист», который писал: «Америка не может изменить арабский мир одним махом. Она не может рисковать тем, чтобы отстраниться от своих давних союзников – таких, как Египет и Саудовская Аравия. В годы войн, горячих и холодных, великие державы собирали союзников там, где могли,

без особых угрызений совести. Но борьба против сил, спущенных с привязи господином бен Ладеном, является войной совершенно необычного типа. Потому, что его цель заключается в том, чтобы заманить Запад во внутренние раздоры о будущем мусульманского мира. В значительной мере эта борьба за приоритеты. Запад не должен навязывать свои приоритеты, но ему нужно громко говорить о том, что его собственные достижения религиозной терпимости и либеральной демократии не являются предметами роскоши, потребляемыми дома. Это универсальные идеалы, которые могут и должны приветствоваться и арабами»[14].

Разумеется, арабский мир – не монолит, и не все арабы отрицают либеральную демократию и религиозную терпимость. Не все арабские страны включены в страны-изгои и страны «оси зла», а лишь некоторые.

Со временем, раньше или позже, давно открытые общечеловеческие законы социально-экономического развития, а также либеральная демократия сделают свое дело. Те регионы и страны, которые пока еще настаивают на своей исключительности и на своих особых путях развития, придут к общему пониманию того, что такое силы зла и насилия, и как с ними бороться.

В этом отношении теракты 11 сентября 2001 г. при всей тяжести принесенных жертв, способствовали формированию новой антитеррористической коалиции. Именно эта коалиция позволит ускорить решение многих глобальных проблем, которые никак не поддавались решению до сих пор.

[1] Пономарева Т. Франклин Рузвельт. – Минск, 1998, с. 312.

[2] Яковлев Н.Н. Перл-Харбор. 7–8 декабря 1941 г. Быль и небыль. – М., 1988, с. 6.

[3] Prelude to Infamy. Official Report of the Final Phase of U.S. – Japanese Relations. October 17 to December 7, 1941, N.Y. 1943, с. 48.

[4] Asia and Africa today, 1992, № 5, с. 18.

[5] Яковлев Н.Н. Перл-Харбор. 7 декабря 1941 г. Быль и небыль. М., 1988, с. 245–246.

[6] Там же, с. 246.

[7] Московские новости, 14.02.1996.

[8] Аргументы и факты, 2002, № 17, с. 2.

[9] Там же.

[10] Обстоятельным образом проблемы, связанные с притоком иммигрантов в развитые страны, были рассмотрены в нашей работе «Гипермиграция «Юг – Север», опубликованной в сборнике «Ближний Восток и современность» (М., 2000, № 9, с. 6–19).

[11] Цит. по: Компас, 31.01.2002, № 5, с. 29.

[12] Internationale Politik und Gesellschaft. Bonn, 2002, № 1, с. 21.

[13] Аргументы и факты, 2002, № 21, с. 3.

[14] The Economist. L., 23/29.03.2002, с. 12.

Л.И.Данилов

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

Подъем курдского национально-освободительного движения начиная с конца XIX в. и, в особенности, с середины 40-х годов XX в. создал основу для консолидации курдов, укрепления внутренних связей и роста взаимодействия между всеми частями курдского общества. В последней четверти XX в. курдский вопрос приобрел также международное звучание. В мире возникла широкая дискуссия о правах курдского народа и его дальнейшей судьбе.

В практическом плане процесс решения курдского вопроса происходил в рамках тех государств, на территории которых проживает основная часть курдского народа (Турция, Ирак, Иран, Сирия), в форме борьбы за национальные права. Наибольшего прогресса в этом направлении курдам удалось добиться в Ираке, где несмотря на все сложности в их взаимоотношениях с режимом, в Багдаде 11 марта 1970 г. было подписано Соглашение об автономии иракского Курдистана. На его основе был создан Курдский автономный район (КАР) с четкими границами и соответствующими атрибутами автономной власти.

В 1991 г. после неудавшегося курдского восстания против режима С.Хусейна во многом именно благодаря наличию автономии иракские курды смогли отстоять свою самостоятельность, вывести КАР из-под контроля багдадского режима. Установленные по соглашению 1970 г. административные границы Курдского автономного района послужили основой для введения антииракской коалицией «красных линий», доступ за которые правительственным войскам был закрыт. Три курдские провинции – Эрбиль, Дахук и Сулеймания – стали «анклавом безопасности» и с тех пор сами определяют пути своего развития, формально оставаясь в составе иракского государства.

В мае 1992 г. в КАР состоялись парламентские выборы. Обретение иракскими курдами фактической независимости от Багдада создало предпосылки для дальнейшего укрепления автономии и ее административных и общественно-политических институтов. Однако наряду с этим на повестку дня стали выходить вопросы, ранее носившие весьма второстепенный характер и потому зачастую игнорировавшиеся, несмотря на их серьезный конфликтообразующий характер.

Установление в Курдистане[1] власти собственной национальной администрации привело к началу внутренней борьбы за контроль над

нею между различными группировками. В итоге сформировалось два основных блока, объединенных вокруг крупнейших фракций КАР – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК). В последующие годы противоречия между ними приобрели характер политического и идеологического противостояния, а в период с 1994 г. по 1997 г. – открытого вооруженного конфликта.

Как бы ни пытались отдельные курдские политологи утверждать, что произошедшее было спровоцировано внешними силами, по сути, произошло достаточно распространенное в подобных случаях явление: ослабление внешней угрозы в результате защитной операции США и их союзников создало условия для выплескивания наружу внутрикурдских разногласий, приведших в итоге к гражданской войне, в которую оказались вовлечены не только силы пешмерги (курдские вооруженные формирования), но практически и все курдское общество.

Братоубийственный конфликт между ДПК и ПСК оказал важное негативное воздействие на развитие ситуации в КАР. Прежде всего был нанесен мощный удар по стабильности и безопасности Курдистана. Конфликт отбросил назад наметившийся в 1992 г. процесс демократизации курдского общества, накалил гуманитарную и социальную обстановку.

Наиболее уязвимыми в условиях фактического военного времени оказались национальные меньшинства, проживающие в КАР. Их естественной реакцией на имевшие место события стал рост националистических настроений, курс на защиту своих прав. Таким образом, внутри Курдистана подспудно оформилась еще одна потенциальная «конфликтная зона», грозящая, в случае недостаточного внимания к чаяниям нацменьшинств, серьезными осложнениями для дальнейшего развития КАР.

Курдские аналитики за рубежом достаточно четко представляют себе масштаб возможных проблем. Их озабоченность стали разделять и арабские политологи, о чем, в частности, свидетельствует появление все большего числа материалов на эту тему во влиятельных общеарабских СМИ (см., к примеру, большой материал Махди Сайда «Нынешние масштабы проблемы национальных меньшинств в иракском Курдистане» в газете «аль-Хаят» за 4 марта 2001 г.). Бесспорно, значительную роль в усилении внимания в ближневосточном регионе к проблеме национальных меньшинств сыграли события в Косово и Македонии в 1999–2001 гг. В отношении Курдистана высказываются мнения о наличии весьма высокой «вероятности начала конфликта между курдами и другими этническими группами, населяющими Южный Курдистан[2] – ассирийцами, сириянцами, ассиро-халдеями[3], армянами, туркманами и арабами».

Наиболее вероятной причиной возникновения такого конфликта, по оценкам курдских исследователей, является стремление нацменьшинств добиваться в рамках Курдистана того же, что удалось сделать курдам в масштабе Ирака. Именно так, в частности, ставят вопрос

туркманские лидеры, критикуя курдов за политику «у больших народов одни права, у малых – другие» ими «нам – можно, другим – нельзя»[4].

Поводов для сепаратистских настроений у нацменьшинств предостаточно. Как пишут зарубежные курдские политологи, «в Бадинане земля, по праву принадлежащая ассирийцам и халдеям (т.е. тем же ассирийцам. – Прим. автора), была в 1993 и 1994 гг. конфискована командирами ДПК»[5]. Затем в августе 1996 г. барзанисты выдали иракским спецслужбам, вошедшим в Эрбиль, 27 активистов туркманских организаций Курдистана (их судьба до сих пор неизвестна). Помимо этого, несколько ассирийских общественных деятелей, включая представителей в Курдском национальном парламенте, «были убиты при невыясненных обстоятельствах после протестов против конфискации земель функционерами Демократической партии»[6].

Ассирийцы[7] – небольшой этнос, принадлежащий к семитской семье народов. Его численность во всем мире оценивается сегодня приблизительно в 2,5 млн. человек[8]. Большая часть ассирийцев принадлежит к апостольской ассирийской католической церкви (АКЦ), которую еще именуют Ассирийской церковью. Это одна из старейших христианских церквей, близкая по своим догматам к несторианам. Однако АКЦ признает главенство римского Папы в качестве верховного понтифика, т.е. является униатской. Духовный глава ассирокатоликов – Патриарх Мар Динха IV. Кроме этого, среди ассирийцев есть приверженцы халдейской, греко-католической, греко-православной и несторианской церквей. Несмотря на поликонфессиональность, по утверждениям ассирийцев, все они – один народ.

Ассирийцы считаются третьим по численности этно-религиозным меньшинством Ирака после курдов и туркман и, соответственно, третьей этнической группой в Курдистане. Несмотря на то, что официальная демографическая статистика об иракских меньшинствах отсутствует, по имеющимся (неофициальным) данным, ассирийцев в Ираке насчитывается около 750 тыс. человек[9]. Крупная община – около 100 тыс. человек – проживает в столице страны – Багдаде. До 1991 г. в Киркуке было около 30 тысяч ассирийских семей (т.е. также около 100 тыс. человек), многие из которых сегодня уехали из этого города. По собственным утверждениям, ассирийская община в иракском Курдистане составляет 15% от населения КАР, то есть около 500 тыс. человек. Вместе с тем в курдских источниках численность «христиан» (т.е. последователей ассирийской, халдейской и несторианской церквей) оценивается в 40 тыс. человек, а иракский ассирийский исследователь Хошаба Шаба называет цифру 70 тыс. человек[10].

После антимонархической революции 1958 г. оставшиеся в Ираке ассирийцы стали возвращаться в свои исторические районы в провинции Нейнава (Ниневия), Дахук и Эрбиль – населенные пункты аль-Кош, Буртала, Багдира (Хамдания), Фаткиш, Таклиф, Айн Кава, Шаклава, Карамлыс и др. Их отношения с местным курдским населением

носят напряженный характер. По словам ассирийцев, курды обращаются с ними таким же образом, как Багдад обращается с курдами.

Национальными проблемами ассирийцев занимаются многочисленные общественно-политические организации, преимущественно созданные зарубежной диаспорой: Всемирный ассирийский союз, Американо-ассирийский национальный союз (США, создан в 1933 г.), Американский халдейский союз (США), Ассирийский союз (Ливан). Некоторое время назад в Европе была основана еще одна организация – партия «Шуриа», первый съезд которой состоялся в декабре 1999 г. в ФРГ. В Лондоне функционирует Ассирийское благотворительное общество (АБО), собирающее деньги и направляющее гуманитарную помощь своим соотечественникам в КАР. На средства АБО восстанавливаются разрушенные ассирийские деревни, открываются ассирийские школы, издаются газеты. Через Турцию в Северный Ирак доставляются многочисленные издания ассирийских эмигрантских общин.

Несколько влиятельных организаций действует и в самом Курдистане – Ассирийское демократическое движение (сокращенно «Руаа», глава – Йонадим Юсиф Канна), Ассирийская демократическая организация, Национальная ассирийская организация, Общество Бет-Нахрейн и ряд клубов. Четыре упомянутые партии образуют «Национальный ассирийский альянс».

Тем не менее ни в центральном Ираке, ни в КАР ассирийцы не имеют статуса этнонационального меньшинства и считаются всего лишь религиозной конфессией. По утверждению ассирийцев, к ним до сих пор относятся как к одной из множества христианских сект, возникших на Ближнем Востоке в раннехристианскую эпоху (еще до раскола на католиков и православных). Так, ряд курдских организаций предпочитает именовать их «курдскими христианами», помятуя, что в ходе иракских общенациональных переписей населения в 1977 и 1987 гг. ассирийцев законодательно обязали записываться либо арабами, либо курдами.

Среди ассирийцев бытует устойчивое мнение, что иракская пропаганда (включая курдские источники) сознательно распространяет миф о том, что они – «религиозное меньшинство». На интернет-сайте «Ассирийцы Чикаго» (www.aina.org/chicago.htm) дается опровержение этой версии: «Ассирийцы – это именно этническое меньшинство, имеющее собственный язык, культуру и наследие, базирующееся на христианстве».

Среди ассирийцев КАР также существует глубокая неудовлетворенность уровнем своего представительства в местном парламенте, искусственно, как они считают, занижаемого ведущими курдскими фракциями – ДПК и ПСК – путем манипуляций с избирательным законодательством района. Ассирийские организации постоянно говорят о «стремлении курдов единолично определять судьбу Курдистана без консультаций с другими силами и партиями». Острой критике подвергается ревизия закрепленной в 1992 г. за всеми ассирийцами без учета

их религиозно-конфессиональной принадлежности квоты на 5 мест (из 105) в парламенте Курдского автономного района и включение в Вашингтонское соглашение от сентября 1998 г. пункта, фактически уравнивающего политические права халдеев как конфессии и ассирийцев как этнической группы. Ассирийские организации активно обвиняют ДПК и ПСК в следовании «баасистской политике раскола единых народов по религиозному признаку»[11].

Основную угрозу лидеры общины усматривают именно в отсутствии признания курдами «национального единства» ассирийцев, в попытках создать при ДПК и ПСК «карманные» ассирийские фракции, а также расколоть этнос по конфессиональному признаку. Так, в итоговом документе 1-го съезда партии «Шуриа» в ФРГ содержится требование «не принуждать лиц, представляющих ассирийский народ, к участию в парламентах при правительствах [ДПК и ПСК], поскольку эти депутатские советы выступают исключительно в роли послушного орудия в руках соответствующих властных структур»[12]. Исходя из этого, ассирийцы требуют своего полноценного, а не декоративного участия в представительных органах власти.

Среди других целей – создание культурной автономии и Ассирийского департамента культуры, введение в ассирийских школах в рамках среднего образования преподавания на родном языке всего цикла предметов.

Серьезным раздражителем отношений в современном Курдистане является продолжение курдами политики багдадского режима по изъятию земель у ассирийской общины. Курды, которые сами страдают от правительственной политики насильственной арабизации, включающей экспроприацию земельных участков в провинциях Нейнава (Ниневия) и Киркук, по сути, проводят ту же линию в отношении ассирийских деревень. Место выселенных еще до 1991 г. ассирийцев занимают курдские беженцы, при этом прежним хозяевам возвращение в родные населенные пункты фактически запрещается. Таких, по данным ассирийских организаций, только в районе Бахдинана насчитывается более 50 деревень и сел.

В докладе о ситуации в области прав человека в ассирийской общине Ирака за 1997 г. упоминается об экспроприации курдскими властями или при их попустительстве с 1993 г. 170 донумов земли в округе Симеле (Дейрбун) провинции Дохук, 1530 донумов в Пахлудже (провинция Захо), 530 донумов в Сурие, 735 донумов в Тоусане, 250 донумов в Мшаре, 190 донумов в Баджидбраке, 125 донумов в Бравуке, 560 донумов в Мансурийе, 7000 донумов в селении Хоуриск, 850 донумов в Халахе (под Захо), 45 донумов в Мал-Урабе, 35 донумов в Бар Рушкисаве, а также площади в Фиш Хабуре, Чемчале, Чешкаве, Денарта Агре.

Курдов также обвиняют в «этнических чистках» ассирийцев. В частности, после целого ряда вооруженных нападений на представителей этого народа в провинции Эрбиль зимой 1998/1999 гг. Ассирий-

ское международное информационное агентство (AINA) выступило с призывом защитить ассирийцев от «политики запугивания, которая направлена на то, чтобы очистить Северный Ирак от ассирийцев, а также заставить их согласиться с политическими задачами курдов». По утверждению агентства, «в Северном Ираке ассирийская самобытность (identity) вновь переживает религиозное, лингвистическое и культурное нападение»[13]. Больше всего претензий предъявляется администрации ДПК, которая, мол, занимается «этническими чистками коренного ассирийского населения», в то время как на публике ее лидер старательно выставляет себя приверженцем «общечеловеческих ценностей, секуляризма и демократии».

Неудовлетворены ассирийцы и тем, как происходит распределение гуманитарной помощи, поступающей в КАР в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Они считают, что их община не получает своей законной доли, которая в стоимостном выражении должна составлять 15% от выделяемых Курдистану средств (13% выручки от иракского нефтеэкспорта). Сейчас же, дескать, почти вся помощь идет исключительно курдской общине.

Ситуацию вокруг ассирийцев в Курдистане с курдским вопросом в Ираке в целом «роднит» и тот факт, что в отношении активистов ассирийской общины КАР курдские администрации, прежде всего в Эрбиле, допускают неполитические методы ограничения их деятельности, порой самые крайние. Ассирийцы указывают на власти в деле об убийствах в провинции Дахук члена Ассирийского демократического движения и депутата курдского парламента Фрэнсиса Шабо в конце мая 1993 г. и члена ЦК Иракской компартии Лазаря Михо Ханны 14 июня 1993 г.[14]

При этом информация о деталях подобных «операций» рано или поздно становится достоянием гласности прежде всего потому, что ее стремятся обнародовать в качестве «компромата» группировки-соперники. Так, Патриотический союз Курдистана под руководством Дж.Талабани представил в организацию «Международная амнистия» подробную информацию о «ликвидационных командах» службы безопасности Демократической партии Курдистана «Рекхистин тайбети», которая среди прочего, как утверждается, занимается физическим устранением политических конкурентов и неугодных Эрбильской администрации лиц по заданию руководящего звена партии[15]. В свою очередь ДПК раскрыла схожие секреты аналогичной службы партии Талабани «Дезгай заньяри».

Также беспокоит ассирийскую общину ставшая характерной практика похищения курдами-мусульманами ассирийских девушек с последующим бракосочетанием с одним из похитителей и, соответственно, принятием ислама. Кроме этого молодые ассирийки, работающие в домах курдской знати, подвергаются насилию со стороны работодателей. Широкий резонанс получило убийство хозяином дома

молодой ассирийской служанки Хелен Алон Савва в 1999 г.[16] Имеют место и другие бытовые нападения на ассирийцев. Несмотря на уголовный характер этих действий, никаких реальных шагов против этого, по словам ассирийцев, курдскими властями не предпринимается.

По убеждению христиан, в условиях доминирования в курдской среде традиционных клановых отношений правоохранительные органы просто вынуждены на все это закрывать глаза. Это, естественно, усиливает недовольство и оппозиционные настроения внутри ассирийской общины. Особенно болезненную реакцию вызывает насилие в отношении священников и вандализм против церквей. Усугубляет ситуацию то, что в связи с практически поголовной вооруженностью курдов в КАР даже небольшие противоречия и конфликты решаются ими с помощью оружия. В случае же пролития крови курдов (например, в результате самообороны или драки) закон уступает место обычаям, т.е. в дело вступает кровная месть.

В 1997–2001 гг. нападениями на ассирийских политиков стали активно заниматься курдские исламисты, позиции которых резко усилились после вооруженного конфликта между ДПК и ПСК (1994–1997 гг.). Резкое неприятие в фундаменталистской среде вызывает торговля спиртным, которой по закону могут заниматься только христиане. Реакция исламистов нередко принимает форму террористических актов против владельцев таких магазинов и их собственности.

В феврале 1997 г. исламские радикалы совершили первое (неудачное) покушение на губернатора Эрбиля видного деятеля ассирийской общины Франсо Харири. В феврале 2001 г. им удалось достичь цели. Разумеется, это не имеет никакого отношения к политике курдских властей, тем не менее, также усиливает сепаратистские настроения внутри ассирийской общины.

Значительное влияние на политику иракских ассирийских партий оказывают зарубежные ассирийские структуры, в основном находящиеся в западных странах. Именно оттуда ведется финансовая и идеологическая подпитка борьбы ассирийцев за свои политические и культурные права. Известный ассирийский деятель Абрам Шапира пропагандирует абсолютную невозможность полноценного обеспечения прав ассирийцев в условиях диктатуры С.Хусейна, опирающейся «не на широкие демократические массы, а на конфедерацию арабских суннитских кланов», учитывающих только собственные интересы. По его мнению, в современном Ираке перспектив предоставления всем этническим группам равных условий политического представительства, труда и образования не имеется.

Соответственно, основная работа в этом направлении концентрируется на территории Курдистана. Главным объектом нападок эмигрантских структур стали курдские власти. Эмиграция считает, что «уход» центральной власти с севера Ирака привел к неограниченной власти курдов над всеми жителями КАР и репрессиям против ассирий-

ского населения, и призывает положить этому конец[17]. Речь фактически идет о необходимости дать ассирийцам самоуправление в рамках уже автономного Курдистана, поскольку-де от багдадского режима этого ожидать не приходится.

Под влиянием диктуемых зарубежной диаспорой политических установок ассирийские партии и движения Курдистана несколько отстраненно и по-диссидентски ведут себя по отношению к иракской оппозиции, заметную роль в которой играют две курдские партии, возглавляемые М.Барзани и Дж.Талабани. В ноябре 1999 г. в Бейруте состоялась встреча представителей ассирийских организаций, проведенная при негласной поддержке Сирии, на которой основными вопросами стали обеспечение соответствующего ассирийского представительства в будущем едином парламенте КАР, а также в структурах антисаддамовской оппозиции[18].

Немаловажным считается и преодоление бытового угнетения со стороны курдов, особенно клановых шейхов и богатых землевладельцев. Отдельные ассирийские круги (в основном эмигрантские) ставят вопрос об извинениях за прошлые избиения ассирийцев курдами, в частности за резню 50 тыс. человек, устроенную князем Бадреддин-ханом в середине XIX в.

Ассирийцы в целом выступают за смену режима С.Хусейна, однако значительная их часть не поддерживает идей создания независимого курдского образования и выступает за «сохранение территориальной целостности Ирака и противодействие попыткам отдельных сторон перекроить карту региона, поставив всю его дальнейшую судьбу под угрозу»[19]. В вопросе международных санкций ассирийцы считают, что их необходимо как можно быстрее снять, поскольку «основной жертвой блокады является народ Ирака во всех его конфессиях и этносах без исключения»[20].

Ассирийцами ведется активная обработка арабской иракской оппозиции, которой разъясняется «ошибочность линии Багдада и курдских фракций в отношении ассирийских требований, проистекающая из неверного толкования принципа права национальностей на самоопределение» (речь идет об обвинениях ассирийцев в сепаратизме и попытках создать на севере Ирака самостоятельное государственное образование). Путь к реализации декларируемой оппозицией и, в частности, Иракским национальным конгрессом задачи по построению нового Ирака видится ассирийцам через обеспечение всем народностям равных гражданских и религиозных прав.

Не менее сложными являются отношения курдского большинства с туркманской общиной КАР. Туркманы – одно из национальных меньшинств Ирака, проживающее преимущественно на севере страны. При этом подавляющее большинство представителей этой народности сконцентрировано именно в Ираке, хотя отдельные турк-

манские общины имеются и в других ближневосточных странах, включая Израиль.

Несмотря на расхожее мнение, что туркман[21] на севере Ирака расселили турки-османы в качестве «щита» от набегов арабских племен (на эту версию работает то, что туркманы действительно фактически занимают «зону разграничения» между Курдистаном и арабской частью Ирака), история этой народности в Ираке началась гораздо раньше. Еще при халифах династии Омейядов, в 692 г. н.э. правитель Ирака Хаджадж Бен Юсеф ас-Сакафи нанял туркман для охраны гор и дал им для местожительства район Брара в современной провинции Васит (на юго-востоке от Багдада).

При Аббасидах практика военного использования туркман была продолжена: в рядах халифской армии находилось около 40 тысяч туркман. Халиф Муатасим (1248–1252) поселил большое число туркманских семей в городе Самарра, построенном когда-то в качестве столицы аббасидского государства. Достаточно привилегированное положение туркман способствовало росту их миграции в Ирак, особенно усилившейся в сельджукскую эпоху, когда на севере страны, в районе Киркука, Мосула и Эрбиля был создан независимый туркманский эмират. Туркманы считают намеренной фальсификацией появляющиеся в иракской арабской и курдской историографии сведения о том, что их расселение на территории страны связано с завоеваниями турок-османов, считая их попытками представить туркманскую общину «чужеродным элементом для Ирака» со всеми вытекающими из этого последствиями[22].

Сегодня, по оценкам западных исследователей, численность иракских туркман составляет около 2,2% населения страны, т.е. приблизительно 450–500 тысяч человек, такую же цифру называют курдские источники[23]. В республиканском Ираке этот вопрос полностью обходят стороной. Известно лишь, что согласно переписи населения страны, проводившейся в 1957 г., иракских туркман уже насчитывалось 500 тыс. человек. При этом следует учитывать, что туркманская община больше ассирийской. Сами туркманы утверждают, и это мнение поддерживается Турцией, что их в Ираке около 2 млн. человек[24]. В нынешней ситуации действительно очень сложно разобраться в этом вопросе, однако, как представляется, все же следует исходить из того, что численность иракских туркман превышает 1 млн. человек.

Основная их масса проживает в населенных пунктах Киркук, Туз-Хурмату, Кара-Тепе, Эрбиль, Дахук, Телль-Афар, Алтынкёпрю. При этом полностью туркманских поселков в Ираке, в том числе в Курдистане, нет. Своим центром туркманы считают город Киркук и выступают за то, чтобы он стал «столицей» их будущего автономного образования. Обращает на себя внимание, что туркманы ведут идеологический спор с курдскими партиями о «национальной принадлежности» города Киркука. Оба народа считают его своим. При этом дискуссия об этом, носящая весьма острый характер, в силу известных обстоя-

тельств также ведется за пределами контролируемых Багдадом территорий, включая сам Киркук.

Если выделить из истории Ирака только последние 80 лет, то следует отметить, что отношение к туркманской общине было одинаково сложным и противоречивым как со стороны Багдада, так и курдов. Этническая близость туркман к туркам всегда вызывала недоверие. Соответственно, любые разговоры о правах туркманского меньшинства воспринимались не иначе как «удар в спину» иракской государственности. Во время празднования в июле 1959 г. первой годовщины антимонархической революции иракская компартия, в которой всегда ощущалось сильное влияние курдских элементов, провела серию нападений на туркман в Киркуке. Их жертвами стали около 30 человек, более 400 семей бежали в Багдад и другие города.

Сегодня в Багдаде по-прежнему смотрят на туркман как на «пятую колонну» Турции, а через нее и всего Североатлантического блока. В 2000–2001 гг. в центральных иракских СМИ об этом говорилось вполне конкретно, хотя формально речь шла о деятельности туркманских организаций в КАР. По этой причине уже не один год режим проводит активную арабизацию Киркука, где расположены нефтяные месторождения, и ряда северных районов Ирака, примыкающих к КАР. Туркманы выселяются или в Курдистан, или в центральные районы страны (собственно такая же политика осуществляется и в отношении курдов, и частично в отношении ассирийцев). В частности, к марту 2000 г. полностью ликвидировано традиционное ранее туркманское присутствие в киркукском районе Арафат, около 300 туркманских семей отправлены в Рамади. В начале 2002 г. более 300 рабочих-туркман были уволены и заменены арабами на объектах нефтяной инфраструктуры в Киркуке, Байджи и других местах[25]. На туркман (как и на курдов и ассирийцев) распространяется правительственный запрет на использование неарабских имен.

Сопротивляться этим действиям в зоне контроля центрального правительства туркманы сегодня не могут. В этой части Ирака нет никаких туркманских общественно-политических объединений. Поэтому вся политическая работа туркман вынесена на территорию КАР, где для этого условия существуют.

В Курдистане интересы туркман представляет около десяти различных партий и организаций, которые были созданы преимущественно после «кувейтских событий» и потому зарегистрированы лишь в МВД региональных «правительств» М.Барзани и Дж.Талабани. Наиболее влиятельные из них: Исламский союз иракских туркман под председательством Аббаса аль-Баяти, Туркманская партия единства во главе с Насреддинином Дамирчи, Партия туркманского братства, возглавляемая Валидом Шарикатом, Туркманская партия национального спасения, Туркманская демократическая партия Курдистана, Ассоциация туркманского братства (глава – Нафи Кассаб), Культурный клуб

туркманского братства, Иракское демократическое туркманское движение (генсекретарь – Азиз Кадер Саманджи), Движение независимых туркман (председатель – Канаан Шакер), Национальная партия иракских туркман (председатель – Мустафа Кемаль Яиджли), Партия «Туркмен-эли» (председатель – Рияд Сари Кахия).

Четыре последние партии объединены в Иракский туркманский фронт (ИТФ), сформированный в мае 1989 г. (по другим данным, в 1992 г.). Его лидеры – М.К.Яиджли, А.К.Саманджи, Канаан Шакер и др., печатный орган – газета «Туркмен-эли». Военное бюро ИТФ возглавляет Фикри Кемаль. В январе 2000 г. в Эрбиле состоялся съезд фронта, на котором было избрано политбюро из 6 человек. Два раза в год проводятся заседания Совета ИТФ, на котором вырабатываются основные решения по направлениям деятельности этой организации.

Особенностью политической платформы ИТФ является то, что в отличие от других туркманских организаций он не подает документов на официальную регистрацию (в соответствии с курдистанским Законом о партиях от 1993 г.), не участвует в выборах, не признает Курдское региональное правительство и, в принципе, избегает упоминания термина Курдистан в своих СМИ (радио, телеканал, несколько газет, также не имеющих «официальной» лицензии). Исключением являются контакты с представителями США, периодически посещающими КАР – их ИТФ вынужден осуществлять через барзанистов и нередко непосредственно в штаб-квартире ДПК (как, например, было в случае с делегацией начальника отдела Ирака, Ирана и северной части Персидского залива Госдепартамента США Ф.Диббле летом 2000 г.).

При фронте создано два специализированных управления – Образования и культуры и Здравоохранения, которые, как и сам ИТФ, действуют независимо от аналогичных структур курдских органов власти.

Фронт контролирует ряд туркманских школ, преподавание в которых ведется только на родном и турецком языках и исключительно в русле концепций организации. Помимо этого у ИТФ имеется своя визовая служба – Бюро координации с МИД Турции, обеспечивающее свободное перемещение туркман в Турцию и из нее. За «визы», число которых достигает 20 в день, взимаются сборы, которые под видом пожертвований идут в казну фронта[26].

Исламский союз иракских туркман (ИСИТ), объединяющий туркманшиитов, был создан в 1991 г. Как и другие организации в Курдистане, имеющие исламскую религиозно-политическую направленность, ИСИТ стоит на жестких антибаасистских позициях и достаточно тесно сотрудничает с ведущими иракскими религиозными оппозиционными движениями – Высшим советом исламской революции в Ираке (ВСИРИ) и «Даава». Существуют и зарубежные туркманские организации, в том числе с такими экзотическими названиями, как, например, «Канадско-иракское общество турецкой культуры».

Наиболее активной политической структурой туркман в КАР сегодня является ИТФ. При этом, несмотря на внешнее единство его рядов, входящие в него группировки не преодолели всех внутренних разногласий, результатом чего периодически становятся громкие отставки и выходы из состава фронта. В 1999 г. некоторые ячейки покинули фронт в связи, как было заявлено, «с пропагандой им пантюркистских идей и подчиненности иностранному государству»[27]. В середине 2000 г. из ИТФ ушли видный туркманский деятель Видад Арслан и его группировка «Туркман Кардашлык Оджагы» (Клуб туркманского братства), а также более трех десятков учителей, профсоюзных активистов и деятелей культуры.

У фронта имеются серьезные противоречия и с другими туркманскими фракциями. Одной из главных причин разногласий является отношение к Турции. Одни считают ее практически «родиной-матерью», другие настаивают на том, что туркманы – иракцы, и из этого следует исходить при формировании политической линии. Так, Партия туркманского братства (ПТБ) обвиняет ИТФ в том, что его деятельность «направляется из-за границы и нацелена на уничтожение демократического развития КАР»[28].

В ходе вооруженного конфликта между ДПК и ПСК (1994–1997 гг.) туркманы в целом оставались нейтральными, несмотря на многочисленные попытки соперников вовлечь их в боевые действия на своей стороне. Вместе с тем у различных туркманских организаций все же имеются определенные симпатии к тем или иным курдским фракциям. Так, Туркманская партия единства сочувствует М.Барзани в его противоборстве с Дж.Талабани, в то время как ПТБ и Туркманский фронт стоят ближе к талабанистам. Начиная с 2000 г. ИТФ стал более открыто играть на разногласиях между Демократической партией и Патриотическим союзом, блокируясь с Дж.Талабани. Состоялся целый ряд визитов руководителей фронта в штаб-квартиру политбюро ПСК в Кара-Чолане (под Сулеймание). В свою очередь Дж.Талабани навещал лидера фронта Санана Ахмет-агу в Анкаре. При содействии ПСК были налажены контакты между ИТФ и Ираном (представительная делегация фронта посетила Тегеран в июле 2000 г.)[29].

В целом же туркманы стараются выступать как самостоятельная сила, ставящая целью обеспечение своих национальных прав в рамках КАР вплоть до создания внутри этого района туркманского самоуправления по образу автономии курдов в масштабе Ирака. У туркман имеется и свой аналог курдской пешмерги – вооруженная партийная милиция. Среди политических задач иракских туркман – добиваться включения в будущее автономное образование района Киркука. Наиболее радикально в этом плане настроен ИТФ и в особенности члены партии «Туркмен-эли». Другие группировки пока стоят на тех позициях, что самоуправление, дескать, возможно осуществлять и без административной автономии, на базе соответствующих догово-

ренностей с курдскими властями. По словам лидера Общества туркманского братства Н.Кассаба, «99% туркман выступают за федерализм…, уважают федеративный статус [иракского] Курдистана»[30].

Отсутствие единого выразителя туркманских интересов, «зазоры» между платформами туркманских организаций пока дают возможность курдским администрациям, прежде всего в Эрбиле, сдерживать их общее давление. Как высказался в интервью стамбульскому телеканалу «NTV» от 8 февраля 2002 г. лидер ДПК М.Барзани, «мы не выступаем против прав туркман, однако отделяем этот вопрос от проблемы ИТФ». «Фронт представляет лишь часть туркман, однако при поддержке Турции пытается навязать себя всей общине. Если все туркманы проведут выборы и сделают фронт своим представителем, мы также признаем ИТФ единственным представителем туркман и станем рассматривать его в качестве партнера по переговорам. Однако мы против того, чтобы он навязывал себя в качестве такового как туркманам, так и нам»[31]. Правая рука лидера ДПК Хошияр Зебари высказался еще конкретнее: «Мы друзья Турции, однако мы не принадлежим Анкаре. [Туркманский фронт] не должен ставить себя над законом, а действовать в соответствии с ним, как все другие политические партии Курдистана. Он должен уважать демократический путь»[32].

Постоянное упоминание Турции в контексте туркманского вопроса отнюдь не случайно: за политической активностью туркман зачастую действительно стоит Анкара, пытающаяся использовать туркман для усиления своего влияния в Курдистане. В туркманской среде интенсивно работают турецкие спецслужбы, главным образом, конечно же, собирая информацию о турецких курдских организациях – Рабочей партии Курдистана, Революционной партии Курдистана, Партии демократического решения Южного Курдистана и марксистских движениях «Кава», «Розчари», «Кок», «Тейкошин» и др. С этой целью турки создали в КАР Общество культуры и солидарности иракских туркман (сокращенно «Дарнак»).

Процесс политической вовлеченности Турции в туркманский вопрос заметно интенсифицировался в 1999–2002 гг. после ряда жалоб ИТФ в националистической турецкой прессе на отсутствие внятной политики Анкары по отношению к проблемам туркманской общины в КАР. Обработка туркманами турок усилилась после заключения Дж.Талабани и М.Барзани Вашингтонского соглашения в сентябре 1998 г., которое вызвало серьезное недовольство туркман, оказавшихся «за бортом» этих договоренностей (аналогичные чувства к Вашингтонскому соглашению питают и в самой Турции).

В настоящее время опека Анкары над туркманской общиной КАР имеет разные формы – от создания фактически турецких школ для туркман и финансирования туркманских СМИ до поставки вооружений и помощи в подготовке собственных боевых отрядов. В феврале 2002 г., когда в администрации США активно муссировалась тема военной опера-

ции против Ирака, лидер Национальной партии иракских туркман (НПИТ) Джемаль Шан, выступая на 3-м съезде партии, призвал Турцию «защитить жизни и имущество туркман в случае взрыва ситуации в Ираке»[33].

Произошедшее не без помощи турок обострение туркманского вопроса в иракском Курдистане в свою очередь вызвало широкую дискуссию об их судьбе в общественных кругах Турции, среди интеллигенции. Политолог Х.Т.Огузлу опубликовал исследование «Туркманы Ирака как фактор турецкой внешней политики». Появились предложения о создании Института исследований иракских туркман. Посол в отставке Юксек Сойлемез выступил на страницах газет с призывом к официальной Анкаре изучить экономические аспекты туркманского вопроса, которые, мол, до сих пор обходились Турцией стороной. По его мнению, иракские туркманы должны сыграть важную роль в восстановлении прежних масштабов турецко-иракской торговли, не меньшую по значимости, чем та, которую играют иракские курды в приграничной коммерции[34].

Именно с подачи Анкары тема туркманского анклава в иракском Курдистане зазвучала и за пределами региона. Делегация проповедующего эту идею Туркманского фронта была принята в декабре 2001 г. в Госдепартаменте США. Заместитель директора Центра предупредительных действий при Совете по международным отношениям (США) Д.Л.Филипс в своей статье в «Интернэшнл Геральд Трибюн» (от 16 мая 2002 г.) предложил следующее: «Создание федеративной демократической республики [в Ираке] является структурным решением, позволяющим одновременно обеспечить и озабоченности Турции, и устремления курдов. Соответственно, Ирак мог бы быть разделен на три анклава, одним из которых был бы Курдско-туркмано-ассирийский район на севере...».

При этом, по мнению, высказанному экс-премьер-министром Турции и главой «Партии Истинного пути» Т.Чиллер, поскольку «создание отдельного курдского государства противоречит турецким интересам, приемлемым представляется Туркмано-курдская федерация (так в тексте оригинала), которая оставалась бы в рамках единого Ирака, но чья территориальная целостность гарантировалась бы Турцией». «Любые решения по Северному Ираку должны включать туркман и курдов», утверждает Т.Чиллер[35].

Все это усиливает напряженность между туркманами и курдами, которая порой приводит к вспышкам насилия. В марте 1998 г. туркманские организации в Эрбиле подверглись нападениям и грабежам. Потребовалось вмешательство МИД Турции, чтобы остановить беспорядки. Более того, под давлением турок ДПК выплатила пострадавшим компенсации. В августе 1998 г. Эрбиль посетила делегация турецкой разведки во главе с генералом Э.М.Эрбаканом, которая, в частности, обсудила с туркманскими партиями план действий на случай новых нападений. Члены этих партий получили право отсылать семьи в Турцию в любое время.

Разногласия между курдами и туркманами возникли даже по поводу проведения похорон усопших. Стороны препятствуют захоронению на своих «национальных» кладбищах представителей другой этнической группы без специального разрешения своих политических структур (для Эрбиля это – ДПК и ИТФ). Проблема кроется в том, на каком языке будет выполнена надпись на могиле. Туркманы стараются использовать турецкий алфавит, курды пытаются запретить это, чтобы туркманские могилы не выделялись из общей массы. Тем, кто не согласен, приходится создавать отдельные кладбища, что весьма непросто.

В 1996–1998 гг. отношения между туркманскими организациями и ДПК были крайне напряженными. По указанию лидера ДПК М.Барзани на два года были высланы в Турцию председатели Национальной туркманской партии Ирака и Партии «Туркмен-эли» (вернулись в КАР осенью 1999 г.). Дополнительным источником раздражения служило то, что представители США, всякий раз посещая Курдистан, обещали деньги только курдам. Разрядить обстановку удалось лишь к осени 1998 г. В качестве жеста доброй воли ДПК дал разрешение на открытие в Эрбиле туркманского культурного центра.

В июле–августе 2000 г. вновь обострились отношения между партией М.Барзани и ИТФ, который обвинил ДПК в насильственных действиях против своих членов в Эрбиле с применением стрелкового оружия и гранатометов. Фронт обратился к «странам-гарантам безопасности КАР» (имеется в виду от режима С.Хусейна) с призывом срочно вмешаться для прекращения нападений курдов на туркман.

В свою очередь барзанисты выступили с критикой военного сотрудничества между ИТФ и Анкарой и дали понять, что напряженность вокруг фронта является следствием трений между различными течениями внутри этой организации, а не политики ДПК. Тем не менее Турция достаточно жестко отреагировала на эти события, устроив «разнос» М.Барзани в ходе его визита в Анкару в начале октября 2000 г. В дальнейшем тема «уважения прав» туркман в зоне ответственности ДПК стала практически традиционной в контактах турок с представителями этой партии.

1 октября 2001 г. служба безопасности эрбильской администрации (ДПК) закрыла офисы созданной незадолго до этого Туркманской организации студентов (ТОС). Поводом стало отсутствие у ТОС официальной регистрации. Несмотря на то, что эта организация имела достаточно радикальный характер, в протестах против «беззакония властей» приняли участие почти все туркманские партии и движения. Активнее всех выступили входящие в ИТФ Независимое туркманское движение, Национальная партия иракских туркман, «Туркмен-эли».

Вместе с тем на публике курдские лидеры традиционно выступают за гармоничное сосуществование курдов со всеми этническими меньшинствами КАР. Так, в речи на церемонии инаугурации трех новых ассирийских епископов личный представитель М.Барзани Фадель Мирани высоко отозвался об уровне «сотрудничества между различ-

ными *религиозными* (курсив автора) общинами, проживающими в Иракском Курдистане», и пообещал «и далее развивать существующую в КАР интеллектуальную и религиозную множественность»[36].

Ассирийцам предоставлены места в администрации ДПК – 3 министерских портфеля в правительстве (министры финансов и промышленности и один государственный министр) и ряд чиновничьих должностей более скромного уровня. Существуют начальные школы с преподаванием на ассирийском языке. Стали выходить газеты и журналы, ассирийцам было предоставлено право отмечать свои религиозные праздники и объявлять выходные дни. Курдский спутниковый телеканал KTV регулярно посвящает им программы и передачи.

При региональной администрации в Эрбиле действует Туркманский департамент образования (отдельно от аналогичной структуры ИТФ), занимающийся вопросами преподавания в туркманских школах на родном языке. В середине 1990-х годов представитель туркманской общины занимал пост министра транспорта.

Ассирийский и туркманский вопросы в иракском Курдистане, имеющие пока патентный характер из-за наличия других сложных нерешенных проблем, таких как, например, будущее взаимоотношений между Багдадом и КАР, тем не менее, несет в себе большой взрывоопасный потенциал. Усиливает эту вероятность сохраняющаяся неурегулированность проблем между ДПК и ПСК, которой, в частности, уже попытались воспользоваться для «перекройки» внутриполитической карты Курдистана исламисты.

При этом в Багдаде не склонны рассматривать туркман и ассирийцев в качестве этнического «рычага сдерживания» курдских устремлений к абсолютному самоуправлению, с другой – они все больше воспринимаются курдами и отчасти иракским режимом в качестве «пятой колонны» Турции и стран Запада. Принимая во внимание, что в последнее время ассирийские партии усиливают давление на курдские администрации с целью максимального обеспечения национальных прав, а туркманские группировки и вовсе укрепляют свои вооруженные отряды и повышают боеспособность, нельзя исключать, что в недалеком будущем вокруг их требований автономии может возникнуть новый очаг напряженности и нестабильности на севере Ирака, в который, помимо Багдада и иракских курдских фракций, может оказаться втянутой и Турция.

[1] Далее, если нет иных пояснений, термин Курдистан обозначает исключительно территорию Курдского автономного района Ирака.

[2] Термином Южный Курдистан в курдской среде принято обозначать ту часть Большого Курдистана, которая находится в границах Ирака.

[3] Данная классификация, сделанная на основе курдского видения проблемы меньшинств, расходится с ассирийской точкой зрения, согласно которой все три первые перечисленные этнические группы на деле являются частями единого ассирийского этноса.

[4] *Аль-Хаят*, 23.03.2001.

[5] Omar Sheikhmous. *Factors for Cooperation and Conflict in Southern Kurdistan.* Paper presented at the conference «Perspectives of South Kurdistan in a Regional and Supraregional Context» held in Bonn – Germany on 27th & 28th June 1998. Posted on the Washington Kurdish Institute Web Site. Also on www.aina.org/sheikhmous. htm.

[6] Ibid.

[7] Сами ассирийцы считают себя потомками древних народов Месопотамии, хотя ученые полагают, что древних и современных ассирийцев объединяет только название. Их родной язык – арамейский (по-арабски *«сурьянии»*, относится к семито-хамитской группе), который имеет несколько наречий. В основу единого для всех ассирийских общин литературного языка положен урмийский диалект. Исторически ассирийцы проживали на юго-востоке Турции и на севере Ирака, преимущественно в горной части Курдистана. Однако в течение многих веков они подвергались гонениям (в Османской империи им нельзя было заниматься государственной службой), особенно ужесточившимся в первой половине XX в. Именно в этот период произошла массовая миграция ассирийцев из Турции на территорию выделившегося из Османской империи Ирака и частично в Иран. Британские мандатные власти в Ираке активно использовали меньшинства для государственного управления. Большое число ассирийцев было рекрутировано в органы безопасности (т.н. подразделения «леви») для борьбы с выступлениями иракских арабских и курдских националистов, что вызвало враждебное отношение к ним со стороны арабского и курдского населения страны. В 1933 г. с подачи ультранационалистической партии «аль-Иха аль-Ватаний» (Национальное братство) иракскими военными подразделениями во главе с генералом Б.Сидки была устроена резня ассирийцев в их собственных деревнях, в ходе которой было убито более 4 тыс. человек. Это вызвало новую волну массового исхода ассирийцев. Сегодня около 1 миллиона представителей этого народа проживает в Сирии, Ливане, России, республиках Закавказья, США, Австралии, Великобритании, Швеции и ряде других стран. Только в США численность ассирийцев оценивается в 300 тыс. человек, из них около 90 тыс. – в Чикаго. Чикагская община отличается тем, что по конфессиональному признаку она почти полностью состоит из ассирийцев-несториан. Ассирийцы-халдеи сконцентрированы в Детройте. В Калифорнии ассирийская община имеет 24-часовой телевизионный канал. Выходец из ирако-ассирийской общины Ана Эйшо является членом Конгресса США. В английской столице численность ассирийской общины насчитывает 8 тыс. человек (они имеют несколько церквей, школы, клубы, культурный центр, футбольную команду). В Великобритании действует Ассирийское общество по делам беженцев, помогающее эмигрирующим из Ирака ассирийцам обосноваться на новом месте. В Австралии ассириец Анвар Хошаба избран мэром г.Фейрфилда, в Швеции ассириец Аслан Каримо избран депутатом парламента от Социал-Демократической партии.

[8] Peter BetBasoo. *Assyrian Nationalism. A Mechanism for Survival.* On the site www.aina.org/aol/peter/survival. htm.

[9] *Аль-Араб аль-Яум*, 21.03.2000.

[10] *Зинда*, 12.02.2002; www.aina.org/assyrians.htm; *Аш-Шарк аль-Аусат*, 12.04.2000.

[11] Ассирийцы обвиняют иракский режим в сознательном манипулировании такими терминами, как халдеи, арамейцы, несториане, сирьянцы (одно из наименований греко-православных), ассирийцы, в то время как речь обычно идет об одном народе. С подачи Багдада, считает ассирийская община, этот лексикон переняли и курды. Поэтому в ходе визита на север Ирака в августе 1998 г. патриарх халдейской католической церкви Руфаил Бидавид I был вынужден специально остановиться на этом вопросе. По его словам, «халдеи наряду с представителями других конфессий арамейско-ассирийской восточной церкви независимо от названий составляют один народ, одну цивилизацию».

[12] *Аш-Шарк аль-Аусат*, 28.12.1999.

[13] www.rferl.org/iraq-report/1999/01/3-220199.html; www.aina.org/assyrians.htm.

[14] www.aina.org/ahrr.htm.

[15] www.aina.org/ahrr.htm.

[16] *Аль-Хаят*, 12.12.1999; 06.02.2000.

[17] *Аш-Шарк аль-Аусат*, 13.11.1999.

[18] *Аль-Ватан аль-Арабий*, 13.12.1999.

[19] *Аш-Шарк аль-Аусат*, 28.12.1999.

[20] Там же.

[21] Этнически туркманы относятся к тюркам и считаются выходцами из племени турок-огузов. Их язык близок к турецкому (в Турции его считают диалектом турецкого). Среди иракских туркман есть последователи как суннитского направления в исламе, так и шииты. По географическому признаку иракские туркманы неформально подразделяются на «киркукцев» и «эрбильцев» (киркукли и ирбилли). Туркманы практически полностью утеряли трайбалистскую структуру общественной организации, однако в Киркуке сохраняются два крупных туркманских племени – Татран и аль-Баят.

[22] *Аль-Хаят*, 23.03.2001.

[23] *Аль-Хаят*, 04.03.2001.

[24] *Аль-Хаят*, 07.04.2001.

[25] *Браяти*, 10.02.2002.

[26] *Аш-Шарк аль-Аусат*, 12.04.2000.

[27] www.rferl.org/iraq-report/2002/01/l-l 10102.html.

[28] *Браяти*, 15.12.2001.

[29] www.rferl.org/iraq-report/2001/05/15-040501.html; www.rferl.org/iraq-report/2002/04/8-050402.html.

[30] Там же.

[31] www.rferl.org/iraq-report/2002/02/6-150202.html.

[32] *Браяти*, 09.04.2002.

[33] Iraqi Kurdistan Dispatch, 01.02.2002.

[34] www.rferl.org/iraq-report/2001/10/32-051001.html.
[35] www.rferl.org/iraq-report/2002/01/3-250102.html.
[36] *Хабат*, 08.02.2002.

Б.В.Долгов

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В АЛЖИРЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Прошло три года после принятия в 1999 г. по инициативе президента Абд аль-Азиза Бутефлики закона о восстановлении гражданского согласия в алжирском обществе. За это время уровень вооруженного противостояния радикальной исламистской оппозиции с силами правопорядка существенно снизился. Тем не менее об искоренении терроризма говорить еще рано. Более того, в период с февраля по апрель 2002 г., как утверждает алжирская газета «Либертэ», прослеживалась тенденция к усилению вооруженного экстремизма. За это время жертвами только 15 взрывов, устроенных террористами в различных районах Алжира, стало более 50 человек[1]. Активность исламистских боевиков отмечалась в алжирской столице, а также в районе населенных пунктов Тиарет, Ксар Шеллаль и Сукур, где в результате их атак было убито несколько десятков мирных жителей. Радикальные исламистские силы, продолжающие проводить террористические акции, представлены, в основном, двумя группировками – Вооруженными исламскими группами (ВИГ) и Салафитской группой для проповеди и борьбы (СГПБ). Наиболее многочисленные и хорошо организованные ВИГ контролируют территории в районе г.Блида, к западу от столицы, а также области на западе и востоке Алжира в районе г.Орана, Аннабы и Жижели. Отряды СГПБ дислоцируются в основном в горных районах Кабилии. Кроме того, существует еще отделившаяся от СГПБ и действующая самостоятельно группа под командованием эмира Абд ар-Раззака, орудующая в районе г.Тебесса, недалеко от тунисской границы. Возросшая активность непримиримой исламистской оппозиции в определенной степени объяснялась стремлением ее лидеров доказать свою способность к дальнейшему вооруженному противостоянию с властями. Особенно, если принять во внимание то обстоятельство, что последним террористическим акциям исламистских боевиков предшествовали успешные действия сил правопорядка против ВИГ и СГПБ, в результате которых исламисты понесли существенные потери.

Наиболее впечатляющей операцией алжирских спецслужб стало уничтожение в течение февраля и марта 2002 г. двух полевых командиров (эмиров) ВИГ Мухтара Бен Мухтара и Аль-Мизана, а также самого руководителя (национального эмира) ВИГ, печально известного

Антара Зуабри[2]. Причем, по некоторым сведениям, при его ликвидации алжирские спецслужбы сумели использовать борьбу за лидерство и личную вражду между Антаром Зуабри и эмиром СГПБ Хасаном Хаттабом, который стремился объединить под своим командованием все силы непримиримой исламистской оппозиции. Антар Зуабри возглавил ВИГ в 1996 г. и стал пятым по счету его национальным эмиром (все предыдущие лидеры ВИГ последовательно уничтожались алжирскими спецслужбами) с момента образования ВИГ в 1992 г.

В тот период в начале 90-х годов в Алжире произошла демократизация государственно-политической системы, на которую вынуждены были пойти власти, пытаясь таким образом выбраться из системного кризиса, переживавшегося алжирским обществом в конце 80-х годов. На волне демократизации и в результате широкого распространения исламистской идеологии, заполнявшей своеобразный идейно-политический вакуум, образовавшийся после отказа правящего режима от «социалистической ориентации», в первом туре парламентских выборов в 1991 г. одержал убедительную победу Исламский фронт спасения (ИФС)[3]. Этой самой массовой и влиятельной в то время политической партии достаточно было завоевать во втором туре выборов только 28 депутатских мест, чтобы иметь абсолютное большинство в парламенте[4], что позволяло ИФС изменить конституцию и достичь своей программной цели – провозгласить в Алжире исламскую республику. Легитимному приходу к власти исламистов помешало вмешательство военных, традиционно, с момента завоевания Алжиром независимости обладавших решающим влиянием на государственную политику.

Президент Шадли Бенджедид под нажимом армейского руководства вынужден был уйти в отставку, предварительно распустив парламент. Власть в Алжире перешла к Высшему государственному совету (ВГС), который отменил второй тур парламентских выборов, ввел в стране в феврале 1992 г. чрезвычайное положение, запретил ИФС, обвинив его руководство в «призыве к мятежу» и приступил к массовым арестам его активистов. На силовые действия властей исламистские боевики ответили развертыванием террористических актов, которые совершались в этот период экстремистскими группировками, провозгласившими джихад единственной формой борьбы за создание исламского государства. Именно к ним перешла инициатива в противостоянии с властями после запрета ИФС и ареста его руководителей. Основу этой радикальной исламистской оппозиции составляли бывшие участники Вооруженного алжирского исламского движения (ВАИД) Мустафы Буяли[5] и алжирские «муджахеды-афганцы» (алжирские ветераны гражданской войны в Афганистане), число которых составляло примерно 3 тыс. человек[6]. Впоследствии они составили ядро *салафитского*[7] движения, структурировавшегося

в октябре 1992 г. в вышеупомянутые Вооруженные исламские группы (ВИГ), наиболее радикальную исламистскую организацию.

Наряду с салафитами в ВИГ входили приверженцы других фундаменталистских течений таких, как *кутбисты* (последователи Сейида Кутба) и *такфиристы* – их название происходит от египетской исламистской организации «Ат-такфир ва-ль-хиджра» (Искупление и хиджра), обвинявших в отступничестве от подлинного ислама (куфр аль-муджтама‘ – араб.) всех членов алжирского общества за исключением своих сторонников. Доминирующее положение в ВИГ занимали салафиты, и соответственно их первым эмиром стал лидер «муджахедов-салафитов» (алжирских ветеранов гражданской войны в Афганистане) Абд аль-Хакк Лайада. В интервью, опубликованном в марте 1993 г. в издающемся в Стокгольме журнале «Аш-Шахада» (Свидетельство веры – араб.), Абд аль-Хакк Лайада заявлял об «исторической преемственности, воспринятой ВИГ от муджахидов движения Мустафы Буяли и афганского джихада»[8]. В том же интервью он утверждал, что «западное общество находится в состоянии полной духовной деградации и эра доминирования белого человека завершилась»[9]. При этом Абд аль-Хакк Лайада цитировал произведения Б.Рассэла и книгу О.Шпенглера «Закат Европы».

Еще одним течением, входившим с 1994 г. по 1995 г. в состав ВИГ, были *джазаиристы* (название происходит от арабского *аль-Джазаир* – Алжир). Они считали, что в условиях Алжира для достижения конечной цели – создания исламского государства – можно использовать такие демократические институты, как свободная пресса, всеобщие выборы и многопартийная система. В джазаиристскую группу входили в основном выходцы из западных областей Алжира, многие из которых получили франкоязычное и англоязычное образование. Джазаиристов возглавлял бывший преподаватель алжирского университета Мухаммед Саид, считавшийся одним из наиболее известных представителей исламистской элиты. Ранее джазаиристы входили в ИФС (с июля 1991 г. и вплоть до его запрещения в марте 1992 г.). Причем Мухаммед Саид входил в *меджлис аш-шуру* (Совещательный совет – руководящий орган ИФС) и был заместителем председателя ИФС. Эмиры ВИГ настороженно относились к концепции джазаиристов относительно использования институтов демократии в целях создания исламского государства, определяя такие методы как «кощунственные». Затем эта неприязнь вылилась в открытую вражду, выход джазаиристов из ВИГ, вооруженные столкновения между ними и убийство в ноябре 1995 г. боевиками ВИГ лидера джазаиристов Мухамеда Саида, обвиненного Джамилем Зитуни, эмиром ВИГа, в попытке организации заговора против него.

Теоретическое обоснование вооруженного джихада, осуществляемого ВИГом, а также пропаганду за рубежом идеологии исламского фундаментализма проводил еженедельник «Аль-Ансар» (Партизаны),

издававшийся в Лондоне с июля 1993 г. международным движением «муджахидов-салафитов». Его изданием, в частности, занимались бывшие муджахиды-«афганцы» – сириец Абу Мусаб и палестинец Абу Катада, которые также финансировали публикации ВИГ в других печатных органах. Кроме того, Абу Катада был связан с террористической исламистской организацией Усамы бен Ладена «Аль-Каида» и являлся одним из ее муфтиев[10].

Наряду с ВИГом ИФС, несмотря на дезорганизацию, вызванную арестами лидеров и запретом его деятельности, также располагал своими структурами как в Алжире, так и за его пределами. В 1993 г. в Германии была создана «Исполнительная инстанция ИФС за рубежом» (ИИИР), возглавлявшаяся Рабахом Кабиром, заместителем председателя ИФС. В США базировалась «Парламентская делегация ИФС за рубежом» (ПДИР) во главе с Анваром Хадцамом, членом меджлис аш-шуры ИФС. Позднее, в 1997 г. в Париже был создан «Координационый совет ИФС» (КСИ), которым руководил Ахмед Зауи, также бывший член меджлис аш-шуры ИФС. После сформирования отрядов боевиков ВИГ, ИИИР также решила организовать свои вооруженные группы. Не желая делать этого совместно с ВИГ, ИИИР объявила в 1994 г. о создании «Исламской армии спасения» (ИАС) как вооруженного крыла ИФС. ИАС находилась под командованием двух национальных эмиров – Мадани Мезрага, чьи отряды базировались на востоке страны и Ахмеда Бен Айши, который контролировал западные области Алжира. ИАС начала вести вооруженную боьбу с властями в противовес ВИГ. Тем не менее командование ИАС так же, как и лидеры запрещенного ИФС, осуждало наиболее одиозные террористические акции ВИГ, в частности, убийства мирных жителей и иностранцев. Эмиры ВИГ, в свою очередь, резко критиковали руководителей ИФС за то, что те, «отказавшись сразу взять в руки оружие и объявить джихад неверной власти, сами стали неверными». Впоследствии эта вражда перешла в открытые вооруженные столкновения между ВИГом и ИАС. 1 октября 1997 г. ИАС заключила перемирие с властями и ее отряды начали проводить боевые операции против ВИГ совместно с алжирской армией.

Вооруженное противостояние непримиримой исламистской оппозиции с властями продолжалось в своей активной форме с 1992 по 1999 гг. За это время свыше 100 тыс. алжирцев погибло, около 400 тыс.[11] человек, в основном представителей интеллигенции, покинули страну, спасаясь от эскалации насилия. Основной вооруженной силой радикальных исламистов являлись ВИГ, которые в этот период предпринимали террористические акции не только против прямых представителей государства, но и против всех тех, кто так или иначе был связан с властями. В числе жертв ВИГ были и интеллигенты-франкофоны, преподаватели ВУЗов, писатели, врачи, журналисты, а также жители деревень, заподозренные в сотрудничестве с властями и чле-

ны семей участников комитетов самообороны[12]. Алжирские силы правопорядка в тот момент оказались не в состоянии подавить волну террора, охватившего страну, хотя и действовали достаточно эффективно. Так, в результате успешной армейской операции в марте 1995 г. было уничтожено сразу 160 полевых командиров ВИГ, собравшихся на совещание в горном районе на востоке Алжира.

В мае 1993 г. вместо арестованного Абд аль-Хакка Лайады эмиром ВИГ стал Джафар аль-Афгани. Он так же как и Абд аль-Хакк Лайада, воевал в Афганистане в течение 2 лет. Джафар аль-Афгани имел только начальное образование и до того, как стать муджахедом, занимался контрабандой. При нем ВИГ распространили террористические акты на иностранцев и на своих оппонентов из других исламистских движений. До конца 1993 г. на территории Алжира было убито 26 иностранцев (в основном французов), а в ноябре 1993 г. боевиками ВИГ был убит шейх Бу Слимани, известный проповедник и видный деятель умеренной исламистской партии «Хамас», отказавшийся издать фетву, легитимизирующую деятельность ВИГ. В феврале 1994 г. Джафар аль-Афгани был ликвидирован алжирскими спецслужбами. Третьим эмиром ВИГ стал Шериф Гузми, имам и бывший представитель ИФС в г.Вир Кадем (на восоке Алжира). В ВИГ он занимал важный пост председателя исламской комиссии, а также посещал в качестве представителя ВИГ Пакистан и Афганистан, где встречался с руководителем «аль-Каиды» Усамой бен Ладеном. Шериф Гузми имел солидное религиозное образование и политический опыт, что отличало его от предшествующих и последующих эмиров ВИГ. Шериф Гузми стремился объединить под своим началом все вооруженные исламистские организации, в том числе и те, которые поддерживали ИФС. В частности, в мае 1994 г. Шериф Гузми заключил с Абд ар-Раззаком Раджамом, главой подпольной «кризисной ячейки ИФС» (созданного на территории Алжира руководящего органа ИФС, перешедшего на нелегальное положение после его запрета властями в 1992 г.), и с Саидом Мехлуфи (также бывшим членом руководства ИФС), одним из основателей экстремистской организации «Движение за исламское государство», соглашение об их вступлении в ВИГ и формировании объединенного руководящего органа – меджлис аш-шуры. Претворению в жизнь этого соглашения помешала ликвидация Шерифа Гузми алжирской военной контрразведкой в сентябре 1994 г.

Четвертым эмиром ВИГ стал Джамиль Зетуни, сын владельца птицеводческой фермы, имевший среднее франкоязычное образование. В период его руководства ВИГ развернули войну против Франции, перенеся на ее территорию террористическую деятельность, начало которой было положено в декабре 1994 г. захватом в марсельском аэропорту самолета со 170 пассажирами. Террористические акты во Франции продолжались до осени 1995 г., наиболее кровавыми из них были взрывы в парижском метро в августе 1995 г., в результате чего погибло

7 и было ранено 80 человек. В конце 1995 г. Джамиль Зетуни опубликовал в исламистских СМИ послание, озаглавленное «Путь, указанный Аллахом» (Хидаят рабби-ль-алямин). В нем он излагал воспринятую им такфиристскую позицию и утверждал, что «вся умма должна присоединиться к истинным муджахидам ВИГ»[13]. Джамиль Зетуни заявлял, что участники других исламистских движений, равно как и алжирские мусульмане, не разделяющие идеологии и целей ВИГ, либо обязаны повиниться, принять салафизм и вступить в ВИГ, либо они будут рассматриваться как «неверные и отступники».

Это послание послужило своего рода оправданием целой серии убийств исламистских деятелей, не согласных с концепциями ВИГ и резко критиковавших Джамиля Зетуни. Боевиками ВИГ, в частности, были убиты Мухаммед Саид, лидер джазаиристов, Азз эд-Дин Баа, третье лицо в руководстве Движения за исламское государство, Абд ар-Раззак Раджам, руководитель «кризисной ячейки» ИФС и один из старейших исламистских деятелей со времен Мустафы Буяли. Такие действия Джамиля Зетуни вызвали его осуждение многими лидерами исламистского движения и изоляцию ВИГ как в Алжире, так и за рубежом. О прекращении поддержки Джамиля Зетуни заявили издатели еженедельника «Аль-Ансар» Абу Мусаб и Абу Катада, ранее разделявшие концепции ВИГ, глава египетской исламистской организации «Исламские группы» (Джама'ат ислямийя) Айман аз-Завахири и руководители ливийских фундаменталистов – «Вооруженной ливийской группы» (Джама'а либийя мусалляха). Впоследствии Джемаль Зетуни, обвиненный соперничавшими с ним исламистскими лидерами в том, что он стал марионеткой в руках алжирских спецслужб, внедривших в ВИГ своих агентов, был убит в июле 1996 г. боевиками-джазаиристами.

После гибели Джамиля Зетуни ВИГ возглавил один из его заместителей, вышеупомянутый Антар Зуабри, который вступил в исламистское движение в конце 80-х годов в качестве боевика исламской милиции (структуры, созданной ИФС для охраны своих лидеров и проводимых исламистами массовых мероприятий). Антар Зуабри «прославился» своей патологической жестокостью. Так, в начале 90-х годов, будучи посланным в составе отряда исламской милиции следить за соблюдением исламской морали в район университетских общежитий г.Алжира, он обливал серной кислотой ноги студенток, носивших мини-юбки. Начало руководства Антара Зуабри ВИГ было отмечено новой эскалацией террора. В 1997 г. только за один месяц боевики ВИГ уничтожили около 700 мирных жителей. В 1998 г. начинается борьба за лидерство между Антаром Зуабри и Хасаном Хаттабом, который вышел из ВИГ и создал свою собственную вооруженную группировку, вышеназванную «Салафитскую группу для проповеди и борьбы». Окончивший кораническое медресе, Хасан Хаттаб не скрывал своей неприязни к Антару Зуабри, имевшему сомнительное прошлое мелкого рэкэтира, достаточно плохо знавшему Коран и ша-

риат, и презрительно называл его «джахиль» (неграмотный). По некоторым источникам, Хасан Хаттаб пользовался поддержкой Абу Катады и бен Ладена, которые не разделяли экстремистской позиции Антара Зуабри, обвинявшего в «отступничестве от подлинного ислама» всех алжирских мусульман, не приемлющих концепций ВИГ. Развернутый им тотальный террор лишал ВИГ какой-либо поддержки даже тех слоев алжирского общества, которые продолжали исповедовать фундаменталистскую идеологию, а также ее сторонников за пределами Алжира. В отличие от Антара Зуабри Хасан Хаттаб заявлял, что его муджахеды никогда не участвовали в уничтожении мирных жителей и целями их атак являются только военные и службы безопасности, охраняющие «отступивший от ислама коррумпированный режим». Тем не менее алжирские власти подтверждали причастность боевиков Хасана Хаттаба к террористическим актам в марте-апреле 2002 г. в алжирской столице. После уничтожения службой безопасности Антара Зуабри новым эмиром ВИГ стал один из его заместителей Абу Тураб, о чем объявил 12 февраля 2002 г. в своем коммюнике меджлис аш-шура ВИГ[14]. Абу Тураб начинал свою деятельность в исламистском движении как активист ИФС, затем после его запрета перешел в ВИГ, где стал командиром Зеленой бригады (катиба хадра'), «прославившейся» участием в массовых убийствах мирных жителей в районах гг.Митиджа и Блиды в центральных областях Алжира. Абу Тураб подтвердил, что является последователем радикальной концепции своего предшественника, и заявил, что ВИГ будет продолжать «уничтожать врагов подлинного ислама в городах, деревнях и даже в пустыне»[15].

Не вызывает сомнений, что кровопролитное противостояние радикальных исламистов с властями и массированный терроризм как в Алжире, так и за его пределами не могли бы продолжаться столь длительное время, если бы их не поддерживали различные международные исламистские организации, исповедовавшие идеи джихада. Такого рода организации начали создаваться в начале 80-х годов в период существования двухполюсного мира и продолжающейся холодной войны. Они представляли собой различные фонды и ассоциации, формировавшиеся в основном на финансовые средства Саудовской Аравии и США для помощи муджахедам, боровшимся в Афганистане против пытавшегося реализовать социалистическую доктрину правительства Наджибуллы и поддерживавших его советских войск.

В ряды муджахедов, борьба которых щедро оплачивалась, вступали, как правило, граждане мусульманских стран. Многие из них были членами экстремистских исламистских группировок, которые также рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию для получения финансовой помощи от различных сил, заинтересованных в свержении просоветского режима в Афганистане. В частности, в финансировании исламистских экстремистских группировок в Египте, Алжире и Тунисе, как это установила совместная саудовско-египетская комиссия по борь-

бе с терроризмом, созданная в 1992 г., участвовали несколько десятков крупных арабских бизнесменов, в том числе Усама бен Ладен.

Семейный клан бен Ладенов, в котором Усама был одним из 25 братьев, обладал огромным состоянием[16] и связями с правящей саудовской династией, которые установились при Мухаммеде бен Ладене, отце Усамы, чья крупнейшая в арабском мире строительная компания ВТР возводила новую королевскую резиденцию и жилища для паломников, совершавших хадж в Мекку. Усама, как и его братья, обучался в университете имени короля Абд аль-Азиза в Джидде вместе с саудовскими принцами и поддерживал с ними дружеские отношения. Мировоззрение Усамы бен Ладена как убежденного сторонника джихада во многом сформировалось под влиянием таких его духовных наставников, как Мухаммед Кутб (брат Сейида Кутба) и известный исламистский деятель Абдалла Аззам, один из идеологов афганского джихада. В начале афганской войны Усама бен Ладен сформировал «Исламский фонд спасения», а в 1986 г. финансировал и создавал вместе с Абдаллой Аззамом тренировочные лагеря в Пакистане и Афганистане, через которые прошли тысячи муджахедов, в том числе и алжирских. Среди будущих командиров муджахедов, проходивших военную подготовку в лагерях Усамы бен Ладена был и небезызвестный Ибн аль-Хаттаб, в будущем один из наиболее известных полевых командиров в Чечне, провозгласивший себя «эмиром арабских муджахедов на Кавказе»[17]. Через эти лагеря повстанцы снабжались всем необходимым для ведения боевых действий, включая самое современное вооружение, поступавшее по каналам американских спецслужб.

С 1988 г. Усама бен Ладен начинает формировать свою организацию «Аль-Каида» (база – араб.), основой для которой послужила информационная база данных (отсюда и это название), включавшая материалы о руководителях муджахедов, проходивших через его тренировочные лагеря и пункты приема добровольцев (бейт аль-ансар). После окончания войны в Афганистане большинство таких исламистских лидеров вернулось на родину или обосновалось, не без помощи Усамы бен Ладена, в Европе или в США. С ними продолжала поддерживаться связь и им оказывалась финансовая поддержка, в результате чего они могли продолжить джихад уже в другом месте и против других врагов. Среди таких муджахедов, возможно, близких к Усаме бен Ладену[18], фигурировали три будущих эмира ВИГ – Абд аль-Хакк Лайада, Шериф Гузми и Джамиль Зетуни.

В период руководства ВИГ Джамилем Зетуни (1994–1996 гг.) было совершено большинство террористических актов против французских граждан как во Франции, так и на территории Алжира. Сама Франция из-за ее поддержки, оказываемой алжирским властям в их борьбе против террористической деятельности ВИГ, была объявлена «главным врагом ислама на Западе». Французская полиция в ходе операций по обнаружению исполнителей террористических актов задержала не-

сколько сотен человек, в основном алжирских граждан, проживавших во Франции. На суде обвиняемые отрицали свою принадлежность к ВИГ. Тем не менее многие материалы, собранные следствием, позволяют утверждать, что преступления совершались по приказу эмира ВИГ, а финансирование террористических акций как во Франции, так и в Алжире осуществлялось через исламистские организации в Лондоне. На территории Франции непосредственными исполнителями террористических акций часто выступали молодые люди – дети алжирских эмигрантов. Таковым был убийца шейха Сахрауи, имама парижской мечети в районе Барбес и одного из основателей ИФС, приговоренного ВИГ к смерти за его якобы имевшие место контакты с французскими спецслужбами.

У ВИГ, так же как и ИФС, имелись достаточные связи в многочисленных исламских организациях, легально действовавших во Франции (в 1993 г. их насчитывалось более 2 тыс., и они были объединены в Союз исламских организаций Франции), в которых нередко работали их функционеры. В частности, организацию «Алжирское братство во Франции» (Fraternité Algerienne de France) создал и с 1990 г. возглавлял Джафар аль-Хуари, член руководства «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом», одно время, будучи джазаиристом, примыкавший также к ВИГ.

Наряду с организацией «Аль-Каида», которая существовала нелегально, в европейских странах на легальной основе в середине 90-х годов действовал целый ряд крупных исламистских организаций. Например, свои отделения в Лондоне имели исламистские партии «Хизб ат-тахрир» (Партия освобождения), Исламская лига последователей священного Корана и Сунны и ряд других, которые регулярно проводили сбор средств для «борцов джихада», в том числе и для алжирской ВИГ. Одно из самых крупных и радикальных исламистских движений «аль-Мухаджирун» (Эмигранты) создал сирийский исламист Омар Бакри, сумевший организовать два крупных митинга под исламистскими лозунгами в Лондоне на стадионе Уэмбли. Омар Бакри собирался также провести в Лондоне в 1996 г. исламистскую конференцию (впоследствии запрещенную властями Великобритании), где ее участники должы были заслушать выступления (в записи) таких известных радикальных исламистских деятелей, как Усама бен Ладен, заместитель председателя алжирского ИФС Али Бенхадж, саудовский исламист экстремистского толка Мухаммед аль-Массари и шейх Омар Абд ар-Рахман, член египетской организации «Джама'ат ислямийя», отбывавший наказание за причастность к взрыву в Нью-Йоркском Всемирном торговом центре в марте 1993 г.

Лондон в 90-е годы, по определению французского исламоведа Жиля Кепеля, стал «столицей международного исламизма». Сюда эмигрировали, пользуясь достаточно либеральной в тот период процедурой получения въездной визы, многие известные деятели различных исламистских партий и движений. Причем некоторые получи-

ли даже статус политического беженца. В частности, в Лондоне пребывали Рашид Ганнуши, идеолог тунисского исламизма и руководитель тунисского «Движения исламской направленности»; Джафар аль-Хуари, один из руководителей алжирской «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом»; члены руководства египетских исламистских партий «Джама'ат ислямийя» и «аль-Джихад»; Мухаммед аль-Масари, лидер саудовской исламистской оппозиции. Кроме того, в Германии получил политическое убежище Рабах Кабир, председатель «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом», а в Бельгии – Улд Адда Абд аль-Крим, ответственный за связи с прессой «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом». Некоторые исламистские партии и их руководители, находившиеся на положении политических беженцев, получили возможность издавать и распространять свои печатные издания. Среди них такие, как «Аль-Ансар», орган алжирского и международного салафитского движения, «Ле Критэр», еженедельник «Алжирского братства во Франции», регулярно публиковавший «новости джихада» (в настоящее время запрещен французскими властями), ежемесячники «Аль-Хайят» (Жизнь) и «Аль-Кудс аль-арабий» (Арабский Иерусалим). Кроме того, многие зарубежные центры исламистских организаций, в том числе запрещенный алжирскими властями ИФС, имеют собственные ВЭБ – страницы в Интернете, которые они используют для пропаганды своих концепций. Так, например, в 1999 г. на интернетовском сайте ИФС появился объемный «Манифест Исламского фронта спасения за справедливость и мир в Алжире», где на 42 страницах проводился собственный анализ экономической и социально-политической ситуации в Алжире и предлагался свой вариант выхода страны из кризиса. Кроме того, излагалась точка зрения ИФС на прерывание выборного процесса в Алжире в январе 1992 г., которое определялось как «государственный переворот, совершенный военно-политической олигархией, озабоченной прежде всего сохранением своих собственных привилегий и поправшей все демократические нормы и волеизъявление алжирского народа»[19]. Материалы, публикуемые ВИГ, обвиняли алжирские власти в массовых нарушениях прав человека, в частности, в якобы имевших место нападениях спецподразделений алжирской армии на деревни, жители которых поддерживали на парламентских выборах в 1991 г. исламистов[20], а также в незаконных арестах и пытках заключенных. Впоследствии такого рода материалы передавались в международные правозащитные организации, что создавало своеобразное информационное и идеологическое прикрытие для исламистов.

После известных террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке в результате контртеррористической операции в Афганистане была в основном разрушена военная инфраструктура организации «Аль-Каида», а также предприняты меры, препятствующие ее финансированию. Многие европейские страны, в том числе Великобрита-

ния, внесли изменения в свои законодательства для пресечения деятельности на их территории радикальных исламистов и привлечения их к судебной ответственности. В частности, были арестованы Абу Катада, один из сподвижников бен Ладена, издававший в Лондоне журнал «Аль-Ансар», Анвар Хадцам, руководитель базировавшейся в США «Парламентской делегации ИФС за рубежом» и несколько членов продолжавшей поддерживать связи с бен Ладеном алжирской Салафитской группы для проповеди и борьбы, находившихся в Голландии.

В Алжире ряды непримиримой исламистской оппозиции значительно поредели после мер, осуществленных на основе закона о восстановлении гражданского согласия и операций алжирской армии, проведенных в 2000–2001 гг. Их итогом стало уничтожение большого числа боевиков, а также баз снабжения и главного командного пункта ВИГ. Если к концу 1999 г. число муджахедов всех радикальных группировок, представленных ВИГ, Салафитской группой для проповеди и борьбы и вышедшей из нее группой Абд ар-Раззака, оценивалось примерно в 2 тыс. человек, то к 2002 г. оно сократилось, по разным источникам, до 800[21].

Тем не менее наряду с существенным ослаблением радикального исламизма и исламистского движения в целом в Алжире глубинные причины их возникновения сохраняются. Основная из них порождена большим числом нерешенных социально-экономических проблем, затрагивающих значительную часть населения. Наиболее острой из них продолжает оставаться безработица. Так, по данным алжирской прессы, каждый год ряды безработных пополняют более 160 тыс. молодых алжирцев[22]. Еще одной проблемой алжирского общества становится берберское движение, возникшее весной 2001 г. в районе Кабилии и требующее признания берберской культуры, языка (амазиг) и национальной самоидентификации. Вместе с тем глубинная причина берберского протеста наряду с чисто национальными составляющими коренится в нерешенности все тех же жизненно-важных для населения проблем. В этой связи необходимо отметить, что экономические трудности и снижение жизненного уровня достаточно значительной части населения, как правило, вызывают стихийный протест, который может приобретать различные, даже экстремистские формы.

Это подтверждает и пример Алжира, где системный кризис конца 80-х годов спровоцировал протест неимущих слоев общества, который сумели возглавить исламистские лидеры, создав массовое исламистское движение, радикальные силы которого поставили страну на грань гражданской войны. Низкий уровень жизни и нерешенность насущных экономических проблем порождают социальное возмущение, которое используют в своих целях экстремистские организации, проповедующие террор, в том числе международный. Кроме того, питательной средой международного терроризма является перманентная неурегулированность сложных международных проблем и, в

первую очередь, палестино-израильского конфликта. Борьба с международным терроризмом, на наш взгляд, могла быть более успешной, если бы наряду с его военным подавлением международное сообщество приложило максимум усилий для разрешения на справедливой основе конфликтов, где затронуты национально-религиозные интересы различных конфессий, а также для улучшения социально-экономиче-ской ситуации в развивающихся странах.

[1] www.liberte-algerie.com/avril 2002/25/1e journal.htm

[2] Ibid., с. 33.

[3] Исламский фронт спасения (ИФС) был создан в Алжире в марте 1989 г. и по заявлению его лидера Аббаси Мадани насчитывал в 1991 г. 3 млн. членов. ИФС располагал эффективной «партийной структурой, основу которой составляли комитеты кварталов (ляджна аль-хэй – араб.), формировавшиеся, как правило, при местных мечетях. Таким образом, ИФС к 1991 г. мог контролировать около 9 тыс. мечетей из их общего числа в Алжире, составлявшего 11 тыс. Кроме того, под эгидой ИФС были сформированы молодежная организация «Молодые мусульмане» (фитьян муслимун – араб.) и профсоюзная – «Исламский профсоюз труда» (никаба ислямийя ли-ль-амаль – араб.).

[4] В результате первого тура парламентских выборов 26 декабря 1991 г. ИФС получил 188 из 430 депутатских мест в тогдашнем алжирском парламенте. Таким образом, получив во втором туре всего 28 мест, что было практически гарантировано, учитывая значительную поддержку в тот период населением исламистов, ИФС мог иметь большинство в парламенте, то есть 216 мест.

[5] Вооруженное алжирское исламское движение (ВАИД) было создано бывшим членом ФНО Мустафой Буяли в 1979 г., который вышел из него из-за несогласия с политикой социалистической ориентации, проводившейся в тот период руководством ФНО. Мустафа Буяли и его соратники были последователями египетского идеолога исламского фундаментализма Сейида Кутба (1906–1966) и провозглашали своей целью создание в Алжире исламского государства путем вооруженной борьбы (джихада) с правящим режимом. В 1987 г. ВАИД была разгромлена алжирскими силами правопорядка, а сам Мустафа Буяли погиб в одном из столкновений с правительственными войсками.

[6] Basbous Antoine. L'Islamisme, une révolution avortée? – P., 2000, с. 147.

[7] Салафиты (салаф – предок, предшественник) – общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «праведных предков» (аль-асляф ас-салихун).

[8] Цит. по: Kepel Jilles. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. – P., 2000, с. 260.

[9] Ibid., с. 260.

[10] Jeune Airique/L'Intelligent. № 2145. 18–24 fevrier 2002, с. 35.

[11] Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. – М., 1999, с. 231.

[12] Комитеты самообороны (лиджан ад-дифа') – вооруженные отряды, сформированные властями из жителей районов, подвергавшихся нападению исламистских боевиков.

[13] Цит. по: Kepel Jilles. Jihad.Expansion et declin de l'islamisme. – P., 2000, c. 405.

[14] Jeune Afrique/L'Intelligent. № 2152. 8–14 avril 2002, c. 22.

[15] Ibid.

[16] Члены семьи бен Ладенов назывались американскими журналами «Форчун» (Fortune) и «Форбс» (Forbes) одними из самых богатых людей мира. – Basbous Antoine. L'Islamisme, une révolution avortée? – P., 2000, c. 41.

[17] Ibid., c. 53.

[18] В начале 90-х гг. Усама бен Ладен после провозглашения им джихада «против евреев и американцев», был лишен саудовского гражданства, а его семья отказалась поддерживать с ним какие бы то ни было отношения.

[19] www.fisalgeria.org/newsletters/Manifeste. html c. 22.

[20] File://A:\press review.htm c. 3.

[21] Jeune Afrique/L'Intelligent. № 2145. 18–24 février 2002, c. 34.

[22] www.liberte-algerie.com/avril 2002/25/le journal. Htm#2

О.И.Жигалина

ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН: ОТ КОНФЛИКТА К ДИАЛОГУ

На протяжении многих веков курды проживали на территории между Ираном и Турцией в Курдистане. В этом пространстве формировались социальные, религиозно-философские, культурные и иные особенности курдской общности. Здесь устанавливались контакты курдов со многими народами Востока и Запада. Это отразилось и на развитии курдского языка, и на религиозной ориентации этноса, и на общественной мысли и многих других сторонах жизни.

В результате распада Османской империи после первой мировой войны курды оказались жителями возникших на ее обломках новых государств – Турции, Ирака и Сирии, а часть курдов осталась проживать в пределах Ирана. Такое разделение, осуществленное странами Антанты, негативно отразилось на дальнейшем этническом и социальном развитии курдского народа, поскольку не отвечало его реальным потребностям. Проведенное национально-государственное размежевание явилось причиной того, что Курдистан превратился в зону потенциальной этнической конфликтности. Утвердившаяся там прежде специфическая социокультурная система была нарушена, а курды Турции, Ирака и Сирии попали под воздействие новых для них государственных и политических структур. Курды были вынуждены предпринимать этнозащитные акции. Однако их неудовлетворенностью пытались воспользоваться различные политические силы как Востока, так и Запада.

В данной статье мы ограничимся исследованием межнациональных отношений в современном Иранском Курдистане и затронем аспект межцивилизационных отношений в собственно Курдистане, т.е. отметим некоторые интересы в этом ареале Ирана (как представителя мусульманской цивилизации) и США (как представителя западной цивилизации).

Термин «Иранский Курдистан» условен, в научной литературе, как известно, он обозначает район расселения курдов северо-западного Ирана. Это территория местожительства курдов в нескольких иранских провинциях (Западный Азербайджан, Курдистан, Илам, Бахтаран). Зону компактного проживания составляет территория бывшего эмирата Арделан (современная провинция Курдистан с центром в городе Сенендедже). В этом ареале курды традиционно занимали доминирующее положение и в управлении, и в экономике, и в

социально-культурной сфере. С севера и юга к нему примыкают районы, где курды обитают совместно с другими национальностями страны. В северной части Иранского Курдистана курды проживают совместно с тюрками (азербайджанцами, афшарами, карапапахами), армянами, ассирийцами, евреями, персами и пр. Население Иранского Курдистана представляет значительное разнообразие национальных культурно-бытовых особенностей. Это находит отражение в конкретной этнической вариативности форм материальной и духовной культуры, специфических устоях мировоззренческих стереотипов, поведенческих нормах. Но и там курды занимают лидирующее общественное положение. Например, традиционно губернатор Мехабада принадлежал к одному из влиятельных родов мукринских курдов, который назначался по взаимному согласию иранского правительства с родоплеменной верхушкой мукринцев[1].

Несмотря на то, что курды являлись представителями скотоводческо-земледельческой общины и не участвовали в создании городов, бурные этнические и социальные процессы, характерные для Иранского Курдистана, позволили курдам проявить свою общественную значимость. Борьба за власть над страной была, по сути, борьбой за власть над городом. Высшая администрация назначалась шахом и управляла от его имени. Это делало внутреннюю структуру городской общины полностью подчиненной центральной власти. Экономическую жизнь городов в Иранском Курдистане, как и в стране в целом, определяли феодально-бюрократические слои. Они владели базарами, караван-сараями, ремесленными рядами, лавками и т.д. Эти слои составляли преимущественно персы и тюрки (азербайджанцы), шииты по своей религиозной принадлежности. Торговлей в таких городах занимались азербайджанцы, ассирийцы, армяне и евреи. Среди них были мусульмане, христиане, иудеи. Курды, приезжая на базар, как правило, останавливались в излюбленных ими определенных городских кварталах, из года в год заезжая к своим друзьям[2]. Ход исторического развития региона привел к значительному конфессиональному плюрализму населения. Курды представляли значительную часть военной аристократии, и иранские шахи давали им определенные привилегии.

Происходившие в монархическом Иране интеграционные процессы отразились и на характере межнациональных отношений в Иранском Курдистане. До свержения шахского режима определенное сближение населявших страну национальностей гарантировала политика иранского национализма. Она была нацелена на разрушение традиционных форм общественных отношений, на формирование социальной структуры и хозяйства, свойственных капиталистическому обществу, распространение общеиранских форм культуры, внедрение персидского языка во все сферы жизни и т.д. При этом игнорировались национально-культурные запросы неперсидских народов страны. Социально-политическая и экономическая неудовлетворенность

иранских курдов, ущемление их национально-государственного статуса и иные причины порождали претензии к властным структурам, представителям доминирующего этноса (персоязычным иранцам), с которыми связывались этнокультурные последствия интеграционных процессов. Между тем использование военных и репрессивных институтов позволяло шахскому режиму в целом сохранять определенный баланс межнациональных отношений.

Важную роль в формировании межнациональных отношений играют такие факторы, как язык, численность этноса, историческая память народа, уровень национального самосознания и пр.

Курдский язык принадлежит к числу самостоятельных языков иранской группы и в Иране отличается диалектным разнообразием. Но иранские власти ошибочно причисляют его к диалектам персидского языка. Несмотря на это, иранские курды обладают двуязычием, позволяющим им использовать во взаимных контактах персидский язык как язык межнационального общения. Это – результат исторического развития, пройденного курдами в рамках иранской государственности и социально-политического и идеологического единства иранской монархии. Вместе с тем курды составляют третий по своей численности (после персов и азербайджанцев в Иране и после турок и арабов в регионе Западной Азии) этнос. Курды перешли тот рубеж, когда национальные идеи, получая распространение и поддержку в массовом сознании, становятся реальной общественно-политической силой. При этом важным фактором, формирующим фон межнациональных отношений в Иранском Курдистане, служит высокий уровень национального самосознания иранских курдов. Значительную роль играет их соседство с курдами Ирака и Турции, которые отличаются большой политической активностью. Являясь одним из важных элементов, вокруг которого концентрируются национальные переживания курдской общности в Иране, особое значение приобретает историческая память, усиливающая этноконсолидационные процессы. Она становится силой, активно генерирующей этническое самосознание. В общественном восприятии иранских курдов присутствуют воспоминания о длительном историческом пути курдского народа, о славных и героических страницах прошлого, о неоднократных попытках иранских курдов в XX в. добиться национальной автономии в рамках иранского государства и т.п. Эти и подобные представления становятся призмой, в преломлении через которую часто оценивается современное состояние этнонационального развития иранских курдов и его ближайшие перспективы. Все это в определенной степени объясняет причины настойчивого требования иранскими курдами автономии в период свержения шахского режима в 1978–1979 гг. При этом они ссылались на опыт урегулирования межнациональных отношений в западных демократических обществах. Иранские власти обязывали курдов привести их автономистские требования в соответствие с по-

ложениями конституции страны. Компромисса в то время достичь так и не удалось.

В постреволюционный период иранские курды сделали серьезный вызов мусульманскому руководству Ирана, доказав свою способность к самостоятельной созидательной жизни. При этом важную функцию осуществляла курдская интеллигенция, которая четко осознавала назревшие проблемы национального развития. В Иранском Курдистане были предприняты меры по ликвидации неграмотности, стали печататься учебники, издаваться художественная литература, периодика. В связи с этим курдская интеллигенция стала носителем национальных идей, в определенной степени формирующим общую направленность межнациональных отношений. Иранские курды демонстрируют свою приверженность иранской государственности и свою будущность связывают с судьбой Ирана.

В 90-е годы XX в. иранские власти выдвинули концепцию национальной интеграции на основе общеиранской мусульманской культуры, создания такой модели общенациональной экономики, при которой отстающие в своем социально-экономическом развитии окраинные районы должны быть по уровню приближены к центру. Высшие иранские руководители провозгласили также приоритет культурного синтеза и уважения национально-культурных запросов всех национальностей страны. Эти тенденции особенно четко стали просматриваться при нынешнем иранском руководителе – президенте С.М.Хатами. В его политике межнационального общения наметилась очевидная ориентация на те национальные традиции, которые уважают все иранцы. Это прежде всего мировосприятие религиозной и культурной сверхтерпимости, актуализация иранской духовной культуры, науки, искусства. Эта политика проявила себя и в Иранском Курдистане. В Сенендедже был открыт университет, где обучение ведется по 36 специальностям, а в Урмие – научный центр «Салахеддин». Кроме того, восстановление разрушенной инфраструктуры стимулировало развитие внутреннего рынка, и тем самым оживилась хозяйственная деятельность курдского населения. Стали расширяться и полномочия местных общин. Курды начали более активно участвовать в местном управлении, несколько курдов были избраны в иранский меджлис. Однако депутаты от Курдистана были неудовлетворены слабым вниманием правительства к нуждам и запросам региона. Они выразили свой протест, выходя из меджлиса. Президент Хатами в феврале 2002 г. встретился с депутатами и выслушал их претензии. Хатами отметил, что в Иране население всех национальностей сохраняет свои культурные особенности и своеобразие. Оставаясь сторонниками резко негативного отношения к моральным порокам, присущим западной цивилизации, иранские мусульманские политики и идеологи признают, что «в человеке сохраняется душа Востока и разум Запада, и отрицание этих двух составных частей существа человека сделало

наше (иранцев) понимание его сути неполноценным и недостаточным»[3]. Несмотря на то, что нынешние иранские руководители не приемлют пути осуществления межнациональных отношений на секуляристских принципах западной демократии, они полагают, что решение существующих разногласий между исламскими и западными цивилизационными представлениями кроется в умении «говорить», «слушать» и «понимать».

Однако эта политика находит понимание далеко не у всех политически активных курдов. Одни из них полагают, что национальные интересы можно реализовать в современном Иране путем договоренностей с иранскими руководителями. Другие выбирают бескомпромиссный путь, полагая, что подлинной автономии можно добиться лишь с помощью оружия.

Диалог цивилизаций, по мнению нынешней администрации, – единственно возможный и необходимый, но одновременно сложный путь сохранения мира и стабильности в Иране и в регионе Западной Азии. Иран имеет свои политические интересы и в этническом Курдистане. В этом убеждает заинтересованность Ирана в сохранении нормальных добрососедских отношений с Ираком и Турцией, курдское население которых проживает у границ Ирана. После развязанной в 1980 г. Ираком войны против Ирана эти страны ныне находятся в состоянии перемирия. Нагнетание США обстановки вокруг Ирака создает напряженность в этническом Курдистане. Нельзя не признать, что Соединенные Штаты и Запад обладают прочной экономической основой, международным авторитетом и необходимым военным потенциалом для удара по Ираку, с одной стороны, а с другой – могут рассматривать возможность создания операционных баз в Иракском Курдистане. Вместе с тем основную ставку США, очевидно, будут делать на своего союзника – Турцию, которая является членом НАТО, стратегическим партнером США в локальных войнах и определенным гарантом политических интересов США в Западной Азии. В этой сложной ситуации, занимая непримиримые антиамериканские позиции в международных отношениях, Иран вынужден поддерживать связи с некоторыми курдскими политическими течениями в этническом Курдистане для реализации своей политической и экономической заинтересованности в регионе. Создаваемая США напряженность в этническом Курдистане может вызвать миграционные потоки из Иракского Курдистана в Иран, потенциально угрожая стабильности той части страны, где проживают иранские курды.

Таким образом, в своей внутренней и внешней политике ИРИ выбирает путь диалога в качестве способа урегулирования как внутренней, так и внешнеполитической нестабильности. Вместе с тем перед лицом усиления мусульманских тенденций в бытовой культуре усиливаются и этноцентристские начала неперсидского населения. Поэтому при отсутствии демократических институтов и возможностей

свободного выражения своей социальной неудовлетворенности в рамках плюралистических дискуссий в стране может вспыхнуть неприязнь ряда периферийных этносов к доминирующим во властных структурах персоязычным иранцам-шиитам. В их числе могут оказаться и иранские курды. При этом важно и необходимо соблюсти тот баланс в межнациональных отношениях, который будет гарантировать этнополитическую стабильность в Иранском Курдистане. Именно это и стремятся обеспечить нынешние иранские руководители.

[1] Вильчевский О.Л. Мукринские курды (этнографический очерк). Переднеазиатский этнографический сборник. I, М.-Л., 1958, с. 243.

[2] Вильчевский О.Л. Курды северо-западного Ирана. – Тбилиси, 1944, с. 43.

[3] Хатами С.М. Выступление на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной диалогу цивилизаций. – М., 2001, с. 67.

В.К.Киташов

ПОСРЕДНИЧЕСТВО США В УРЕГУЛИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

Но сколько б за землю мы войн ни вели,
Любому отмерят пядь нашей земли,
Лишь яму, чтоб нас опустили в нее,
Когда мы земное пройдем бытие.
Тщета – все иное, лишь горечь и боль
Сулит ненасытным земная юдоль.

Фирдоуси, «Шахнаме».

Под Ближним Востоком мы понимаем территорию от Ирака до Мавритании, на которой сегодня расположены 20 арабских государств общей площадью около 13.500 тыс. кв. км и населением более 300 млн. человек и одно еврейское – Государство Израиль площадью 14,1 тыс. кв. км, а вместе с территорией, присоединенной в ходе арабо-израильской войны 1948–49 гг., – 20,7 тыс. кв. км с населением 6 млн. человек.

Ближний Восток занимает исключительно важное геостратегическое положение: он находится на стыке трех континентов: Европы, Азии и Африки и контролирует кратчайший морской путь от Атлантического до Индийского океана через Гибралтарский пролив, Суэцкий канал и Баб эль-Мадебский пролив. На арабские страны приходится 61% мировых запасов нефти и 21% природного газа. Доля арабов в мировой добыче углеводородного сырья приближается к 20%, а по прогнозам должна возрасти до 45% [1].

Одним из первых американских президентов, обративших внимание на значимость региона, был Г.Трумэн. Еще в начале 40-х годов, когда сионисты вели спор с Великобританией за увеличение квоты еврейской иммиграции в Палестину, против чего возражал Лондон, Г.Трумэн однозначно и четко высказался в поддержку сионистских требований. Так, в своей автобиографии он писал: «Я уже давно познакомился с проблемой еврейского национального очага, с историей этого вопроса и с позицией англичан и арабов. Я скептически относился... к некоторым воззрениям и мнениям «молодых людей в смокингах» из государственного департамента (высказывавшихся за поддержку позиции арабов – прим. автора). Мне представлялось, что их не слишком волнует то, что происходит с тысячами перемещенных

лиц (имеются в виду еврейские беженцы в Европе – прим. автора), имеющих отношение к этой проблеме. Я надеялся, что нам удастся соблюсти долговременные интересы нашей страны и в то же время помочь жертвам преследований обрести родину»[2].

В этой связи небезынтересно отметить, что президент Г.Трумэн объявил о признании Соединенными Штатами Израиля de facto за три часа до его официального провозглашения еврейскими руководителями. Отмечая вклад Г.Трумэна в дело создания еврейского государства, Д.Бен-Гурион позднее скажет, что «благодаря его помощи нам, благодаря его постоянному сочувствию нашим задачам в Израиле, его отважному решению признать наше государство и неуклонной поддержке в еврейской истории его имя (Трумэна) сохранится навеки» [2, с. 292].

В 1946 г. Трумэн охарактеризовал Ближний Восток как «район громадного экономического и стратегического значения для США» [3, с. 304]. Эта оценка региона Г.Трумэном разделялась всеми последующими президентами США. Под предлогом обеспечения безопасности Ближнего Востока США создали в Израиле, Саудовской Аравии и соседних с регионом государствах – Испании, Италии, Греции, Турции – сеть военно-воздушных, военно-морских баз и военных объектов. В Средиземном море на постоянном боевом дежурстве находится 6-й военно-морской флот США, готовый в любое время выполнить не только военные, но и политические задачи.

Исходя из долгосрочных геостратегических планов, Соединенные Штаты считают своими главными целями на Ближнем Востоке следующие:

– обеспечение контроля над нефтяными и газовыми месторождениями в арабских странах, контроль за добычей и экспортом их энергоносителей,

– военная, политическая и экономическая поддержка Израиля как главного после НАТО союзника США в регионе,

– борьба с воинствующим арабским национализмом и исламским экстремизмом,

– ослабление влияния России в регионе.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. президент Дж.Буш дополнительно провозгласил новую долгосрочную цель, которая непосредственно касается арабских стран – борьба с международным терроризмом.

Какими же средствами и методами США пытались и пытаются сегодня реализовывать свои цели?

Известный американский политолог, профессор Гарвардского университета, директор Центра международных отношений Гарвардского университета Самуэль Хангтингтон, характеризуя средства и методы, используемые американскими внешнеполитическими ведомствами, отмечает, что США, опираясь на свою исключительность,

превосходство и мощь, пытались в течение последних нескольких лет односторонне делать следующее: заставлять другие страны воспринять американские ценности и практику, касающуюся прав человека и демократии; мешать другим странам приобретать военные возможности, которые могли бы противостоять американскому превосходству в обычном вооружении; навязывать американские законы экстерриториально другим обществам; давать оценку странам в зависимости от их следования американским стандартам в области прав человека, наркотиков, терроризма, распространения ядерного оружия, распространения ракетного оружия, а теперь и религиозной свободы; применять санкции против стран, не отвечающих американским представлениям; содействовать интересам американских корпораций под лозунгом свободной торговли и открытых рынков; определять политику Всемирного банка и Международного валютного фонда таким образом, чтобы они служили тем же интересам корпораций; вмешиваться в местные конфликты, представляющие малый прямой интерес для США; вынуждать другие страны принимать экономическую и социальную политику, которые благоприятствовали бы американским экономическим интересам; содействовать продажам американского оружия за границу, в то же время пытаясь препятствовать сравнимым продажам других стран; отправить в отставку одного генерального секретаря ООН и навязать назначение его преемника; расширить НАТО, вначале включив в него Польшу, Венгрию и Чешскую Республику и больше никого; предпринять военную акцию против Ирака, а позже установить жесткие экономические санкции против этого режима; отнести некоторые страны к категории «государств-изгоев», исключив их из глобальных институтов за то, что они отказываются смиренно выполнять американские желания [4, с. 4, 5]. Добавим к этому, что в качестве средства давления на другие страны США пытаются использовать также «экономические санкции и военные вмешательства, бомбежки и обстрелы крылатыми ракетами своих противников» [4].

Мы не ставим целью в данной статье всесторонне исследовать политику Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, а только тот ее аспект, который касается их посредничества в урегулировании ближневосточного конфликта, а поэтому будем акцентировать и приводить примеры, главным образом раскрывающие эту тему.

Прежде всего скажем, что приведенные выше Самуэлем Хантингтоном факты о средствах и методах, применяемых США во внешней политике, полностью подтверждаются их действиями в отношении арабских государств. Так, в нарушение международных дипломатических норм Соединенными Штатами была принята «доктрина Эйзенхауэра», предусматривающая «право» одностороннего вмешательства, в том числе и вооруженным путем, во внутренние дела любой страны Ближнего Востока, для борьбы с «международным коммунизмом», а в 1979 г. – «доктрина Картера», разрешающая более

активное использование американской военной силы в целях регулирования ситуации в выгодном для США направлении. Суть этой доктрины заключалась в откровенных притязаниях на «право» требовать в любом районе мира, который США в одностороннем порядке объявят сферой «своих жизненно важных интересов», установления угодных им порядков, не допускать там каких бы то ни было не устраивающих их социальных и иных перемен [3, с. 306–307].

Когда же, по мнению американских правящих кругов, эти «интересы» США могут быть ущемлены, провозглашалось «право» на вмешательство вплоть до использования всех необходимых средств, включая военную силу. В доктрине был предусмотрен также ряд мер, направленных своим острием против развивающихся стран и прежде всего против государств Ближнего Востока [3].

Следует отметить, что если в 50-е годы США рассчитывали добиться успеха в регионе, полагаясь главным образом на свою военную мощь, то в 60-х – начале 70-х годов ставка была сделана на использование военного потенциала Израиля. Отношения между США и Израилем развивались с тех пор стремительными темпами. Напомним лишь некоторые моменты.

В 1950 г. между ними были подписаны соглашения о воздушном сообщении, об оборудовании порта Хайфа, о поддержании воздушной базы в Лоде, о реконструкции и введении в действие около 200 миль железных дорог. В 1951 г. подписан Договор о дружбе, торговле и судоходстве, в 1952 г. – военное соглашение и соглашение об оказании чрезвычайной экономической помощи и соглашение о помощи по обеспечению взаимной безопасности, в 1956 г. – соглашение о финансировании программ взаимного обмена в области образования, об оказании культурной и научной помощи Израилю. В дальнейшем все эти соглашения продлевались и дополнялись. Отметим, что главной целью этих соглашений было содействие укреплению военной и экономической мощи Израиля. Подчеркнем также, что США все время оказывали Израилю политическую поддержку в международном плане, когда в Совете Безопасности или ООН обсуждались конфликтные ситуации на Ближнем Востоке. Израиль со своей стороны оказывал поддержку политическими и военными средствами планам США.

В начале 60-х годов администрация Дж.Кеннеди объявила о существовании «особых отношений» с Израилем и заключила с ним соглашение о военных поставках. В дальнейшем администрация Л.Джонсона неуклонно проводила курс на обеспечение военного превосходства Израиля над арабскими странами. В 1963 г. Израиль получил от США первую партию ракет класса «Земля-воздух», «Хок», в 1964 г. – танки, в 1966 г. – самолеты «Скайхок».

Война 1961 г. против арабских стран была начата Израилем после одобрения руководством США, которые рассчитывали, используя

последствия этой войны, вынудить арабские страны пойти на уступки Израилю и смягчить свою позицию в вопросах ближневосточного урегулирования, однако тогда этому плану не суждено было осуществиться.

В декабре 1981 г. между США и Израилем был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества». Впервые в истории американо-израильских отношений было официально закреплено сотрудничество между обеими сторонами, распространявшееся не только на Ближний Восток, но и на все Восточное Средиземноморье. Текст и сам дух меморандума были продиктованы «стратегией» американо-советского противостояния. Целью «стратегического сотрудничества», как указывалось в преамбуле, а затем повторялось в статье 1, было «сдерживание угрозы миру и безопасности региона», исходящей от Советского Союза или от других внешний сил, находящихся под советским контролем [5, с. 220].

Опуская целый ряд соглашений, подписанных между США и Израилем позднее, упомянем еще лишь о двух, а именно: «Меморандуме о взаимопонимании» от декабря 1987 г. сроком на 10 лет, предоставлявшем Израилю статус «Основного союзника США за пределами НАТО» и прежде всего в области совместных проектов и НИОКР по вооружениям, и «Меморандуме 1988 г.», сроком на пять лет, закрепляющем юридически сложившуюся практику сотрудничества между двумя странами в военной, технологической и политической областях, а также в области разведки [5, с. 230].

Таким образом, используя политические, экономические и военные рычаги, Соединенным Штатам удалось превратить Израиль в орудие достижения своих целей на Ближнем Востоке. Разумеется, что дружба с США отвечала интересам руководства Израиля.

До 70-х годов казалось, что военно-политический тандем США – Израиль окончательно подорвал сопротивление арабов, и мирный процесс урегулирования ближневосточного конфликта зашел в глубокий перманентный тупик.

Чтобы лучше представить последующие действия американцев, вкратце напомним истоки и суть конфликта по состоянию на тот период.

Среди востоковедов и политологов нет единого мнения об истоках конфликта. Экстремисты полагают, что они уходят своими корнями в те времена, когда евреи были изгнаны римлянами из Эрец Исраэль после подавления еврейского восстания под руководством Бар Кохбы в 132 г., н.э. и рассеяны по другим странам. Другие считают, что его признаки появились во второй половине XIX века, когда в Палестину на свой страх и риск устремились группы евреев из России и стран Восточной Европы. Третьи, чье мнение разделяет и автор статьи, придерживаются точки зрения, что начало конфликту положило решение Всемирного сионистского конгресса в Базеле (Швейцария) в 1897 г. о намерении создать еврейское государство в Палестине. Есть и такие, кто считает началом конфликта Декларацию лор-

да Бальфура, принятую парламентом Великобритании в 1917 г., о праве евреев на создание своего «очага» в Палестине, что явилось правовой международной основой для деятельности сионистов, и, наконец, некоторые полагают, что конфликт начался со времени провозглашения Государства Израиль.

Как бы там ни было, но его основной характерной чертой до создания государства была борьба за землю между еврейскими иммигрантами и местными арабами, носившая внутрипалестинский аспект. После же создания Государства Израиль конфликт получил новое арабо-израильское измерение, поскольку в него непосредственно оказались вовлечены соседние арабские государства. И, наконец, после арабо-израильской войны 1973 г. конфликт разросся до масштаба международного ближневосточного, так как с этого времени прямо или косвенно в него оказались втянуты десятки государств мира. При этом четко обозначились и его основные участники, а именно: с одной стороны – Израиль и поддерживающее его международное сионистское движение, а также Соединенные Штаты, а с другой – палестинские арабы, поддерживающие их арабские страны и некоторые мусульманские государства.

Таким образом, на сегодня конфликт продолжается уже 104 года, его жертвами стали тысячи арабов и евреев, а его материальные потери оцениваются в миллиарды долларов. Стремясь урегулировать конфликт, Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 г. приняла резолюцию о создании на территории Палестины двух независимых государств: еврейского, площадью 14,1 тыс. кв. км и арабского, площадью 11,2 тыс. кв. км. Однако эта резолюция не только не способствовала разрешению конфликта, но еще больше осложнила его. В ходе последовавшей арабо-израильской войны 1948–49 гг. Израиль захватил 6,7 тыс. кв. км территории, отводившейся арабскому государству, 750 тысяч палестинцев стали беженцами [4, с. 64]. Позднее, в ходе войны 1967 г. Израиль захватил у арабов еще 70 тыс. кв. км территории: Синайский полуостров у Египта, сектор Газа, Западный берег реки Иордан и восточную часть Иерусалима у палестинцев, Голанские высоты у Сирии и небольшие участки территории у Иордании и Ливана. По данным ООН, только в июне 1967 г. беженцами стали 100 тыс. египтян и сирийцев, а также около 300 тысяч палестинцев [4, с. 64]. По оценкам, на начало 2000 г. палестинских беженцев в разных странах насчитывалось уже около 4 млн. человек. Кроме того, надо упомянуть, что на оккупированных территориях Израиль создавал еврейские поселения, число которых к концу 80-х годов превысило 200 [6, с. 190].

До октябрьской войны 1973 г. позиции конфликтующих сторон сводились к следующему: арабские страны и палестинцы в соответствии с резолюциями СБ ООН № 242 и 339 требовали отхода Израиля к границам 1967 г., а Израиль под разными предлогами затягивал выполнение этих резолюций. В качестве средства решения конфлик-

та он предлагал двусторонние переговоры с каждой из арабских стран и палестинцами в отдельности, а последние настаивали на созыве международной конференции под эгидой ООН, на которой был бы обсужден весь комплекс вопросов.

Сложившаяся к тому времени военно-политическая обстановка в регионе (ни войны, ни мира, ни переговоров) отвечала интересам Израиля, который использовал ее в своих целях.

Чтобы пресечь подобные действия Израиля и привлечь внимание мировой общественности, прежде всего США и СССР, к необходимости возобновить процесс урегулирования, президенты Египта и Сирии – Анвар Садат и Хафез Эль-Асад – договорились нанести по Израилю внезапный мощный военный удар. В начале октября 1973 г. египетские войска прорвали израильскую оборону на Суэцком канале, а сирийские начали наступление на Голанских высотах. Эта акция и ее первые арабские успехи явились полной неожиданностью не только для Израиля, но и для США. Следует отметить, что израильтяне не только сумели быстро приостановить египетско-сирийское наступление, но и перейти в контрнаступление в направлении на Каир и Дамаск. События угрожали перерасти в новую мировую войну, с вовлечением в нее Соединенных Штатов и Советского Союза. Как заявил позднее президент США Дж.Картер в выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 октября 1977 г. «война там (имея в виду октябрьскую войну 1973 г.) уже приводила мир на грань ядерного противостояния» [9, с. 133].

Осознав в то время опасность возникновения большой войны в регионе и ее негативные последствия для США, на Ближний Восток в срочном порядке прибыл государственный секретарь Генри Киссинджер и начал переговоры с заинтересованными сторонами о прекращении огня, подключив к ним Советский Союз. Благодаря его усилиям перемирие было заключено, но результат, на который рассчитывали президенты Анвар Садат и Хафез Эль-Асад, был достигнут. Исход войны открывал перспективу политического решения конфликта. 21 декабря 1973 г. под эгидой ООН и под председательством Советского Союза и Соединенных Штатов открылась Женевская мирная конференция по ближневосточному урегулированию, однако по вине США и Израиля работа этого форума оказалась крайне непродолжительной и, по существу, безрезультатной.

Вместе с тем итоги войны на поверку оказались весьма существенными и далеко не ограничивались созывом Женевской конференции.

Прежде всего потерпела крах израильская военная доктрина, предусматривающая возможность нанесения военных ударов по арабским странам без существенных для себя потерь. В этой войне Израиль понес материальные убытки, оцениваемые в 4 млрд. долларов США, что составляло примерно половину валового национально-

го продукта страны в 1973 г. Кроме того, он потерял 2,8 тыс. человек убитыми ,8 тыс. ранеными, 840 танков, 120 самолетов [9, с. 130].

Последовавшее в 1973–74 гг. совместное нефтяное эмбарго арабских стран против западных государств и прежде всего против США привело к потере последними 0,5 млн. рабочих мест и к сокращению ВНП на 20 млрд. долларов, а по прогнозам, в случае нового подобного эмбарго продолжительностью в шесть месяцев оно привело бы к росту безработицы в США на 1–1,5 млн. человек и сокращению ВНП на 39–56 млрд. долл. [9, с. 135]

И, наконец, главный итог войны состоял в том, что американский истэблишмент понял, что провозглашенный президентом Г.Трумэном политический курс на Ближнем Востоке при опоре только на Израиль при игнорировании интересов арабских стран, проводившийся впоследствии всеми президентами Соединенных Штатов и особенно Д.Эйзенхауэром и Дж.Картером, оказался крупнейшей стратегической ошибкой, приведшей к возникновению в регионе негативных процессов антиамериканской направленности.

Крупномасштабные поставки американского оружия Израилю и своему другому союзнику в регионе – Саудовской Аравии (с 1950 по 1970 г. Израилю было поставлено оружия на сумму 14,2 млрд. долл., а Саудовской Аравии – на 34,3 млрд. долл., а позднее с 1974 по 1981 г. Израилю была оказана военная помощь США на сумму 13,5 млрд. долл. [7, с. 178; 5, с. 48] заставили ряд арабских государств обратиться за военной помощью и закупкам оружия к СССР, Китаю и другим социалистическим странам. В итоге Ближний Восток в течение нескольких лет превратился в опасный арсенал.

В ответ на развязанную в США антиарабскую кампанию средства массовой информации большинства арабских стран развернули антиамериканскую кампанию, в ходе которой представляли США врагом № 1 не только арабских, но и всех мусульманских государств, призывая их население вести с ними непримиримую борьбу до победного конца, что серьезно подрывало авторитет США на международной арене.

Опасность повторения октябрьских событий 1973 г. в регионе и их пагубные последствия для США вынудили последних внести серьезные коррективы в свою прежнюю ближневосточную политику, а именно – необходимость сбалансированного учета интересов арабских стран. Убедившись, что у силового решения конфликта нет перспектив и что враждующие стороны еще не готовы обсуждать весь комплекс разногласий на международных форумах типа Женевской мирной конференции, американцы развернули активную дипломатическую деятельность по подрыву фронта арабских государств, противостоящих Израилю, чтобы склонить кого-либо из них на прямые переговоры с ним при посредничестве США.

Таким государством оказался Египет, президент которого Анвар Садат не устоял перед американскими обещаниями о предоставле-

нии Египту крупной экономической, финансовой и военной помощи. В сентябре 1978 г. в Кэмп-Дэвиде (США) состоялась тройственная встреча президента США Дж.Картера, президента Египта А.Садата и премьер-министра Израиля М.Бегина в ходе которой были выработаны и подписаны два документа: «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку». А 26 марта 1979 г. А.Садат и М.Бегин подписали в Вашингтоне сепаратный мирный договор, согласно которому Египет в обмен на вывод израильских войск с Синая отказался от поддержки сил, выступающих против Израиля. За подписание мирного договора между Египтом и Израилем США ежегодно выплачивают до сих пор безвозмездно Израилю 3 млрд., а Египту 2 млрд. долл. в качестве разного рода помощи [5, с. 38; 10, с. 5]. В США по этому поводу ликовали, чрезмерно превознося успех своей дипломатии, ведь из рядов фронта арабских государств было выбито главное звено. Теперь большая война арабов против Израиля, во всяком случае в ближайшем будущем, была невозможной.

Что касается реакции арабских государств на подписание мирного сепаратного договора между Египтом и Израилем, то она была неоднозначной: в странах, сотрудничающих с США, – сдержанной, а в странах с национально-патриотическими режимами договор был встречен с негодованием. Президент Египта А.Садат был объявлен предателем арабских интересов, а позднее – в октябре 1981 г. убит египетскими мусульманскими экстремистами.

После октябрьской войны 1973 г. посредничество США в урегулировании ближневосточного конфликта становится одним из главных направлений политики в регионе. По замыслам администрации США, упомянутый выше документ – «Рамки для мирных переговоров» должен явиться схемой, по которой будут заключаться последующие договоры Израиля с другими странами-участниками конфликта. Надо сказать, что взяв на себя миссию посредника, США преследовали и продолжают преследовать прежде всего свои цели и только потом, в определенной мере, учитывать интересы арабских государств и Израиля, с которым, как показало дальнейшее развитие событий, у них будут возникать на этой основе серьезные, пока тактические, расхождения.

Рассчитывая на поддержку Египта после подписания документа «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку», премьер-министр Израиля М.Бегин попытался продлить кэмп-дэвидский процесс, начав трехсторонние переговоры Израиль – Египет – США в мае 1979 г. об установлении системы «автономии» для населения оккупированных в 1967 г. Западного берега р. Иордан и сектора Газа, однако последние выявили серьезные непреодолимые разногласия и через год были приостановлены.

В апреле 1982 г. Израиль начал войну в Ливане с целью разгромить находившиеся там палестинские военные формирования, чтобы заставить палестинцев подключиться к кэмп-дэвидскому процессу. США не только одобрили эту силовую акцию, но и направили в Ливан свои войска в составе так называемых «многонациональных сил» вместе с французами и итальянцами. Когда же стало ясно, что война принимает затяжной и непопулярный характер, они под давлением международного сообщества были вынуждены вывести их оттуда и отмежеваться от действий израильтян против палестинцев и ливанских национально-патриотических сил. К тому же США осознали, что продолжение их участия в этой войне может испортить отношения с арабскими странами. Что касается Израиля, то, потеряв, по официальным данным, 650 человек убитыми и несколько тысяч ранеными, он также был вынужден уйти из Ливана, не добившись своей главной цели – подключения палестинцев и ливанцев к кэмп-дэвидской схеме. Ливанская операция еще раз продемонстрировала бесперспективность ставки США и Израиля только на силовые методы в подходе к ближневосточному урегулированию. Сделав соответствующие выводы, США возвращаются к дипломатическим методам решения конфликта.

В марте 1988 г. госсекретарь США Дж.Шульц выступил с новым американским планом урегулирования ближневосточного конфликта. На этот раз он предусматривал созыв международной конференции с участием пяти постоянных членов СБ ООН.

В рамках конференции предполагалось проведение прямых переговоров в двусторонних «географических» комиссиях. В плане также предусматривались два этапа переговоров. На первом этапе должны приниматься промежуточные соглашения, которые будут действовать в течение трех лет, на втором – вырабатываться окончательные соглашения, основой для которых послужат резолюции №№ 242 и 338 СБ ООН. Как предполагали в Вашингтоне, промежуточные соглашения, рассчитанные на три года, обеспечат «прорыв» в сфере урегулирования и одновременно необходимую паузу, в ходе которой Соединенным Штатам удастся добиться выработки компромиссных решений [6, с. 210].

План Дж.Шульца был близок к внешнеполитическим установкам левого блока «Маарах», однако на парламентских выборах 1988 г. последний потерпел поражение, и к власти в Израиле пришел блок правых сил во главе с «Ликудом», отвергнувший план Дж.Шульца, на который американцы возлагали большие надежды. Отказ израильтян принять этот план вызвал недовольство США.

Продолжавшееся палестинское восстание – «интифада» на оккупированных территориях создало новую обстановку в регионе. Именно оно дало импульс для мирных инициатив, с которыми ООП начала выступать в конце 1988 г. На состоявшейся в Алжире в ноябре XIX сессии Национального совета Палестины была принята Декларация, в которой объявлялось о признании резолюций №№ 242 и 336 СБ

ООН и содержался призыв к проведению под эгидой ООН международной конференции по Ближнему Востоку. В декабре 1986 г. на сессии ГА ООН Арафат подтвердил осуждение его организацией всех форм международного терроризма.

Администрация президента Рейгана сочла изменения в палестинской позиции отвечающими всем выдвигавшимся к ООП требованиям и буквально накануне передачи власти новой администрации приняла решение о вступлении Соединенных Штатов в официальный диалог с ООП. Первые контакты состоялись в Тунисе в декабре 1988 г.

Однако последовавшие затем изменения в обстановке на Ближнем Востоке (критика Арафата внутри ООП, его намерение вернуться к поддержке политики терроризма, продолжение израильскими властями строительства новых поселений на оккупированных территориях, вторжение Ирака в Кувейт) вынудили американцев прервать продолжавшиеся 17 месяцев контакты с ООП, что затормозило развитие процесса ближневосточного урегулирования.

В конце 1991 г. администрация Буша вновь выступает с инициативой возобновления израильско-палестинских переговоров в рамках международной конференции. В итоге «челночной дипломатии» государственного секретаря Дж.Бейкера 30 октября 1991 г. в Мадриде при посредничестве США и России была созвана мирная конференция по Ближнему Востоку, в которой приняли участие израильская, сирийская, ливанская и объединенная иордано-палестинская делегации. Эксперты не питали больших надежд на успех конференции, поскольку исходные позиции основных участников – Израиля и палестинцев – были диаметрально противоположны.

Премьер-министр Израиля Ицхак Шамир заявил перед конференцией, что не будет никаких территориальных уступок, никаких переговоров о судьбе Восточного Иерусалима, никаких контактов с ООП. Такая же твердость позиции была выражена и членами палестинской делегации. Так, Хейдар Абдель Шафи заявил, что «Израиль должен уйти со всех оккупированных территорий, а палестинцам должно быть предоставлено право на самоопределение, Восточный Иерусалим должен снова стать арабским» [11, с. 3].

И тем не менее, несмотря на отсутствие тогда конкретных результатов, эта конференция сыграла положительную роль – она дала толчок прямым израильско-палестинским переговорам, в итоге которых при посредничестве США 13 октября 1993 г. в Вашингтоне была подписана Декларация о принципах промежуточного урегулирования, в которой отмечалось, что Организация освобождения Палестины (ООП) признает Израиль как государство и осуждает терроризм как средство достижения политических целей, а Израиль признает ООП как единственную законную представительницу палестинского народа. Надо сказать, что это было большим шагом вперед с точки зрения перспектив урегулирования ближневосточного конфликта.

В Декларации говорилось, что в течение 5-летнего периода с оккупированных Израилем сектора Газа и Западного берега р.Иордан будут выводиться израильские войска и в этих районах постепенно восстановится палестинское самоуправление, после чего будут решаться вопрос о статусе Иерусалима, проблема палестинских беженцев и палестинского государства.

После принятия этого документа между израильтянами и палестинцами начались нелегкие переговоры по вопросам конкретного претворения в жизнь достигнутых договоренностей, которые в итоге завершились подписанием в Вашингтоне 28 сентября 1995 г. временного соглашения, предусматривающего расширение рамок Палестинской национальной администрации на Западном берегу р. Иордан и проведение в конце 1995 – начале 1996 гг. первых выборов в Совет ПНА. К этому моменту израильтяне обязались вывести из арабских населенных пунктов на Западном берегу р. Иордан свои войска, сократить к середине 1997 г. общее военное присутствие в районах ПНА, а также начать в мае 1996 г. переговоры об их окончательном статусе.

Это была большая программа, выполнение которой затягивалось на ряд лет. При этом исключительно важным являлся момент согласия Израиля вернуть палестинцам уже на промежуточном этапе значительной части оккупированных палестинских земель. В этой связи вся территория Западного берега р.Иордан разделялась на 3 зоны: «А», «В» и «С» с указанием ориентировочных сроков эвакуации или сокращения численности находящихся там израильских войск и передачи территорий под контроль ПНА. Эту операцию намечалось провести в три этапа и закончить к середине 1997 г.

Декларация о принципах промежуточного урегулирования 1993 г. принесла Израилю определенные политические дивиденды. Она позволила подписать 26 октября 1994 г. при посредничестве США мирный договор с Иорданией, что входило в планы как США, так и Израиля, поскольку ослабляло противостоящий ему фронт арабских государств. Кроме того, она способствовала ослаблению его политического и экономического бойкота не только со стороны государств третьего мира, но и ряда мусульманских и арабских стран, что помогло оживить экономику страны, особенно в сфере финансов и внешней торговли. К 1995 г. Израиль наладил политические и экономические связи уже со 104 странами мира [12, с. 110].

Несмотря на, казалось бы, явные выгоды для Израиля договоренностей с ООП, израильское общественное мнение и политические круги оказались в состоянии глубокого раскола. Тогда как левые партии и движения высказывали удовлетворение, ультраправые и религиозные партии упрекали премьер-министра И.Рабина в излишних уступках палестинцам и тормозили выполнение достигнутых договоренностей. Жестокое противостояние сторонников и противников мирного процесса урегулирования с палестинцами нашло свою куль-

минацию в убийстве 4 ноября 1995 г. премьер-министра И.Рабина, подписавшего с Я.Арафатом соглашения 1993 и 1995 гг.

После кратковременного пребывания у власти «рабочего» правительства Шимона Переса (ноябрь 1995 г. – май 1996 г.) власть в стране перешла к правому блоку «Ликуд». Вновь избранный премьер-министром лидер блока Биньямин Нетаньяху по своим политическим взглядам, особенно в вопросах ближневосточного урегулирования, отличался от своих предшественников приверженностью к крайне правым сионистским убеждениям. Блок «Ликуд» вел свою предвыборную кампанию под лозунгами: «Мир с арабами возможен только с позиции силы, «нет» – возврату Голанских высот Сирии, созданию палестинского государства, возвращению палестинских беженцев, разделу Иерусалима, «да» – продолжению колонизации арабских земель». Эти лозунги и легли в основу коалиционного соглашения и политической программы Нетаньяху. Более того, участники коалиции считали неприемлемым принцип «мир в обмен на земли», который поддерживало международное сообщество, в том числе США и Россия. «Ликуд» руководствовался принципом «мир в обмен на безопасность», который фактически являлся прежним лозунгом правой оппозиции «мир в обмен на мир», без пересмотра существующих границ Израиля [13, с. 59].

Учитывая подобную позицию правительства Нетаньяху, палестинцы не могли пойти на серьезное продвижение в вопросах урегулирования конфликта. Жесткость позиции нового израильского руководства была настолько очевидна, что даже президент Клинтон воздержался от ее поддержки, чтобы не ставить под угрозу интересы Вашингтона в арабском мире.

Вначале Нетаньяху старался делать вид, что готов выполнять соглашения, подписанные И.Рабином с палестинцами. Так, на встрече с президентом АРЕ Мубараком он обещал в ближайшее же время возобновить переговоры с палестинской администрацией, в том числе о снятии блокады с палестинских районов, выводе войск из арабского города Хеврон на Западном берегу р.Иордан и освобождении палестинских заключенных из израильских тюрем. Однако, как показали последующие события, эти обещания представляли собой тактический маневр, имеющий целью добиться от Мубарака поддержки во время его предстоявшей поездки в Вашингтон и не более того. На деле Нетаньяху делал все, чтобы при каждом удобном случае затянуть выполнение соглашений с палестинцами. Так, на подписание протокола о выводе израильских войск из Хеврона, о чем была достигнута договоренность ранее, ушло более четырех месяцев и этот документ был подписан лишь 15 января 1997 г. И практически сразу после этого правительство Нетаньяху приняло решение приступить к строительству нового жилого еврейского квартала в районе Хар Хома в Восточном Иерусалиме, что вызвало резкий протест палестинцев,

решительное осуждение арабских и исламских государств, острую негативную реакцию международного сообщества.

Можно сказать, что за время нахождения Нетаньяху у власти с мая 1996 г. по апрель 1999 г. в рамках переговоров с палестинцами было решено лишь несколько второстепенных вопросов: открытие аэропорта и строительство морского порта в Газе, обеспечение «безопасных коридоров» между Газой и Западным берегом, освобождение части палестинских заключенных, а также вывод израильских войск лишь с 2% зоны «С» и 7% зоны «В». Это были мизерные результаты, которые никоим образом не могли удовлетворить палестинцев. Главные же проблемы конфликта, а именно: вывод войск со всех оккупированных палестинских территорий, создание палестинского государства, статус Иерусалима, возвращение беженцев – остались нерешенными. Более того, за это время израильтяне укрепили военные и экономические позиции на оккупированных территориях.

Давая оценку деятельности правительства Нетаньяху после года его пребывания у власти, авторитетная французская газета «Монд дипломатик» писала: «Менее чем за год Биньямин Нетаньяху сумел подорвать отношения, которые установили Ицхак Рабин и Шимон Перес с палестинцами и рядом арабских государств. И если он согласился присоединиться к «процессу Осло» (т.е. вашингтонским соглашениям между палестинцами и израильтянами 1993 и 1995 гг.), то похоже, только для того, чтобы сорвать его. Находясь в оппозиции, лидер блока «Ликуд» называл эти соглашения «национальной катастрофой». Став премьер-министром, он продолжал выхолащивать их с намерением вовсе похоронить» [14, с. 75].

Пришедшее на смену правительству «Ликуда» в мае 1999 г. так называемое левое правительство блока «Единый Израиль» во главе в Эхудом Бараком подтвердило приверженность Израиля ранее заключенным арабо-израильским соглашениям. Вместе с тем Барак очертил «красные линии» в позиции Израиля в отношении палестинцев, которые вначале, по-существу, не отличались от позиций правительства Нетаньяху, а именно: Иерусалим остается единой и неделимой столицей Израиля, существующие израильские поселения на палестинских территориях не будут демонтироваться. Э.Барак отметил также, что палестинские беженцы не должны возвращаться в Израиль и призвал США помочь тем странам, в которых размещены беженцы.

Позднее, однако, Э.Барак в ходе продолжительных и трудных переговоров с палестинцами, продолжавшихся почти 8 месяцев, смягчил свою позицию и даже допускал возможность пойти на некоторые уступки в том, что касается статуса Иерусалима и еврейских поселений. По мнению бывшего спецкоординатора администрации США по Ближнему Востоку Денниса Росса, в течение нескольких лет занимавшегося урегулированием ближневосточного конфликта, в

2000 г. «прорыв в переговорах между израильтянами и палестинцами был исключительно близок. Особенно это касалось израильско-сирийского направления. Соглашение уже было готово к заключению» [15, с. 48–50], однако у американцев просто не хватило времени завершить переговоры с Хафезом Асадом из-за состояния его здоровья (через три месяца Хафез Асад умер). Что касается израильско-палестинских переговоров, то дело всегда обстояло трудно, но и здесь, по мнению Д.Росса, наметился просвет, так как «Э.Барак был готов уступить во многом, включая контроль практически над всем Западным берегом р.Иордан и Храмовой горой») [15].

Израильская оппозиция расценила возможные уступки Э.Барака палестинцам как предательство национальных интересов. В этой связи в декабре 2000 г. в стране разразился глубокий политический кризис: правительство Э.Барака было вынуждено уйти в отставку.

В итоге последовавших в феврале 2001 г. всеобщих выборов премьер-министра победу одержал 73-летний лидер правого блока «Ликуд» Ариэль Шарон, сформировавший в марте правительство национального единства, в состав которого, кроме представителей возглавляемого им блока, вошли лидеры партий «Авода», религиозной партии «ШАС» и «Мафдал», а также несколько других мелких партий.

Еще во время предвыборной кампании А.Шарон заявлял, что в случае прихода к власти он ужесточит позицию Израиля на переговорах с палестинцами и начнет переговорный процесс с нуля без учета договоренностей, достигнутых Э.Бараком. Он, в частности, отмечал, что «в принципе не против создания национального палестинского государства, но только при соблюдении четырех условий. Первое – образование такого государства должно стать результатом израильско-палестинских переговоров и решения обеих сторон. Второе – не должны пострадать интересы безопасности и обороноспособности Израиля. Третье – новое государство должно быть полностью демилитаризовано. И, наконец, четвертое – палестинцы подтверждают полное окончание конфликта и отказываются от дальнейших территориальных претензий» [16].

Как и следовало ожидать, подобная позиция А.Шарона сразу же вызвала всплеск новой волны «интифады». Последовали террористические акции на территории автономии и в самом Израиле и акты возмездия на них со стороны израильтян, что привело к открытым вооруженным столкновениям между израильской армией и палестинской полицией. С обеих сторон появились убитые и раненые.

В конце 2000 г. произошла смена администрации в США, президентом страны стал республиканец Дж.Буш-младший.

Поначалу создавалось впечатление, что ближневосточная политика новой администрации претерпит определенные коррективы по сравнению с моделью, практиковавшейся командой президента

Б.Клинтона. В заявлениях сотрудников Госдепартамента делались намеки на стремление США «отстраниться» от прямого участия в процессе урегулирования. Как заявляла в этой связи советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс, Вашингтону не следует думать об американской вовлеченности ради «вовлеченности». По ее мнению, больше ответственности за будущие переговоры должно быть предоставлено самим израильтянам и палестинцам, а США будет вести себя осторожнее, прежде чем вмешиваться в качестве посредника. Не могло не обратить на себя внимание и заявление представителя Госдепартамента Р.Баучера 8 февраля 2001 г. процитировавшего госсекретаря, а именно: что «параметры, обозначенные Б.Клинтоном палестинцам и израильтянам, более не являются американскими предложениями» [20, с. 66].

Более четко позицию новой администрации по Ближнему Востоку обозначил сам президент Дж.Буш. На встрече с премьер-министром Израиля А.Шароном 21 марта 2001 г. в Вашингтоне он заявил, что «его администрация намерена сотрудничать со всеми государствами, чтобы дать миру шанс, и что США не будут оказывать давления на какую-либо из сторон» [20]. Вместе с тем он сказал, что начинает процесс перевода посольства США из Тель-Авива в Иерусалим, что было расценено рядом журналистов как жест в сторону поддержки Израиля.

В разгар израильско-палестинских вооруженных инцидентов в конце марта 2001 г. в Аммане состоялось 20-е совещание арабских государств, на котором прозвучала резкая критика США за наложение вето на резолюцию СБ ООН о размещении международных наблюдателей на палестинских территориях, против чего возражали израильтяне, что также свидетельствовало о поддержке Соединенными Штатами Израиля.

Таким образом, выходит, что заявление Дж.Буша о том, что США не будут оказывать давления ни на одну из сторон в конфликте, расходится на практике с конкретными делами.

Похоже, что в то время у администрации Дж.Буша еще не было конкретной программы действий на Ближнем Востоке, а поэтому основные рекомендации госсекретаря К.Пауэлла и помощника президента по вопросам национальной безопасности К.Райс палестинской и израильской сторонам сводились к необходимости принятия в качестве первостепенного условия для возобновления переговоров предложений, высказанных в плане руководителя ЦРУ Дж.Тенета по дезэскалации конфликта и в докладе комиссии по расследованию причин, приведших к обострению обстановки в регионе, возглавляемой сенатором Митчеллом в мае 2001 г.

В докладе комиссии Митчелла причины эскалации насилия возлагались на обе стороны и предусматривали обоюдное и одновременное прекращение насилия, что соответствовало в то время позиции Соединенных Штатов. Израиль, по мнению авторов доклада Мит-

челла, должен устранить причины, приведшие к взрыву насилия со стороны палестинцев, прежде всего прекратить продолжение строительства поселений на оккупированных территориях, а также отменить меры по ограничению жизненных условий палестинцев [17, с. 79–80]. Предложения комиссии Митчелла были в целом приемлемы для палестинцев, но оказались неприемлемы для израильтян.

По некоторым публикациям в американской печати, администрация Дж.Буша готовила летом 2001 г. план конкретных мероприятий по Ближнему Востоку, однако террористические акты 11 сентября против Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне переключили внимание администрации на борьбу с международным терроризмом, оттеснив на некоторое время на второй план другие политические проблемы, в том числе проблему ближневосточного урегулирования.

Вскоре, однако, основные положения политики администрации Дж.Буша по ближневосточному урегулированию были официально подтверждены в совместном заявлении президентов США и России от 13 ноября, в котором говорилось, что «Россия и США как коспонсоры ближневосточного мирного процесса призывают руководство Израиля и Палестинской национальной администрации предпринять срочные шаги по разрядке напряженности, воздерживаться от действий, наносящих ущерб другой стороне, восстановить диалог на высоком политическом уровне. Необходимо также незамедлительно перейти к выполнению плана Тенета и рекомендаций доклада Митчелла: прекратить насилие, наладить устойчивое взаимодействие в сфере безопасности, осуществить меры доверия и возобновить субстантивный переговорный процесс» [18]. А 26 ноября, выступая в Луисвиллском университете штата Кентукки, госсекретарь К.Пауэлл уточнил некоторые аспекты, подчеркнув, в частности, что «палестинское руководство должно приложить 100-процентные усилия для того, чтобы покончить с насилием и террором. Ясно, что никакого мира не будет до тех пор, пока израильтяне не избавятся от постоянного страха перед терактами, организаторы которых должны быть арестованы и наказаны. Палестинцам надо понять, что своих целей они смогут добиться только через переговоры». Это, по его словам должны понять и израильтяне. Израиль «должен добровольно прекратить свою оккупацию палестинских территорий в соответствии с резолюциями №№ 242 и 338 Совета Безопасности ООН и признать жизнеспособное палестинское государство, в котором палестинцы сами могут определять свое будущее на собственной земле и жить с чувством достоинства и безопасности» [19]. Он отметил также, что для достижения мира на Ближнем Востоке необходимы усилия всего международного сообщества: ООН, ЕС, Египта, Иордании, России и других стран, уже сделавших свой вклад в решение ближневосточной проблемы.

В конце ноября на Ближний Восток в срочном порядке прибыли два высокопоставленных посланника США – помощник госсекретаря Уильям Берне и новый спецпредставитель США на Ближнем Востоке Энтони Зинни с конкретной задачей: в максимально короткий срок организовать диалог между израильтянами и палестинцами о прекращении огня и возобновить переговоры о политическом будущем региона.

Вновь резко обострившаяся тогда обстановка в регионе вследствие серии террористических актов исламских религиозных группировок и операции возмездия против них израильских властей с использованием армейских подразделений, танков и авиации не позволила американским посланникам выполнить ставившиеся перед ними задачи.

Таким образом, посреднические усилия администрации Дж.Буша за время нахождения у власти не привели пока к каким-либо положительным результатам. В регионе, по-существу, разгорается настоящая война.

Что касается в целом посреднической миссии США в урегулировании ближневосточного конфликта за время с октября 1973 г. и по настоящее время, то пока, по-видимому, еще рано делать какие-либо выводы. С одной стороны, заключение мирных договоров Израиля с Египтом и Иорданией при посредничестве США приглушило остроту конфликта, но не разрешило его. С другой стороны, оставшаяся без изменений политика США, проводимая, как и раньше, силовыми методами и в нарушение норм международного права, способствовала росту в регионе террористической деятельности исламских фундаменталистских организаций антиамериканской и антисионистской направленности.

Объявленная президентом Дж.Бушем после терактов 11 сентября прошлого года в Нью-Йорке и Вашингтоне война против международного терроризма без четкого определения его сути и прежде всего таких понятий, как критерии кого и по каким признакам считать международным террористом, вызывает сомнения в объективности американцев, которые, как мы видим, до сих пор придерживаются на практике двойного стандарта, разделяя международных террористов на плохих и хороших в зависимости от своих интересов. Международному сообществу еще, видимо, придется серьезно разбираться с этим феноменом и, в частности, как оценивать в этой связи бомбежки США Югославии и некоторых стран Ближнего Востока.

1. Независимая газета, 04.06.2001.

2. Говард М.Сакер. История Израиля. Т. 2. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1992.

3. Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. – М.: Политлитература, 1988.

4. ИТАР-ТАСС, Компас, № 14, 01.04.1999.

5. Государство Израиль. Справочник – М.: Наука, 1986.
6. Государство Израиль в 80-е годы: Очерки. – М.: Наука, 1992.
7. Егорин А.З. История Ливии: XX век. – М.: ИВ РАН, 1999.
8. Фармазян Р.А. Военная экономика американского империализма. – М.: Мысль, 1983.
9. Борисов Р.В. США: ближневосточная политика в 70-е годы. – М.: Наука, 1982.
10. БИКИ, № 63, 30.05.1998.
11. БПИ. Компас, № 219, 13.11.1991.
12. Симановский С.М., Стрепетова М.П. Израиль. Наши деловые партнеры. – М.: Международные отношения, 1995.
13. Международная жизнь. – М., 1998.
14. ИТАР-ТАСС, Компас, № 25, 12.06.1997.
15. ИТАР-ТАСС, Компас, № 16, 19.04.2001.
16. Независимая газета, 16.02.2001.
17. ИТАР-ТАСС, Компас, № 43, 25.10.2001.
18. ИТАР-ТАСС, Компас, № 47, 22.11.2001.
19. ИТАР-ТАСС, Нью-Йорк, 20.11.2001.
20. Международная жизнь, № 4, 2001.
21. Независимая газета, 22.03.2001.

Г.Г.Косач

МАРКСИСТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТИФАДЫ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ

В сентябре 2001 г., спустя год после начала *интифады мечети аль-Акса,* член Политбюро Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) и Исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Тейсир Халед заявлял: «Палестинская интифада успешно преодолела трудный экзамен, который она должна была пройти в течение первых недель после начала. Как раз тогда раздались голоса, призывавшие к спокойствию, к недопущению кровопролития, к возвращению к ситуации, предшествовавшей провокационному посещению Шароном Храмовой горы. Эти голоса призывали продолжать переговоры, рассматривая их в качестве единственного инструмента реализации палестинских национальных прав. Речь шла о тех, кто выражал интересы паразитической социальной страты, получившей огромную выгоду от заключенных соглашений Осло и ставшей основой коррумпированных институтов палестинской власти». И далее он подчеркивал: «Интифада перешла к открытому сопротивлению оккупационным войскам и отрядам самообороны поселенцев. Палестинский народ преодолел нищету выбора, предлагавшегося ему теми, кто подписал соглашения с правительством Израиля»[1].

Интифаду призывали, считая, что достаточно лишь повода, чтобы ситуация на Западном берегу и в секторе Газа взорвалась, – «семь лет, прошедших с момента подписания соглашений Осло, были временем, когда, благодаря созданной этими соглашениями обстановке поселенческая деятельность достигла своего пика, реализация планов иудаизации Иерусалима была ускорена, а экономическое положение и безопасность палестинских граждан ухудшились». Интифаду предсказывали. Еще весной 2001 г. идеологи ДФОП говорили о «неминуемом подъеме движения масс, основой для которого становится постепенное количественное накопление его предпосылок». Результатом развития событий в этом направлении стало бы «всеобщее восстание». Оно смогло бы «воскресить славное наследие прошлой интифады, прерванной соглашениями Осло», передало бы «инициативу тем силам, которые руководствуются программой национально-демократических действий, считая своей главной задачей осуществление принципов возвращения[2] полной независимости» и

ликвидации «паразитической власти»[3]. Но в равной мере ее боялись. «Мы опасаемся, отмечал генеральный секретарь ДФОП Наиф Хаватме, того, что вступим в бой друг с другом и начнем нежелательную палестино-палестинскую схватку»[4].

В конце концов интифада стала реальностью. Повод, созданный поступком А.Шарона, взорвал готовую к этому ситуацию. Обстановка дестабилизации и сопровождавших интифаду актов насилия превращалась в естественное поле деятельности тех, кто рассматривал себя в качестве альтернативы руководству Палестинской автономии. ДФОП был одной из этих сил.

После крушения Советского Союза[5] эта организация, официально созданная в январе 1969 г.[6], продолжая апеллировать к марксизму[7], нюансировала собственную позицию. Дело не только в том, что ее лидеры подчеркивали, что она была «движением за национальное освобождение»[8]. ДФОП, пользуясь словами Н.Хаватме, более не рассматривал себя как «марксистскую организацию классического типа», он становился «новой левой марксистской организацией, последовательно впитывающей опыт революционного действия национального и мирового масштаба»[9]. Неомарксистская риторика была, естественно, средством освобождения от «догматизма» времени тесных контактов с Советским Союзом. Но она же позволяла ДФОП уже в преддверии начала интифады мечети аль-Акса четко и бескомпромиссно определять свою задачу, – радикальное изменение уже сложившегося внутринационального соотношения сил. В контексте его дискурса это означало, что второе палестинское восстание должно трансформироваться в «интифаду независимости и свободы» под лозунгом «Иерусалим и возвращение». Лишь так можно было бы покончить с «изоляцией политических партий, последовательно выступавших против заключенных в Осло соглашений и бойкотировавших их итоги – выборы главы администрации, создание законодательного совета, а также шаги Палестинского национального совета, направленные на отмену Национальной хартии». Для ДФОП было очевидно: палестинская ситуация в полной мере «созрела для того, чтобы вспыхнула народная революция против оккупации»[10].

Радикальный дискурс обретал контуры не менее радикальной практики. Н.Хаватме выдвигал не оставлявший никаких сомнений лозунг: «Если Шарон – это выбор израильтян, то интифада независимости – это выбор палестинского народа»[11]. Выступавший 23 февраля 2001 г. в дамасском лагере палестинских беженцев «Ярмук» по случаю 33-й годовщины создания Демократического фронта руководитель организации был красноречив: «Нас не смутит сионистская пропаганда и заявления Шарона о том, что он готов возобновить переговоры при условии прекращения интифады. Все палестинские силы должны стать частью восстания, чтобы сорвать курс Шарона и не допустить реализации определяемых им условий переговоров. Интифада закон-

чится только тогда, когда оккупанты и поселенцы уйдут с захваченных в июне 1967 г. палестинских земель, беженцы вернутся к родным очагам, будут выполнены все решения международного сообщества и создано независимое государство Палестина со столицей в Иерусалиме».

25 августа 2001 г. военное крыло ДФОП – Палестинское национальное сопротивление – Отряды независимости – совершило свою самую значительную с момента начала второй палестинской интифады операцию (ей предшествовали еще тридцать) в Гуш-Катифе[12]. Комментируя ее итоги, член Политбюро ДФОП и Центрального Совета ООП Фахад Сулейман отмечал: «С момента начала интифады Демократический фронт в рамках выдвинутой им стратегии, центральным звеном которой является общенародное восстание, призывал к опоре на проведение курса вооруженной борьбы. Целью этой борьбы должны стать созданные после 1967 г. на оккупированных палестинских территориях опорные пункты израильской армии и служб безопасности, а также поселения»[13]. Несколько дней спустя Н.Хаватме заявил, что организация «возвращается на путь великих партизанских операций, проложенный Демократическим фронтом еще в семидесятые годы в Таршихе»[14].

1. ДФОП: ситуация в партии в преддверии второй интифады

Жесткий акцент, ставившийся руководителями ДФОП в течение всего времени существования Палестинской национальной администрации на идее «воссоединения народа», его «возвращения», понимаемого как всеобъемлющая репатриация беженцев в пределы «исторической Палестины», и, наконец, включения нынешних жителей «стран рассеяния» в «борьбу народа Западного берега, Иерусалима и сектора Газа за созидание независимого государства»[15], доказывал, что основной сферой деятельности этой партийной структуры оставалась диаспора. В равной мере это относилось и к происхождению ядра активистов ДФОП[16]. Эта ситуация не была, разумеется, связана лишь с тем, что партия палестинских марксистов возникла вне границ национальной территории. В конце концов, процесс становления подавляющего большинства палестинских партий и движений был идентичен пути эволюции ДФОП. Но к осени 2001 г. (эти данные, конечно, оценочны) численность его активистов и сторонников в ПНА едва ли превышала пятьсот человек[17].

Организация не принимала участия в деятельности созданных к тому времени институтов палестинской государственности (продолжая тем не менее сохранять членство в структурах ООП). Это означало, что она далека от того, чтобы оказывать сколько-нибудь существенное воздействие на развивавшийся в границах ПНА политический процесс[18]. Но и в диаспоре (прежде всего, в Сирии и Ливане[19]) ее деятельность была скована тесными отношениями с сирийскими

властями – Дамаск оставался местом пребывания ее руководства. Если ДФОП и сохранял там свои вооруженные формирования и действующие под его руководством общественные структуры (женские, студенческие и молодежные), то это вовсе не означало, что число их членов не подвергалось последовательному сокращению[20]. Палестинские марксисты вступали в эпоху кризиса. Наиболее ярким его проявлением стал уход из ДФОП в апреле 1991 г. фракции заместителя Н.Хаватме Ясира Абд Раббо, создавшего два года спустя Палестинский демократический союз (ФИДА)[21]. Это был крупнейший внутренний раскол организации, вызванный разногласиями между ее основными лидерами по вопросам палестино-израильского урегулирования[22]. Деградация партийной структуры, рассматривавшейся вплоть до создания ПНА в качестве третьей по своей значимости организации в рядах ООП[23], более не вызывала сомнений.

Критический настрой сторонников ДФОП на территории ПНА в отношении *президента* Я.Арафата, легитимность действий которого оправдывалась решениями высших органов ООП, стал очевиден уже год спустя после создания системы *национальной власти*. Комментируя сложившееся положение, один из них говорил: «Я боролся за ООП, я шел в тюрьму за ООП, я всегда говорил, что готов отдать все за ООП. Наш народ умирал за ООП и шел за ООП в тюрьмы. ООП воплощала для нас надежду, будущее, национальные права, движение за освобождение, – вот чем была для нас ООП. Освобождение Палестины означало право на возвращение, право на самоопределение и право на создание независимого палестинского государства. Но ничего этого нет, нет даже клочка палестинской программы, программы ООП, нет и самой ООП. ООП сегодня – это простая, единственная вещь и очень ясная вещь, с помощью которой маскируется то, что называют автономией, Декларацией принципов или Палестинской администрацией»[24]. И он же добавлял: «Палестинская автономия пытается всего лишь следовать указаниям одного человека и пяти различных служб безопасности. Она не национальна. Национален только тот орган, который говорит от лица всех палестинцев, а не только Газы и Иерихона»[25].

Однако адресованная структурам ПНА критика несла в себе очевидное пессимистическое начало в отношении собственной организации. Из слов сторонника ДФОП вытекало, что его собственная партийная группа оказалась в ситуации политического маргинала. Ее программные установки не могли быть реализованы, призывы оставались неуслышанными, а сама возможность ее деятельности в пределах обоих палестинских регионов оказывалась если не иллюзорной, то, по крайней мере, полностью зависящей от воли главы Палестинской национальной администрации и подчиненного ему аппарата насилия. Лишь эта воля могла придать ДФОП статус партии, легально и легитимно (вынужденной пройти официальную процедуру соб-

ственной регистрации) действующей на Западном берегу и в секторе Газа, объективно рассматриваемых в качестве наконец-то обретенной национальной территории.

Разумеется, ущербное положение ДФОП в обоих палестинских регионах (как порой, впрочем, и за пределами их территории) было итогом целенаправленной и жесткой политики давления, включая и открытое использование силы или инспирирование ее использования[26] со стороны главы ПНА, его сторонников и правительств арабских стран. Это было объяснимо, – сложившийся тип национальной политической культуры заранее обрекал палестинский вариант (как и в целом арабский) государственного строительства на «нелиберальность»[27]. Но в той же мере это положение возникало и как итог крайне негибкой линии действия самого ДФОП. Оба этих обстоятельства оказывались не только взаимосвязанными, но и взаимоопределяющими. ДФОП был последовательным и непримиримым критиком действий руководства ООП, направленных на достижение соглашений с Израилем и создание палестинского самоуправления на Западном берегу и в секторе Газа. В конечном итоге, этот курс выступал как продолжение прежней линии организации, стремившейся, по крайней мере, с начала 80-х годов прошлого столетия к радикальному изменению соотношения сил в руководящих органах ООП. Ликвидация палестинского политического присутствия в Ливане, перемещение палестинских политических институтов в Тунис и, что более существенно, внутреннее брожение и расколы в рядах руководимого Я.Арафатом движения ФАТХ, – все это требовало, как считали в ДФОП, активных действий по «демонополизации руководства палестинской революцией»[28]. Их целью, как впоследствии говорил Н.Хаватме, было создание «альтернативы традиционному национализму» ФАТХ[29] и «его популистскому дискурсу»[30]. Однако в действительности речь шла о куда как более простых и, разумеется, материальных обстоятельствах.

Исповедовавшаяся ФАТХ идея «традиционного национализма», «популистски» резюмировавшаяся его лидерами как «полное освобождение Палестины и ликвидация сионистского экономического, политического, военного и культурного образования»[31], была ближе и понятнее тем, кто стал жертвой радикально изменившейся в 1948 г. ближневосточной ситуации. В ночь на 1 января 1965 г. ФАТХ (опираясь на сирийскую поддержку) совершил свою первую вооруженную акцию на израильской территории. После июньской войны 1967 г. эти акции становились все многочисленнее, что позволило руководителю этой организации Я.Арафату в феврале 1969 г. стать председателем Исполкома ООП. Для арабского мира, оказывавшего ему финансовую помощь и военную поддержку, глава ФАТХ обретал статус легитимного палестинского лидера, стоящего во главе организации, рассматривавшейся этим миром (с 1974 г.) в качестве политического выразите-

ля воли палестинцев[32]. Впрочем, речь шла не только об арабском мире, но и о Советском Союзе, где идея союза с «революционной демократией» Востока позволяла все более четко видеть в главе ФАТХ и ООП лидера, способного в большей мере, чем, казалось бы, идеологически более близкие приверженцы марксизма, содействовать реализации советской ближневосточной политики. Наконец, в 1974 г. статус ООП в качестве «единственного законного представителя арабского народа Палестины» был признан и международным сообществом. Иные палестинские движения – ДФОП не был в этом отношении сколько-либо существенным исключением – объективно оказывались сателлитами ФАТХ, действия и дискурс которых должны были во все большей мере соответствовать курсу и риторике ведущей палестинской организации.

Но при этом их усилия – и к ДФОП это относилось в равной мере – изменить сложившееся положение должны были концентрироваться на том, чтобы трансформировать соотношение сил внутри ООП. Ради этого они пытались использовать как возможности своих внешних союзников (отношения с Советским Союзом становились в этой связи для ДФОП принципиальным, но безуспешным направлением его деятельности), так и реальную ситуацию, складывавшуюся после начала в 1987 г. первой палестинской интифады на контролировавшихся Израилем территориях Западного берега и сектора Газа. Палестинские марксисты считали, что это массовое восстание будет «длительным», они предполагали, что оно расширит свои территориальные рамки за счет «палестинцев диаспоры» и районов концентрации израильских арабов – «Галилеи, побережья и Негева», а также «наведет мосты взаимодействия с еврейско-израильским лагерем мира»[33].

Точка зрения ДФОП (уже в конце 70-х годов устанавливавшего прямые контакты с израильскими левыми силами) в отношении возможного воздействия интифады на еврейское государство была, конечно же, противоречива и утопична. Палестинское марксистское движение подчеркивало, что еврейское население Израиля представляет собой ныне «сформировавшееся национальное сообщество». Тем не менее процесс формирования этого сообщества происходил в условиях, когда определяющим его развитие фактором выступал «сионистский колониализм как основное препятствие на пути коренного решения национального вопроса палестинского народа». В равной мере это же обстоятельство способствовало тому, что путь решения «еврейского вопроса оказался фальшивым – формой его реализации стал колониально-переселенческий проект в качестве альтернативы национальному бытию палестинского народа». Но, как предполагали теоретики ДФОП, «освобождение от империалистско-сионистского ига отвечает интересам рабочего класса, всех трудящихся и демократических слоев израильского общества». Только

освободившись от него, еврейское палестинское сообщество «обретет естественные формы своей эволюции».

Это исходное положение дополнялось и развивалось: «Нынешняя тактическая задача палестинского национального движения состоит в освобождении оккупированных в июне 1967 г. палестинских территорий, обеспечении вывода израильских войск, свободном от вмешательства извне осуществлении права палестинского народа на самоопределение и реализацию суверенитета его независимого национального государства – Государства Палестина на освобожденных территориях, а также права беженцев – сынов палестинского народа – на возвращение к родным очагам». В дальнейшем же «палестинское национальное движение и израильские демократические антисионистские силы» совместно вступят в борьбу «за радикальное демократическое решение» проблемы «десионизации Государства Израиль, ликвидации сионистского закона о возвращении и других сионистских институтов». Результатом этой борьбы должно, по мнению ДФОП, стать «объединение страны и создание единого демократического государства, где оба народа будут жить в атмосфере полного национального равенства, далекой от дискриминации, национального, расового или религиозного угнетения»[34].

Наконец, палестинские марксисты противодействовали «утилитарному курсу правых и право-центристов» в отношении развивавшихся в обоих палестинских регионах событий. ДФОП, по словам его генерального секретаря, начинал видеть в «оккупированных палестинских территориях – Иерусалиме, Западном береге и секторе Газа центральное звено своей организационной массовой работы»[35]. Иными словами, первая интифада рассматривалась ДФОП в качестве основного средства давления на находившееся в Тунисе *внешнее руководство* ООП, целью которого выступало стремление к коренному изменению собственного положения в рядах этого коалиционного образования. Но при этом сам ДФОП, как и руководство ООП, был, тем не менее, *внешней* силой по отношению к событиям, происходившим на «внутренней» (в противоположность диаспоре) территории, где должна была созидаться национальная государственность.

10 января 1988 г. было обнародовано обращение Объединенного национального командования интифады, в состав которого входили представители ФАТХ, ДФОП, Народного фронта освобождения Палестины и палестинских коммунистов, – «Ни один голос не может быть выше голоса интифады»[36]. Его важнейшим положением выступало требование «эскалации великого восстания героев войны камней и коктейлей Молотова». Но все то же обращение содержало призыв к участникам интифады «тесно и целеустремленно сплотиться вокруг Организации освобождения Палестины – единственного законного представителя палестинского народа». ДФОП оказывался внутри порочного круга, который он не мог разорвать, – развитие со-

бытий на Западном берегу и в секторе Газа, как, впрочем, и международной ситуации, укрепляло не его положение, а позиции его основного соперника – движения ФАТХ. Даже позже, в начале 90-х годов, когда ООП поддержала иракскую агрессию против Кувейта, ДФОП не мог воспользоваться совершенной ею ошибкой, – палестинское общественное мнение и в диаспоре, и в обоих палестинских регионах солидаризировалось с действиями страны, которая была его собственным союзником. Основой действий палестинских марксистов становилась всего лишь радикализация программных положений политической речи тех, кого они называли «традиционными националистами», но при этом были вынуждены считать их фигурами, присутствие которых в ООП легитимирует самих марксистов.

В октябре 1988 г. политбюро ЦК ДФОП рассматривало вопросы, связанные с развитием интифады. Принятые им в этой связи решения были все столь же двойственны, что и текст обращения к участникам восстания[37].

Высший руководящий орган ДФОП считал необходимым провозгласить на Западном берегу и в секторе Газа, основываясь «на резолюции № 181 Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г.», суверенное палестинское государство, столицей которого должен был стать «арабский Иерусалим». Условиями, обеспечивающими его независимый статус, становились вывод израильских войск с его территории, а также возвращение беженцев. Месяц спустя, эти положения были включены в текст Декларации независимости Государства Палестина, принятой во время 19-й сессии Палестинского национального совета[38]. ДФОП рассматривал этот документ как успех своего курса, хотя, естественно, он ни в коей мере не противоречил политике, проводившейся в то время Я.Арафатом и его ближайшим окружением, и, более того, рассматривался им в качестве основы для установления своего контроля над ходом развития интифады.

Но в равной мере решения заседания политбюро ЦК ДФОП включали идею «превращения институтов ООП в органы законодательной и исполнительной власти палестинского государства» на срок, необходимый для подготовки и проведения выборов в национальный парламент. В свою очередь «временное правительство» государства рассматривалось как «один из инструментов деятельности ООП». Разумеется, ДФОП оговаривал, что формирование «временного правительства» должно было учитывать «коалиционный характер структуры ООП». Но эта оговорка сопровождалась замечанием о том, что «состав правительства утверждается Центральным Советом и Исполкомом ООП», где ФАТХ продолжал сохранять большинство мест, поддерживая и поощряя расхождения между точками зрения своих соперничающих союзников. Самостоятельная политическая и организационная деятельность ДФОП вновь определялись единственно возможной основой ее легитимации – ООП и главой ее

Исполкома. Более того, ДФОП категорически отказывался выдвигать или поддерживать какие-либо инициативы создания альтернативной и оппозиционной ООП организации. По словам Н.Хаватме, в этом случае речь шла бы о переходе к «этапу войн во имя того, кто станет высшим органом палестинцев – ООП, главой Исполкома которой является Арафат, или вторая Организация освобождения»[39].

Первые сообщения о подписании в сентябре 1993 г. палестино-израильской Декларации принципов раскалывали Объединенное национальное командование интифады. В изложении Н.Хаватме это выглядело следующим образом: «ФАТХ и Партия народа (бывшая Палестинская компартия – *Г.К.*) вышли из состава Командования. Мы начали наводить мосты сотрудничества с ХАМАС и Исламским джихадом. Но, к сожалению, наши усилия не увенчались успехом». И далее он продолжал: «Мы не могли, опираясь только на силы Демократического и Народного фронтов, руководить интифадой, прекращения которой требовало еврейское государство в качестве условия подписания соглашений Осло, а также арабское и международное сообщества, стремившиеся осуществить сделку под названием «Осло» за счет интифады». Подспудное признание ведущей роли ФАТХ в ООП, а также его усилившегося благодаря интифаде влияния на Западном берегу и в секторе Газа (как, впрочем, и стремления местного палестинского сообщества вернуться к спокойствию и безопасному существованию) не замедлило стать откровенным: «Интифада деградировала потому, что соглашения Осло лишили интифаду и ее руководство веса ФАТХ и тех, кто его поддержал»[40]. В их числе Н.Хаватме называл и представителей традиционных семей Западного берега, входивших в состав иордано-палестинской делегации на Мадридской конференции по Ближнему Востоку, – они заключили союз с «бюрократией Арафата»[41]. Отныне руководству ДФОП оставалось лишь говорить о важности «преодоления свершившегося факта»[42]. Это был путь оппозиции *национальной власти* и ее *президенту* – Я.Арафату.

Палестинские марксисты подчеркивали, что «проводимая палестинской властью хозяйственная и социальная политика представляет собой» наряду с курсом израильских властей на расширение сети еврейских поселений в пределах ПНА «фактор деградации экономики и жизненного уровня» населения Западного берега и сектора Газа[43]. Резюмируя эту политику, член Политбюро ДФОП и реальный руководитель его организации в ПНА Кайс Абдель Карим (Абу Лейла) писал: «Розовая мечта, возникшая сразу же после подписания соглашений Осло, о превращении Газы в «средиземноморский Сингапур» очень быстро стала всего лишь обычным палестинским кошмаром»[44]. Суть этого «кошмара» состояла в том, что *национальная власть* вызвала к жизни «тонкую социальную паразитическую прослойку», интересы

которой «переплетены с интересами израильтян и центров мирового капитала». В силу этого «экономическая роль самой палестинской власти заключается в том, чтобы обеспечивать планомерный грабеж доходов производительной части общества, а также защищать интересы паразитического и компрадорского капитала»[45]. Но речь шла не только об этом аспекте линии администрации.

Линия руководства ПНА в сфере создания политической системы будущего национального государства (формирование институтов законодательной и исполнительной власти, разработка законодательных основ их деятельности, как и регулирование деятельности партий) провозглашалась «противоречащей принципам демократии и прав человека». Более того, эта политика укрепляла «единоличную диктаторскую власть и ее партии»[46]. И если власти ПНА опирались на связанный с «интересами израильтян и центров мирового капитала» слой компрадорского предпринимательства, то дальнейшая логика рассуждений должна была приводить ДФОП к оправдываемым этой логикой выводам. Среди них – утверждение о том, что подписанные палестинской администрацией и Израилем меморандумы в Уай-Ривер (октябрь 1998 г.) и в Шарм аш-Шейхе (сентябрь 1999 г.) «превращали определяемый Декларацией о принципах переходный статус Иерусалима, еврейских поселений и беженцев в постоянный и не подвергаемый изменениям фактор»[47] жизни обоих палестинских регионов, а «политическое решение палестинской власти определялось только стремлением угодить американцам и израильтянам»[48].

Идеологи ДФОП апеллировали к реальности. А эта реальность действительно оказывалась ущербной. Однако в какой мере ее стремились изменить, и в какой мере апелляция к «неизменно» ущербному окружающему палестинцев миру (и, конечно же, преувеличенная, намеренно выпячивающая его наиболее вопиющие черты несовершенства) продолжала оставаться средством политической легитимации и политической практики? Могла ли логика такого теоретизирования и построенная на ней оппозиционная практика помочь преодолеть уже развивавшийся в рядах ДФОП кризис?

Н.Хаватме не раз задавали вопрос о степени влияния его организации в обоих регионах ПНА. Ответы на него обычно были расплывчаты и нечетки: «Мы всегда находились и находимся на внутренних территориях»[49]. Однако же время между двумя палестинскими интифадами позволило независимым палестинским исследователем создать (пусть даже в ее поверхностном варианте) карту распределения влияния различных партийных структур на Западном берегу и в секторе Газа (данные опросов Палестинского центра исследований в Наблусе, датируемые концом 1995 г.)[50].

Лишь 5% всех жителей ПНА поддерживали левые партии и движения (4,9% – на Западном берегу и 4,7% – в секторе Газа). При

этом речь шла о широком и многообразном (ФИДА, Партия народа, Народный фронт освобождения Палестины – НФОП, в частности) спектре левых политических сил, лишь частью которого был ДФОП. Более того, некоторые элементы этого спектра (ФИДА, Партия народа) являлись союзниками ФАТХ и были представлены и в Законодательном совете ПНА, и в ее правительстве.

Своего максимума эта поддержка достигала в Иерусалиме (8,3%), на севере сектора Газа (8,2%), в центральных районах сектора Газа (6,8%) и Вифлееме (6,6%), снижаясь до 4,7% в Рамалле и до минимума в Дженине (1,2%) и в городе Газа (1,8%). В целом сторонники левых сил представляли поселки, возникшие на основе лагерей беженцев, и собственно лагеря беженцев в обоих регионах (7,8% для первых и 7,2% для вторых). Левым в большей мере симпатизировали христиане (11,4%), чем мусульмане (4,6%), – выходцами из христианской среды были и Н.Хаватме, и остававшийся в течение многих лет лидером НФОП Дж.Хабаш[51]. Левым отдавали предпочтение люди с более высоким образованием, начиная с уровня магистра (17,6%), и имеющие серьезную профессиональную подготовку (17,2%). Наконец, сочувствующих левым было больше среди беженцев (6,7%), чем среди тех, кто не был вынужден когда-либо покидать родные места (3,4%). На фоне данных о степени влияния ФАТХ (43% в целом, 43,9% на Западном берегу и 42,3% – в секторе Газа) и исламистов – ХАМАС и Исламский джихад (28% в целом, 26,8% и 30,7% на Западном берегу и в секторе Газа соответственно) поддержка левых была, действительно, мала[52]. При этом, если данные опроса и позволяли строить социологически любопытные корреляции, то для ДФОП они, тем не менее, выглядели едва ли не удручающе. Данные других социологических опросов это лишь подтверждали.

Исследования Иерусалимского центра информации и коммуникаций свидетельствовали, что в июле 1994 г. численность сторонников ДФОП составляла лишь 1,6% (3,2% – НФОП)[53]. В июне 1995 г. процент доверия респондентов этого центра, отвечавших на вопрос «Какому палестинскому лидеру вы доверяете в большей степени?», Н.Хаватме был столь низок (по крайней мере, ниже, чем уровень доверия Дж.Хабашу, сторонниками которого были все же 2,9% всех опрошенных), что он был помещен в итоговую графу «различные лидеры» (6,9% поддержки в целом)[54]. Его имя все также не выделялось и в списке политических предпочтений в январе 1996 г. (численность сторонников Дж.Хабаша составила тогда 0,9%)[55]. В апреле 1997 г. Н.Хаватме была высказана поддержка 0,4% респондентов (0,5% на Западном берегу и 0,2% в секторе Газа)[56], ставшая ниже в мае того же года (0,3 в целом, 0,4 на Западном берегу и 0% в секторе Газа)[57]. Наконец, в июле 1997 г. его поддерживало 0,6% опрошенных (0,7% на Западном берегу и 0,5% – в секторе Газа)[58], но в дальнейшем он

вновь оказывался в графе «различные лидеры» (для Дж.Хабаша степень поддержки составила 1,8%)[59].

ДФОП не мог не приветствовать начало новой интифады.

2. ДФОП: теория марксизма и интифада мечети аль-Акса

Итак, ДФОП вновь стремился стать структурой, полем деятельности которой является не только диаспора, но и национальная территория. Его лидеры вновь подчеркивали, что путь к этому проходит через создание широкой коалиции противников ситуации, ставшей «свершившимся фактом» после заключения соглашений Осло. Это означало, что партия должна «взаимодействовать с палестинской улицей и постоянно сверять свой курс с биением боевого пульса масс». Выйти «из тупика соглашений о создании "оккупированного палестинского государства", построить отвечающее чаяниям народа подлинно свободное национальное политическое образование», куда могли бы «вернуться беженцы 1948 г. и последующих лет», – в этом, как считали идеологи ДФОП, заключался смысл новой интифады. В свою очередь, стоящая перед ее участниками цель, говорили они, «двояка»: чем активнее «палестинская улица будет переходить к использованию насильственных методов борьбы против израильского противника», тем серьезнее будут поколеблены позиции тех, кто, «возглавляя национальную власть, идет на антинародные компромиссы с израильским правительством»[60].

Тем не менее контекст интифады мечети аль-Акса принципиально отличался (80-е – начало 90-х годов XX столетия) от первого палестинского восстания. Прошедшие в ПНА в январе 1996 г. парламентские и *президентские* выборы (в ходе которых Я.Арафат получил более 87% голосов их участников) окончательно легитимировали *национальную власть.* Возникшее в эмиграции *внешнее руководство,* несущей конструкцией которого всегда выступал ФАТХ, дополняло прежние компоненты своей легитимации – длительное лидерство в противостоянии Израилю, свое признание мировым сообществом в качестве «единственного законного представителя арабского народа Палестины» – вне сомнения, важным элементом. Им была поддержка этого руководства со стороны «внутреннего» палестинского сообщества Западного берега и сектора Газа. Это «внешнее руководство» окончательно становилось «внутренним». Его штаб-квартира отныне располагалась в Рамалле и Газе, но не в Тунисе. Сколь бы «нелиберальным» ни был режим Я.Арафата, сколь бы широкой ни была его опора на кланово-клиентельную систему социальных связей, никогда не исчезавшую из жизни обоих палестинских регионов, сколь бы ни признавалась коррумпированным руководство ПНА, тем не менее во второй половине 90-х годов степень доверия ее лидеру оставалась высокой. Более 80% всех респондентов Иерусалимского центра информации и коммуникаций, проживающих на Западном берегу, и почти 90% из них в секторе Газа всегда считали,

что полномочия *президента* и главы ООП Я.Арафата должны быть «абсолютными» или «близкими к абсолютным»[61].

ДФОП должен был учитывать это обстоятельство. Уже поэтому его жесткая критика власти Я.Арафата не могла принять, казалось бы, естественную в условиях новой вспышки насилия форму – создание органа руководства второй интифадой, идентичного тому, который возникал в эпоху первого восстания, где ДФОП играл одну из ведущих ролей. Конечно, в эпоху интифады мечети аль-Акса возникал определяющий ее развитие Высший комитет контроля национальных и исламских сил. Разумеется, его первое воззвание, как и во время первой интифады, называлось: «Ни один голос не может быть выше голоса интифады». Но задача этого Комитета определялась как «превращение интифады в одно из возможных средств, направленных на создание палестинского государства». Это был лозунг Я.Арафата (вне зависимости от того, как бы ни оценивалась избиравшаяся им линия поведения во взаимоотношениях с Израилем), а ДФОП был вынужден его поддерживать. При этом в списке подписавших первое воззвание Высшего комитета контроля двенадцати палестинских партий и движений организация марксистов занимала лишь десятое место[62].

Максимальным требованием лидеров ДФОП становилось «формирование правительства интифады», аналогичного «израильскому правительству национального единства» во главе с А.Шароном. В этой связи они считали: «Нынешнее правительство не проявляет достаточной готовности координировать свои действия с реальной палестинской ситуацией. В силу этого глава национальной власти Ясир Арафат должен осуществить изменения в правительстве. Нынешнее правительство должно быть заменено «правительством интифады», в котором будут представлены все палестинские силы – ФАТХ, Демократический и Народный фронты, движения ХАМАС и Исламский джихад. Это правительство станет выражением реальности палестинской национальной коалиции, противостоящей "израильской национальной коалиции"»[63]. По сути дела, «революционный» дискурс оказывался всего лишь скромным предложением помощи Я.Арафату. Однако иных возможностей действия у ДФОП просто не было.

Разумеется, события весны 2002 г., – предпринятая правительством А.Шарона операция «Защитная стена», – ужесточили риторику ДФОП: «Израильская агрессия направлена против всех элементов палестинских политических структур – «власти», оппозиции и гражданского общества. Каждый, кто предполагает, что способен сосуществовать с новой реальностью, сохранив те привилегии, которые в прошлом были предоставлены ему «властью», смотрит на происходящие события слишком узко. Этот взгляд отражает не более чем корпоративные интересы кучки людей, игнорирующих огромные жертвы, понесенные палестинским народом в его противостоянии изра-

ильскому наступлению»[64]. Кавычки, окружающие в цитируемом пассаже слово «власть», мало что означали в действительности. Речь шла об обычном риторическом приеме, вновь скрывавшем предложение помощи. Блокированный израильскими войсками в своей резиденции в Рамалле, Я.Арафат приобретал еще более яркий нимб легитимного лидера и жертвы беспрецедентного насилия. Ему вновь предлагали помощь, впрочем, эта помощь (пусть формально и не безусловная) предлагалась даже тем, кого совсем недавно называли чуть ли не предателями. Осенью 2001 г. международный контекст развития интифады мечети аль-Акса подвергся коренной трансформации.

Интифада, как об этом говорил Ф.Сулейман, «не может стать платой за создание новой международной и, по утверждению Соединенных Штатов, антитеррористической коалиции», а его организация не считает возможным, чтобы после «сентябрьских событий в Нью-Йорке и Вашингтоне влияние интифады на ход палестино-израильского противостояния было ослаблено». Но если при этом «время возобновления палестино-израильских политических контактов на основе прекращения интифады безвозвратно прошло», то ее продолжение и достижение выдвигаемых ДФОП целей связаны не только с движением по пути «сохранения палестинского национального единства и его организационного оформления под лозунгами сопротивления»[65]. Источником палестинского сопротивления должен стать и арабо-мусульманский мир, представленный его «патриотическими и исламскими партиями», а также государства, видящие в «усилении американского присутствия в арабском и центрально-азиатском регионах угрозу своим национальным интересам».

По мнению все того же руководителя ДФОП, «патриоты» в арабо-мусульманском мире должны понять, что «американская администрация не считает необходимым создание действенного палестинского государства, региональное влияние которого будет значительно шире, чем его территория, поскольку это государство окажет свое воздействие на положение палестинцев в Израиле и Иордании». Более того, «в стратегическом отношении проблема американцев заключается не в том, будет ли создано палестинское государство или нет. Вашингтон считает, что палестинская проблема стала благодатной средой для возникновения того, что в американской столице называют «терроризмом», что Палестина, иными словами, превратилась в центр притяжения для арабских и мусульманских масс. Палестинская интифада разрушает угодную американцам стабильность региона, а Вашингтон отнюдь не стремится к тому, чтобы враждебные ему государства могли использовать палестинскую проблему или последовать палестинскому примеру»[66]. Активизация контактов ДФОП с «враждебными» Соединенным Штатам региональными «центрами силы» (Сирия, Ирак, Ливия и Иран, естественно, занимали в их ряду ведущее место) становилась очевидной реальностью. Палестинские приверженцы марксизма последовательно и целенаправленно разви-

вали отношения с религиозными и левыми политическими структурами в Ливане, Иордании, Египте и странах Магриба.

ДФОП резко осуждал и категорически не принимал шаги, направленные на поиски решения кризиса в палестино-израильских отношениях, предпринимавшиеся теми, кого он считал союзниками Израиля и Соединенных Штатов. Комментируя результаты состоявшейся в конце марта 2001 г. в Аммане арабской встречи в верхах, редакционная статья газеты «Аль-Хуррийя» подчеркивала: «Самым опасным в иордано-египетской инициативе является то, что она созвучна поддерживаемым американцами израильским условиям, суть которых состоит в том, что возобновлению палестино-израильских переговоров должно предшествовать прекращение интифады. Это означает, что ситуация должна вернуться на путь Осло, хотя развитие интифады продемонстрировало невозможность поворота стрелок часов истории назад». Отныне «интифада вела сражение на двух фронтах – против эскалации израильской агрессии и против «инициатив» ее прекращения»[67]. Эти слова относились к выдвинутой в конце марта 2002 г. в ходе общеарабской встречи в Бейруте инициативе саудовского наследного принца Абдаллы.

7 апреля 2002 г. в редакционной статье «Аль-Хуррийя» писала: «Правда заключается в том, что во главе тех, кто подтолкнул наследника саудовского престола принца Абдаллу к выдвижению этой инициативы, а также тех, кто подтолкнул участников арабского саммита к тому, чтобы они ее поддержали, стоят Соединенные Штаты». Но речь шла и о большем. ДФОП оценивал инициативу принца Абдаллы как «арабскую уступку оптом всем требованиям израильской стороны, включая и неотъемлемое и неотторжимое право беженцев на возвращение»[68]. Отныне «наступало время американских решений на общерегиональном уровне, время вступления в действие поддерживаемого Израилем плана президента Буша, плана Тенета-Митчелла и молчаливого согласия на это палестинской администрации». Итогом развития событий в этом направлении стало не только то, что «израильская армия получила ничем не ограничиваемое право проводить в ПНА защитные операции, но и открыло путь к окончательной аннексии израильским государством тех или иных участков ее территории в качестве преддверия к будущему урегулированию». Все это происходит тогда, когда «мир окончательно вступил в эпоху американской глобальной гегемонии»[69]. Комментируя состоявшуюся в апреле 2002 г. в Мадриде встречу представителей Соединенных Штатов, Европейского Союза, России и ООН, обозреватель газеты «Аль-Хуррийя» писал: «Европа что-то невнятно бормочет, Россия в обмороке, Соединенные Штаты доминируют». Изменить ситуацию, по его мнению, мог «единый общеарабский план действий, вырастающий из поддержки палестинской интифады и опирающийся на набирающие день ото дня силу протесты арабских народных масс»[70].

Иными словами, интифада провозглашалась одним из важнейших инструментов противостояния процессу создания однополярного мира. Это предполагало, что ДФОП становится участником международных действий «групп противников глобализации», представленных (в Европе прежде всего) «левыми студенческими и молодежными организациями, движениями феминисток, экологов и крестьянскими союзами». Все эти группы становились не только его союзниками, но и вместе с ним «элементом новой формы интернационализма», возникающего потому, что стойкость палестинцев разоблачила ложь американских заявлений о «войне с террором», потому, что европейские народы освобождаются от комплекса холокоста». Интифада более не замыкалась в «узких» рамках арабо-мусульманского мира: «палестинская куфия стала знаменем всемирной борьбы против империализма, расизма и неолиберальной капиталистической экономики»[71].

В стремительно меняющемся мире палестинцев призывали вести героическое сопротивление «мировой империалистической гегемонии», в контексте которой «сионистские силы Израиля» были ее «региональной опорой и орудием». Так точка зрения ДФОП на администрацию Палестинской автономии приобретала необходимую внутреннюю логику своего оправдания. Если ее существование обусловлено соглашениями Осло, ни в коей мере не покончившими с израильским военным и поселенческим присутствием на Западном берегу и в секторе Газа, если «администрация полностью зависит от этого присутствия», то возникает необходимость «радикализации интифады ради достижения подлинной независимости и суверенитета». Лишь этот путь может «вывести народ из порочного круга соглашений Осло»[72]. И все же речь шла лишь о дискурсе, который не мог скрыть важных и принципиальных реалий: как слабости воздействия лозунгов ДФОП на палестинское сообщество Западного берега и сектора Газа, так и крайней узости возможностей его политического маневра. Оба этих обстоятельства заслуживают внимания.

В июне и августе 2001 г. газета «Аль-Хуррийя» опубликовала итоговые результаты нескольких опросов общественного мнения, происходивших в то время, когда насилие в пределах ПНА, переносившееся и на территорию Израиля, приближалось к своей максимальной отметке. ДФОП следовал за развитием событий, его идеологи (формально не принимающие идеи проведения акций возмездия в израильских городах), комментируя международную реакцию на взрыв в тель-авивской дискотеке, говорили тогда о том, что «крокодиловы слезы по убитым в ночном клубе «Дельфин» не сломят интифаду и не создадут возможности шантажа или запугивания ее участников»[73]. Естественно, публиковавшиеся в его центральном органе результаты опросов были призваны доказать, что жители Западного берега и сектора Газа поддерживают курс на эскалацию действий участников интифады.

Первый опрос был проведен в конце мая 2001 г. Палестинским центром общественного мнения в Бейт-Сахуре на Западном берегу, в секторе Газа и в Восточном Иерусалиме[74]. Его итоги, частично вынесенные на первую полосу газеты, действительно свидетельствовали, что 75,7% всех опрошенных поддерживают интифаду, а 73,7% среди них считают, что осуществляемые израильскими самолетами удары по палестинским городам приведут лишь к активизации действий ее участников. Иных ответов в то время ждать было трудно. Более того, те же ответы могли успешно интерпретироваться и как инструмент действия, жизненно необходимый для руководства ПНА в ее активной международной игре ради решения собственных внутри- и внешнеполитических задач (16,8% респондентов требовали прекращения интифады, а 7,5% воздержались от выражения своего мнения в отношении происходящих событий). И все же результаты опроса не ограничивались только этими данными.

Так, 43,6% респондентов были против призыва Администрации «прекратить насилие», однако, его поддерживали 38% опрошенных, а 6% участников опроса воздержались от ответа. 49,4% включенных в опрос заявили о том, что они «крайне обеспокоены ситуацией, складывающейся в сфере личной безопасности» (28,5% – «обеспокоены», а 13,2% «не очень обеспокоены). Не менее любопытен был и тот раздел результатов опроса, который касался оценки палестинцами политики Соединенных Штатов в отношении палестино-израильского противостояния. Так, 8,9% респондентов ожидали «эффективного американского участия в мирном процессе, идентичного действиям администрации Клинтона», 13% – давления на Израиль с тем, чтобы «заставить его принять египетско-иорданскую мирную инициативу и отчет комиссии Митчелла», а 9,6% – «материальной поддержки администрации Автономии». В свою очередь, 12% опрошенных считали, что Соединенные Штаты «должны заставить Израиль прекратить поселенческую политику на палестинских территориях», а 17,2% – «пригласить президента Арафата посетить Вашингтон».

Курс властей ПНА, как соответствовавший развитию ситуации, оценивался как «очень позитивный» 21,5% респондентов и как «относительно позитивный» 40,3% (32,2% оценивали его как «негативный» и 5,9% воздержались от оценки). В этой связи была важна и точка зрения опрошенных на возможность достижения «положительного для палестинцев политического соглашения» с Израилем: 50,4% говорили, что такая возможность, «вне сомнения, существует»; 32,2% отвечали, что они «считают, что существует»; 6% отрицали ее, а 3,6% подчеркивали, что эта возможность, «вне сомнения, отсутствует». Наконец, участники опроса были, конечно же, в целом пессимистичны в отношении положительного ответа на вопрос о том, «возможен ли мир между израильтянами и палестинцами». Но и здесь было немало нюансов: 58,1% респондентов заявляли, что «мир никогда не будет

достигнут», 4,8% считали, что он станет реальностью «в будущем году», 7,5% – «через два или три года», 5,5% – «в течение пяти-десяти следующих лет», 3,1% – «через двадцать – тридцать лет» (30,9% воздержались от ответа).

В том же номере газеты «Аль-Хуррийя»[75] были, но лишь выборочно, опубликованы результаты опросов, проводившихся Программой исследования развития палестинского университета Бир-Зейт в течение 1994–2001 гг.

Эти результаты давали, тем не менее, представление о степени поддержки жителями ПНА акций индивидуального террора в отношении целей на территории Израиля и еврейских поселений. Если в 1994 г. эти акции приветствовало только 18% респондентов, то в феврале 2001 г. (когда правительство Э.Барака перешло к проведению более жесткой линии в отношении ПНА) уровень их поддержки достиг 53%, а по истечении ста дней пребывания у власти премьер-министра А.Шарона – 75%. Интерпретируя эти результаты, сотрудники Программы подчеркивали, что они демонстрируют прямую зависимость между «содержанием курса израильских правительств и реакцией палестинцев на этот курс».

Не менее интересны и итоги опроса, проводившегося Палестинским центром общественного мнения в Бейт-Сахуре 4–11 июля 2001 г. на Западном берегу, включая и Восточный Иерусалим. Опрос был выборочен, его участниками были люди старше 18 лет (средний возраст респондентов составил 30,5 лет)[76]. Его цель при этом состояла в выяснении отношения палестинцев к вопросам демократии в ПНА. Публикуя этот документ, «Аль-Хуррийя», естественно, выделяла то, что отвечало задачам организации, центральным печатным органом которой она была, – «существующий режим, как считают палестинцы, это система однопартийной власти». Но вопрос заключался не только в этом, известном всем в ПНА, обстоятельстве.

95,4% респондентов считали, что существующая в ПНА политическая система возникла потому, что Израиль все еще «господствует над политикой, социальной и экономической жизнью, сферой безопасности и культуры» палестинского сообщества. Это и определяло, по их мнению, «высокую степень ограниченности применения демократических норм в районах суверенитета, осуществляемого национальной властью». Иными словами, речь шла о принципиально ином контексте постановки вопроса о значении демократических ценностей для палестинцев. Это подтверждалось и в высказывавшемся опрошенными мнении о том, что «ограниченность сферы демократии» вытекает также и из действий Израиля, приводящих к «ухудшению экономического положения жителей» ПНА. Эту точку зрения выразили 57,7% всех респондентов (23,7% из них считали, что израильская политика «разорения» палестинцев лишь частично объясняет «ограниченность сферы демократии», 11,6% – «в малой степени», 7% не

высказали своего мнения). 20,6% участников опроса считали, что ПНА «в начале своего движения к демократии», 12,7% – «на полпути к демократии», а 2,5%, что ПНА – «демократическое государство». Оценивая степень развития институтов *национальной власти* по десятибалльной системе, участники опроса в целом думали, что она заслуживает оценки «четыре».

Только 38,4% всех респондентов считали, что в ПНА существует «однопартийная система власти» (21,6% полагали, что эту систему следует охарактеризовать как «недостаточно многопартийную», а 27,3% как «подлинно многопартийную»). Собственные же предпочтения в отношении того, «какой должна быть палестинская политическая система», были выражены достаточно разнообразно: 40,9% опрошенных считали, что речь должна идти о «республиканской демократической системе», 30,5% – об «исламской», 13,3% – о «монопартийной», 7% – об «ограниченно демократической». Выбирая же «основной признак будущего палестинского государства», 34% опрошенных назвали его «национальным арабским», 32,3% – «исламским», только 10,5% – «социалистическим» (этот выбор имел прямое отношение к ДФОП и другим левым силам), 9,8% – «либеральным» и 7,8% – «капиталистическим».

Наконец, участники опроса должны были дать оценку действиям администрации. 54,4% среди них считали, что «администрация стремится обеспечить потребности граждан вне зависимости от их политической принадлежности» (35,7% респондентов отвергали это утверждение). Если 48,8% опрошенных думали, что «личные и партийные связи значительно ограничивают сферу претворения демократии», то 27,5% респондентов заявляли, что эти связи влияют на нее «в определенной мере», а 16,1% – влияют «очень мало». Ответы участников опроса на вопрос о том, «предпринимает ли национальная власть максимум усилий для того, чтобы реализовать принципы демократии и обеспечить участие граждан в принятии решения?», распределились во многом своеобразно: 34,2% ответили «в определенной мере», 13% – «да», 37,6% – «нет» и 15,2% не высказали своего мнения.

Итоги проведенного также в июле 2001 г. Палестинским центром политических и социологических исследований в Рамалле опроса общественного мнения по вопросам, связанным с развитием интифады, были не менее показательны[77]. Публикуя их, «Аль-Хуррийя» писала, что эти итоги «показывают стремление палестинцев продолжать вооруженную борьбу». Однако и в их случае все не было столь однотонно.

Результаты этого опроса демонстрировали, что 92% палестинцев «поддерживают вооруженные акции», но только в связи с нападениями на израильских солдат и поселенцев, в то время как уровень поддержки «вооруженных акций против гражданских лиц в Израиле» падал до 58%. При этом 84% палестинцев хотели бы, чтобы границы

между ПНА и Израилем оставались открытыми, 60% среди них считали необходимым осуществление совместных палестино-израильских экономических проектов (а 25% – возможным создание в будущем «палестино-израильской конфедерации»). 31% участников опроса заявлял, что в ПНА и Израиле должны быть приняты законы, «запрещающие подстрекательство к действиям против друг друга» (7% среди них отмечали, что из школьных учебных программ должны быть исключены какие-либо намеки на существование у обеих сторон взаимных территориальных претензий). Одновременно 93% опрошенных отмечали, что «интифада негативно сказывается на экономическом положении районов национальной власти», а 80% среди них подчеркивали, что «интифада отрицательно воздействует на их собственное материальное положение». Наконец, 50% из них поддерживали рекомендации комиссии Митчелла.

Конечно же, любые опросы общественного мнения (это тем более относится к тем из них, которые проводятся в неблагоприятной для того или иного национального сообщества политической обстановке) не могут выявить всей гаммы политических предпочтений, точек зрения и мнений их участников. Их результаты могут по-разному интерпретироваться теми или иными «центрами политического решения» или политическими структурами. В процесс проведения опросов всегда вносятся личные симпатии тех, кто их проводит, итоги этих опросов могут становиться объектом подтасовок и спекуляций. Однако в любом случае их итоги дают, пусть даже обобщенную, картину умонастроений, проверяемую контекстом событий, переживаемых респондентами. Для ДФОП эта картина не оказывалась адекватной его устремлениям и, напротив, его противник – руководство ПНА – выглядел предпочтительнее. Могло ли все быть иначе? Видимо, нет. Развитие палестино-израильского противостояния и определявшаяся им политика Я.Арафата, стремившегося с максимально возможной пользой для себя использовать (даже после сентябрьских событий 2001 г.) все просчеты израильского руководства, в конечном итоге оказалась успешной. Ему, а не, в частности, ДФОП, удалось предстать и перед гражданами ПНА, и перед арабским миром, и перед мировым сообществом (включая и сторонников антиглобализма) в качестве символа, воплощающего суть интифады мечети аль-Акса. Если палестинская куфия и стала знаменем борьбы, то это, вне сомнения, была куфия Я.Арафата.

Как и в эпоху первой интифады, ДФОП оставалось лишь говорить о необходимости защиты нынешнего восстания: «Перед палестинским народом и всеми его организованными политическими силами стоят огромные задачи, включенные в повестку дня национальных институтов, национальных, демократических и исламских партий и деятелей. Это – задачи защиты интифады, права народа на сопротивление оккупации и на возвращение, задачи борьбы против лозун-

гов «строительства доверия» в отношениях с осуществляющим оккупацию врагом, взаимодействия с ним в решении вопросов безопасности и возвращения к состоянию, существовавшему до сентября 2000 г. Среди этих задач – давление на власть и ее министерства, чтобы заставить их облегчить бремя, лежащее на плечах граждан, и остановить снижение их жизненного уровня. Все это необходимо для того, чтобы создать предпосылки стойкости, мужества и способности продолжать интифаду до тех пор, пока она не осуществит стоящую перед ней цель – обретение свободы и независимости»[78].

Справедливости ради стоило бы сказать, что ДФОП предлагал палестинской *национальной власти* собственную программу решения проблем экономической деградации и падения жизненного уровня населения ПНА[79]. Ее суть состояла в переходе к созданию «альтернативной палестинской экономики», в ходе формирования которой было бы «покончено с зависимостью от израильской экономики, прежде всего в сфере сельского хозяйства и промышленности». Речь шла о том, чтобы направить «большую часть налогов и сборов на поддержку производительных отраслей», о выходе из сферы действия израильского шекеля и иорданского динара, а также провозглашении ПНА более не связанной «соглашениями Осло и Парижским протоколом». Благодаря действиям в этом направлении была бы, наконец, создана «совокупность мер политического, экономического и социального характера, содействующих успеху реализации задач сопротивления времени интифады». Иными словами, речь шла не об облегчении участи собственных граждан, но о дальнейшем наступлении на их жизненный уровень. Но делалось это из «благих побуждений», чтобы интифада мечети аль-Акса не стала, как прошлое восстание, «преданной интифадой»[80].

Тем не менее ДФОП ставил вопрос о создании широкого общенационального фронта и в связи с возможностью сужения поля своего политического маневра в свете эволюции ситуации в пределах ПНА. Давно включенная в повестку дня палестинской политической жизни, проблема «наследника» Я.Арафата становилась для лидеров марксистского движения серьезным поводом для беспокойства. Еще накануне начала интифады мечети аль-Акса Н.Хаватме, отвечая на вопрос о развитии событий в связи с возможным возникновением «вакуума руководства», настойчиво требовал от *национальной власти* «создания механизмов, способных обеспечить формирование институтов, деятельность которых основывалась бы на принятии коллективного политического решения»[81]. Одновременно он отмечал, что, как во многих странах арабского и афро-азиатского мира, в ПНА «судьбы людей и государства связаны с личностью, а не с народом и его волеизъявлением в процессе демократических выборов». Более того, в еще не ставшем объективной реальностью палестинском государстве, где «районы, управляемые властью, представляют собой

изолированные острова, гетто, практически не связанные друг с другом и окруженные поселениями», где «власть действует под лозунгами борьбы с "террором и подстрекательством к насилию"», влияние подчиненных этой власти карательных органов не может не быть огромным. По словам Н.Хаватме, вопрос касался не только того, что на содержание палестинской службы безопасности выделялось не менее 35% бюджета ПНА, но также и «устремлений полковников, конкурирующих за сферы своего влияния в структурах власти».

Интифада обнаружила свой второй, отнюдь не позитивный аспект. Руководство ДФОП не могло не понимать, что она сеяла смуту, порождала внутреннюю анархию, пределы которой реальный центр силы в ПНА – службы безопасности – должен был рано или поздно четко определить. Первоначально подспудно, перепечатывая публикации авторов, идейно и организационно не связанных с партией, об этом начинали говорить в рядах Фронта, конечно же, подчеркивая, что попытки руководителей этих служб (на Западном берегу Джибриль Раджуб назывался в этой связи в первую очередь) финансируются и политически поддерживаются Израилем и Соединенными Штатами[82]. Однако развитие событий весной 2002 г. заставило представителей ДФОП говорить об этом открыто, подчеркивая заинтересованность в использовании силы ради немедленного прекращения интифады не только Дж.Раджуба, но и его коллеги в секторе Газа Мухаммеда Дахляна[83]. Речь шла о том, что «полковники стремятся вырвать из рук законной палестинской власти возможность принятия политического, экономического и информационного решения, а также решения в области безопасности». Это был естественный в нынешних условиях вывод. Но разве не ДФОП призывал к эскалации интифады и называл *национальную власть* едва ли не предателем собственного народа? Теперь же ее называли «законной».

3. ДФОП: время подведения итогов интифады мечети аль-Акса?

Время интифады, как однажды писал член ЦК ДФОП и ведущий политический обозреватель газеты «Аль-Хуррийя» Муатасим Хамада, вносило (стоило бы добавить, что не впервые) в жизнь палестинского сообщества новые (хотя, по сути дела, давно известные) ценности. Он отмечал, что «израильская политика вынудила палестинцев ступить на поле насилия и заставила их ощутить, что они находятся в новой ситуации. Политики говорят, что эту ситуацию стоило бы назвать "единством поля сражения", когда слово "поле" (*майдан*) приобретает множество смысловых оттенков – "бой без забрала", "героизм", "атака" и "бесстрашие". Это слово становится антонимом слова "ведомство" (*дивану*) в значении "руководящий орган", "бюрократия", "традиции" и "дисциплина"»[84]. Люди, находящиеся на «поле сражения», – участники интифады, продолжал он далее, не строят иллю-

зий. Им очевидно абсолютное техническое превосходство израильтян, «и было бы смешно говорить о том, что им удастся преодолеть (путь даже частично) пропасть, разделяющую огромные возможности израильской армии и возможности участвующего в интифаде народа Западного берега и сектора Газа», – «в классическом понимании победы они не смогут одержать верх над этой армией».

Тем не менее речь идет не о «классической победе», но стоит ли вести речь только о ней, если «в условиях интифады попытки израильской стороны прекратить «насилие» со стороны палестинцев обречены на то, чтобы быть похожими на безнадежные движения утопающего»? Ведь «палестинское насилие», продолжал М.Хамада, «опирается не на обычное оружие – винтовку, мину, бутылку с зажигательной смесью, пращу и камень. Гениальность народа позволила ему найти возможность превратить предназначенный для перевозки пассажиров гражданский автобус в орудие убийства». Этот автобус «порой становится равен израильскому танку». Но более того, если танк всего лишь «средство организованного насилия, основанного на цифровых расчетах, на таблицах огневого поражения, передовой технологии, официальных приказах, отдаваемых теми, кто называет себя "представителями власти и законности"», то автобус – это «контрнасилие, основанное на спонтанности и мгновенности реакции». Этот автобус «превосходит все объективно верные цифровые расчеты, а также саму рациональность». Его взрыв «не нуждается в предварительном планировании и тренировке, этот взрыв – явление текущего момента, но, одновременно, проявление отказа признавать власть и бунта против этой власти». Танк – символ «бюрократии и традиций», взорванный автобус – символ «битвы без забрала и бесстрашной атаки».

Но, по сути дела, М.Хамада говорил не о сопротивлении израильской армии. Сопротивление на «поле сражения», подчеркивал он, порождало в палестинском обществе «новые формы полевого братства», «участие в насилии» становилось свидетельством появления «ранее неизвестных социальных связей». Эти связи «оттесняют общественные отношения прошлого и преодолевают их»: «на Западном берегу и в секторе Газа стали называть новые имена, затмившие имена традиционных политических лидеров». Новые имена принадлежали «полевым командирам и активистам интифады». Эти люди «создают абрис нового палестинского общества». Ради этого утверждения и была написана цитировавшаяся статья. Ее автор, обращаясь к *национальной власти,* требовал: «Если сама власть, уступая давлению улицы, пошла недавно на то, чтобы арестовать и казнить нескольких коллаборационистов, то она должна защитить и полевых командиров от попыток израильтян подвергнуть их физическому уничтожению». Самих же «полевых командиров» призывали отвечать «на предпринимаемые израильтянами попытки политических убийств эскалацией интифады и

сопротивления, а также дальнейшим укреплением полевого единства», – как говорил, комментируя неудачную попытку собственного физического устранения в конце августа 2001 г. К.Абдель Карим[85].

Но кто же были эти «командиры» и «активисты», имена которых становились легендой? Лишь несколько примеров.

24 декабря 2000 г. «Аль-Хуррийя» сообщила о прощании жителей Газы с членом военного крыла ДФОП – Отряды независимости лейтенантом Джабром Мухаммедом Махмудом ас-Сабаа, погибшим, по словам газеты, «при отражении вероломной агрессии израильской бронетехники против лагеря беженцев в Хан-Юнисе»[86]. Его называли «новой звездой Демократического фронта, осветившей небо интифады». Сообщение о прощании сопровождала краткая биография «героя-мученика». Он родился в июне 1968 г. в лагере Джабалийя в секторе Газа, в 1990 г. вступил в ДФОП, каких-либо иных сведений о нем газета не приводила. Но это означало, что только вступив в ряды организации палестинских марксистов, он смог сделать относительно успешную карьеру – получить офицерское звание и, видимо, соответствующее ему материальное обеспечение.

25 мая 2001 г. в лагере беженцев в Хан-Юнисе его жители прощались с родившимся в нем семнадцатилетним Аля Адилем аль-Буджи, членом Отрядов независимости. «Аль-Хуррийя» сообщала, что он с 2000 г. был «активистом» местной организации ДФОП и погиб, «защищая лагерь от вероломной агрессии». В заявлении его товарищей говорилось: «Мы обещаем тебе и всем героям-мученикам палестинского народа, что будем идти по пути интифады, по пути свободы, независимости и реализации права на возвращение»[87].

14 октября 2001 г. организация ДФОП лагеря беженцев Шатила в Бейруте отмечала первую годовщину гибели двух своих «активистов» и уроженцев этого лагеря Хасана Хасанейна и Шади аль-Унса (члены организации с 1998 г.), погибших «в героическом сражении на ливано-палестинской границе»[88].

26 апреля 2001 г. Отряды независимости распространили официальное сообщение о том, что в течение марта того же года их бойцы совершили несколько нападений на военные посты израильской армии в районе Наблуса. Целью этих нападений были также еврейские поселения, примыкающие к этому городу. В заявлении военного крыла ДФОП говорилось: «Отряды независимости будут идти по пути борьбы с тем, чтобы превратить палестинскую землю в кладбище для израильских захватчиков и агрессоров, государство которых скатилось до уровня преступных банд убийц, действующих, как нацисты, против палестинского народа»[89].

17 июня 2001 г. Отряды независимости сообщали о серии проведенных их бойцами операций против патрулей израильской армии и жителей поселений в районах Наблуса, Дженина и Тулькарама. В сообщении подчеркивалось, что бойцы Отрядов «отвергают предложе-

ния Дж.Тенета и основанное на них прекращение огня и будут продолжать интифаду и сопротивление». Они заявляли, что «продолжат борьбу с оккупационными войсками и скоплениями поселенцев до тех пор, пока они не уйдут с родной земли, а палестинский народ не победит в своей борьбе за свободу и независимость»[90].

12 июля 2001 г. Отряды независимости опубликовали заявление о нападении своих сторонников на израильскую военную колонну к северу от Наблуса. В заявлении отмечалось, что операция была осуществлена в ответ на «разрушение домов палестинцев в лагерях беженцев Шаафат (Западный берег) и Рафах (сектор Газа)». Одновременно в нем подчеркивалось, что бойцы Отрядов «продолжат борьбу, чтобы заставить противника уйти с оккупированных палестинских территорий и добиться осуществления неотъемлемых прав палестинского народа – права на возвращение, самоопределение и создание независимого национального государства со столицей в Иерусалиме».

16 сентября 2001 г. Отряды независимости сообщили о том, что их бойцы обстреляли машины «двух поселенцев в центре оккупированного Иерусалима, один из которых был убит, а второй – ранен». Сообщение военного крыла ДФОП подчеркивало, что операция была проведена «в память о резне в лагерях Сабра и Шатила, а также в ответ на израильскую агрессию против палестинских городов и, в частности, Вифлеема». В нем подчеркивалось, что наступление на врага, начатое «героями-мучениками» в секторе Газа, продолжается[91]. Речь шла об операции Отрядов независимости в Гуш-Катифе 25 августа 2001 г., во время которой погибли два бойца – Амин Мухаммед Абу Хатаб и Хишам Муса Абу Джамус, о котором сообщалось, что он был взят в плен, «подвергся зверским пыткам, а затем был убит выстрелом в голову»[92].

Операции в Гуш-Катифе М.Хамада посвятил в своей газете статью. Он говорил в ней о том, что «эта героическая операция еще раз поставила израильского солдата лицом к лицу с палестинским бойцом-*федаином*»[93]. Он говорил в ней также о принципиальных различиях между этими двумя людьми, – палестинец «сохранил честь оружия, направив его против вооруженных солдат, силой захвативших палестинскую землю», израильтянин же ответил на его «мужественную доблесть, направив свое оружие против лагерей и городов, разрушая дома безоружных граждан и изгоняя их с их собственной земли». Для идеолога ДФОП было очевидно, что удар его сторонников был поражением и израильской армии, и проводимой Израилем поселенческой политики. Отныне, как ему казалось, «израильское общественное мнение будет задавать себе вопрос: "Что мы делаем в Газе?", который затем превратится в настойчивое требование: "Давайте уйдем из Газы"». Далее он добавлял: «В дальнейшем начнется уход оккупантов и поселенцев с палестинской земли. Если поселения – предлог для сохранения оккупации, то оккупация – это причина сохра-

нения поселений. Они уйдут от нас вместе». Наконец, часть последней фразы: «Если бы эту истину знали Абу Хатаб и Абу Джамус!».

Они ее, к сожалению, не знали! Те, кого возрожденный сегодня палестинский дискурс, обычный и для светских, и для религиозных партий и движений, называет «героями-мучениками», очень молоды, а порой – практически дети. Чаще всего они уроженцы лагерей для беженцев или маленьких поселков на территории ПНА и в соседних арабских странах. Но они могут жить, например, и в Рамалле, – относительный экономический расцвет «столицы» ПНА (и ограниченного числа других городов) стал причиной миграции туда молодежи из депрессивных регионов. Но там уже были свои рабочие руки. Израиль был для них закрыт, – они были еще молоды и, разумеется, неженаты для того, чтобы получить разрешение на работу в еврейском государстве[94]. Число мест в палестинских университетах, предназначенных для уроженцев лагерей беженцев, было небезгранично. Значительный отрезок их жизни прошел уже после того, как была создана ПНА, – им лучше, чем кому бы то ни было, известно, что эйфория времени ее возникновения не воплотилась в желанные результаты, что вину за это несли и Израиль, и *национальная власть.* Они видели лишь нищету своей родины и знали, что когда-то их народ пережил катастрофу, которая, как им казалось, продолжалась по сей день: цветущие поселки поселенцев на их земле, охраняющая их мощная армия, жесткие и кровавые ответы израильского государства на любую попытку возмущения.

Вступление в какую-либо политическую структуру было для этих молодых людей почти спасением. И здесь перед ними открывались, казалось бы, огромные возможности выбора, представленного партиями и движениями левого, центристского или религиозного толка. Но чаще всего все определял неосознанный политический выбор. Ведь в социуме, который испытал и продолжает испытывать воздействие катастроф прошлого и настоящего, далеком от окончательного завершения процесса своего структурирования, эти партии и движения слишком похожи[95]. Формальные различия между ними (национализм, марксизм или религиозное начало) всего лишь утилитарные инструменты артикулирования клиентельных отношений. Вступление в ту или иную из этих партий связано, прежде всего, с влиянием родственников, друзей или соседей, – они, а вовсе не идеи, приводят людей в политику и определяют их будущую эволюцию. Но в каждой из политических структур вступающего в нее начинают окружать действительно «новые социальные связи», благодаря этим структурам люди начинают мстить за поражения прошлого и за унижение настоящего. Но они, разумеется, не знают простой истины, а она в том, что в них нуждаются политики.

Во время прощания в Шатиле с Х.Хасанейном и Ш.аль-Унсом выступал член политбюро ДФОП Али Фейсал. Он осуждал «амери-

канскую войну против афганского народа в то время, когда сами Соединенные Штаты поддерживают израильский терроризм», и требовал, чтобы «американская администрация соблюдала резолюции Объединенных Наций, касающиеся Палестины, включая обеспечение международной защиты палестинского народа». Это были слова, верно выражавшие суть политической линии его организации. Затем от имени семей погибших слово было предоставлено отцу Х.Хасанейна. Конечно, он поддерживал интифаду, – этого требовала церемония памяти отдавшего за нее жизнь его сына и сына его близких знакомых. Но этот человек был простым тружеником, наверное, не очень грамотным политически. Сказав положенные слова, он обратился с просьбой содействовать «отмене статьи второй ливанского закона о владении собственностью, запрещающей палестинцам в этой стране быть собственниками недвижимости»[96]. Эти слова сказали все о сути ближневосточного конфликта и палестино-израильского противостояния. Но согласился бы со словами отца его погибший сын? Видимо, нет.

Его организация провозглашала его «солью земли». Она считала, что «абрис нового палестинского общества», в центре которого должен был стоять «герой-мученик», уже становился реальностью. ДФОП, описывая сложившуюся в ПНА к октябрю 2001 г. ситуацию, заявлял о том, что в течение первого года интифады погибло (во время израильских воздушных и наземных операций, при отражении израильскими солдатами нападений палестинцев во время проводившихся ими массовых акций) 788, было ранено 29 260 и арестовано около 1 тыс. человек. Его представители говорили о множестве разрушенных домов, о том, что экономические потери ПНА составили более 4 млрд. долл., о «полной деградации экономики», «о разрушении системы образования», о «попрании религиозных святынь», которые подвергались осквернению потому, что бойцы интифады превращают эти святыни в очаги антиизраильского сопротивления. И далее следовал вывод: «Интифада стала старше на год. Палестинцы пожертвовали многим, а преступления оккупантов соответствовали их планам. Сопротивление палестинцев растет. Огонь интифады зажигает убежденность народа в том, что только на ее пути он достигнет национальной независимости»[97]. Скорее всего, молодой «герой-мученик» поддержал бы эти слова.

Организация, все еще остававшаяся структурой, действующей в диаспоре, прилагала титанические усилия для того, чтобы стать реальной силой и в пределах национальной территории. Там ее опорой становились молодые люди, которых объективные условия эволюции ПНА ставили в положение маргиналов. Вокруг них созидалась новая мифология. Она включала в себя положения о «творчестве масс, стремящихся к завершению стоящих перед ними задач», когда «герои-мученики» интифады совершали акты индивидуального или кол-

лективного террора. Это «творчество» и жизнь тех, кто его осуществлял, требовалось пропагандировать. Похороны «героев» должны были превращаться в события общенационального характера, сопровождаясь, в частности, всеобщими забастовками. Лишь так могла быть сохранена «общенародная поддержка интифады и укреплено боевое единство на полях сражений»[98]. Но эти «поддержка» и «единство» тоже были мифологичны.

События интифады порождали в реальном, а не выдуманном палестинском обществе Западного берега и сектора Газа стремление к обретению чувства уверенности и безопасности. Оно строилось и сохраняло себя, несмотря на потрясавшие его катастрофы (среди них первая и вторая интифады), благодаря всегда поддерживавшим его существование основам патриархального бытия[99]. Заключив союз с руководством ООП, палестинский социум обоих регионов ПНА видел (при всех поворотах событий последних лет) в уже сложившейся *национальной власти* единственного (хотя и далеко не безупречного) гаранта своих чаяний. ДФОП мог лишь сожалеть, говоря о том, что, провозглашая в мае 2002 г. проект реформирования уже существующей политической системы ПНА, Я.Арафат выполняет «требования Соединенных Штатов, Израиля и некоторых стран Запада, направленные против интифады и движения сопротивления». Он мог подчеркивать, что «реформы в контексте этих требований есть не более, чем объявление о капитуляции, открывающей перед Шароном возможность пожинать плоды его кровавой войны против палестинского народа». Теоретики этой организации могли утверждать, что «обе основы палестинского истеблишмента – «власть» и ООП – рухнули», что «палестинский гражданин потерял остатки остававшейся у него веры в институты «власти» и Организации освобождения Палестины»[100]. Эти слова, однако, уже ничего не меняли. Палестинское общество Западного берега и сектора Газа молчаливо согласилось с действиями своего *президента.*

Это общество не встало на защиту тех, кто должен был стать его собственной альтернативой, не обратив сколько-нибудь существенного внимания на уход «героев» из вифлеемской церкви Рождества Христова, и не протестовало против скорого суда администрации ПНА над теми «борцами сопротивления», которые находились в тюрьме осажденной израильской армией резиденции Я.Арафата в Рамалле. И, наконец, все то же общество, по сути дела, солидаризировалось с соображениями Я.Арафата, которыми, как казалось теоретикам ДФОП, он руководствовался, провозглашая «курс реформ»: «Американские гарантии показали, что действия израильского бульдозера направлены только против «искореняемого им террора». Это обстоятельство содействовало тому, что пресловутая реформа стала на самом деле попыткой доказать, что только интифада и сопротивление несут ответственность за то, что палестинцы вступили в битву

с Шароном, хотя на самом деле, этой битвы можно было бы избежать». Отныне, говорили они, режим «снимает с себя ответственность за происходящее, возлагая ее на борющиеся партии, политические движения и течения палестинского общества»[101].

Интифада исчерпала себя? Важнее другое, – «изоляция политических партий, последовательно выступающих против соглашений Осло», осталась непреодоленной.

[1] *Халед Т.* Маа духулиха аммиха ас-сани ат-тарик мушриа амам аль-интифада лиль усуль иля барр аль-истикляль аль-ватаний (Вступая в свой второй год, интифада пролагает ясный путь к достижению национальной независимости) // Аль-Хуррийя, № 866, 30 сентября – 6 октября 2001, с. 4.

[2] «Аль-Ауда» – возвращение на территорию «исторической Палестины» всех арабских беженцев как периода войны 1948–1949 гг., так и последующих лет.

[3] *Абдель Карим К., Халед Т., Зейдан С.* Ашийят аль-интифада. (Канун интифады). – Бейрут, 2001, с. 11.

[4] *Хаватме Н.* Абъад мин Осло. Филистын иля айн? (Все дальше от Осло. Где же ты, Палестина?). – Дамаск-Бейрут, 2000, с. 118.

[5] Разумеется, распад Советского Союза становился для палестинских марксистов серьезным испытанием. Высказывания лидеров ДФОП лишь подтверждали это: «Крушение Советского Союза стало потрясением не только для советских граждан, – отмечал Н.Хаватме, – но и для арабского мира и европейской социалистической системы. Идеологический и практический опыт всей нашей борьбы подвергся тогда серьезному анализу» // См. об этом, в частности, выпущенный палестинским журналистом Имадом Наддафом сборник интервью Н.Хаватме «Наиф Хаватме рассказывает ...». – *Наддаф И.* Наиф Хаватме ятахаддас ... – Бейрут-Дамаск, 1996, с. 326.

[6] *Абдель Карим К., Сулейман Ф.* Аль-Джабха ад-димукратыйя: аннашъа ва аль-масар (Демократический фронт: становление и эволюция). – Бейрут, 2001, с. 9.

Его историческим предшественником (в широком смысле этого слова) было созданное еще в марте 1949 г. Движение арабских националистов (ДАН), идеологические установки которого мало чем отличались от теоретических конструкций баасизма или насеризма, но вместе с тем выступавшее в качестве исторически первой (и в силу этого продолжавшей видеть себя организацией общеарабского толка) попытки создания структуры, апеллирующей к палестинской национальной идее // См. об этом: *Аль-Кубейси Б.* Харакат аль-каумийиин аль-араб (Движение арабских националистов). – Бейрут, 1974, с. 49.

Поражение насеровского Египта в июньской войне 1967 г. стало поводом для наиболее значительного раскола ДАН: его ряды покинула группа, в составе которой был один из основателей этого движения Джордж Хабаш, впоследствии в течение многих лет генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины, а также будущий генеральный секретарь

ДФОП Наиф Хаватме. Менее чем через год – в августе 1968 г. – был создан Народно-демократический фронт освобождения Палестины, генеральным секретарем которого стал Дж.Хабаш, а его заместителем Н.Хаватме. Окончательное расхождение между ними становилось лишь вопросом времени, – 22 ноября 1969 г. радикалы во главе с Н.Хаватме провозгласили создание ДФОП *II Абделъ Карим К., Сулейман* Ф., цит. произв., с. 10.

[7] Нынешний устав ДФОП определяет эту организацию как «революционно-демократическую партию, построенный на основе свободного выбора авангардный союз борцов, мужчин и женщин, рабочих и крестьян, молодежи, интеллигентов и всех трудящихся, стремящихся к достижению всеобъемлющей национальной независимости народа Палестины, к построению его социалистического будущего. Демократический фронт освобождения Палестины руководствуется марксизмом-ленинизмом в качестве научного метода анализа социальной действительности и практического инструмента ее изменения» // Цит. по: *Абдель Карим К., Сулейман Ф.* Аль-Джабха ад-димукратыйя: ан-нашъа ва аль-масар (Демократический фронт: становление и эволюция). – Бейрут, 2001, с. 87–88.

[8] ДФОП – «широкий фронт, включающий подлинно национальные элементы народных масс – рабочих, крестьян, мелкую буржуазию и патриотические слои крупной буржуазии. Этот фронт может осуществить задачи подлинного национального освобождения, развернуть длительную народную войну, объединить возможности всего народа и довести его борьбу до окончательного и полного освобождения только при условии того, что его деятельность будет развиваться под руководством прочного ядра, воплощающего в себе союз рабочих, крестьян и беженцев под руководством рабочего класса» // Там же, с. 88.

[9] Там же, с. 326–327.

[10] См.: *Хамада М.* Амм мин аль-интифада: хисаб ар-рибх ва аль-хисара (Спустя год после начала интифады: достижения и потери) // Аль-Хуррийя, № 865, 23–29 сентября 2001, с. 10.

[11] Здесь и далее: Хаватме: Иза кан Шарон хувва хияр аль-исраъилийиин фа интифадат аль-истикляль хийя хияр аш-шааб аль-филястыний (Хаватме: Если Шарон – это выбор израильтян, то интифада независимости – это выбор палестинского народа) // Аль-Хуррийя, № 839, 4–10 марта 2001, с. 2.

[12] Об операции и реакции на нее в Израиле, Палестинской автономии и арабских странах см.: Аль-Хуррийя, № 862, 2–8 сентября 2001, с. 6–18.

[13] *Сулейман Ф.* Амалийят Марганит ихъя ли турас аль-мукавама ва татвир ляху: тахвиль аль-интифада иля харб истинзаф лиль ихтиляль ва аль-мустаутынин (Операция Марганит как воскрешение и дальнейшее развитие наследия сопротивления: интифада превращается в войну на истощение для оккупантов и поселенцев) // Там же, с. 9.

При этом формально подчиненные ДФОП вооруженные формирования должны были действовать только в пределах территории ПНА, – «поле нашей деятельности – оккупированная палестинская территория. Мы уже

давно отказались осуществлять операции за ее пределами», – заявлял Н.Хаватме в интервью газете «Аль-Хуррийя». Тем не менее в том же интервью он, по сути дела, признавал, что политическое руководство ДФОП не может в полной мере контролировать собственное военное крыло: «Конечно, в повседневной жизни и в определенное время стремление участвовать в вооруженном противостоянии между палестинским народом, с одной стороны, и сионистской оккупацией, с другой, может увлечь человека и в направлении других целей» // Аль-Хуррийя, № 865, 23–29 сентября 2001, с. 4.

[14] Интервью Н.Хаватме иорданской газете «Аль-Маджд» от 27 августа 2001 г. // Аль-Хуррийя, № 863, 9–15 сентября 2001, с. 6.

Речь идет о проведенной ДФОП 15 мая 1974 г. его наиболее известной вооруженной операции в израильском селении Маалот (до 1948 г. на его месте находилась арабская деревня Таршиха), в ходе которой были взяты в заложники совершавшие экскурсионную поездку израильские школьники (многие из них были убиты в ходе осуществленной израильской армией контроперации по их освобождению). Предлогом для проведения операции стало требование об освобождении израильтянами арестованного ими по подозрению в связях с ООП иерусалимского священника Иллариона Каподжи.

[15] Слова Н.Хаватме // *Хаватме Н.,* цит. произв., с. 44–45.

Более подробно о точке зрения ДФОП по вопросу о беженцах см.: *Рабах Р., Фейсал А.* Аль-Ляджиъун ва хакк аль-ауда. Байн аль-мунаварат аттафаудийя ва мукаддимат ан-нухуд аль-джамахирий (Беженцы и право на возвращение: между переговорным маневрированием и предпосылками массового подъема). – Дамаск-Бейрут, 2000.

[16] В подготовленном И. Наддафом сборнике интервью Н.Хаватме содержится сообщение генерального секретаря ДФОП о некоторых членах политбюро и ЦК этой организации. Речь идет, в частности, о 16 кадровых работниках, среди них 7 человек, места рождения которых четко указываются, а о еще семерых сообщаются только места их нынешнего проживания. Все первые семеро были до создания ПНА жителями Сирии и Ливана, а, кроме того, о К.Абдель Кариме говорится, что «весной 1996 г. он вернулся в Рамаллу». Четверо среди них – члены политбюро, а трое – ЦК. К. Абдель Карим также член политбюро. Конечно же, для каждого из этих семи называются исторические места проживания их предков – Яффа, Акко, Газа, галилейская деревня Кфар-Бирам и т.д. // *Наддаф И.,* цит. произв., с. 61–62.

В составе политбюро ДФОП – 9 членов, ЦК – 11// *Абдель Карим К., Сулейман Ф.,* цит. произв., с. 12.

Нигде, ни в одной из своих работ, имеющихся у автора статьи, Н.Хаватме не сообщает о месте своего рождения. Тем не менее некоторые пассажи работы И.Наддафа дают возможность предположить, что генеральный секретарь ДФОП родился на Западном берегу, а после 1948 г. его семья эмигрировала в Амман // *Наддаф И.,* цит. произв., с. 20–22.

[17] См. об этом, например: Democratic Front for the Liberation of Palestine (DFLP) // http://www.ict.org.il/inter_ter/orgdet.cfm?orgid=ll

[18] ДФОП в отличие от Народного фронта освобождения Палестины или исламистских организаций, которые, официально бойкотируя состоявшиеся 20 января 1996 г. выборы в Законодательное собрание ПНА, выставили, тем не менее, своих кандидатов как «независимых», был категоричен в своей политике абсолютного бойкота процесса создания парламента. См. списки кандидатов по округам ПНА в: The Palestinian Council. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem, January 1998, с. 29–47.

[19] Возобновление в 90-е годы прошлого столетия парламентской жизни в Иордании содействовало превращению местной секции ДФОП в организационно самостоятельную Иорданскую демократическую партию народа // *Абдель Карим К., Сулейман* Ф., цит. произв., с. 12.

[20] По словам Н.Хаватме, « (политическое – *Г.К.)* влияние в лагерях на территории Ливана делят, в основном, Демократический фронт, ФАТХ и Народный фронт» // *Хаватме Н.,* цит. произв., с. 121.

[21] *Аль-Иттихад ад-димукратый аль-фтистыний.* ФИДА – перевернутая арабская аббревиатура названия этой организации.

[22] Рассказывая об этом, Н.Хаватме отмечал: «Эта группировка нашла себе опору в Ясире Арафате и во всей мощи бюрократического аппарата ООП. ... Эта группировка, начиная уже с 1984 г., стремилась к политическому союзу с ФАТХ в рамках проводимой Арафатом политики. Ее лидер пытался присвоить название нашей организации – Демократический фронт, но затем был вынужден, признав ограниченность и незначительность своих возможностей, выбрать новое название. Его организация – не более чем сателлит власти в ПНА. С ним вместе ушла и группа наших бывших членов, получивших должности в некоторых институтах ПНА. Но они – жалкая кучка пигмеев на фоне находящихся в изгнании четырех миллионов сыновей нашего народа! // *Наддаф И.,* цит. произв., с. 305–306.

Я.Абд Раббо стал министром информации в правительстве ПНА.

[23] После ФАТХ и Народного фронта освобождения Палестины. См.: *Legrain J.-F.* Autonomie palestinienne : La politique des néo-notables // Les partis politiques dans les pays arabes. Le Machrek // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. № 81/82, Aix-en-Provence, 1998, с. 193.

[24] *Schulz H.L.* One Year into Self-Government. Perceptions of the Palestinian Political Elite. – Jerusalem: PASSIA, 1997, с. 57.

[25] Ibid, с. 48–49.

[26] Н.Хаватме сообщал в связи с уходом Я.Абд Раббо из ДФОП, что «в одной из арабских столиц местная служба безопасности силой захватила представительство Демократического фронта, а затем передала его этой группировке. ...Все это происходило в момент, когда интифада и палестинское движение оказались на перепутье (Мадридская конференция по Ближнему Востоку и начало палестино-израильских переговоров в норвежской столице – *Г.К.).* На Демократический фронт оказывалось открытое давление с тем, чтобы он поддержал правых и право-центристов в рядах ООП» // *Наддаф И.,* цит. произв., с. 305–306.

[27] Выражение Ф. Закарии. См.: *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs, Nov./Dec. 1997. Vol. 76, № 6.

[28] См. об этом, в частности, документы ДФОП, а также его союзников в 80-е годы в: *Абдель Карим К, Сулейман Ф.,* цит. произв., с. 67–80.

[29] *Наддаф И.,* цит. произв., с. 45.

[30] Выражение Н.Хаватме // *Хаватме Н.* Осло ва ас-салям аль-ахар аль-мутавазин (Осло и другой, взвешенный мир). – Дамаск-Бейрут, 1998, с. 236.

[31] См. в этой связи: FATEH. Constitution. Б/м, б/г.

[32] В российской историографии этот вопрос подробно рассматривается в кн.: *Киселев В.И.* Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. – М., 1988.

[33] *Наддаф И.,* цит. произв., с. 264–265.

[34] Здесь и далее: *Абдель Карим К., Сулейман* Ф., цит. произв., с. 32–33.

Как говорил в этой связи Н.Хаватме, «еврейское государство построено как объединенная тираническим спартанским духом цитадель», но внутри этого «спартанского общества происходит раскол между лагерем мира и лагерем экспансии и агрессии. События такого рода возникают не из вакуума и не как подарок небес. Они становятся итогом самых разных форм сопротивления, когда кровавые израильские военные решения приводят лишь к тупику» // *Наддаф И.* цит. произв., с. 299.

[35] *Наддаф И*., цит. произв., с. 264–265.

[36] Здесь и далее обращение цит. по его тексту в: *Абдель Карим К., Сулейман Ф.,* цит. произв., с. 83–85.

[37] Здесь и далее документы заседания политбюро ЦК ДФОП цит. по тексту: Там же, с. 185–187.

[38] См. об этом: *Косач Г.Г.* Организация освобождения Палестины: путь к созданию национальной государственности // Ближний Восток и современность. Вып. 11. – М., 2001.

[39] *Хаватме Н.* Абъад мин Осло. Филистын иля айн? с. 108–109.

[40] *Наддаф И*., цит. произв., с. 267.

[41] См.: *Хаватме Н,* Абъад мин Осло. Филистын иля айн? с. 69–70.

[42] Слова Н.Хаватме // Там же, с. 77.

[43] *Абдель Карим К., Халед Т., Зейдан* С, цит. произв., с. 24.

[44] Там же, с. 180.

[45] Там же, с. 24.

[46] *Абдель Карим К., Сулейман Ф., Халед Т., Тальками Ц.* Хаме санават аля иттифак Осло (Пять лет после соглашений Осло). – Бейрут, 1999, с. 145–146.

[47] *Абдель Карим К., Сулейман Ф., Рабах Р., Фейсал А.* Шарм-аш-Шейх, аль-ляджиъун, аль-халль ад-даим (Шарм аш-Шейх, беженцы, окончательное решение). – Бейрут, 2000, с. 22.

[48] *Абдель Карим К., Сулейман Ф., Халед Т., Зейдан С., Абу Гош Х., Рабах Р.* Мин Осло иля Уай-Ривер (Из Осло в Уай-Ривер). – Бейрут, 2000, с. 20.

[49] *Хаватме Н.* Абъад мин Осло. Филистын иля айн? с. 111.

[50] Здесь и далее см.: *Аш-Шаккаки Х.* Аль-Интимаъат ас-сиясийя байн аль-филистынийин (Политические предпочтения палестинцев) // *Сайд Н.И.,*

Хамами Р. Дирасат тахлилийя ли ат-таваджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи филистын (Аналитические исследования политических и социальных предпочтений в Палестине). – Наблус. Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-филистынийя (Центр палестинских исследований – Center for Palestine Research and Studies), 1997, с. 136–164.

[51] Дж. Хабаш занимал пост генерального секретаря НФОП с 1967 по апрель 2000 г., когда во время состоявшегося в Дамаске VI съезда этой организации была принята его отставка. См. об этом: http://members.tripod.com/~freepalestine/6cong01.htlm

[52] Характеризуя левых активистов первой интифады, французский исследователь политических процессов в палестинской среде Жан-Франсуа Легран писал: «Это были молодые люди из университетской и журналистской среды, в своем подавляющем большинстве выходцы из урбанизированного мегаполиса Иерусалим – Рамалла – Вифлеем» // *Legrain J.-F.*, op. cit., с. 167.

[53] Марказ Аль-Кудс лиль иалям ва аль-иттисаль (JMCC). Натаидж аль-иститляа аль-хамис хауля рай аль-филистынийин биль иттифакийя ма байн Муназзамат ат-тахрир аль-филистынийя ва Исраиль. 19 таммуз 1994 (Иерусалимский центр информации и коммуникаций – JMCC. Результаты пятого опроса в связи с мнением палестинцев о соглашении между Организацией освобождения Палестины и Израилем. 19 июля 1994 г.), с. 56 этого раздела.

[54] Там же. Натаидж аль-иститляа ас-сабиа хауля рай аль-филистынийин баад амм мин аудат ар-раис Арафат иля ард аль-ватан. 21 хузейран 1995 (Результаты седьмого опроса в связи с мнением палестинцев по поводу первой годовщины возвращения президента Арафата на родину. 21 июня 1995 г.), с. 11 этого раздела.

[55] Там же. Натаидж аль-иститляа ас-сани ашар хауля рай аль-филистынийин биль интихабат аль-филистынийя. 16 канун сани 1996 (Результаты двенадцатого опроса в связи с мнением палестинцев о палестинских выборах. 16 января 1996 г.), с. 7 раздела.

[56] Там же. Натаидж аль-иститляа ат-тасиа ашар хауля рай аль-филистынийин биль кадайя аль-анийя. Нисан 1997 (Результаты девятнадцатого опроса в связи с мнением палестинцев о насущных проблемах. 16 января 1996 г.), с. 15 раздела.

[57] Там же. Натаидж аль-иститляа аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин биль кадайя аль-анийя. Айяр 1997 (Результаты двадцатого опроса в связи с мнением палестинцев о насущных проблемах. Май 1997 г.), с. 5 раздела.

[58] Там же. Натаидж аль-иститляа аль-хади ва аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин биль кадайя ас-сиясийя аль-анийя. Таммуз 1997 (Результаты двадцать первого опроса в связи с мнением палестинцев о насущных политических проблемах. Июль 1997 г.), с. 5 раздела.

[59] См., например: Там же. Натаидж аль-иститляа ас-садис ва аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин биль кадайя ас-сиясийя аль-анийя. Айяр 1998 (Результаты двадцать шестого опроса в связи с мнением палестинцев о насущных политических проблемах. Май 1998 г.), с. 5 раздела.

[60] *Хамада М.* Амм мин аль-интифада.

[61] См. об этом более подробно в: *Косач Г.Г.* Палестинская автономия: демократия и созидание национальной государственности // Мировая экономика и международные отношения, 2000, № 12.

[62] Баян садыр ан ляджнат аль-мутабаат аль-улья лиль кывва аль-ватанийя ва аль-ислямийя (Заявление Высшего комитета контроля национальных и исламских сил) // Аль-Айям, Рамалла, 12 октября 2001, с. 1.

[63] *Хамада М.* Хукумат аль-интифада фи муваджахат хукумат Шарон (Правительство интифады против правительства Шарона) // Аль-Хуррийя, № 840, 18 марта 2001.

[64] *Хамада М.* Маза баад ан мат Осло ва матат таусыйят Митчелл? (Что же теперь, после смерти Осло и рекомендаций Митчелла?) // Аль-Хуррийя, № 890, 5–13 апреля 2002; см. арабоязычный сайт газеты:

http://www.alhourriah.org/hadath.asp?idHadath=89.

[65] *Сулейман Ф.* Хатта ля такуна аль-интифада саманан ли кыям «аттахалюф ад-дуввалий» (Чтобы интифада не стала платой за создание «международной коалиции») // Аль-Хуррийя, № 866, 30 сентября-6 октября 2001, с. 8.

[66] *Сулейман Ф.* Интервью с корреспондентом «Аль-Хуррийя» от 14 апреля 2002 г. // Аль-Хуррийя, № 888, 14–21.04.2002; см.:

http://www.alhourriah.org/articles.asp?idArticles=477.

[67] Калима Арафат фи амман ильтазамат сакф аль-мубадара аль-урдунийя аль-мысрийя (Выступление Арафата в Аммане не пошло дальше поддержки иордано-египетской инициативы) // Аль-Хуррийя, № 843, 8–14 апреля 2001, с. 8.

[68] Говоря об этой стороне палестинской проблемы, политический обозреватель газеты «Аль-Хуррийя» Ийяд Масуд подчеркивал: «Арабская встреча в верхах предложила Соединенным Штатам и Израилю новый политический дискурс урегулирования, отрицающий право на возвращение в качестве краеугольного камня любого решения. Теперь решение арабо-израильского противостояния становится предметом только американской заботы, вполне приемлемой для Израиля. История запишет в своих анналах, что это произошло 28 марта 2002 г. во время встречи арабских лидеров в Бейруте». См.: *Масуд И.* Аль-кымма аль-арабийя татахалля ан хакк аль-ляджиъин биль ауда (Арабский саммит отказывается от права беженцев на возвращение) // Аль-Хуррийя, № 887, 7–13.04.2002;

http://www.alhourriah.org/articles.asp?idArticles=466.

[69] «Аль-Мубадара аль-арабийя» ва аджанда аль-вилайят аль-муттахида («Арабская инициатива» и план действий Соединенных Штатов) // Там же;

http://www.alhourriah.org/articles. asp?idArticles=455.

[70] *Аллюш Ф.*, Лика Мадрид ар-рубаий (Четырехсторонняя встреча в Мадриде) // Аль-Хуррийя, № 889, 21–27 апреля 2002, с. 6.

[71] *Кувайдар Р.* Аль-Хадас аль-филистыний фи кальб ауроба (Палестинские события в сердце Европы) // Аль-Хуррийя, № 889, 21–27 апреля 2002, с. 19.

[72] *Абдель Карим К., Сулейман Ф.,* цит. произв., с. 36–40.

[73] Слова политического обозревателя газеты «Аль-Хуррийя» М.Хамады. – *Хамада М.* Думуа ат-тамасих (Крокодиловы слезы) // Аль-Хуррийя, № 851, 10 июня 2001, с. 3.

[74] Здесь и далее см.: Аль-Хуррийя, № 852, 17 июня 2001, с. 6.

[75] Там же.

[76] Здесь и далее см.: Аль-Хуррийя, № 858, 5 августа 2001, с. 4–5.

[77] Там же, с. 6.

[78] *Сулейман Ф.* Аль-Интифада ва такрир ляджнат митчелл (Интифада и отчет комиссии Митчелла) // Аль-Хуррийя, № 852, 17 июня 2001, с. 4–5.

[79] Здесь и далее см.: *Насер А.Н.* Аль-хаджа иля иктысад сиясий филистыний бадиль (Необходимость создания альтернативной палестинской политической экономики) // Аль-Хуррийя, № 865, 23 сентября 2001, с. 8.

[80] Выражение Н.Хаватме // *Наддаф И.,* цит. произв., с. 261.

[81] Там же, с. 94–95.

[82] См., в частности, перепечатки в газете «Аль-Хуррийя» статей обозревателя бейрутской газеты «Ан-Нахар» В.Рамадана «Раджуб как важный элемент американской разведки и политики» и независимого палестинского журналиста Н.аль-Маджали «Раджуб ... Кто мог подумать, что это будет Раджуб?» (статья сопровождалась примечанием, что она отражает личную точку зрения ее автора) // Аль-Хуррийя, № 889, 21–27 апреля 2002, с. 9.

[83] Здесь и далее см. об этом, например, редакционную статью в газете «Аль-Хуррийя» (неподписанную) «Кампания словесных перепалок между Раджубом и Дахланом». – Хамлят ат-тарашук аль-калямий байн ар-Раджуб ва Дахлан // Аль-Хуррийя, № 893, 19–25 мая 2002;

http://www.alhourriah.org/articles. asp?idArticles=522.

[84] Здесь и далее: *Хамада М.* Индама татахавваль аль-хафиля адатан лиль интикам. Фи сосьолоджийя аль-унф аль-филистыний (Когда автобус превращается в орудие отмщения. О социологии палестинского насилия) // Аль-Хуррийя, № 842, 1–7 апреля 2001, с. 11.

[85] Абу Лейла: Раддуна би тасъид аль-интифада ва татвир аль-мукавама (Абу Лейла: Мы ответим эскалацией интифады и развитием сопротивления) // Аль-Хуррийя, № 863, 9–15 сентября 2001, с. 5.

[86] Здесь и далее: Аль-Хуррийя, № 832, 24 декабря 2000, с. 8.

[87] Аль-Хуррийя, № 850, 3–9 июня 2001, с. 4.

[88] Аль-Хуррийя, № 869, 21–27 октября 2001, с. 8.

[89] Таахудат тахвиль аль-ард аль-филистынийя макбаратан лиль гузат (Обещаем превратить палестинскую землю в кладбище для захватчиков) // Аль-Хуррийя, № 846, 6 мая 2001, с. 4.

[90] Аль-Хуррийя, № 853, 24 июня 2001, с. 8.

[91] Фи зикра сабра ва шатила ва раддан аля аль-удван аль-исраъилий (В память о Сабре и Шатиле и в ответ на израильскую агрессию) // Аль-Хуррийя, № 865, 23–29 сентября 2001, с. 6.

[92] Зухуль фи Исраиль ва ихбат фи суфуф джейш аль-ихтиляль (Замешательство в Израиле и крушение в рядах оккупационной армии) // Аль-Хуррийя, № 862, 2 сентября 2001, с. 7.

[93] Здесь и далее: *Хамада М.* Кыраъа фи амалийят Марганит (Анализируя операцию Марганит) // Аль-Хуррийя, № 862, 2 сентября 2001, с. 6.

[94] См. об этом: *Сатановский Е.Я.* Палестинское государство: реальность ближайшего будущего и ее «подводные камни» // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 3. – М., 1999.

[95] См. об этом, в частности: *Косач Г.Г.* Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. – М., 2001.

[96] Михраджан хытабий ли «Ад-Димукратыйя» фи зикра аш-шахидейн Хасанейн ва аль-Унс (Торжественная церемония Демократического фронта в день памяти героев-мучеников Хаса-нейна и аль-Унса) // Аль-Хуррийя, № 869, 21–27 октября 2001, с. 8.

[97] *Ас-Сахли М.* Хаза ма каддамаху аль-филистынийун мин ат-тадхийят фи аль-амм аль-авваль ли интифадатихим (Вот на какие жертвы пошли палестинцы в течение первого года своей интифады) // Аль-Хуррийя, № 869, 21–27 сентября 2001, с. 4.

[98] *Абу Гош Х., Ауда У.* Хатта тастамирр аль-интифада ва тататаввур ва насун аль-иджмаа аш-шаабий хауляха ва нуаззиз аль-вахда аль-кифахийя фи аль-майдан (Ради того, чтобы интифада продолжалась и развивалась, сохраним ее общенародную поддержку и укрепим боевое единство на полях сражений) // Аль-Хуррийя, № 832, 24 декабря 2000, с. 4.

[99] См. об этом: *Косач Г.Г.* Национальная самоидентификация на фоне движения к миру: пример Палестины // Проблемы национального самоопределения на современном этапе. – М., 2000.

[100] *Хамада М.* Ат-тагйир ... марра ухра (Реформа ... вновь). – Аль-Хуррийя, № 893, 19–25 мая 2002;
http://www.alhourriah.org/hadath.asp?idHadath=92.

[101] *Хамада М.*, Ат-тагйир ... иля айн? (Реформа ..., но в каком направлении?). – Аль-Хуррийя, № 892, 12–18 мая 2002;
http://www.alhourriah.org/hadath.asp?idHadath=91.

В.В.Куделев

МАРОККО: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИЗВОДСТВА НАРКОТИКОВ

Принявший начиная с осени 2001 г. достаточно острый характер и выразившийся в весьма резких заявлениях и действиях кризис в мароккано-испанских отношениях формировался из нескольких составляющих. Первое и второе места, безусловно, заняли факторы, связанные с отказом Марокко возобновлять соглашение с Евросоюзом в области морского рыболовства (здесь главной пострадавшей стороной оказалась Испания), а также разными подходами Мадрида и Рабата к проблеме западносахарского урегулирования.

Еще одним определяющим фактором, повлиявшим на отношения двух стран, стала проблема производства наркотиков в Марокко. Мадрид неоднократно давал понять, что считает усилия Рабата по борьбе с этим явлением явно недостаточными. Более того, в многочисленных заявлениях испанских официальных лиц меж строк явно читалось, что у них есть достаточно серьезный компромат на соседей, который они по каким-то соображениям пока не сделали достоянием гласности.

Похоже, «нарковектор» стал особо отчетливо выделяться на общем поле мароккано-испанской проблематики несколько лет назад и, что самое показательное, примерно в одно время с истечением срока прежнего соглашения между Рабатом и Брюсселем в области морского рыболовства. Достаточно давний скандал с запретом марокканскими властями в декабре 1999 г. трех независимых еженедельников наделал немало шума и поставил ряд острых вопросов, которые, как оказалось, не имеют никакого отношения к проблеме свободы прессы. Уже позднее возникла версия, что основной причиной запрета еженедельника «Демэн» стали не уже опубликованные материалы, как это было в случае двух других изданий, а только лишь готовившиеся к печати. Что же так напугало строгих марокканских цензоров из бдительного министерства внутренних дел?

Известно, что за несколько недель до запрета журнал начал серию публикаций о наркомафии на севере страны. Ее существование ни для кого в Марокко не является секретом. Однако в том случае речь шла о связях. Связях между преступным синдикатом и высокопоставленными чиновниками, которые могли оказаться лишь с краю длинной цепочки тех, кто тем или иным образом что-либо имел от наркомафии. В очередном номере журнала ожидались очередные

разоблачения. Существует точка зрения, что именно поэтому было принято «силовое» решение. Однако министры-социалисты, среди которых немало бывших журналистов, принимая решение на запрет, видимо, совсем забыли некоторые особенности их прежней профессии, обусловленные развитием современных средств коммуникации. Уже через несколько дней загадочная статья оказалась размещенной в электронной версии «Демэн», ознакомиться с которой могли все желающие, а также во французском еженедельнике «Курьер интернасьональ».

Как оказалось, журналисты из «Демэн» провели журналистское расследование в отношении негласных хозяев Тетуана – города на севере королевства. Некогда процветающий центр туризма и художественных промыслов превратился в перекресток на путях переброски в Европу огромных объемов выращиваемого по соседству в Рифе каннабиса («мягкий» наркотик, разновидность индийской конопли – прим. авт.). Возможно, все так и продолжалось бы до бесконечности, если бы 4 октября 1999 г. в руки испанской полиции не попал наркобарон из Тетуана, обосновавшийся в Испании марокканец – некий Рашид Вахид Темсамани по кличке «Капо». При нем были обнаружены 15 кг кокаина, 12 тонн кифа (выжимка из маковой соломки), 12 тонн каннабиса, 10 пакетов экстази и огромная сумма наличности. Одновременно с марокканцем были арестованы еще примерно 30 человек – итальянцев, британцев, голландцев. Всех их объединяло одно: они занимались переброской «мягких» наркотиков из Марокко в Европу, а обратно – синтетической дурноты.

В свое время Темсамани был преуспевающим тетуанским бизнесменом, владельцем местного футбольного клуба «Магреб атлетик тетуани». Он сбежал из Марокко в 1995 г. в связи с начавшейся тогда кампанией «оздоровления», направленной прежним главой МВД страны Дрисом Басри против воротил контрабанды и наркобизнеса. Как утверждал «Демэн», кампания носила весьма выборочный характер с тем, чтобы «сохранить некоторые фигуры национального финансового истэблишмента, остающиеся неприкасаемыми и сегодня». Тем не менее ряд воротил теневой экономики оказался за решеткой. При этом выяснилось, что Темсамани был хорошо известен в определенных кругах Рабата. Еженедельник утверждал, что в «подручных» у него находился Хадж Медиури, шеф личной охраны короля Хасана II и «всемогущий президент Королевской федерации легкой атлетики» – этот вид спорта, как известно, является визитной карточкой Марокко.

Именно Медиури – в настоящее время он в отставке – за несколько месяцев до бегства Темсамани добился, чтобы последний был удостоен звания кавалера ордена Алауитов (марокканский эквивалент ордена Почетного легиона). Однако хорошие времена для Темсамани закончились, когда по неизвестным причинам решил заговорить некий житель Лараша – городка на севере Марокко, в свое время тесно связанный с наркомафией. Он утверждал, что один

высокопоставленный офицер ДСТ (Дирексьон де ля сюрвейянс дю территуар – служба контрразведки) предупредил Темсамани о готовящемся аресте. Он же помог беглецу установить контакт с испанской спецслужбой СЕСИД, которая в обмен на оставление его в покое потребовала информацию об основных действующих лицах во всякого рода незаконных аферах между Марокко и Испанией.

Похоже, сторонам удалось договориться. Иначе как объяснить удивительный факт: «активно разыскиваемый» в Марокко и Испании преступник достаточно долго жил в испанском местечке Коста-дель-Соль. Подтверждением сделки между «Капо» и СЕСИД может служить и то обстоятельство, что уже через год после того, как марокканец перебрался через Гибралтарский пролив, была организована утечка информации в испанскую прессу о весьма пикантных деталях достаточно подробного конфиденциального доклада СЕСИД о «высокопоставленных» покровителях марокканского теневого мира.

Даже в Испании «Капо» не отошел от дел, что и послужило причиной его ареста. Фактически он выступал в роли координатора между европейскими сетями сбыта и марокканскими производителями наркотиков, а также организатора переброски товара из Марокко в Европу. По имеющимся данным, за свои услуги он имел до 30% от конечной стоимости наркотика.

Два месяца спустя, уже в начале февраля, марокканская полиция арестовала некоего Хасана Гуэрруджа. Самое примечательное в рядовом, казалось, аресте было в том, что 33-летний владелец гостиничного комплекса «Пасадена» в Танжере уже долгое время находился в международном розыске по 4 статьям обвинения, в том числе за наркоторговлю и убийство в результате ДТП. При этом он вполне спокойно жил в Марокко. По версии нынешнего марокканского официоза газеты «Либерасьон», Гуэррудж широко пользовался «фальсифицированными» визитными карточками лиц, принадлежащих к «высоким сферам». Более того, ветровое стекло его автомобиля украшал пропуск депутата парламента, открывавший ему любые полицейские блокпосты.

Схема действий Гуэрруджа была предельно простой. Приняв во внимание, что таможенники традиционно обращают больше внимания на грузовики, следующие в Европу из северных районов королевства, он сначала собирал большую партию товара где-нибудь на юге, например, в Агадире. Затем формировалась колонна из двух-трех трейлеров. В документах на груз в качестве места его отправления значился далекий курортный город. Для обеспечения безопасности перевозки и преодоления препятствий в виде многочисленных постов таможенников и полиции Гуэррудж лично расчищал дорогу перед колонной, пользуясь депутатским «вездеходом». Арест наркобарона марокканская пресса тут же связала с именем Темсамани. Кстати, сама по себе транспортировка наркотиков в Европу – очень доходный биз-

нес. Если в Марокко один килограмм гашиша самого высокого качества продается примерно за 10 тысяч дирхамов (примерно 900 долларов), в Испании его цена возрастает как минимум в 10 раз [3, 03.08.2001].

Там же, в Испании, в курортном местечке в провинции Малага одно время после бегства из Марокко проживал уже упоминавшийся «некий высокопоставленный офицер» ДСТ, он же бывший директор контрразведки в Тетуане Хадж Амаль. Как утверждал «Демэн», он также купил спокойную жизнь, передав испанским спецслужбам данные на участников марокканской мафии с обоих берегов Гибралтара. Позднее его следы затерялись в Италии.

Все тот же таинственный житель Лараша указал на еще одну странную связь. Он утверждал, что некоторые лица, осужденные в Марокко по суду и активно разыскивавшиеся марокканскими спецслужбами, оказывались в суде Тетуана и тут же признавались невиновными. Наиболее показательный случай произошел с неким Нордином Беназзузом (он же – Эль-Хайяти). Никто до сих пор не может объяснить, как этот человек, приговоренный в Марокко в 1996 г. к 10 годам тюрьмы и скрывавшийся в испанском анклаве Сеута смог не только вернуться на родину, но и спустя несколько дней получить оправдательный приговор. Более того, как только «Демэн» начала публикацию материалов о тетуанской наркомафии, главному редактору еженедельника тут же пригрозили смертью. Угрозы исходили все от того же Эль-Хайяти.

«Демэн» утверждал, что когда Темсамани почувствовал близость ареста, он также безуспешно попытался вернуться в Марокко, где, по всей видимости, рассчитывал на чье-то высокое покровительство.

По мнению «Демэн», самой важной фигурой, до которой ему удалось докопаться, являлся некий «Император». Этот человек был женат на дочери «важной персоны», что делало его автоматически вне каких-либо подозрений. Более того, расследование «Демэн» позволило обнаружить, что «Император» и его «коллеги» оплачивали проживание в престижных квартирах ряда высокопоставленных чиновников суда и прокуратуры Тетуана. В частности, квартира, в которой проживал в течение нескольких лет заместитель прокурора города на бульваре Хасана II, принадлежала наркобарону, некоему Лаарбити [8].

За несколько дней до запрета «Демэн» готовил очередную «бомбу» – стенограммы записанных марокканскими спецслужбами (похоже, не все марокканские контрразведчики оказались коррумпированными) нескольких телефонных разговоров между людьми, чьи имена были закрыты позывными «Гордо» и «Флако» при том, что эти люди находились на разных берегах Гибралтарского пролива. Они назвали в разговорах имена маленьких и больших людей, которых объединяло одно – оказание платных услуг наркомафии. Среди последних, в частности, прозвучало имя одного политика национального масштаба, а также имена «обладателей лампасов, которые защи-

щают их от юридического преследования». Похоже, именно эти люди и нажали на все возможные рычаги, чтобы убрать неожиданную угрозу их благополучию. Им всем – от наркобаронов до «рядовых» наркомафии – есть что терять [8].

Ежегодный «урожай» марокканской нарконивы, большая часть которой находится в Рифе на севере страны, меньшая – в Суссе на юге, составляет от 2 до 2,5 тыс. тонн каннабиса. Значительная часть производимого в Марокко каннабиса перерабатывается в гашиш и экспортируется в Европу. Внутренний рынок поглощает от 15 до 40% собираемого урожая. Под посевами индийской конопли заняты, согласно разным источникам, от 60 до 120 тыс. гектаров. Эти площади постоянно растут – европейский спрос определяет предложение. Для сравнения: в начале 80-х годов прошлого века под каннабисом было всего 5 тыс. гектаров. Если в 1992 г. «марокканский» каннабис, захваченный в Европе, составлял 35% от общего объема задержаний, то в настоящее время этот показатель держится на уровне от 70 до 80%. В 2002 г. урожай наркотиков был распродан всего за три недели [2, 16.03.2002]. Растет также и число марокканцев, живущих за счет производства наркотиков. Хроническая нищета и бедность толкает даже многих горожан заняться трудом «на земле», дающим гарантированный доход.

По данным доклада, подготовленного в свое время ЕС, отпускная цена производимого в Марокко дурмана достигает 3 млрд. долларов ежегодно – 4% от стоимости общемирового производства наркотиков. Его составители утверждали, что производство наркотиков якобы стало главным источником твердой валюты для страны, превратившейся в крупнейшего в мире экспортера гашиша.

Как предупреждает президент марокканского Исследовательского центра по проблемам наркотиков и окружающей среды Редуан Шакур, Марокко уже вступило в фазу, которую можно назвать «предколумбийской» со всеми вытекающими отсюда последствиями [6, 22.01.2002]. Он подчеркивает, что арестованные в 1995 г. в рамках кампании борьбы против наркомафии наркобароны располагали реальными рычагами власти, с помощью которых они влияли на экономические и политические решения. «Их власть была беспредельной, поскольку никто не мог составить им конкуренцию», – отмечает Р.Шакур, подчеркивая одновременно, что в 1995 г. приоткрылась только верхушка айсберга. В настоящее же время, по данным Р.Шакура, в Марокко пытаются обосноваться несколько международных мафиозных группировок с тем, чтобы использовать в своих интересах географическую близость королевства к Европе.

В Марокко появились следы и «русской» мафии. В марте 2001 г. в Булони завершился судебный процесс по громкому делу о самой большой из когда-либо захватывавшихся во Франции партии гашиша весом в 23,5 тонны. Суд приговорил к длительным срокам тюремного заключения двух поляков, двух украинцев, россиянина и белоруса.

Данная история началась еще 17 февраля 1999 г., когда в Ла-Манше французские таможенники перехватили, а затем препроводили в порт Булони рыболовный траулер «Немо» под литовским флагом. На его борту среди груза замороженной рыбы была замаскирована огромная партия наркотика. Французские власти арестовали экипаж из 15 человек, все – выходцы из различных республик бывшего СССР и Польши. В ходе следствия было установлено, что ядовитый груз имел марокканское происхождение. Он был получен на борт корабля в марокканской экономической зоне, где «рыбаки» вели промысел. Два заказчика отравы – украинский предприниматель Игорь Портной и владелец судна белорус Николай Балабанов получили по 8 лет тюрьмы. Перевозчики наркотиков получили свое. Однако «марокканский след» ядовитого груза, судя по всему, прошел мимо следствия [2, 24.03.2001].

Испанцы не одиноки в своих претензиях к Марокко по части наркотиков. Как отмечается в Докладе госдепа США о положении с правами человека в Марокко в 2001 г., «незаконное производство и экспорт каннабиса являет собой важную часть экономики страны, и особенно – в ее северных районах» [1]. Ранее, в начале 2001 г. американский госдепартамент в своем докладе выдвинул серьезные обвинения против Марокко в связи с тем, что королевство является «одним из основных производителей и экспортеров каннабиса в мире». Как отмечал марокканский еженедельник «Демэн магазин», в Марокко этот документ был «практически незамечен». Он же подчеркнул, что «впервые США осудили Марокко с такой резкостью». Авторы доклада посчитали недостаточными усилия Марокко, направленные на прекращение производства каннабиса. Они же пришли к выводу, что каннабис составляет основу экономики на севере Марокко. Одновременно было высказано подозрение, что марокканские порты превратились в центры транзита в Европу «сильных» наркотиков. Как констатировал еженедельник, в выводах доклада «госдепартамент не стал писать о марокканской системе», однако указал на «коррупцию» среди некоторых членов правительства [2, 18.03.2001].

В претензии к Марокко и Франция. Ее можно понять: от 80 до 90% потребляемого французами каннабиса имеют марокканское происхождение. Но и официальный Париж не хочет портить отношений с Рабатом. Примечательно, что подготовленный в начале 2002 г. доклад силами экспертов французской организации «Обсерватуар де дрог э де токсикомани» (ОДТ) о ситуации с производством наркотиков в Марокко был размещен на веб-сайте государственной организации – Межминистерской миссии по борьбе против наркомании и токсикомании. Однако французские власти формально сделали вид, что они не при чем, упомянув, что ответственность за содержание доклада лежит исключительно на его авторах [9]. Как утверждалось в докладе ОДТ, в Марокко при Мохаммеде VI в целом снизилась активность борьбы против наркопроизводителей по сравнению с тем, что делал в эпоху Хасана II

всемогущий глава МВД страны Дрис Басри. Марокканские власти отчасти можно понять. Они не хотят лишать северян источника доходов и тем самым повышать и без того значительный накал социальной напряженности в стране. «Крестьяне чувствуют, что власти разрешают им культивировать каннабис, – полагает марокканский еженедельник «Демэн магазин» (ДМ). – Плантации можно видеть даже по краям автодорог. Равно как и людей, предлагающих купить их товар». Однако есть опасение, что власти ошибаются в своих расчетах. Подобная «специализация» населенного 5 миллионами [6, 22.01.2001] берберов Рифа служит обострению проблемы регионализации. Она уже привела к появлению региональной партии, кормящейся на деньги наркомафии.

Как считает ДМ, «Франция и Евросоюз не хотят дестабилизировать режим, который не является исламистским» [2, 16.03.2002]. Другая причина подобной позиции – нежелание Европы пополнить и без того многочисленные ряды незаконных иммигрантов теми сотнями тысяч марокканцев, которые могут остаться без средств к существованию в случае развертывания эффективной кампании борьбы с производством наркотиков.

ЕС долгое время пытался экономическими мерами вынудить крестьян Рифа отказаться от культивирования каннабиса. Усилия Брюсселя оказались пустой тратой времени и средств, поскольку для жителей Рифа производство каннабиса наряду с контрабандой является основным источником средств к существованию. Подсчитано, что выращивание конопли в 12 раз доходнее, нежели производство винограда или меда, не говоря о том, что оно намного менее трудозатратное. За счет производства наркотиков живут примерно 3 млн. марокканцев. Поэтому канал по производству и поставке наркотиков для Европы не пересыхает, а становится все более полноводным. В июле 1999 г. марокканская таможня за один раз задержала крупнейшую партию товара на пути в Европу – 19 тонн гашиша. Не отстают и их испанские коллеги. Их ежегодный улов регулярно превышает 300 тонн. Все это привело к тому, что ЕС практически отказался от своей затеи.

В свое время еженедельник «Журналь» опубликовал репортаж из небольшого рыбацкого порта М'Дик на Средиземном море. Как живописует его автор, парковка у въезда в порт забита «Мерседесами», БМВ и прочими машинами аналогичного уровня. На вопрос: чьи это машины? – местные жители отвечают иронично: рыбаков. Они отчасти правы. Наркомафия содержит до 40% рыболовецких судов, использующих промысел в качестве прикрытия. Выйдя в море с грузом наркотиков, их команды передают зелье на корабли и катера, приписанные к портам всего Средиземноморья. И портов, подобных М'Дик, на средиземноморском побережье Марокко добрый десяток. Наиболее «известные» среди них – Уэд-Лалу, Мартиль и Бу-Ахмед. Марокканский каннабис расходится заказчикам по двум направлениям. Кратчайший путь лежит через средиземноморские порты в Испанию. Более про-

должительный, но более надежный – через порты на атлантическом побережье к югу от Касабланки. Есть и воздушный путь на Испанию, для чего в Рифе созданы тайные взлетно-посадочные полосы для легких самолетов. О существовании этого маршрута стало известно после того, как в горах недавно разбился крылатый перевозчик.

Марокко одно время достаточно активно пыталось решить свалившуюся на страну проблему. Этой цели теоретически должно было служить Агентство социального и экономического развития северных провинций. Но у этой структуры, сформированной несколько лет назад, не хватает средств, а европейцы по разным причинам не верят, что переданные ими средства будут эффективно использованы. Кстати, в последние годы правления Хасана II (1961–1999 гг.) ежегодно на борьбу с производством наркотиков расходовалось 100 млн. долл. бюджетных средств – довольно большая сумма для марокканских условий [7, 19.04.1996]. Однако борьба в одиночку не дала осязаемых результатов.

Проблема наркоторговли в настоящее время имеет для Марокко не только внешний, но и национальный аспект, поскольку «домашнее» потребление ядовитого дурмана постоянно растет. Употребление наркотиков является одной из главных причин роста насилия в Марокко. Причем у местных наркоманов все больше в ходу не только марокканский каннабис, но и импортные кокаин, экстази, ЛСД и прочие синтетические наркотики. Они, как уже упоминалось, встречным потоком поступают в Марокко с северного берега Гибралтара. Как считают специалисты, наркомания в самом ближайшем будущем может стать третьим по значению «злом» Марокко после нищеты и неграмотности [4, 03.11.2001]. Большинство наркоманов имеет возраст от 18 до 25 лет. А к этой категории относится сегодня свыше 60% населения Марокко.

Есть и другой, чисто экономический аспект проблемы. С наркомафией неразрывно связана коррупция, поразившая все ступеньки марокканской иерархии власти.

Подсчитано, что среднестатистический «бизнесмен» от каннабиса расходует на «подмазку» различных представителей администрации до 50% прибыли [4, 22.01.2002]. Чиновники привыкают брать и хотят брать больше. И не случайно в марокканских реалиях коррупция называется среди основных причин, мешающих притоку в страну иностранных инвестиций.

В целом можно только согласиться с выводом еженедельника «Марок эбдо интернасьональ», который, несмотря на традиционную лояльность руководству страны, был вынужден открыто признать то, что шепотом говорит большинство рядовых марокканцев. В стране процветает «мафия, которая действует при очевидном содействии представителей разных уровней власти, в том числе и крупного калибра». Ее деятельность облегчается «законом молчания, который действует в (марокканском) истэблишменте». Поэтому вряд ли можно рас-

считывать, что проблема производства наркотиков в Марокко будет должным образом решена в обозримом будущем – слишком много есть тех, кто «кормится» вокруг наркобизнеса. Более того, некоторые политики уже называют эту группу людей номинально третьей, а на самом деле – скорее, второй властью в условиях Марокко наравне с институтом монархии с махзеном, а также коалиционным правительством во главе с Абдеррахманом Юсуфи. А значит, в ближайшей перспективе вряд ли можно ожидать оскудения марокканской нарконивы.

1. Доклад госдепартамента США о ситуации с правами человека в Марокко в 2001 г.
2. Demain, Demain magazine, Casablanca.
3. L'Economiste, Casablanca.
4. Le Journal Hebdomadaire, Casablanca.
5. Liberation, Casablanca.
6. L'Opinion, Rabat.
7. Reuters, London.
8. www.courrierinternational.com.
9. www.drogues.gouv.fr.

Е.С.Мелкумян

МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА САУДОВСКОЙ АРАВИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В конце марта 2002 г. состоявшаяся в Бейруте встреча в верхах глав государств и правительств арабских стран одобрила инициативу, выдвинутую наследным принцем, заместителем премьер-министра и командующим Национальной гвардией Королевства Саудовская Аравия шейхом Абдаллой бен Абдель Азизом. Эта резолюция была направлена на урегулирование отношений между палестинцами и Израилем, а также разрешение ближневосточного конфликта в целом. Эскалация напряженности в отношениях между Израилем и палестинцами, итогом которой стал ввод израильских войск на территорию, находящуюся под управлением Палестинской национальной администрации, и фактическая парализация самостоятельности действий ее лидера Я.Арафата потребовали срочного вмешательства арабских государств в ход развития палестино-израильского конфликта. Речь шла о выработке мер, направленных не только на создание необходимых условий для возобновления переговоров между обеими противоборствующими сторонами, но и на окончательное разрешение конфликта между арабскими странами и Израилем.

Саудовская инициатива содержала в себе принципиально новую основу для урегулирования этой конфликтной ситуации, в которую в той или иной степени втянуты все арабские государства. В рамках этой инициативы Израилю было предложено вывести свои войска со всех оккупированных им арабских территорий и вернуться к границам, существовавшим до начала июньской войны 1967 г. В ответ на это арабские страны заявляют о своей готовности установить с ним нормальные полноценные отношения. По сути дела, речь шла о том, что перед Израилем и арабскими странами возникали новые перспективы создания единой геополитической региональной системы, в рамках которой могли бы быть решены проблемы запрещения оружия массового уничтожения, контроля над вооружениями, экологические проблемы и многие другие вопросы, связанные как с обеспечением региональной безопасности, так и с дальнейшим развитием региона. Требования к Израилю о выводе войск с оккупированных арабских территорий не являются новыми, они лишь повторяют содержание резолюций № 242 и № 338, признанных Советом Безопасности ООН и международным сообществом в качестве основы для урегулирования ближневосточного конфликта.

В то же время в саудовском предложении говорилось и о необходимости создания независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Израильская сторона согласилась с идеей независимости палестинцев, подписав соглашения Осло и дополняющие их двусторонние политико-правовые документы. Тем не менее вопрос, касающийся Иерусалима, остается спорным. Однако саудовский подход к этой проблеме также дает надежду на компромиссное решение. В тексте выступления саудовского наследного принца указывалось на то, что речь идет только о Восточном Иерусалиме. Принц Абдалла заявил: «Я предлагаю, чтобы арабское совещание в верхах поддержало инициативу, базирующуюся на двух основных моментах: нормальные отношения и безопасность для Израиля в ответ на его полный уход со всех оккупированных арабских территорий, признание независимого палестинского государства со столицей в *Аль-Кудс аш-шариф* (Восточный Иерусалим) и возвращение беженцев»[1]. Иными словами, перед противоборствующими сторонами возникает перспектива определения четких границ Восточной и Западной частей города и возвращения к идее, которая была вполне приемлемой для правительства Э.Барака, а значит, и для части израильского общества, о том, чтобы Иерусалим стал столицей как палестинского государства, так и Израиля.

Саудовская инициатива выдвигала и еще одно требование к Израилю – не противиться возвращению палестинских беженцев. Для Израиля этот вопрос принципиален и чувствителен, еврейское государство не в состоянии пойти на то, чтобы миллионы палестинских беженцев получили право на возвращение. Однако в саудовском предложении не содержится каких-либо уточнений в отношении вопроса о беженцах, поэтому вполне логично было бы допустить, что и в этом случае возможны различные варианты его решения.

Обращает на себя внимание и то, что в выступлении Абдаллы бен Абдель Азиза на саммите арабских государств содержится прямое обращение к народу Израиля. Это обращение – свидетельство огромной эволюции, которую проделали арабские лидеры, начав с полного непризнания самого существования Израиля, когда они даже не произносили его названия, заменяя его словами «незаконное сионистское образование», до возможности диалога с его народом. В своей речи Абдалла бен Абдель Азиз произнес: «Позвольте мне в данный момент обратиться прямо к израильскому народу, чтобы сказать ему, что использование насильственных методов на протяжении пятидесяти лет привело лишь к еще большему насилию и разрушениям и что израильский народ все еще далек от того, чтобы ощущать себя в безопасности и мире, несмотря на военное превосходство и несмотря на усилия сломить сопротивление» (палестинское – *Е.М.*). И далее он отметил, что израильский народ должен поверить в возможность мира и должен понять, что мир и сохранение оккупации одновременно – невозможны.

Саудовское предложение было вынесено на обсуждение арабского совещания в верхах, которое, в свою очередь, должно было бы выдвинуть эту инициативу на обсуждение Совета Безопасности ООН. Таким образом, совещание подчеркнуло значение усилий мирового сообщества в решении проблем Ближнего Востока. В выступлении саудовского руководителя содержался призыв ко всем дружественным странам мира с просьбой поддержать его «миролюбивую и гуманную инициативу», направленную на ликвидацию опасности разрушительных войн и достижение мира для всех, без каких-либо исключений, жителей этого региона.

Миролюбивый тон документа, его направленность на поиски не силового, а мирного решения конфликта подтверждается выдержками из Корана. В то же время саудовский руководитель, обращаясь к представителям Ливана, страны, где состоялся саммит, подчеркивал, что Ливан смог добиться национального единства, несмотря на религиозную и этническую неоднородность своего населения, тем самым подтверждая свою мысль о том, что и в ближневосточном регионе можно достичь мира и стабильности.

Основное внимание в саудовском предложении уделено палестинской проблеме. Это понятно, так как встреча в верхах глав государств и правительств арабских стран состоялась в момент крайнего обострения ситуации в Палестине, когда активисты из радикальных палестинских организаций не прекращают проведение террористических актов и на оккупированных территориях, и непосредственно в Израиле, а израильские власти ужесточают методы силового воздействия на руководство ПНА и лично на ее главу Я.Арафата. В этих условиях саудовский руководитель четко определил альтернативу, стоящую перед палестинцами. Он заявил: «Каждый человек в Палестине – молодой или старый, осознает, что путь к освобождению его страны и его земли лежит или через борьбу и непреклонность, или через справедливый и всеобъемлющий мир».

Саудовский представитель, осознавая всю сложность стоящего перед палестинцами выбора, в то же время всем настроем своей инициативы подчеркивал, что только мирное решение создаст перспективу для окончательного урегулирования ближневосточной проблемы, включая ее палестинский, сирийский и ливанский аспекты. Вот как эта мысль выражена дословно: «Несмотря на то, что случилось и что еще может произойти, первейшая проблема, содержащаяся в умах и сердцах каждого представителя нашей мусульманской и арабской нации, – это восстановление легитимных прав Палестины, Сирии и Ливана».

Обращаясь к израильтянам, принц Абдалла призывал их осознать всю сложность положения арабских стран и их стремление к мирному решению конфликта. Таким образом он подчеркивал, что выбор остается за израильтянами. Они должны принять решение, и от их решения будет зависеть развитие ситуации в регионе.

Урегулирование длительной и многоаспектной конфликтной ситуации на Ближнем Востоке – сложный процесс, в котором с разной степенью активности принимают участие все арабские государства. Саудовская Аравия начала уделять первостепенное внимание палестинской проблеме уже в начальный период существования нынешнего саудовского государства. Его основатель – Абдель Азиз Ибн Сауд стремился к тому, чтобы разрушить планы создания еврейского государства в Палестине, отстаивая права арабской части ее населения. Во время встречи 14 февраля 1945 г. с американским президентом Рузвельтом, состоявшейся на борту американского крейсера, он пытался добиться поддержки со стороны США в решении проблемы Палестины. Значение палестинской проблемы для саудовского королевства определялось тем, что она вписывалась в концепцию ее внешнеполитической деятельности, основывающейся на двух основополагающих принципах: арабизме и исламе. Для Саудовской Аравии необходимо было определить свое отношение к главной проблеме, консолидирующей арабские страны, проблеме Палестины. Поддержка прав палестинских арабов соответствовала требованиям арабской солидарности и совместного решения проблем арабского мира.

В то же время создание еврейского государства на территории Палестины шло вразрез с интересами защиты мусульманских святынь в Иерусалиме и других частях Палестины. Поэтому саудовские усилия были направлены на активизацию участия мусульманских стран в решении палестинской проблемы.

После создания государства Израиль Саудовская Аравия, исходя из своих национальных интересов, заключающихся в достижении регионального мира и стабильности, проводила внешнюю политику, направленную на поддержку арабских стран путем отстаивания их прав, прежде всего в их противоборстве с Израилем. Положение, занимаемое Саудовской Аравией в мировой экономике в качестве крупнейшего поставщика углеводородного сырья и инвестора капиталов, делало ее особенно уязвимой перед угрозой нарушения региональной стабильности. Обострение ситуации на Ближнем Востоке оказывало негативное влияние на ее экономическое развитие, способствуя дестабилизации рынка нефти и газа, а также рынка капиталов.

Саудовская Аравия последовательно отстаивала принцип мирного разрешения конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Эта страна сыграла важную роль в том, что идея политического урегулирования ближневосточного конфликта получила поддержку большинства арабских стран.

В марте 1981 г. король Саудовской Аравии Фахд бен Абдель Азиз выдвинул программу достижения мира на Ближнем Востоке и решения палестинской проблемы. Программа состояла из восьми пунктов: вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских земель, в том числе и из арабской части Иерусалима; ликвидация

поселений, созданных Израилем после 1967 г. на арабских территориях; гарантия свободы вероисповедания и соблюдения религиозных обрядов представителями всех религий в святых местах Иерусалима; обеспечение права палестинского народа вернуться к родным очагам и выплата компенсации тем его представителям, которые не пожелают вернуться; передача Западного берега и сектора Газа на переходный период под управление ООН. Этот период не должен превышать нескольких месяцев; создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме; обеспечение права государств региона жить в мире; ООН или некоторые государства-члены этой организации осуществляют претворение в жизнь выдвинутых принципов урегулирования[2].

На совещании глав государств и правительств арабских стран в Фесе удалось преодолеть разногласия между арабскими государствами. Это произошло, несмотря на то, что совещание проходило трудно, в два этапа. Тем не менее был принят общеарабский план ближневосточного урегулирования, основанный на саудовском проекте. Однако в него были внесены изменения и дополнения, затронувшие пункты четвертый, седьмой и восьмой. Эти пункты были приняты в следующей редакции:

– обеспечение права палестинского народа решать свою судьбу, в том числе его неотъемлемого права на создание государства под руководством ООП – единственного законного представителя палестинского народа;

– Совет Безопасности ООН обеспечивает гарантии мирного существования всех государств региона, в том числе и независимого палестинского государства;

– Совет Безопасности ООН обеспечивает соблюдение этих принципов.

Принятая в Фесе общеарабская платформа урегулирования ближневосточного конфликта изменила вектор арабской политики от непримиримой борьбы с Израилем к поиску путей, ведущих к прекращению противостояния и конструктивного решения палестинской проблемы.

После принятия Египтом решения о заключении мира с Израилем радикальные арабские государства в декабре 1977 г. создали Национальный фронт стойкости и противодействия. Эта организация была призвана «противодействовать капитулянтским решениям ближневосточной проблемы за счет интересов арабской нации»[3]. Общеарабское совещание в верхах, состоявшееся в ноябре 1978 г. в Багдаде, приняло резолюцию, осуждавшую «сепаратный курс» Египта и вводившую в отношении него политические и экономические санкции. Эта резолюция была поддержана большинством арабских стран. В арабском мире побеждали те силы, которые отказывались считаться с существованием Израиля как объективной политической реаль-

ностью и отвергали возможность урегулирования отношений с ним на взаимоприемлемой основе. Поэтому план мирного урегулирования

конфликта, выдвинутый Саудовской Аравией, имел принципиальное значение. Он знаменовал собой начало нового этапа в подходах арабских государств к проблеме ближневосточного урегулирования.

После совещания в Фесе Саудовская Аравия и ее союзники – государства-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – прилагали усилия, чтобы нормализовать отношения между арабскими странами и сгладить существовавшие между ними расхождения по проблеме ближневосточного урегулирования. В октябре-ноябре 1983 г. делегации, возглавлявшиеся ответственными лицами государств-членов ССАГПЗ, совершали неоднократные поездки по арабским странам, посетив, в том числе, входившие в состав Национального фронта стойкости и противодействия Ирак, Сирию и Алжир с целью укрепления единства арабских стран и консолидации их действий по разрешению ближневосточного конфликта. В тот период их усилия не дали практических результатов. Однако они способствовали упрочению идеи политического урегулирования ближневосточного конфликта, что, несомненно, сыграло положительную роль в ближневосточном мирном процессе в целом.

Лидеры Саудовской Аравии осознавали значение великих держав в ближневосточном урегулировании. Они использовали свои отношения с западными странами, прежде всего с США, чтобы активизировать их участие в процессе ближневосточного урегулирования.

США, одержав победу в войне за освобождение Кувейта, использовали свой возросший авторитет для того, чтобы придать динамику ближневосточному мирному процессу. Они были главными инициаторами созыва конференции по ближневосточному урегулированию в Мадриде в октябре 1991 г. Израиль и арабские страны – непосредственные участники конфликта – были к этому готовы. Израиль должен был считаться с произошедшими изменениями в системе глобальных и региональных отношений. Кризис в Заливе содействовал расколу в арабском мире. Он привел к ослаблению Ирака и создал новую расстановку сил в регионе, усилив позиции Саудовской Аравии.

Саудовская Аравия отказалась, тем не менее, от непосредственного участия в конференции по ближневосточному урегулированию. Принц Сауд аль-Фейсал, министр иностранных дел Саудовской Аравии заявлял, что его страна не будет активным участником мирной конференции, поскольку, как он отмечал, «участниками подобных встреч традиционно были страны, непосредственно включенные в переговоры о мире, – Египет, Сирия, Иордания, Ливан и Израиль»[4]. Но вместе с тем он подчеркивал, что Саудовская Аравия будет всеми силами поддерживать мирные инициативы[5]. В апреле 1993 г. она обещала палестинцам возобновить оказание им финансовой помощи, которая была прекращена в знак протеста против их предательской

по отношению к Кувейту позиции, если они продолжат переговоры с Израилем, которые в тот период были прерваны[6].

Несмотря на то, что Саудовская Аравия и ее партнеры по ССАГПЗ посчитали нежелательным свое непосредственное участие в Мадридской конференции, представитель ССАГПЗ находился на ней в качестве наблюдателя. Более того, Бахрейн, Катар и Оман стали местом проведения встреч между арабскими и израильскими представителями. Кроме того, Саудовская Аравия инициировала активное участие государств ССАГПЗ в многосторонних переговорах между арабскими странами и Израилем. Они внесли свой вклад в деятельность рабочей группы по проблемам контроля над вооружениями и региональной безопасности. В рамках деятельности этой группы было принято решение о создании единой сети коммуникационной связи. Катар выступил с инициативой по созданию одного из пунктов этой сети на территории своей страны[7]. Бахрейн проявлял активность в деятельности рабочей группы по проблемам окружающей среды. В октябре 1994 г. был принят Бахрейнский кодекс поведения ближневосточных государств по отношению к окружающей среде. Бахрейн был местом проведения пленарного заседания группы.

Саудовская Аравия сыграла также положительную роль в развитии отношений между ООП и Израилем. Ее поддержка подписанной в сентябре 1993 г. в Осло Декларации о принципах взаимоотношений между ООП и Израилем во многом определила отношение к ней не только арабских, но и мусульманских государств. В документах саммита ССАГПЗ, проходившего в декабре 1993 г. в Эр-Рияде, отмечалось, что соглашения Осло являются «первым шагом на пути к достижению всеобъемлющего решения палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта на основе резолюций Совета Безопасности № 242 и № 338 и принципа «территории в обмен на мир», а также осуществления окончательного ухода Израиля со всех оккупированных арабских земель и прежде всего – священного Иерусалима»[8].

После заключения соглашения между палестинцами и Израилем о создании Палестинской национальной администрации, а затем и иордано-израильского мирного договора Саудовская Аравия внесла вклад в создание новой системы региональных отношений на Ближнем Востоке. Хотя она проявляла крайнюю осторожность в своем подходе к Израилю, тем не менее, не препятствовала тому, чтобы ее ближайшие союзники действовали более активно.

Катар и Оман были одними из первых арабских государств, установивших дипломатические отношения с Израилем. Они направили делегации, возглавлявшиеся ответственными лицами этих государств, на похороны премьер-министра Израиля И.Рабина, убитого в ноябре 1995 г.

Кувейт стал первой арабской страной, которая установила торговые отношения с компаниями, связанными с Израилем. После освобождения от иракской оккупации Кувейт закупил в Германии минные

тральщики израильского производства[9]. Таким образом, был начат процесс отмены арабского экономического бойкота Израиля.

Сдержанность Саудовской Аравии в отношении Израиля объясняется, по-видимому, и тем, что включение Израиля в ближневосточную региональную систему и в развитие внутрирегионального сотрудничества угрожает конкуренцией с его стороны. Саудовская Аравия обладает наибольшим экономическим потенциалом среди стран Залива, который тем не менее уступает потенциалу и уровню технологического и научно-технического развития Израиля. Предложение, внесенное саудовским руководителем, предполагает и развитие экономических отношений с Израилем. Это означает, что Саудовская Аравия делает шаг вперед в подходах к будущему Ближнего Востока и к признанию того, что Израиль должен стать составной частью единого экономического пространства региона, хотя это может поставить арабских участников этого пространства в невыгодное по сравнению с Израилем положение.

Действия Саудовской Аравии по урегулированию ближневосточного конфликта не были формальными или пропагандистскими. Эта страна постоянно предпринимала дипломатические и политические шаги, направленные на его мирное разрешение. Нельзя недооценивать и ее вклада в создание той базы, на которой при всех его трудностях ныне строится ближневосточный мирный процесс. Перспективы складывания новых взаимоотношений в регионе Ближнего Востока будут не в последнюю очередь зависеть и от политики саудовского королевства. Его мирная инициатива свидетельствует о заинтересованности в скорейшем урегулировании конфликта и в создании единого экономического и политического пространства в регионе Ближнего Востока.

[1] Здесь и далее см.: Crown Prince Abdallah addresses the Arab summit, Beirut, 27th March 2002,

http:/www.saudinf.com/main/y3910.htm.

[2] Documents on the Israeli-Palestinian Conflict. 1967–1983. Edited by Yehuda Lukacs. Cambridge, 1984, с. 236–237.

[3] Новейшая история арабских стран Азии. – М., 1988, с. 98.

[4] New York Times, Feb. 5, 1991.

[5] Ibid.

[6] Hassan Hamdan Al-Alkim. The GCC states in an unstable world. Foreign-Policy Dilemmas of Small States. – L., 1994, с. 120.

[7] SIPRI. Yearbook 1996. – Oxford, 1996, с. 183.

[8] The Gulf Cooperation Council Secretariat. Closing Statements of the Sessions of the Supreme Council. – Doha, 1996, с. 164.

[9] Hassan Hamdan Al-Alkim, op. cit., с. 120.

Э.В.Павлуцкая

СИТУАЦИЯ В МАРОККАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СВЕРХУ

Создавая независимое государство, марокканский монарх выбрал путь постепенной политической и экономической либерализации в процессе легитимной перестройки, выступив гарантом демократизации государства. Возводя фасад представительной демократии, королевская власть декларировала свободу слова как важнейший элемент создаваемого гражданского общества.

Свобода слова была гарантирована первой марокканской конституцией 1962 г. и подтверждена в последующих. Деятельность средств массовой информации до сих пор регулирует закон о гражданских свободах, включающий и Кодекс прессы, предоставляя свободу слова и издательской деятельности. Поправки к закону, выработанные на основе практики, были приняты в 1955, 1961 и 1973 гг. (в этом году король объявил о демократизации общества «сверху»).

Государство контролирует и координирует деятельность всей национальной прессы через Министерство печати и информации. Защиту интересов работников СМИ взял на себя Национальный профсоюз марокканской прессы.

Средства массовой информации делятся на государственные и частные. К государственным относятся информационное агентство Магриб Араб Пресс (МАП), радио и телевидение Марокко (РТМ) и правительственная газета «Аль-Анба». Их работой руководит Министерство информации. Агентство МАП фактически контролирует всю правительственную информацию и, в значительной степени, – распределение материалов иностранных агентств. Оно имеет соглашения о сотрудничестве с иностранными агентствами. В 80-е годы агентство передавало в среднем 150 тыс. слов информации в сутки на арабском, французском, испанском и английском языках. Оно выпускало ежедневный бюллетень «МАП актюалитэ». Агентство имело корпункты в Париже, Брюсселе, Мадриде, Вашингтоне, Лондоне, Дакаре, Багдаде и др., а внутри страны – в Касабланке, Фесе, Уджде, Марракеше, Агадире, Танжере. В штате агентства числилось около 100 человек [1].

МАП имеет свой сайт в Интернете, так же как и частная радиостанция «Меди-1». Кроме того, свои сайты имеют газеты «Аль-Баян», «Ви экономик», «Либерасьон», «Экономист», «Нувель трибюн», «Ля верите»,

«Журналь», «Матэн дю Саара э дю Магреб», «Газет дю Марок», а также исламистская организация «Аль-Адаль ва-ль-Ихсан».

По данным министерства информации, в конце 80-х годов общий ежедневный тираж национальной прессы составлял 250 тыс. экземпляров. Регулярно читали газеты примерно 800 тыс. человек, т.е. почти 3% населения.

Подавляющее число газет издается в частном секторе, преимущественно многочисленными партиями и организациями. В 80-е годы насчитывалось около 80 периодических изданий, в том числе 12 ежедневных газет, 8 еженедельников, 8 ежемесячных журналов [2]. Среди ежедневных газет на арабском языке следует отметить издания наиболее крупных партий: «Аль-Алям», «Истикляль», «Аль-Иттихад Аль-Иттиракий» (Социалистический союз народных сил), «Аль-Баян» (Партия прогресса и социализма), «Аль-Мисак аль-Ватаний» (Национальное объединение независимых), «Рисалят аль-Умма» (Конституционный союз); «Ан-Нидаль ад-Димукратый» (Национально-Демократическая партия). На арабском языке издаются полуофициальные ежедневные газеты «Аль-Сахра», газета либерально-буржуазного толка «Аль-Ихтияра», спортивные – «Ар-Рияда», «Мисак ар-Рияда» (спортивное приложение к «Аль-Мисак аль-Ватаний»).

Многие газеты издаются на двух языках, как «Аль-Баян», или выходят только на французском. На французском языке печатаются как ежедневные, так и еженедельные газеты: «Аль-Магриб» (Национальное объединение независимых), «Опиньон» (Истикляль), «Аль-Баляг аль-Магрибий» (ССНС), «Аль-Анваль» (Организация народно-демократического действия), «Аль-Усбу аль-Магрибий» (Конституционный союз).

На французском языке издаются как независимые издания, близкие к правительственным кругам типа ежедневных «Матэн дю Саара» и «Марок суар», так и полуофициальная «Ле Матэн», а также газеты «Ви экономик», «Месаж де ля Насьон». В марте 1977 г. стала выходить новая еженедельная проправительственная газета «Трибюн экономик» – орган Федерации торгово-промышленных палат Марокко. Она знакомит читателей не только с экономической жизнью страны, но и с проблемами промышленности, торговли, финансов в арабском мире и других регионах мира. На французском языке выходят журналы «Аль-Асас», «Лям Алиф» (ССНС), «Мессаж экономик» (КС) и др.

За свою историю марокканские СМИ прошли через многие испытания. Ряд газет и журналов был закрыт властями, они исчезли вместе со своими партиями или организациями. Часть не выдержала конкуренции и разорилась. Однако число различных изданий в целом значительно выросло: в 2000 г. насчитывалось более 2 тыс. различных газет, обозрений, журналов, как национальных, так и иностранных [3, с. 27].

Иностранная пресса, хотя ее проникновение обставлено некоторыми условиями, составляет серьезную конкуренцию национальной. Уже в конце 80-х годов в страну поступало 1,5 тыс. иностранных периодических

изданий, которые реализовывались на сумму в 30 млн. долл. в год. Читатели могли купить все ведущие французские газеты (кроме «Юманите») и десятки других западных изданий. Продавались практически все арабские газеты, за исключением изданий Алжира, Сирии и НДРЙ. Поставкой периодических изданий на местный рынок занимались марокканские фирмы «Сапресс» и «Сошпресс». Они распространяли и около 20 советских изданий: «Спутник», «Московские новости», «Орбита», «Советский союз», «Советская женщина», «Олимпийская панорама» и др.

Большинство марокканских органов печати испытывают экономические трудности. 11 октября 1983 г. Национальный профсоюз прессы даже опубликовал заявление, в котором содержался призыв к властям ограничить ввоз иностранных газет, учитывая тот факт, что местная пресса не в состоянии конкурировать с ними в цене. Это предложение, по некоторым сведениям, было направлено главным образом против ежедневной саудовской газеты «Мидл Ист», издающейся в Лондоне и содержащей много международной информации. В Марокко продавалось 30 тыс. экземпляров этой газеты по той же цене, что и местные [5].

Марокканские власти ставили перед национальными средствами массовой информации две основные задачи: воздействие на сознание населения с целью воспитания преданности монархии, а также приверженности догмам ислама и активное противодействие «чуждым иностранным идеологиям». Известно высказывание короля Хасана II о том, что средствам массовой информации надо придавать не меньшее значение, чем вопросам внешней политики или национальной обороны, поскольку речь шла о том, как создать мир и порядок в неспокойном государстве.

В соответствии с законом 1958 г., который действовал до недавнего времени, полностью были запрещены любые критические публикации в отношении трех понятий – «Аллах, родина, король», которые считаются священными. В конкретном плане – это догмы ислама, положение о территориальном единстве страны с неподвергающимся сомнению утверждением о безусловной принадлежности Западной Сахары Марокко. В отношении Западной Сахары вся национальная пресса почти без исключения, равно как и политические партии заняли ура-патриотическую позицию, любое отклонение от которой рассматривается как предательство национальных интересов.

Священна и личность короля, повелителя правоверных, потомка пророка Мухаммада. Монархия воспринимается как самый важный и наиболее значимый национальный институт. В печати или в устных выступлениях не принято ставить под сомнение правильность действий и высказываний короля: в Марокко общепризнано, что ошибки могут совершать только исполнители «высоких указаний» – правительство, отдельные министры и т.п. Нарушение этих постулатов

влечет за собой наказание в виде тюремного заключения до 5 лет, а при оскорблении чести и достоинства членов королевской семьи – до 20 лет лишения свободы. Законодательством запрещена также критика других стран и их государственных деятелей.

Официально печатная цензура была отменена в 1977 г. Ее заменило изложение о «личной ответственности» директоров и главных редакторов изданий, которые за «антинациональную пропаганду» могут быть подвергнуты штрафу или тюремному заключению.

Согласно Кодексу прессы, если нанесен ущерб интересам государства и короля, ответственность несет автор материала, а при отсутствии подписи под публикацией – директор издания (главный редактор является вторым по значению лицом). Закон позволяет критиковать правительство и министров, политические партии и государственные учреждения, организации и отдельных лиц. В случае публикации клеветы, дезинформации, диффамации, что связано с моральным ущербом, ответственность несет не журналист, а директор издания.

По закону 1958 г. власти могут помешать публикации статей, которые, по их мнению, превышают порог терпимости. Издания, считающиеся «оскорбительными», могут быть обвинены в нанесении вреда безопасности государства и запрещены. Министерство внутренних дел может контролировать иностранные издания, изымая запрещенные публикации после их распространения.

Кодекс прессы дает право органам власти в лице МВД конфисковывать неугодные издания, лишая их владельцев лицензии. Согласно кодексу, премьер-министр может предписать правительству прямую цензуру газет, разрешая или запрещая публиковать тот или иной материал. В большинстве случаев ранее правительственный контроль осуществлялся «косвенными директивами» или «советами» при министерстве внутренних дел. Множество журналистов было осуждено за свои публикации, в том числе и на тюремное заключение. Власти не одобряли сатирических и просто ироничных статей в ежедневных газетах левой оппозиции [6, с. 27].

Суровое отношение к ней было характерно для 60–70-х годов. В эти годы репрессии обрушивались на профсоюзные и коммунистические издания. Власти неоднократно пытались установить контроль над типографией в Касабланке, принадлежавшей самому крупному и авторитетному в то время профцентру – Марокканскому союзу труда (МСТ). Они санкционировали осуществление полицией акций устрашения против персонала типографии, фактически поощряя устраиваемые в ее помещении погромы.

Еженедельная газета МСТ «Ат-Талиа» тиражом 15–25 тыс. экземпляров на арабском и французском языках также неоднократно конфисковывалась и запрещалась за публикации обличительных материалов о положении трудящихся [7, с. 93]. В 1962 г. в период репрессий против МСТ и связанной с ним партии Национальный союз

народных сил (НСНС) газета была запрещена на три года. Снова она была запрещена уже на более длительный срок: с 1970 по 1979 гг.

Особенно страдала коммунистическая пресса, тем более что Марокканская коммунистическая партия (МКП) существовала легально только с апреля по сентябрь 1959 г. В 1959 г. была запрещена газета компартии «Аль-Джамахир», а также издававшаяся А.Аяшем «Ля Насьон», в которой публиковались материалы компартии. Новая газета МКП «Аль-Мукафих» просуществовала легально с 1960 по 1964 г. В 1965–1969 гг. издавалась газета «Аль-Кифах аль-Ватаний», которая неоднократно подвергалась конфискациям. Некоторое время (с 1961 г.) удавалось издавать теоретический журнал «Аль-Мабади» – своего рода слепок с журнала «Проблемы мира и социализма». Разрешения на издания компартии давались генеральному секретарю МКП Али Яте как частному лицу.

С 1972 г. 24-тысячным тиражом стала выходить газета «Аль-Баян», орган переименованной в Партию прогресса и социализма (ППС) компартии, получившей право на легальное существование. Газета неоднократно подвергалась санкциям за печатание неугодных статей. В июне 1983 г. марокканские власти ввели цензуру на публикацию газеты. Поводом к этому послужило разоблачение на ее страницах действий властей в ходе июньских выборов в муниципальные и коммунальные советы. Представитель ППС во время выборов в органы местного самоуправления был лишен возможности выступать по радио и телевидению.

Некоторые периодические издания в течение многих лет были запрещены уже в период объявленной демократизации «сверху». В их числе был орган партии ССНС «Аль-Мухаррир», главный редактор которой долгое время провел в тюрьме. Пресекается и возрождение берберского национализма. Был арестован директор единственного журнала на берберском языке «Тамазигт» Иззедин Ахардан – сын министра и одного из руководителей берберской партии Народное движение.

В 2000 г. была запрещена книга «Письмо из Марокко» Кристин Серфати, жены известного левого политика Абрахама Серфати, осужденного на 17 лет тюрьмы и 8 лет ссылки. Такая же участь постигла автора книги «Крыс долго морят голодом» Абдельазиза Мурида, осужденного на 22 года заключения, откуда он вышел в 1984 г. Тем не менее в 2000 г. литературную премию в Марракеше получил последний роман Абделькадера Шауи, который за левые убеждения провел в тюрьме 15 лет. В 1987 г. после освобождения он выпустил книгу «Неоконченное прошлое», которая была запрещена за описание жизни в тюрьме строгого режима.

В 80–90-е годы одним из главных соперников правящего режима стала исламская оппозиция. Однако постепенно и власть, и оппозиция стали отходить от лобового столкновения. Исламисты входят в новую

фазу взаимоотношений с государством, рамки которого будут определяться тенденцией к росту демократизации и той свободой, которая должна соответствовать этому процессу. В новом парламенте, избранном в 1997 г., исламисты надеялись образовать собственную фракцию, что пока им не удалось. В принципе, они рассчитывают на большую свободу действий в условиях демократизации и расширения своего влияния.

Однако давление власти на исламистские издания достаточно велико. В феврале 2000 г. были изъяты из продажи во всех крупных городах ежедневные газеты, опубликовавшие письмо шейха Ясина (освобожденного после 11-летнего содержания под домашним арестом) королю Мухаммеду VI, в котором выдвигалось требование вернуть народу достояние, награбленное его отцом Хасаном II за более чем 30-летнее правление. Четыре члена организации Ясина «Аль-Адль ва-аль Ихсан» были арестованы в феврале 2000 г. в Танжере и Бен Слимане за распространение этого письма, обвиненные в «покушении на священный институт монархии». В апреле 2000 г. марокканские власти блокировали сайт «Аль-Адль ва-ал-Ихсан». Организация осудила действия режима, назвав их «покушением на свободу слова». Согласно данным прессы, в конце мая 2000 г. правительство запретило выход двух изданий исламистских организаций «Аль-Адль ва-ал-Ихсан» и «Рис-алят аль-Футувва».

Не прекратились репрессии и против отдельных светских изданий с приходом к власти левоцентристского правительства во главе с А.Юсуфи. Гонимый ранее властями А.Юсуфи в 70-е годы был приговорен к смерти, в 80-е годы был помилован королем. Позднее он стал председателем оппозиционной партии ССНС, а в 1998 г. был назначен премьер-министром после убедительной победы его партии на парламентских выборах 1997 г.

Репрессии против отдельных изданий приобрели характер сведения политических счетов, о чем свидетельствуют санкции против трех следующих еженедельников. В ноябре 2000 г. премьер-министр запретил газеты «Журналь», «Демэн» и «Ас-Сахифа» (арабский аналог «Журналь») за публикацию статей о причастности марокканских левых из партии НСНС (из нее после раскола вышла ССНС) к попытке государственного переворота в 1972 г., за которым стоял всесильный министр безопасности генерал Уфкир. Это утверждение сопровождалось публикацией ранее неизвестного письма М.Басри* лидерам НСНС (а позднее ССНС) А.Буабиду и А.Юсуфи. Основанием послужила статья 77 Кодекса прессы, запрещающая публикации, «представляющие угрозу для политических и религиозных основ королев-

* М.Басри – один из лидеров НСНС. В 1964 г. был приговорен в смертной казни. До 1995 г. жил в эмиграции. Вернувшись в Марокко, к ССНС не примкнул.

ства». Власти объявили публикации в этих трех изданиях «манифестацией интеллектуального терроризма» [7, с. 31].

Политбюро ССНС в своем коммюнике назвало публикацию «лживым измышлением, наносящим ущерб великим символам нации, – институтам национальной обороны и политическим партиям». В нем также утверждалось, что организаторы публикации хотели вызвать сомнение относительно верности ССНС и ее руководства «национальным ценностям, ее постоянной лояльности трону и королю». По мнению руководства партии, целью публикации было желание нанести ущерб стабильности Марокко.

Понятны тревоги «левого» правительства, которое имеет больше обязанностей, чем возможностей осуществлять свою программу возрождения страны, с чем не справились проправительственные партии, руководившие страной несколько десятилетий. Политические противники социалистов пытаются не только дискредитировать его, но и отправить в отставку. Оно, в свою очередь, расправляется с противниками испытанным традиционным методом. То есть в действиях властей по-прежнему отсутствует необходимый уровень политической культуры, не хватает политкорректности.

Возражения правительства вызывает обличение коррупции в верхних эшелонах власти. В апреле 2000 г. трибунал осудил директора и главного редактора газеты «Аль-Усбу» М.Алауи за клевету на министра иностранных дел М.Бенаиссу, обвиненного в финансовых махинациях в бытность его послом. Алауи был осужден на три месяца тюрьмы, на три года запрещения заниматься своей профессиональной деятельностью, возмещение морального ущерба в 1 млн. дирхамов и 20 тыс. штрафа [7, с. 29]. В клевете на этого же министра был обвинен и директор ежедневной «Аш-Шамаль» (Танжер), приговоренный к 6 месяцам и 20 тыс. дирхамов штрафа. В мае вновь пострадал М.Алауи за статью о родственнике короля Ф.Филали: три месяца тюрьмы, 100 тыс. дирхамов в возмещение морального ущерба и 5 тыс. дирхамов штрафа. Правда, в конце концов обоих директоров газет частично простили.

С 1 декабря 2000 г. власти запретили 8 газет, в том числе и те, что печатались во Франции, так как местные типографии отказывались с ними сотрудничать. Таким образом, продолжается конкуренция между различными национальными силами за власть над общественным сознанием в стране. Борьба идет между старой политической элитой и той, которая представляет реалии нового времени.

Преследованиям подвергаются и иностранные журналисты. В 1933 г. была изъята из продажи книга французского журналиста Жиля Перро «Наш друг король» за критику методов правления короля Хасана II. 4 марта 2000 г. правительство запретило распространение номера французской газеты «Фигаро» за публикацию статьи бывшего личного врача короля Хасана II о Мехди Бен Барке, который был не

только выдающимся политическим деятелем, создателем НСНС, обвиненным в заговоре против власти, но и преподавателем математики будущего короля Хасана II. В 1965 г. он был похищен и убит в Париже марокканскими секретными службами. Министр печати объяснил, что «этот номер – клеветнический и наносит ущерб нашей национальной истории» [7, с. 28]. В независимой еженедельной «Журналь» 23–29 июня 2000 г. было опубликовано заявление генерального секретаря организации «Репортеры без границ» министру внутренних дел Ахмеду Мидауи с протестом против «жесткого надзора», объектом которого стал французский журналист, написавший статью о Бен Барке. Генеральный секретарь потребовал от министра «дать объяснение этим мерам».

Власти запретили распространение сентябрьского номера лондонского издания «Экономист» в связи с публикацией сведений об открытии месторождений нефти на востоке страны. В октябре 2000 г. были арестованы три журналиста французского телеканала «Франс 3», обвиненные в шпионаже за съемку «военных объектов». 4 ноября 2000 г. был лишен аккредитации и выдворен из страны Клод Жювенель, корреспондент французского агентства прессы в Марокко, (по официальной версии, за недостаток профессиональной этики, за враждебные выступления против Марокко) [7, с. 31]. Проблемы, связанные с профессиональной деятельностью, были и у корреспондента Би-Би-Си Н.Пелхема. Неоднократно подвергались преследованиям иностранные репортеры и фотокорреспонденты во время манифестаций населения в разных городах страны.

Марокканская пресса крайне ограничена в возможностях высказывать свое мнение по вопросам, так или иначе относящимся к оценке деятельности правительства. Подобное положение практически исключает возможность появления острых критических статей и материалов, объективно и всесторонне отражающих существующее положение вещей. Это определило общее содержание марокканской прессы, которая публикует много материалов со ссылкой на иностранные агентства.

Многочисленные факты говорят о том, что власти оказывают давление на издательства с тем, чтобы они отказывались печатать некоторые газеты и журналы. Более того, власти пытались, например, в апреле 2000 г. блокировать публикацию еженедельника «Демэн», печатавшегося в Испании, «проведением своей инквизиторской линии в издательском деле» [7, с. 27]. Печатание газет и журналов в зарубежных странах, например, во Франции, тоже становится обычной практикой из-за давления властей на местные типографии. В этих условиях издателям приходится проявлять политкорректность или заниматься самоцензурой, чтобы избежать нападок властей. Например, частная радиостанция «Меди-1» (с участием французского капитала), вещающая на Марокко и все страны Северной Африки, вынуждена, как и другие радиостанции, осуществлять самоцензуру в

интересах собственной безопасности и как прием выживания. Вещание же РТМ вообще находится под полным контролем государства.

Но средства массовой информации научились не только критиковать режим, но и защищать себя через свой профсоюз с помощью правозащитных организаций в стране и за рубежом, Организации «Репортеры без границ», международного комитета поддержки журналистов и др. Формируя общественное мнение, они становятся реальной политической силой, вынуждая власть считаться с ними. Журналисты и правозащитные организации заняли активную позицию, протестуя против вынесения решений судом по тем или иным изданиям со ссылкой на Уголовный кодекс вместо Кодекса прессы.

Национальный профсоюз прессы считает, что осуждение директоров неугодных изданий на тюремное заключение нарушает право на свободу выражения мнения, о чем было заявлено в коммюнике 27 апреля 2000 г. В мае 2000 г. журналисты и правозащитники направили коммюнике в Министерство информации, чтобы выразить беспокойство по поводу нарушения свободы слова и фактической цензуры СМИ. В нем говорилось, что «даже во времена французского протектората никогда журналисту не мешали выполнять его общественный долг».

По-существу, при наличии закона пресса не обеспечена его защитой. С 70-х годов закон о гражданских свободах не подвергался изменениям. «Социалистический» премьер-министр Юсуфи, вступив в должность в 1998 г., обещал откорректировать Кодекс прессы. Был разработан новый его проект, о чем объявил король в своем выступлении по телевидению. Однако профсоюз прессы выступил против новой редакции кодекса, по-прежнему не защищающего журналистов от произвола властей.

Все же 9 апреля 2002 г. после одобрения верхней палатой парламента новый закон о печати вступил в силу. Несколько облегчив возможности издания печатной продукции, он по-прежнему запрещает публиковать материалы с критикой короля и его окружения, государственных и религиозных институтов, а также представляющие угрозу стабильности общества и национальной безопасности. В новом законе не были учтены многочисленные замечания и предложения политических партий, профсоюзов и общественных организаций. Сохранилось право на закрытие отдельных изданий под предлогом нарушения ими действующего законодательства вместо рассмотрения дела в суде.

Цензура в Марокко сужает доступ к информации, открывает путь к произволу властей по отношению к своему народу. Между тем истинное предназначение свободных СМИ – питать общество полной и доступной информацией, в том числе и о деятельности государства, инициировать демократические перемены и пресекать попытки диктата властей. Свободные СМИ продолжают диалог общества и государства. Свобода слова нужна, чтобы государство имело канал обратной связи с обществом.

Тем не менее будучи необходимым условием развития общества, свободная пресса остается идеальной нормой даже для стран Запада. Еще более далека от идеала такая «демократическая деспотия», как Марокко. Марокканский монарх, традиционно стоящий над политикой, создал свой стиль демократии, обеспечивающий жесткий политический контроль над населением. В стране существует и запретительная, и карательная цензура. Власти используют широкие возможности для преследования непокорной прессы. Конституционные принципы приспособлены к старым правилам, основаны на централизации, персонализации, общности и солидарности правящего слоя, сохраняющихся патронажно-клиентельных отношениях. Пока еще нет заинтересованности в реальной демократизации, которая может появиться только с возникновением иной политической культуры. В этих условиях демократизация сверху предстает своеобразным институтом, допускающим множественность изданий, но ограничивающим плюрализм мнений, что равносильно застою в общественно-политическом развитии и дезавуирует курс монархии на демократизацию, превращая весь процесс в номинальный и бессодержательный.

1. В статье использованы корреспонденции ТАСС 1970–1980 гг.
2. Там же.
3. Rapport Du Département D'Etat American. Sur le Situation Des Droits l'Homme Au Maroc En 2000. 14 Juin 2001.
4. Корреспонденции ТАСС.
5. Le Monde, 06.12.1983.
6. Печать, радио и телевидение стран Африки. Краткий справочник. – М., 1965 г.
7. Rapport Du Département D'Etat American.

Г.И.Смирнова

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В СУДАНЕ

В начале 90-х годов правительство Республики Судан начало проводить экономические реформы, выразившиеся в децентрализации управления экономикой, ее либерализации, предоставлении широких льгот частному капиталу и т.д. Результатом реформ стало некоторое повышение темпов экономического роста. Так, реальный рост ВВП за период с 1992/93 г. по 1996 г. составил 4,6% (по сравнению с отрицательными темпами в 80-х годах). В 1998 г. ВВП увеличился на 6% по сравнению с предыдущим годом. Наибольший вклад в увеличение темпов роста ВВП дали сельское хозяйство – за счет увеличения производства нетрадиционных культур – и строительная отрасль (в связи с сооружением нефтепровода), что иллюстрируют следующие данные:[1]

Темпы роста ВВП Судана в 1992/93 – 1998 гг.
(ежегодные изменения, %)

Статьи	92/93	93/94	94/95	1996	1997	1998
					Прогноз	
ВВП	3,8	1,8	8,9	4,0	6,7	5,0
Сельское хозяйство	-0,6	9,4	7,2	-4,9	16,7	1,8
Технические с/х культуры	-23,6	20,4	9,3	19,6	23,4	-1,7
Традиционные с/х культуры	-1,8	-25,3	57,5	-17,8	38,0	-15,7
Орошаемое земледелие	-29,8	-7,6	18,2	4,2	22,0	-16,2
Земледелие на богарных землях	25,5	-35,0	88,0	-28,5	49,4	-15,3
Другие культуры	-48,3	118,8	-26,0	78,0	12,9	10,5
Животноводство	59,9	5,2	11,5	-28,1	5,9	8,5
Лесное хозяйство	-41,4	-27,4	-53,8	-38,2	4,0	6,0
Промышленность (в т.ч. добывающая)	-9,7	-2,5	34,2	54,5	1,2	6,0
Энергетика	15,8	-10,0	-26,4	27,1	5,3	2,0
Строительство	6,9	29,1	-30,7	37,2	46,9	23,0
Торговля	26,3	-16,0	17,3	-0,9	-4,4	5,0
Транспорт и коммуникации	-15,0	23,3	13,3	-0,9	-4,4	5,0
Другие услуги	-4,9	1,3	8,0	6,9	-4,0	5,0

Основу экономики Судана по-прежнему составляет сельское хозяйство, доля которого в ВВП колебалась в пределах 40% в период 1992/93 – 1998 гг., а доля торговли и услуг (в значительной степени также связанных с сельским хозяйством) – 46%. В 1997–1998 гг. наметились некоторые признаки диверсификации экономики, поскольку вклад промышленности и строительства в ВВП хотя и незначительно, но вырос – с 7,6 и 4,9% в среднем в 1992/93 – 1996 гг. до 10 и 7,5% в 1997–1998 гг. В результате доля торговли и услуг сократилась с 44,7% в 1992/93 гг. до 36,4% в 1997–1998 гг., что видно из следующих данных:[2]

Структура ВВП Судана в 1992/93–1998 гг. (%)

Статьи	92/93	93/94	94/95	1996	1997	1998
					Прогноз	
ВВП	38,3	41,1	40,5	37,1	40,5	39,3
Сельское хозяйство	16,8	19,8	19,9	22,9	26,5	24,8
Технические с/х культуры	11,4	8,4	12,2	9,6	12,4	10,0
Традиционные с/х культуры	4,0	3,7	4,0	4,0	4,6	3,6
Орошаемое земледелие	7,4	4,7	8,2	5,6	7,9	6,3
Земледелие на богарных землях	5,3	11,4	7,8	13,3	14,1	14,8
Другие культуры	1871	19,3	19,7	13,6	13,5	14,0
Животноводство	2,9	2,0	0,9	0,5	0,5	0,5
Лесное хозяйство	5,5	5,3	6,5	9,6	9,1	9,2
Промышленность (в т.ч. добывающая)	1,2	1,0	0,7	0,9	0,8	0,8
Энергетика	4,7	6,0	3,8	5,0	6,9	8,1
Строительство	28,0	23,1	24,9	23,7	21,2	21,2
Торговля	5,7	6,9	7,1	6,8	6,1	6,1
Транспорт и коммуникации	16,7	16,6	16,5	16,9	15,2	15,2

Источник: Департамент статистики; оценка МВФ.

Данные подсчитаны по финансовым годам до 1995 г. Далее – по календарным годам.

Такие позитивные изменения, по мнению зарубежных специалистов, явились результатом финансовой стабилизационной программы, проводимой в 1997–1998 гг. Уровень инфляции снизился до 8,9% в 1998 г. по сравнению с 31,9% в 1997 г. и 114% в 1996 г.[3] Дефицит платежного баланса по текущим платежам (исключая государственные трансферты и импорт оборудования, связанный со строительством нефтепровода) также сократился с 7,6% ВВП в 1996 г. до 4,1% в 1998 г., что явилось главным образом результатом увеличения частных переводов и стоимости экспорта.

Быстрое сокращение инфляции, увеличение доходов по банковским депозитам и относительная стабильность валютного рынка способствовали усилению деловой активности и привлечению частных инвестиций в промышленность и строительство. В сельском хозяйстве также наблюдались позитивные изменения, выразившиеся в том, что доля нетрадиционных культур в общей стоимости сельскохозяйственного производства увеличилась с 14% в 1992/93 гг. до 36% в 1998 г., отражая политику либерализации, отменившую контроль над ценами и различные ограничения на выращивание определенных видов сельскохозяйственной продукции.

В аграрной области создается 2/5 ВВП и занято около 80% экономически активного населения. От ее состояния зависят благосостояние и продовольственная безопасность населения. Сельское хозяйство – основной источник экспорта и ключевая детерминанта платежного баланса. Однако огромные ресурсы пахотных земель и пастбищ, а также водных ресурсов используются далеко не полностью. Так, площадь пахотных земель оценивается в 200 млн. федд., но из них обрабатывается всего 40 млн. Остальное – леса, пастбища и пустыни. Орошаемые земли занимают около 4 млн. федд. В последние годы этот потенциал стал использоваться более активно благодаря проведению политики стабилизации и структурных реформ. Темпы прироста сельскохозяйственного производства составили 5% в период с 1993/94 г. по 1998 г. Объем экспорта сельскохозяйственной продукции возрастал в среднем на 7% в год.

Одной из основных причин улучшения положения в сельском хозяйстве в 1997–1998 гг., по мнению экспертов МВФ, были преобразования в финансовой и торговой сферах. После реформирования валютного рынка в 1997 г. значительно сократилась разница между официальным курсом и курсом параллельного рынка. В результате, несмотря на заметное снижение мировых цен на сельскохозяйственное сырье за последние несколько лет, производительность, особенно в экспортных отраслях, увеличилась.

Кроме того, государство упростило налогообложение сельскохозяйственных производителей. Федеральное правительство приняло решение, согласно которому общий налог (включая государственный и местные налоги) был установлен в 20% для механизированного земледелия на богарных землях и 15% для сектора орошаемого земледелия, что было намного меньше, чем раньше (30–40%)[4].

Улучшению положения в сельскохозяйственном секторе способствовало и увеличение финансирования. На протяжении многих лет денежные поступления обеспечивались в основном за счет средств государственного бюджета через Сельскохозяйственный банк, Корпорацию механизированных ферм на богарных землях или другие крупные корпорации, а их деятельность координировалась Высшим государственным комитетом. Но при свободном доступе к иностранной

валюте финансирование не является более одним из способов воздействия на сельскохозяйственных производителей, которые получили большую свободу действий. Импорт сельскохозяйственной продукции был либерализован и осуществляется ныне в основном частным сектором.

В последние несколько лет были предприняты меры и в отношении либерализации сбыта сельскохозяйственной продукции и цен на нее. После приватизации Суданской хлопковой компании (кооперации фермеров, закупавшей около 60% производимого хлопка) все сельскохозяйственные культуры сбываются частными торговцами, за исключением гуммиарабика, где участвует государство, и сырья для сахарной промышленности, сбыт которого осуществляется государственной компанией. Государство периодически закупает сорго для пополнения стратегических запасов, а также продает его.

Результатом политики либерализации явилось приближение цен на сельскохозяйственную продукцию к мировым. Цены на сорго, земляной орех, сезам, подсолнечник, просо устанавливаются на аукционах в местах их произрастания, в то время как цены на хлопок, пшеницу, гуммиарабик – на основе мировых цен с учетом их транспортировки и расходов по обработке. В отношении пшеницы любая прибыль делится в соотношении 30:70 между государством и фермерами. В случае убытка его покрывает сбытовая организация. Естественно, что колебания мировых цен оказывают противоречивое влияние на цены, по которым суданские производители реализуют свою продукцию на внешних рынках.

Как известно, в сельском хозяйстве Судана, согласно местной классификации, выделяются следующие секторы: орошаемое земледелие, механизированное земледелие на богарных землях, традиционное земледелие и скотоводство[5]. Первые два сектора до начала реформ 90-х годов давали 65% всей сельскохозяйственной продукции страны, на них приходилось свыше 70% всех капиталовложений в отрасль, основная масса современной сельскохозяйственной техники и кредитов, в то время как традиционный сектор продолжал оставаться на низком уровне агротехнического и социально-экономического развития[6]. Фонд орошаемых земель составляет 4 млрд. федд., или около 10% всех сельскохозяйственных угодий, он дает половину всего объема продукции (исключая животноводство и лесное хозяйство). Здесь производятся в основном культуры, обладающие высокой стоимостью (хлопчатник, пшеница), а урожайность других культур выше, чем на богарных землях. Однако реально темпы роста здесь ниже, чем в других секторах.

В орошаемом секторе преобладают крупные хлопководческие хозяйства (Эль-Гезира, Эль-Манакиль), которые до сих пор обеспечивают основные потребности страны в иностранной валюте. Ранее они принадлежали государству (например, Эль-Гезира – административной компании Гезира Борд Корпорейшн), а крестьяне были наделены участками на основе долгосрочной аренды. Государство контролиро-

вало все аспекты экономической жизни, включая определение севооборота, финансирование и предоставление кредитов фермерам, очистку хлопка, его сбыт, ценообразование, т.е. его функции сводились к управленческим, сбытовым, финансовым и кредитным.

В последние годы роль государства в орошаемом секторе сильно уменьшилась. Такие сельскохозяйственные корпорации, как Судан Гезира Борд, больше не контролируются полностью государством, все более активную роль в управлении играют объединения фермеров. Более того, управление децентрализовано (только в Эль-Гезире имеется 16 независимых подразделений), все больше решений принимается на основе консультаций с фермерами, в частности, в отношении севооборота. Различные услуги фермерам (такие как техническое обслуживание, поддержка в должном состоянии каналов, связь, хранение и транспортировка продукции) осуществляются ныне частным сектором. Государственные ведомства практически прекратили финансирование ирригационных сооружений.

Следует отметить, что уменьшение роли государства в секторе орошаемого земледелия негативным образом сказалось на состоянии инфраструктуры. Ухудшились качественные параметры оросительных каналов, многие из них покрылись слоем ила. В 1997/98 г. резко уменьшилась обрабатываемая площадь. Дальнейшее ее сокращение продолжалось и в 1998/99 г. после сильной засухи. Более всего от ухудшения состояния ирригационной системы пострадала основная экспортная культура – хлопчатник. Площади под ним сократились с 534 тыс. федд, в 1995/96 г. до 386 тыс. в 1997/98 г., а сбор – соответственно с 300 тыс. т до 234 тыс. т[7]. Кроме того, хлопчатник повсеместно заменялся пшеницей, что явилось отражением политики, направленной на сокращение импорта продуктов питания и обеспечение продовольственной безопасности. Однако и под пшеницей – второй влаголюбивой культурой – посевная площадь также сократилась в пользу культур, требующих меньше воды для полива – сорго и земляного ореха. Производство пшеницы в целом по стране снизилось с 642 тыс. т в 1996/97 г. до 535 тыс. т (т.е. на 17%), а посевная площадь под ней – соответственно с 809 до 646 тыс. федд.[8]

В связи с уменьшением роли государства в орошаемом секторе ухудшились и условия его финансирования. После прекращения прямого финансирования крупные комплексы стали испытывать трудности с оплатой закупок урожая, а коммерческие банки неохотно предоставляли кредиты в то время, когда производители нуждались в финансовых средствах. Крупные арендаторы в этих условиях использовали свободные сбережения как ростовщический капитал. Попытки правительства исправить ситуацию сдерживались недостатком средств в госбюджете. От недостаточного финансирования особенно пострадали организации, занимающиеся проведением научных исследований, а также борьбой с сельскохозяйственными вредителями.

Из-за указанных выше трудностей сбор хлопка и пшеницы, служащих основным источником прибыли, в последние годы находился в состоянии стагнации. Однако сбор сорго, земляных орехов и других культур, требующих меньше воды для орошения, продолжал устойчиво увеличиваться. Это сдерживало рост прибыли (добавленной стоимости) в сельском хозяйстве в целом. Сами фермеры отреагировали на эти трудности переходом на выращивание в основном нетрадиционных культур, включая фрукты и овощи, а также разведение скота, чем компенсировали неблагоприятные условия для экономического роста в секторе орошаемого земледелия.

В богарном земледелии в 60–70-е годы усиленно создавались механизированные фермы, хотя повсеместно использовались и традиционные методы хозяйствования. Ныне в нем доминируют частные хозяйства, средний размер которых составляет около 1 тыс. федд., хотя имеются отдельные хозяйства площадью 200–300 тыс. федд. На крупных механизированных фермах выращивают сезам, сорго, подсолнечник, коротковолокнистый хлопок, на небольших фермах – сорго, земляной орех, каркаде, собирают гуммиарабик.

Несмотря на значительные ассигнования на развитие этого сектора и существенное расширение обрабатываемых площадей в течение последних десяти лет, сбор основных культур здесь не превышал уровня 80-х годов. Снижение мировых цен на сырье негативно влияло на доходы фермеров, а экстенсивные методы хозяйствования (в основном за счет расширения обрабатываемых площадей) вели к деградации окружающей среды. Развитие сектора богарного земледелия сдерживалось также отсутствием достаточного финансирования. Лишь немногие фермеры имели доступ к кредитам коммерческих банков. Ресурсы Сельскохозяйственного банка, которыми пользовались в основном мелкие фермеры, не могли удовлетворить всех их потребностей в денежных средствах.

Из-за отсутствия действенного регулирующего механизма в этом секторе, недостаточного финансирования, а также нерегулярных осадков урожаи основных культур сильно колебались по годам, а доходы беднейших крестьян вследствие низких закупочных цен сильно уменьшились. В 1997/98 г. посевные площади под сорго и сезамом сократились, но увеличились посевы и сбор проса и земляного ореха.

В наибольшем выигрыше от валютной реформы оказался сектор животноводства. Экспорт скота с 1994/95 г. возрастал более быстрыми темпами (за исключением 1996 г.), чем ВВП. Улучшению положения в этом секторе способствовало также выпадение обильных осадков в августе – сентябре 1998 г., приватизация некоторых подсобных служб, продвижение на орошаемые земли и применение ротационной системы выпаса скота в мелких хозяйствах.

Ситуация в обрабатывающей промышленности после принятия Акта о поощрении инвестиций, либерализации цен и приватизации

предприятий госсектора оставалась довольно сложной. В некоторых отраслях производственные мощности по-прежнему использовались всего на 50–60%. Тем не менее результатом налоговой и валютной реформ стало некоторое увеличение инвестиций национального капитала в кожевенные предприятия, в агропромышленные комплексы, а также иностранных инвестиций в нефтяную промышленность.

Темпы роста в промышленности за период 1992/93 – 1998 гг. составляли в среднем 14%. В результате доля промышленности в ВВП (включая добывающую) увеличилась за соответствующий период с 5,5% до 9,2%. Наибольший вклад в это увеличение внесла обрабатывающая промышленность, что видно из следующих данных:

Динамика вновь созданной стоимости в отдельных отраслях промышленности в 1992/93 – 1998 гг.

(в постоянных ценах, млрд. суд. ф.)

Годы	1992/93	1994/95	1998
Промышленность,	516	675	1118
в т.ч. горнодобывающая	12	13	105
Обрабатывающая,	504	662	1013
в т.ч. пищевая и производство безалкогольных напитков	301	193	229
Мукомольная	72	41	35
Производство сахара	72	65	88
Производство растительных масел	121	60	78
Слабоалкогольные напитки	37	27	29
Текстильные изделия и одежда	42	39	230
Ткани	31	13	14
Обувь	12	25	216
Другие потребительские товары	21	25	34
Сигареты	14	22	31
Покрышки	7	3	2
Товары промежуточного спроса	44	91	
Цемент	6	8	23
Нефтепродукты	39	83	67

Источник: Sudan: Recent Economic Developments, IMF Staff Country Report № 99/53. Wash. June 1999.

Как видно из приведенных данных, наибольший вклад в увеличение стоимости промышленного производства внесли пищевая отрасль, а также производство безалкогольных напитков, сахара, растительных масел, одежды, обуви, нефтепродуктов, цемента. Страна полностью обеспечила себя сахаром, что позволило сохранить значительные валютные средства, затрачиваемые на его импорт. Горнодобывающая промышленность внесла весомый вклад в увеличение темпов роста промышленности в целом, особенно в 1996 г. Увеличению объемов производства в этой отрасли способствовал рост добычи золота совместными с иностранным капиталом компаниями. Резко снизилось производство муки, хлопчатобумажных тканей. Снижение мировых цен на нефтепродукты в 1997–1998 гг. сделало более выгодным их импорт, а объем вырабатываемых внутри страны нефтепродуктов сократился с 694 тыс. т в 1996 г. до 411 тыс. т в 1998 г. Мощности трех нефтеперегонных заводов составляют 8 тыс. барр. в день. Изменения в торговле нефтепродуктами произошли в 1997 г., когда частному сектору было разрешено участвовать в их импорте и распределении. Ранее снабжение нефтепродуктами осуществляла Государственная нефтяная корпорация (ныне Судан Петролеум Корпорейшн – СПК). В 1998 г. из общей стоимости импорта нефти в 256 млн. долл. на долю СПК (самостоятельно или совместно с другими компаниями) пришлось всего 40%. Платежи Банка Судана за импорт нефтепродуктов сократились с 234 млн. долл. в 1996 г. до 80 млн. в 1998 г. Это сопровождалось увеличением финансирования со стороны частных торговцев, которые закупали экспортные культуры, чтобы за счет их продажи получить иностранную валюту, необходимую для оплаты импорта нефтепродуктов.

Одновременно правительство отменило субсидии на нефтепродукты внутри страны. В начале 1997 г. цены на них увеличились из-за отмены субсидий, а также введения косвенного налога, заключенного в цене, для пополнения доходов госбюджета. В августе 1997 г. цены вновь выросли и не снижались, даже несмотря на падение мировых цен. За счет разницы между внутренними и мировыми ценами на нефтепродукты правительство получило дополнительные доходы в госбюджет.

Однако все эти меры носят временный конъюнктурный характер и не могут решить проблему дефицита торгового и платежного балансов. Более надежным источником пополнения доходов государственного бюджета должен стать для Судана экспорт нефти, а в перспективе и нефтепродуктов. Доказанные запасы нефти в стране составляют 450 млн. барр, а предполагаемые – еще 350 млн. В конце 1999 г. был введен в строй нефтепровод от месторождения на юге до Порт-Судана, сооруженный международным консорциумом, состоящим из компаний Китая, Малайзии, Канады, Италии, Германии, Великобритании и Аргентины. Пропускная способность нефтепровода – 250 тыс. барр. в день, его строительство обошлось в 1 млрд. долл.

Производство нефти на конец 2001 г. составило 450 тыс. барр. в день. Для переработки добываемой нефти в Хартуме сооружен новый нефтеперегонный завод стоимостью 600 млн. долл. В результате развития собственной нефтяной промышленности Судан сможет не только полностью обеспечить свои потребности в нефтепродуктах (которые составляют 1,5 млн. т), но и направлять часть добываемой нефти на экспорт, что позволит смягчить проблему дефицита платежного баланса.

Но для этого необходимо прекращение войны между Севером и Югом Судана. Определенные силы подогревают сепаратистов, действующих на юге страны. В результате отделения южного Судана нефтяные месторождения могут перейти под полный контроль транснациональных корпораций, а Северный Судан лишится доходов от экспорта нефти. Поэтому необходимо достижение политической стабильности в стране. Благоприятные перспективы в этой связи открываются в связи с заключенным в июле 2002 г. мирным соглашением между правительством Судана и руководителем НОАС (Национально-освободительной армии Судана) Джоном Гарангом.

Трудноразрешимую проблему для Судана представляет постоянный рост внешней задолженности. Объем внешнего долга увеличился с 3,1 млрд. долл. (58% к ВВП страны) в 1980 г. до 19,8 млрд. (280% к ВВП) в 1995 г. и до 22,4 млрд. (255% ВВП) в 1998 г. На конец 1998 г. 57% долгов составляли кредиты, предоставленные на двусторонней основе, 19% – на многосторонней и остальное – задолженность коммерческим банкам и кредиты на импорт товаров. Свыше 65% долгов странам – не членам Парижского клуба приходилось на Саудовскую Аравию и Кувейт. Среди кредиторов Парижского клуба, предоставивших кредиты на двусторонней основе, первое место занимали США (почти четверть всех кредитов), далее следовали Великобритания и Франция (14 и 13% соответственно). Сумма накопившихся к выплате процентов по внешнему долгу также увеличилась с 18,3 млрд. долл. в конце 1995 г. до 19,3 млрд. 1998 г.[9]

Задолженность по контрактам, включая проценты и суммы к выплате, также увеличилась с 1,2 млрд. долл. в 1995 г. до 4 млрд. в 1998 г., или со 175% от общей стоимости экспорта товаров и услуг до 224% соответственно. Исключая просроченные платежи по обслуживанию внешнего долга, которые в 1998 г. составили 1 млрд. долл., норма этих платежей оценивается в 55% всех экспортных доходов Судана. Фактические же платежи по обслуживанию внешнего долга по сравнению с контрактными обязательствами были невелики: в период 1995–1998 гг. они составляли (включая платежи Фонду) в среднем 64 млн. долл. (около 10% стоимости экспорта товаров и услуг). Из них 55,6 млн. долл. выплачивались Фонду, что равнялось 86% общей суммы платежей. В результате суммы выплат по контрактам и процентов по ним накапливались как просроченные платежи. Поскольку в МВФ с 1995 г. выплаты осуществлялись ежегодно, то сумма не-

уплаченных в срок процентов сократилась с 1186,7 млн. СДР в 1995 г. до 1145 млн. СДР в 1998 г. МВФ в 1997 г. подписал с Суданом соглашение, по которому основным условием предоставления последнему финансовой помощи было повышение темпов экономического роста и снижение уровня инфляции. В 1998 г. после изучения состояния суданской экономики комиссия МВФ одобрила программу социально-экономического развития на 1998–2003 гг., основными целями которой были увеличение темпов роста ВВП до 6% в год, снижение годового уровня инфляции до 5%, увеличение частных накоплений и инвестиций в экономику страны.

Однако достижение указанных целей в условиях неспособности Судана погашать свои долговые обязательства за счет экспортных доходов и внешней финансовой помощи ввиду напряженности мировой финансово-кредитной системы представляется маловероятным. Суданское правительство возлагало большие надежды на приватизацию в плане решения финансовых проблем. На первом этапе было приватизировано 50 государственных объектов во всех секторах экономики, включая банковское дело, туризм, торговлю, сельское хозяйство, промышленность, транспорт и связь. Но цели приватизации, заключающиеся прежде всего в получении денежных средств в госбюджет, не были достигнуты. Основными причинами стали отсутствие необходимой информации о приватизируемых объектах, стоимости их основных фондов, техническом состоянии и т.д. В результате многие предприятия были проданы по цене, намного ниже их реальной стоимости. Так, компания по производству упаковочных материалов "Голубой Нил" была продана за 61 млн. суд. ф. и 5,2 млн. долл., из коих 20,6 млн. суд. ф. и 5,2 млн. долл. были направлены на покрытие долгов. Прядильный комбинат «Бур Судан» был продан за 30 млн. долл., которые все пошли на выплату долгов. То же самое произошло при продаже Хартумского кожевенно-дубильного комбината. При проведении приватизации не были обеспечены гарантии работающим на предприятиях по предоставлению им рабочих мест, что вело к усилению социальной напряженности в стране.

Тем не менее МВФ в качестве основного условия предоставления финансовой помощи выдвигает необходимость проведения дальнейшей политики либерализации экономики, внешней торговли, банковского дела. Но, как вынужден был признать бывший президент Всемирного банка Иосиф Е. Штиглиц в интервью, опубликованном в приложении к газете «El Paris» 23 июня 2002 г., «… либерализация финансовых рынков вела не к экономическому росту, а к дестабилизации экономики. Нам было известно, что экономическая наука не советовала этого делать, однако МВФ продолжал добиваться именно такой либерализации. Его мотивы при этом были чисто идеологическими и политическими». Тем не менее Судан вынужден проводить политику в том виде, как она представляется руководству междуна-

родных финансовых структур. Безусловно, это есть скрытая форма давления на страну. Однако в сложившихся обстоятельствах это, возможно, единственный способ получить финансирование под развитие, которое в противном случае будет неустойчивым.

[1] Sudan: Recent Economic Developments IMF Staff Country Report № 99/53. Wash. June 1999, с. 60.

[2] Там же.

[3] Ат-Такрир ас-санавий ли Банк Омдурман. Омдурман, апр. 1998 (ар.).

[4] Sudan: Recent…

[5] См. Страны Северной Африки. Национальный частный сектор. Тенденции 70–80-х годов. – М., 1990.

[6] Sudan. Country Profile 1987–88. IEU. L. 1987; с. 19; 1988–89, L. 1988, с. 20.

[7] Sudan: Recent… с. 68–71.

[8] Аль-Арб Аль-Иктисадия, 1997/98. – Хартум, 1998.

[9] Sudan: Recent… с. 53; The Middle East and North Africa. 2000. L. 2000, с. 1055–1056.

И.Е.Федорова

АМЕРИКАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПАТОВАЯ СИТУАЦИЯ ИЛИ ОБЕЩАЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

20 марта 2000 г. влиятельный иранский политик, секретарь Совета по целесообразности принимаемых решений Мохсен Резаи приветствовал решение администрации США о смягчении торговых санкций в отношении Ирана и заявил, что наступающий новый год будет иметь большое значение в развитии связей между двумя странами. «1979 год будет важным годом для ирано-американских отношений, – предрекал он, – предлагаемые США меры свидетельствуют о новой главе в американской политике в Иране».

Представляется, что подобный прогноз был несколько преждевременным. Новый год не принес сколько-нибудь существенных перемен. По-прежнему Иран, не признающий Израиль со дня победы исламской революции в 1979 г., выступал против мирного процесса на Ближнем Востоке под патронажем США. Так, в речи перед иранскими дипломатами, работающими за рубежом, руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи полностью исключил возможность восстановления отношений с США, увязывая этот вопрос, в частности, с попытками американской администрации оказать влияние на процесс ближневосточного урегулирования. Он обрушился с критикой на Белый дом и обвинил американских политиков в том, что они пытаются навязать региону свою волю. Приоритетным направлением в деятельности дипломатов аятолла Хаменеи назвал развитие связей со странами Азии, в первую очередь исламскими, и противостояние сионистскому режиму и Соединенным Штатам, которые его поддерживают.

Необходимо отметить, что в Исламской республике Иран по этому вопросу совпадают точки зрения как политиков с консервативными взглядами, к которым принадлежит аятолла Али Хаменеи, так и сторонников либеральных реформ, к которым можно отнести президента Ирана Мохаммада Хатами и министра иностранных дел Камаля Харрази. Президент Хатами на встрече с Ясиром Арафатом поддержал действия палестинцев и подчеркнул, что проблемы палестинцев остаются проблемами для всего мусульманского мира, и Иерусалим должен находиться в сфере влияния палестинцев. Помимо этого, он призвал к единству действий все заинтересованные страны и направил специальные делегации в мусульманские страны для координации позиций по этому вопросу.

Официально пути разрешения ситуации на Ближнем Востоке Иран видит в широком привлечении международных организаций. Так, представители Ирана неоднократно обращались к генеральному секретарю ООН с просьбой направить войска ООН на палестинские территории, призывали к размещению там международных наблюдателей и организации международного трибунала. 22 декабря 2000 г. в ознаменование международного дня Иерусалима по всей стране прошли митинги в поддержку борьбы палестинского народа за свои права. А в апреле 2001 г. в Тегеране была проведена международная конференция в поддержку палестинцев, очевидно, для того, чтобы активизировать финансовую и моральную помощь для продолжения их борьбы.

С другой стороны, обвинения Соединенных Штатов Америки в том, что Иран поддерживает террористические организации, не признающие мирные пути разрешения ближневосточного кризиса, имеют под собой все основания. Представляется возможным отметить, что, хотя Исламская республика Иран и Соединенные Штаты Америки осуждают терроризм в целом, то понимание, какие страны или организации можно и следует обвинить в терроризме, а какие представить как сторонников освободительного движения, принципиально различно. Примером этому служат разногласия по поводу отношений Ирана с организациями «Фатх» и «Хизбалла».

Важнейшим событием, повлиявшим на политическую ситуацию во всем мире и, в первую очередь, в азиатском регионе стали террористические акты в Америке 11 сентября 2001 г. Реакция Ирана на них была достаточно взвешенной. Сразу же после взрывов Иран осудил эти акты. Министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази, выступая после возвращения из Каира, подчеркнул, что Исламская Республика Иран, понесшая большой ущерб от терроризма, поддерживает необходимость международной борьбы против него. Однако, по мнению министра, акции мирового сообщества должны быть хорошо организованы, скоординированы и разумны. Под этими словами он имел в виду, что ООН является именно той организацией, которая найдет средства для искоренения терроризма. При этом министр высоко оценил общую позицию Ирана, Сирии, Ливана и Египта в определении терроризма и борьбы с ним.

Иран с самого начала выступал против военной акции США в Афганистане, предоставившем убежище Усаме бен Ладену, которого Вашингтон считает главным подозреваемым в совершении террористических актов. Иран осудил эти акты, потому что они подвергали опасности жизнь гражданского населения. При этом официальные иранские лица подчеркивали, что Иран будет противостоять использованию своего воздушного пространства во время воздушных ударов по Афганистану. Необходимо отметить, что во время войны в Персидском заливе США неоднократно нарушали воздушное пространство Ирана, что, по их словам, происходило «по ошибке пилотов». Во время военных действий

Иран неоднократно призывал покончить с бомбардировками Афганистана, которые ведут к человеческим жертвам.

Однако, очевидно, ожидая некоторого изменения и смягчения позиции США в отношении своей страны, руководство Ирана пошло на необычные меры, продемонстрировав готовность улучшить отношения с США. Министерство иностранных дел ИРИ предложило проводить поисково-спасательные операции в случае, если будут сбиты американские летчики, и разрешило США разгружать в иранских портах 165 тыс. т американской пшеницы с тем, чтобы затем это продовольствие на грузовиках доставлялось на северо-восток Ирана афганским беженцам. Представляется, что для Ирана крайне важно, чтобы его порт Бендер Аббас стал центральным пунктом распределения американской продовольственной помощи, направляемой в Афганистан.

Официальные дипломатические контакты Ирана с США в рамках организации «Шесть плюс два» осуществляются через комитет по борьбе с распространением наркотиков. Возможное расширение круга обсуждаемых вопросов и создание комитета для решения проблем, связанных с терроризмом, могло бы создать канал для американо-иранских переговоров о поддержке Ираном организаций «Хамас» и «Хизбалла».

В Афганистане Иран поддерживал представителей Северного альянса и официально признавал факты поставок им оружия. Однако после начала конфликта ИРИ полностью не исключала возможности контактов с движением Талибан, о чем свидетельствовал в октябре 2001 г. визит делегации высокопоставленных талибов в Иран. В основном переговоры шли вокруг проблемы двух миллионов беженцев, присутствие которых создает существенные неудобства для Ирана. Делегация посетила Иран по приглашению иранского духовного лидера Али Хаменеи. Однако присутствие в составе делегации не только министра по проблемам репатриации в администрации талибов муллы Абдуллы Рахиб Тахари, но и заместителя министра иностранных дел говорит о том, что спектр обсуждавшихся вопросов мог быть весьма широким.

В целом Иран осуждал как американские бомбардировки Ирана, так и религиозный фанатизм талибов.

К моменту начала операции США в Афганистане основные направления, по которым намечались контакты и по которым сохранялись противоречия, оставались неизменными. Контакты между Вашингтоном и Ираном шли и в рамках народной дипломатии – одного из примеров претворения в жизнь так называемого «диалога цивилизаций», объявленного президентом Хатами. Еще до 11 сентября 2001 г. ведущие иранские политические деятели, включая министра иностранных дел Камаля Харрази, побывали в США на неофициальных встречах с учеными, бывшими должностными лицами, членами Конгресса и руководителями компаний. США откликнулись на эту инициативу

Ирана, и администрация Б.Клинтона приняла решение расширить контакты с Исламской республикой Иран в научной, культурной, спортивной областях, а также по линии неправительственных организаций. Среди других мер по укреплению доверия можно назвать программу Гарвардского университета, на основе которой иранские государственные служащие среднего звена посещают США для участия в семинарах, проходящих в этом университете. Помимо этого, США включили действующую в эмиграции оппозиционную режиму в Тегеране организацию в свой список террористических организаций. В области экономики в марте 2000 г. Вашингтон отменил запрет на импорт ряда иранских товаров: ковров, икры, орехов, сухофруктов.

При этом антиизраильская позиция руководства Ирана, поддержка террористических организаций, подозрения США в том, что Иран разрабатывает ряд научных и промышленных программ, направленных на производство оружия массового уничтожения, по-прежнему являются камнем преткновения в американо-иранских отношениях. Они влияют на сохранение экономических санкций в отношении Ирана, запрет на инвестиции в эту страну и замораживание иранских авуаров. Если во время администрации Б.Клинтона, как мы уже говорили, произошло некоторое ослабление санкций против Ирана, то с приходом Д.Буша в Белый дом позиция США стала даже более жесткой. Несмотря на то, что ряд ведущих американских политиков и представителей нефтяных компаний считал, что экономические санкции против Иран невыгодны самим США, они были продлены президентом Бушем так же, как был продлен еще на пять лет Акт 1996 года о санкциях против Ливии и Ирана.

Например, против сохранения санкций в отношении Ирана выступал вице-президент Дик Чейни, когда он был президентом влиятельной Хэлибертон компани. А авторитетный Атлантический совет США рекомендовал среди других мер улучшения отношений с Ираном ослабление экономических санкций, поскольку они противоречили американским интересам, так как фактически предоставляли преимущества компаниям других стран. При этом США стараются не допустить расширения влияния Ирана в регионе, выступая против активного участия ИРИ в деле восстановления Афганистана. Считая массированные бомбардировки Афганистана нормой международных отношений, они обвиняют Иран во вмешательстве во внутренние дела Афганистана. При этом Белый дом игнорирует официальные опровержения такого вмешательства, данные министром иностранных дел Афганистана Абдулло Абдуллой. Иран, в свою очередь, ссылаясь на географическую и культурную близость с Афганистаном и опираясь на контакты с лидерами Северного альянса, стремится расширить сферу своего влияния.

Указанные действия администрации США вызвали решительное осуждение в Иране и были расценены как отсутствие искреннего и

серьезного желания улучшить отношения с Тегераном. Вопрос об эффективности санкций не имеет однозначного ответа. Напомним, что они были введены в 1995 г. Иранская сторона считает, что Вашингтон не достиг того, чего хотел достичь, что они не имели успеха. По мнению официального представителя иранского МИД Хамида Реза Асефи, причиной просчета США явилось то, что у Ирана имелись богатые людские и экономические ресурсы, а также то, что Иран сохранил обширные экономические связи, в том числе, с союзниками США. При этом географическое положение Ирана обеспечивает ему позицию геополитического центра, который находится на «восточном, западном и южном перекрестках». Представитель иранского МИД указал, что санкции противоречат международным нормам и что Иран осуждает их. После введения санкций, по его словам, у Ирана возникла уверенность в собственных силах, и он приступил к поиску альтернативных экономических связей. Укрепление контактов Ирана с европейскими странами, со странами Персидского залива, восточной Азии, с Россией и другими государствами является достаточным подтверждением этому.

Представитель иранского МИД обусловил возможное восстановление американо-иранских отношений позицией правительства США по отношению к Ирану, которая должна исходить из принципов взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела Ирана. Асефи сказал, что если однажды Вашингтон решит развивать отношения с Ираном на равных условиях и как с суверенным государством, то, возможно, это будет означать некоторый прогресс, однако Иран убежден, что сегодня политика Вашингтона по отношению к Ирану далека от такого подхода.

Ряд американских политологов считают позицию администрации Д.Буша в отношении переговоров с Ираном неправильной и предлагают пересмотреть ее. В этой связи представляется целесообразным остановиться на точке зрения известного американского ираниста иранского происхождения, профессора университета в штате Виргиния Р.Рамазани[1]. Он считает, что настало время пересмотреть политику США в отношении Ирана. При этом он выделяет несколько факторов, которые должны оказать влияние на планирование и изменение американского курса: политические, культурные, социоэкономические, идеологические и международные. Профессор считает, что представление о внутриполитической ситуации в Иране как о простом противостоянии клерикально-консервативных кругов, относящихся к Америке как к «Большому Сатане», и либералов-реформаторов, стремящихся установить тесные связи с США, является крайне примитивным. Проблема, по мнению Р.Рамазани, заключается в том, что границы между этими двумя группами достаточно размыты. «Далеко не все реформаторы умеренны и не все консерваторы воинственны, не все реформаторы источники света и не все консерваторы дети

тьмы. Необязательно сегодняшние реформаторы останутся реформаторами завтра, и не все консерваторы останутся консерваторами завтра. Также не все консерваторы – антиамерикански настроенные изоляционисты, и не все реформаторы – проамерикански настроенные интернационалисты». Помимо этого, он подчеркивает, что все они готовы торговаться, вести хитрую политическую игру и идти на компромиссы в борьбе за власть. Рамазани считает, что в этом смысле иранская внутренняя политика представляет собой «базарную политику», а не борьбу между двумя группировками. Упрощенный же подход приводит к тому, что многие американские политики безоговорочно относят верховного лидера Ирана к консерваторам в противопоставление президенту Хатами, не принимая во внимание иранских реалий, не учитывая того, что аятолла Хаменеи зачастую играет роль верховного арбитра в иранских делах и принимает сторону одной или другой группы в зависимости от обстоятельств.

По мнению ученого, подобный примитивизм в оценке иранской внутриполитической ситуации, механический перенос внутриполитических противоречий на внешнюю политику не позволяет объяснить многие поступки руководителей Ирана и ряд явлений в его внешней политике. В качестве примеров он приводит то, что аятолла Хаменеи поддержал инициативу президента Хатами установить отношения «народа Ирана с народом Америки» и дистанцироваться от экстремистов, требующих смертной казни Салману Рушди. В целом Р.Рамазани подчеркивает, что недопонимание сути положения в Иране, скрытых процессов в жизни иранской политической элиты, противопоставление аятолы Хаменеи и президента Хатами, упрощенный перенос отголосков внутриполитической борьбы в Иране на его внешнюю политику сформулировали ошибочные выводы речи М.Олбрайт от 17 марта 2000 г., в которой однозначно приветствовались реформаторы во главе с президентом Хатами.

С точки зрения Р.Рамазани, общественное мнение как в Исламской Республике Иран, так и в Соединенных Штатах Америки готово к нормализации отношений. В подтверждение своих слов он приводит данные социологического опроса 2000 г. в Иране, согласно которому 55% опрошенных высказалось за восстановление отношений с США. Он считает, что во-первых этот процент еще выше, а во-вторых, на него повлияло то, что население Ирана более чем на 50% состоит из людей моложе 30 лет.

В то же время американский политолог, ссылаясь на данные опроса, проведенного в США американской организацией National Foreign Policy Association of America за 2000 г., подчеркивает, что 89% опрошенных американцев одобряют улучшение отношений с Ираном.

Р.Рамазани полагает, что кроме названных моментов при планировании американской политики следует иметь в виду, что Иран – это не оголтелая революционная страна, готовая послать межконтинентальные

ракеты на американский материк. Как обычная малоразвитая страна, Иран нуждается в американской помощи, чтобы развиваться в научном, культурном, технологическом и экономическом направлениях и занять достойное место в международном сообществе. Помимо этого, главный акцент в статье делается на то, что главный противник Ирана на международной арене – это не Соединенные Штаты Америки и Израиль, а – Ирак. Поэтому, по его словам, сейчас самое время действовать в соответствии со словами, произнесенными Бушем-старшим во время его инаугурации: «Добрая воля рождает добрую волю».

Безусловно, мнение американского ученого иранского происхождения представляет значительный интерес и для России, хотя и нет оснований полностью согласиться с ним. Кажется, что вопрос о том, является ли Израиль стратегическим противником ИРИ, а палестинские организации сопротивления ее стратегическими партнерами, не так однозначен, как его представляет Р.Рамазани. Может быть, в определенной степени руководство Ирана раздувает внешнюю угрозу, исходящую от Израиля, чтобы отвлечь внимание населения от внутренних проблем, но приоритетное направление развития отношений с мусульманскими странами пока не сходит с внешнеполитической повестки дня.

В целом представляется возможным сказать, что, несмотря на существование «народной дипломатии», официальные межгосударственные переговоры между США и ИРИ – дело будущего. И зависят они в первую очередь от изменения позиции ИРИ в отношении Израиля.

[1] R.Ramazani. Social and Political Developments in Iran // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Fall 2001. Vol. XXV, c. 62–71.

А.Н.Хайдер

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНА

После победы революции инвестиционная политика государства была направлена на повышение экономического, социального, политического и культурного уровня жизни общества. Сложные экономические задачи приходилось решать в условиях дефицита собственных финансовых и природных ресурсов и отсутствия связей с внешним миром. Раскол Йемена (имамат в северной части страны и колониальный режим на юге) отрицательно сказывался на проведении экономической политики вплоть до образования 22 мая 1990 г. единого йеменского государства. Раскол в течение долгого времени усугублялся различиями между обоими политическими режимами. В Йемене возникли две диаметрально противоположные концепции по всем жизненно важным вопросам, и в том числе, по проблемам инвестиционной политики и выборе путей экономического развития в целом.

На юге у власти находилась Йеменская социалистическая партия, и экономическая политика в этом районе основывалась на господстве государственного сектора. Повальная национализация полностью лишила национальный капитал возможности для инвестиций. Бизнесмены были вынуждены эмигрировать – главным образом на север страны. Господствовало централизованное планирование, а экономические проекты разрабатывались и осуществлялись исключительно государством. В результате экономическое положение ухудшалось, что усугублялось скудостью природных ресурсов и неэффективностью управления хозяйством. Экономическое отставание страны год от года усиливалось. Хотя инфляция в то время была минимальной, а национальная валюта отличалась стабильностью, развитие страны сильно сдерживалось проведением такой экономической политики, при которой государство, целиком контролировавшее хозяйственную жизнь, было не в состоянии последовательно наращивать материальную базу производства. Международному сотрудничеству уделялось большое внимание, но оно ограничивалось связями со странами социалистического лагеря. Сотрудничество же с богатыми соседними странами сводилось к отдельным проектам (строительство школ, создание предприятий в сфере услуг).

Прямо противоположную картину являла собой северная часть Йемена. Здесь проводилась рыночная экономическая политика, при

которой инвестиционные возможности предоставлялись как государству, так и национальному капиталу. Более широким было здесь и экономическое сотрудничество с внешним миром.

Отмеченные выше особенности периода, предшествовавшего воссоединению йеменского государства, служат своего рода историческим фоном, игнорируя который, трудно понять сущность сегодняшней экономической политики Йемена. Для нее характерны новые черты, что отвечает главной задаче – преодолеть тяжелые последствия раскола страны. В настоящее время государство придерживается более рациональной идеологии и философии и исходит из того, что проблемы развития единого Йемена, сдвиги, произошедшие на мировой арене, а также угрожающие стране вызовы диктуют необходимость проведения новой экономической политики, которая является предметом настоящего исследования.

Новизна современной хозяйственной политики Йемена определяется рядом моментов. Прежде всего речь идет об альтернативе обеим прежним моделям – той, которая претворялась в жизнь в северной части страны (имея, впрочем, много общего с нынешней), и той, которая господствовала на юге. Кроме того, следует говорить о кардинальных сдвигах, произошедших в последние годы на международной арене – сдвигах, оказавших влияние на экономическую политику многих стран, в том числе и Йемена, в результате чего экономическая теория, утверждавшая примат государственного и общественного секторов, потерпела поражение, а рыночная модель оказалась единственной альтернативой системе государственного хозяйствования. От прошлого страна унаследовала тяжелую экономическую ситуацию: структурные связи в экономике были нарушены, она страдала от бюджетного дефицита, нехватки природных ресурсов и неразвитости материально-технической базы. Тяжелым бременем легло на бюджет содержание ряда предприятий сферы услуг и промышленности, страдающих от нехватки финансовых ресурсов. К этому прибавилась нагрузка на госбюджет, вызванная объединением кадров госаппарата; давление на экономику оказало и возвращение в страну почти 1 млн. йеменцев, которые работали в странах Персидского Залива и вернулись в результате вспыхнувшей в августе 1990 г. войны в Заливе. Эти эмигранты, прежде являвшиеся одной из опор экономики, лишились своих сбережений, а поток переводов иссяк. По этим причинам, а также из-за ухудшения состояния финансов и падения курса национальной валюты инвестиционная политика Йемена нуждалась в корректировке и обновлении. С этой целью была разработана «Программа национального строительства и проведения политической, экономической, финансовой и административной реформы», в которой был определен курс на преобразования в целом ряде жизненно важных сфер. В Программе были намечены конкретные меры по нормализации положения в

производственной сфере и управлении экономикой. Новый подход, опирающийся на новые идеологические и политэкономические концепции, был определен и к проблеме инвестиций.

Указанная программа, утвержденная 15 декабря 1991 г., сводилась к следующим пунктам.

1. Частные и государственные инвестиции должны направляться на обновление, модернизацию и развитие человеческих и материальных ресурсов, обеспечение взаимосвязи между ними и гармоничное развитие всех отраслей национальной экономики.

2. Успех процесса инвестирования зависит прежде всего от предоставления равных возможностей всем членам общества и хозяйственным структурам, которым гарантируется защита собственности, а также предоставление гражданам свободы творчества и инициативы, интеллектуального труда.

3. Должен соблюдаться принцип демократического развития, который означает взаимодействие и сотрудничество между частными и государственными структурами в рамках стратегии развития.

4. Йемен намерен осуществить постепенную либерализацию экономики. Речь идет о повышении роли частного сектора и частных инвестиций в развитии экономики; роль государства при этом будет ограничиваться базовыми отраслями (средства сообщения, транспорт, образование, добыча нефти, металлургия и др.), которыми в принципе может заниматься только государство.

Йемен – развивающаяся страна, поэтому в его инвестиционной политике особое внимание уделяется индустрии. Большой объем инвестиций направляется именно в эту сферу, особенно в те отрасли промышленности, которые работают на местном сырье. Об этом свидетельствуют данные, относящиеся к первой половине 90-х годов.

Таблица 1

Динамика численности промышленных объектов (по отраслям) в 1990–1995 гг.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Добывающая промышленность	7	7	8	12	16	17
Пищевая промышленность	60	60	64	59	57	58
Текстильная и кожев.-обувная пром-сть	29	28	27	27	11	11
Деревообрабат. пром.	6	6	6	6	5	5
Бумажная пром-сть, печать, издат. дело	9	10	9	10	7	8
Хим. промышленность, нефтепереработка	48	50	50	48	43	45
Производство стройматериалов	17	18	20	18	18	18
Производство металлоизделий	23	27	27	27	19	21
ИТОГО:	199	206	211	207	176	183

Указанный период характеризовался ростом мировых цен на нефть. Поэтому ненефтяные отрасли промышленности заметно отставали в своем развитии от добычи полезных ископаемых, прежде всего нефти. Сейчас с падением цен на нефть положение меняется, и альтернативным отраслям экономики уделяется больше внимания.

Таблица 2

Число промышленных объектов (по формам собственности) в 1990–1995 гг.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Общественный сектор	46	48	48	51	42	36
Кооперативный сектор	8	8	8	8	–	2
Смешанный сектор	13	13	13	13	12	8
Частный сектор	132	137	142	135	122	137
ИТОГО:	199	206	211	207	176	183

Из табл. 2 видно, что после воссоединения страны число предприятий в общественном секторе сократилось, хотя еще не появились реальные возможности развития предпринимательства в негосударственной сфере. Инвестиционные проекты сосредотачиваются в основном в тех отраслях, которые работают на местном сырье. При этом растет число предприятий нефтедобычи; также обстоит дело с производством стройматериалов. Перерабатывающим отраслям стало уделяться более серьезное внимание. Так, лишь за первую половину 1996 г. и в одном только промышленном секторе лицензии главного комитета по инвестициям получили 49 проектов.

С 1991 г. в Йемене действует Закон № 22 «Об инвестициях», принятый в целях юридического обеспечения новой инвестиционной политики, организации и поощрения притока йеменского, арабского и иностранного капитала в приоритетные сферы экономики. Закон определяет все правовые аспекты инвестиционной деятельности, а также предоставляет инвесторам разного рода льготы и привилегии.

Закон состоит из 10 статей и 85 параграфов. Все они в своей совокупности отражают потребность страны в увеличении числа инвестиционных проектов и оптимальной организации инвестирования. К числу важнейших льгот, устанавливаемых законом, относятся следующие:

1) освобождение от таможенных пошлин и налогов, установление льготных дней и др.;

2) уравнивание в правах арабских и иностранных инвесторов, предоставление им права покупки или аренды земли и зданий;

3) освобождение предприятий от обязательной таксации и фиксации прибылей;

4) предоставление приоритета проектам, имеющим лицензию ГКИ; инвесторам гарантируется возможность вывоза за границу чистой прибыли, получаемой от эксплуатации проектов.

Предусматриваются и некоторые другие льготы, которые в прошлом не предоставлялись ни национальному, ни арабскому, ни иностранному капиталу.

В начале 1995 г. государство, столкнувшись с ухудшением экономической и финансовой ситуации, предприняло ряд мер по уменьшению бюджетного дефицита, изменению обменного курса валюты и установлению «плавающего» курса доллара. В середине того же года в рамках экономической и финансовой реформы правительство приступило к разработке плана развития на 1996–2000 гг.

Согласно пятилетнему плану, за государством оставалось управление экономикой в целом (в том числе, регулирование отношений, связанных с переходом к рынку), а также осуществление инвестиций в базовые сферы экономического развития: водные ресурсы, дороги, энергетику, железнодорожный транспорт, морские порты, систему образования, здравоохранение. Ограничение роли государства вышеперечисленными сферами отражает переход Йемена к новой экономической и инвестиционной политике. Кроме того, план предусмотрел ряд мер, вытекающих из необходимости государственного стимулирования частного сектора с тем, чтобы он смог занять надлежащее место в инвестировании капиталов во все отрасли промышленности, в сельское хозяйство, торговлю, транспорт и систему здравоохранения.

Снижение инвестиционной активности (особенно в сфере материального производства) было главной причиной, побудившей правительство принять меры к созданию условий, благоприятствующих притоку инвестиций, особенно частных. План поставил цель добиться прироста ВНП в среднем на 7,2% в год, что означает годовой прирост ВНП на душу населения на 3,5%.

Разрабатывая план, правительство рассчитывало на приемлемый результат в мобилизации средств для инвестиций. Речь шла примерно о 428,5 млрд. риалов. К этому следует добавить 4,4 млрд. долл., ожидавшихся от иностранных вложений в нефтегазовый комплекс и в проекты Аденской свободной экономической зоны. Согласно плану, ожидался 7%-й прирост в аграрном секторе и 8%-й – в промышленности; в других секторах ожидаемый прирост оценивался в 8,2%. Высокие темпы прироста объясняются низким исходным уровнем развития производства в стране.

Основные направления стратегии развития Йемена на ближайший период предусматривают реструктуризацию экономики, корректировку государственных расходов, сбалансирование госбюджета, уменьшение дефицита платежного баланса, либерализацию экономики и освобождение цен. Эта стратегия направлена на обеспечение

ускоренного экономического роста, создание предпосылок и условий, обеспечивающих устойчивые темпы развития.

В производстве нефти и газа и в горнодобывающей промышленности стратегия развития направлена на осуществление рационального инвестирования, гарантирующего стабильное использование ресурсов и увеличение объема производственных инвестиций. Так, в нефтедобывающей отрасли приоритет отдается разведке новых месторождений и повышению прибыли в валюте. С этой целью проводится работа по наращиванию объемов ежегодной добычи нефти, стимулированию инвестиций в бурение скважин и создание компаний, обслуживающих нефтедобывающую промышленность. Что касается добычи газа, запасы которого в Йемене, по оценкам, достигают трех триллионов куб. м, то в данной отрасли стратегия экономического развития предусматривает наращивание газодобычи для удовлетворения растущего спроса, использование газа в промышленных целях, увеличение объема экспорта газа на внешний рынок.

В горнодобывающей промышленности стратегия развития предусматривает разведку залежей различных полезных ископаемых и оценку экономической целесообразности их эксплуатации. Речь идет о запасах серебра, платины, урана, золота, меди, железа, а также материалов, используемых в промышленности и строительстве.

Аграрный сектор относится к числу важнейших секторов экономики. Модернизация сельского хозяйства, повышение уровня сельхозпроизводства, создание экспортных излишков продовольствия и развитие искусственного орошения – главные стратегические направления в данной области. В числе других направлений следует отметить намерение Йемена добиться самообеспеченности овощами и фруктами, а также зерном, уменьшение импорта и наращивание инвестиций в переработку сельскохозяйственной продукции.

Йемен относится к числу стран, богатых рыбными ресурсами. В настоящее время в стране добывается лишь ничтожная часть имеющихся запасов рыбы. Оптимальное использование рыбных богатств требует увеличения объемов лова и переработки рыбы как для удовлетворения внутреннего потребительского спроса, так и для экспорта рыбопродуктов на мировые рынки. С этой целью стимулируются все производства и предприятия, занятые в рыболовном секторе, и прежде всего те, что относятся к частным компаниям, предусматривается модернизация инфраструктуры рыбного хозяйства.

Промышленному сектору во всех слаборазвитых странах принадлежит авангардная роль в экономическом развитии. В условиях сегодняшнего Йемена перед этим сектором стоит задача стать главной движущей силой столь необходимых экономических преобразований. Хотя национальная индустрия молода, государство уделяет ей приоритетное внимание. Число проектов в промышленности увеличилось; возросло и участие в их реализации частного сектора. В перерабатывающих

отраслях производственная активность сконцентрировалась, в первую очередь, в пищевой промышленности, а во вторую, – в нефтеперерабатывающей и химической промышленности, в производстве стройматериалов, бумажной промышленности, печатно-издательском деле, текстильном, швейном и кожевенном производствах, изготовлении металлоизделий, в мебельной и деревообрабатывающей промышленности. Очевиден структурный изъян в перерабатывающей промышленности, на подотрасли которой – пищевую, нефтеперерабатывающую и нефтехимическую промышленность – приходится 83% стоимости валовой промышленной продукции и в которой занято 60,1% общей численности рабочей силы, сконцентрированной в перерабатывающей промышленности.

Стратегия промышленного развития преследует три перечисленные ниже задачи.

На ближайший срок: реформирование промышленного сектора, модернизация оборудования, подготовка технических кадров, совершенствование систем управления и финансирования; улучшение качества продукции и более полное использование местных ресурсов.

На среднесрочную перспективу: совершенствование промышленной инфраструктуры; обеспечение более полного взаимодействия между отраслями; развитие национальных технологий; организация базы собственных научных исследований.

В долгосрочном плане: максимальное использование имеющихся резервов для добычи и первичной переработки сырья и полная мобилизация материальных и человеческих ресурсов для повышения уровня производства и качества продукции и вывод ее на региональный и внешний рынки.

Кроме того, перед промышленностью поставлены три фундаментальные задачи:

• поощрять инвесторов на создание производств, работающих на местном сырье; развивать горнодобывающую, аграрную и рыболовецкую отрасли;

• укреплять позиции мелкого и кустарного производства;

• применять трудоемкие технологии, особенно в производстве товаров народного потребления, и капиталоемкие – в горнодобывающей промышленности, сталкивающейся с конкуренцией на внешнем рынке.

В области транспорта и связи поставленные стратегические задачи можно свести к следующему:

– повышение качества работы путем совершенствования экономических и управленческих механизмов и за счет модернизации инфраструктурных объектов;

– реализация экономически целесообразных проектов, имеющих стратегическое значение для национальной экономики и обеспечивающих связь с отдаленными районами страны;

– поощрение частных инвестиций в транспорт и связь путем создания акционерных обществ для эксплуатации и управления его объектами, а также с целью строительства частных дорог.

В области энергообеспечения стратегия развития заключается в увеличении производства электроэнергии для коммунальных, промышленных и сельских нужд. Предусматривается перевод электростанций с мазута и дизельного топлива на более прогрессивное – природный газ, который в Йемене имеется в достаточном количестве. В водоснабжении основной целью является обеспечение населения питьевой водой и поставка воды для нужд экономики на базе схем рационального потребления воды, в частности, получаемой из подземных источников.

Стратегия развития торговли нацелена на увеличение экспорта, устранение барьеров, мешающих свободному импорту товаров, на поощрение частного сектора к укреплению позиций в коммерческой деятельности, находящейся ныне в ведении общественного сектора. В рамках этих задач государство намерено серьезно перестроить свою работу в соответствии с требованиями новой импортно-экспортной политики, а также развивать необходимую для активизации внутренней и внешней торговли инфраструктуру.

В социальной сфере предусматривается введение всеобщего начального образования и модернизация программ средней и высшей школы. В здравоохранении стратегической целью является охват профилактическими и лечебными услугами всех районов страны. Согласно правительственной программе, развитие социальной инфраструктуры всецело является зоной ответственности государства.

В меморандуме Мирового банка, посвященном экономической и финансовой политике Йемена, прямо указывалось на тот факт, что именно от внутренней политической напряженности страдает экономика страны, управление хозяйством оказывается затруднено, а правительство не имеет возможности адекватно реагировать на изменения из-за того, что слабо как единый центр принятия решений.

Экономическая ситуация в Йемене во многом зависит от ситуации в соседних странах. Напряженность во взаимоотношениях с ними ухудшает инвестиционный климат. Так, постоянные трения с Саудовской Аравией (прежде всего пограничные споры с этим государством) отрицательно сказываются на капиталовложениях в нефтедобывающую промышленность. Это же мешает иностранным компаниям не только начать бурение в соответствующих районах, но и проводить разведку нефтяных месторождений.

Влияние регионального фактора проявляется и в подрывной деятельности йеменской оппозиции, получающей поддержку из-за рубежа. Пример тому – серия недавних взрывов в свободной экономической зоне «Аден».

Перемены на международной арене и развал соцлагеря привели к ликвидации важного источника внешней помощи Йемену. Прекращение

торговых связей с этими странами до сих пор сказывается на экономической ситуации в стране.

Кризис в Персидском Заливе (август 1990 г.) и последовавшие за ним события привели к сокращению притока иностранной помощи и займов из соседних стран из-за различия в позициях, занятых Йеменом и этими государствами в отношении кризиса. С возвращением 700 тыс. мигрантов из Саудовской Аравии в Йемен перестали поступать крупные денежные переводы. Кризис в Заливе способствовал обострению и внутрийеменского кризиса и подтолкнул страну к гражданской войне, истощившей ее экономику и вызвавшей затяжной политический раскол. Политическая оппозиция сейчас использует демократическую атмосферу в стране, пытаясь сорвать урегулирование внутреннего конфликта, по сути, сознательно стремится дестабилизировать обстановку. Дополнительные сложности возникли и в результате событий 11 сентября прошлого года в США.

В 1994 г. инфляция в Йемене достигла 70%, что было связано с резким взлетом официального обменного курса и дисбалансами в ценовой политике. Это отрицательно сказалось на бюджетных ассигнованиях и функционировании финансовой системы страны, крайне отрицательно повлияло на инвестиционный климат и способствовало расцвету спекуляции с валютой и недвижимостью.

Архаичные общественные отношения и, в частности, трайбализм, также препятствуют формированию благоприятного инвестиционного климата. В Йемене проходят кровавые межплеменные столкновения на почве соперничества за обладание землями, которые являются объектом приложения инвестиций. Они обострились после событий 11 сентября. Кроме того, в стране процветает повальная коррупция, которая охватила все звенья хозяйства, связанные с торговой, экономической, финансовой и инвестиционной деятельностью. Нельзя оставить без внимания и отсутствие справедливой и компетентной юстиции и правовой системы, которые в Йемене, как и в любой другой стране, должны служить гарантией для инвесторов.

К числу немногих факторов, улучшающих инвестиционный климат, можно отнести устранение препятствий на пути создания свободной экономической зоны «Аден», что позволит Йемену включиться в общеарабскую стратегию, связанную с созданием условий для активизации прямого обмена и экономической деятельности на межарабском и региональном уровнях.

Под давлением экономических проблем Йемен обратился к МВФ и МБРР с предложением сотрудничества в выработке такой программы, которая позволила бы Йемену получить новые займы на льготных условиях и создать механизмы, позволяющие справиться с экономическими неурядицами. Осуществлять намеченные цели Йемен стал под контролем МВФ и МБ.

Географически новые проекты привязаны к расположению уже действующих предприятий, хотя в документах, лежащих в основе государственной инвестиционной политики, указывается на необходимость равномерного размещения производительных сил, при котором обеспечивались бы сбалансированное развитие материально-технической базы производства и принцип справедливости в выделении бюджетных средств, особенно в обслуживающих отраслях.

Анализ размещения объектов и предприятий свидетельствует о наличии крупных диспропорций в этой области. В качестве примера можно привести статистику распределения промышленных предприятий, включающую как государственный, так и негосударственный секторы.

Таблица 3

Предприятия, получившие лицензию ГКИ с января 1995 г. по конец марта 1997 г. (тыс. риалов)

Провинции	Кол-во	Инвестиции		Основные фонды		Кол-во
		Стоимость	%	Стоимость	%	
Сана	204	23429173	12,220	12955367	25,31	8062
Аден	88	83631845	43,6000	11055298	21,600	7454
Таиз	23	4987201	2,6000	2519452	4,920	1100
Ходейда	54	24146885	12,5900	16153260	31,560	2885
Лахдж	8	750396	0,3900	538728	1,050	484
Ибб	32	1941365	1,1200	1074438	2,099	1017
Абьян	4	232057	0,1200	146146	0,280	-86
Даммар	9	458800	0,2130	277575	0,540	222
Шабва	6	594477	0,3000	352565	0,690	227
Хаджжа	13	1059214	0,5500	533824	1,040	653
Эль-Бейда	6	218630	0,1140	152080	0,297	146
Хадрамаут	44	49165877	25,6400	4754969	9,290	3836
Саада	3	233699	0,1210	197467	0,386	125
Эль-Махвит	1	300000	0,1560	28025	0,055	20
Эль-Магра	2	95000	0,0495	65318	0,128	57
Мариб	2	281245	0,1670	166753	0,326	123
Эль-Джауф	2	300000	0,1560	205709	0,400	166
ВСЕГО:	505	191775864	100	51176974	100	26672

Источник: Статистический ежегодник 1995–1996 гг.; Статистический бюллетень № 50, 09.04.1997.

Приведенные данные свидетельствуют о неравномерной концентрации действующих и вновь создаваемых предприятий. Хотя такой выбор соответствует размещению рабочей силы и обслуживающих структур, тем не менее он противоречит магистральным направлениям экономической стратегии, призванной обеспечить эффективное развитие и возможность для всех слоев общества и для всех регионов страны пользоваться результатами прогресса.

Данные вышеприведенной таблицы важны и потому, что речь идет о периоде, начавшемся после войны 1994 г. Как видно, наибольший объем инвестиций пришелся на Аденский округ (43,60%) и Хадрамаут (25,64%) – т.е. на провинции, входившие в зону социалистического эксперимента. Инвестиционный бум наблюдался и в других южных районах; при этом использовался как местный капитал, так и капиталы, поступившие из северных провинций страны.

Из приведенной таблицы видно также, в каком неблагоприятном положении пребывают провинции Эль-Махвит, Эль-Магра, Саада, Мариб и Эль-Джауф. Есть такие провинции, как Хаджжа, где, несмотря на высокую плотность населения и наличие плодородных земель, приток инвестиций был незначительным. В целом же в привилегированном положении, с точки зрения инвестиционной активности, остаются города и районы концентрации оседлого населения.

В слаборазвитых странах, к которым принадлежит и Йемен, распределение инвестиций сильно зависит от социально-политической ситуации, во многом определяемой сохранением родственных и местнических отношений. Влиятельные лица в государственном аппарате, исходя из своей племенной принадлежности, при планировании создания новых предприятий (особенно связанных с базовыми отраслями экономики) уделяют преимущественное внимание «своим» регионам. Например, в период существования двух Йеменов львиную долю инвестиций получал Хадрамаут (откуда происходили лица, ответственные за проведение экономической политики), тогда как Эш-Шабва, Эль-Магра и другие провинции оказывались в менее благоприятном положении, поскольку эти провинции были родиной ряда менее влиятельных политических и военных лидеров. Такое положение, хотя и в не столь явной форме, сохраняется по сей день. И пока не произойдет сдвигов в политическом сознании йеменцев, пока не повысится культурный уровень страны и не будут искоренены пережитки трайбализма и местничества, до тех пор экономические потребности будут лимитироваться внеэкономическими императивами, обрекая на отсталость провинции, отдаленные от центра принятия экономических и политических решений.

Поскольку национальный капитал сосредоточен в Йемене в трех регионах, точнее – в трех крупнейших городах – Сане, Хадрамауте и Таизе, именно здесь наблюдается наибольшая инвестиционная активность. К тому же капитал, как известно, всегда стремится в места,

где он может получить гарантированный и быстрейший доход; он не склонен рисковать и искать новые места для своего приложения. Поэтому в сельской местности сохраняются обширные территории, которые, несмотря на высокую плотность населения и плодородие почв, лишены элементарных предпосылок экономического развития. В этой связи можно указать на положения, которые выдвинул глава правительства ЙР Фарадж б. Ганим в своей программе, одобренной Собранием депутатов нового созыва (1997 г.). В этих положениях кабинет подтвердил курс на расширение «народных» инвестиций, развитие кооперации, промышленности и сферы услуг, поощрение мелких производителей и ремесленников путем предоставления им кредитных льгот. Тем самым подтверждается принцип широкого народного участия в экономическом развитии, что прежде всего касается сельских районов (35). В 1997 г. в выступлении по случаю седьмой годовщины образования Йеменской Республики президент Али Абдалла Салех призвал к возрождению духа сотрудничества и взаимодействия народа и правительства в целях решения задач экономического развития и совершенствования его базовых структур, что требует равномерного распределения получаемых в результате их реализации выгод среди всех слоев общества.

Задача обеспечения более сбалансированного в географическом плане развития экономики потребовала создания в различных регионах страны мелких предприятий, не нуждающихся в столь же мощной инфраструктуре, как крупные предприятия. Поэтому мелкое производство сохраняет свое стратегическое значение в условиях развития рыночной экономики и стимулирования индивидуальной инициативы. Это должно способствовать преодолению трудностей, стоящих перед йеменской экономикой, поскольку мелкие предприятия – это дополнительные рабочие места, создаваемые при сравнительно небольших издержках; кроме того, они привлекают мелких инвесторов, которые пользуются вниманием со стороны государства и его структур, отвечающих за мелкую промышленность.

Говоря о территориальном аспекте инвестиционной политики Йемена и ее перспективах, целесообразно проанализировать географию распределения промышленных объектов, а, следовательно, и новых инвестиционных проектов. Источником данных служит перепись промышленных предприятий 1996 г. Она показала, что общее число всех объектов промышленного сектора в 1995 г. достигло 33291 (включая 2969 объектов электро- и водоснабжения). 15% из них приходится на столичный округ; за ним следуют провинции Ибб (13%), Сана (11%), Таиз (9%), Хадрамаут и Даммар (по 8% в каждой), Ходейда (7%); на остальные провинции приходится 71% всех промышленных объектов республики. На последнем месте стоят Эль-Джауф и Эль-Магра (менее 1%).

Что касается распределения по провинциям промышленных предприятий по их размерам, то здесь складывается следующая картина.

Столичный округ лидирует по числу крупных предприятий (23% от их общего числа); на втором месте стоят Ходейда и Таиз (16%), на третьем – Хадрамаут (10%); замыкают этот ряд Аден и Сана (по 9%). Почти совсем нет крупных предприятий в провинциях Эль-Махвит, Эль-Магра и Эль-Джауф.

По количеству средних предприятий также лидирует столичный округ: здесь сконцентрировано 26%. Далее следуют Ходейда, Хадрамаут (11%) и Таиз (10%). В этих провинциях сосредоточено более 2/3 общего количества средних предприятий. На последнем месте идут провинции Эль-Махвит, Мариб и Эль-Джауф: по 0,25% в Эль-Махвите и Марибе, 0,5% – в Эль-Джауфе.

По количеству мелких предприятий, общее число которых составляет 31738, первое место также занимает столичный округ, за ним следуют Ибб, Сана, Таиз, Даммар, Хадрамаут и Ходейда.

Провинции, в которых сосредоточено наибольшее количество промышленных предприятий, являются наиболее населенными; в них же находятся самые крупные города. Противоположным образом обстоит дело с провинциями, стоящими на последнем месте по данному критерию.

В Йемене, как в любом государстве, между различными его частями существуют определенные различия: социальные, политические, экономические и культурные. Это обстоятельство заметно влияет на характер и специфику инвестиционных проектов и направления инвестиционной деятельности. В стране, преодолевающей тяжелое наследие экономической и социальной отсталости, эти диспропорции являются следствием политики колониализма на юге страны и режима имамата – на севере. Повышенное внимание, уделявшееся британской администрацией г.Адену (что вытекало из потребностей колониального присутствия), во многом способствовало углублению пропасти между этим городом и сельским югом. Что касается имамского режима, то его хозяйственная политика в малой степени способствовала преодолению общей отсталости, характерной даже для столицы имамата. Естественно, что в стране со столь тяжелым наследием задачи экономического возрождения неизбежно требовали постепенного сглаживания укоренившихся диспропорций. Однако опыт развития, накопленный после победы революции и возникновения двух йеменских государств, мало способствовал решению этой задачи. Социалистическая ориентация «задавила» местный капитал; особое внимание уделялось развитию Адена, который власти стремились выставить образцом не только для Йемена, но и для всего Аравийского полуострова и даже для всего Ближнего Востока. Но господство государственного сектора не решало основных проблем развития, которое оставалось неустойчивым, диспропорции только усугублялись. Хотя государство уделяло внимание проблеме географического распределения инвестиций, скудость потенциала и глубина

отсталости, а также экономические и политические неурядицы не способствовали решению этой проблемы.

В Северном Йемене инвестиционные возможности национального капитала использовались более активно, и в этом плане ситуация здесь была лучше, чем на Юге. Эта часть страны пользовалась поддержкой арабских стран и остального мира; сюда стекался капитал, «убегавший» от правящего режима на Юге. При этом, однако, инвестиции концентрировались в городах, прежде всего в Сане, Ходейде и Таизе, что объяснялось географическими и демографическими соображениями, а также другими факторами, определявшими инвестиционный климат.

После создания 22 мая 1990 г. единого Йеменского государства ситуация изменилась. Более серьезное внимание стало уделяться повышению отдачи от инвестиционной политики в целом и ее регионально-географическому аспекту. Ведь прежде в условиях деградации сельских районов и отсутствия программы модернизации жизни деревни всячески поощрялся отток сельского населения в города, прежде всего в столицу Йемена г.Сану, а также Аден, который являлся своего рода «торговой столицей» страны, связывавшей ее с богатыми нефтью соседними странами. Такое положение дел только усугубляло тяжесть экономической ситуации в деревне и экономики страны в целом. По мере того, как трудоспособное население стекалось в города, сельскохозяйственное производство и кустарные промыслы сокращались.

В сегодняшнем Йемене, где стало больше демократии при принятии политических и экономических решений, страна особенно заинтересована в развитии регионов. Государство принимает необходимые меры к расширению прерогатив и полномочий местных органов власти, повышению их роли в мобилизации имеющихся ресурсов, к их участию в решении региональных проблем развития. Согласно пятилетнему плану на 1996–2000 гг., развитие регионов включает в себя два основных направления, связанных с общей стратегией социально-экономического развития.

Первое из них относится к сфере управления. Речь идет о возложении ответственности за руководство и осуществление развития на региональном уровне на местные власти. Их полномочия должны быть расширены, а компетенция – повышена в рамках общего курса на децентрализацию контроля и реализацию различных экономических проектов.

Второе направление предусматривает усиление экономической и плановой деятельности как в центре, так и на местах. Она должна отвечать потребностям дня и учитывать трудности и проблемы, с которыми страна сегодня сталкивается в данной области, т.е. речь идет о сочетании рыночных механизмов и плановых начал, что может принести эффект, учитывая характер развития Йемена в прошлом и его потребности в настоящем.

Государственные органы получили в свои руки более современные механизмы решения региональных задач благодаря повышению авторитета местной администрации, развитию децентрализации и вовлечению представителей масс в дела государства и общества. Учитывая опыт прошлого, можно сказать, что децентрализация, возможно, станет важнейшим фактором экономического развития регионов. Об этом свидетельствуют итоги народно-кооперативного движения и деятельности местных советов по развитию кооперации, а также фондов общественного развития. Эти органы доказали свою способность мобилизовывать общественные силы на решение хозяйственных задач. Они также являются источником инициирования здоровой конкуренции, способствующей выравниванию уровней развития различных регионов и различных слоев населения.

Хозяйственное развитие в Йемене нуждается в обеспечении непрерывности и последовательности. Стратегия экономического роста вырабатывается медленно, поскольку должна учитывать особенности развития двух Йеменов, чтобы со временем нивелировать их в едином русле социально-экономического прогресса. Путь для этого выбран правильный – через политическую мобилизацию населения и сочетание разных механизмов и средств. В этом залог успеха, который нужен новому Йемену, чтобы встать в ряд цивилизованных государств.

1. Новый мировой экономический порядок и его влияние на создание полноценного арабского частного сектора в Йемене, 26 сентября, № 763, 24.07.97, Сана.

2. Ас-Саура (Йемен), Сана, № 5 11908, 19.06.97.

3. Ат-Тиджара, Сана, № 2, май 1993.

4. Закон об инвестировании № 22 от 1991 г. (Йеменская Республика), Сана.

5. Закон о свободных зонах № 4 от 1993 г., Сана.

6. Инвестиционная программа на 1996 г. (Министерство планирования ЙР), Сана, 1995.

7. Пятилетний план ЙР на 1996–2000 г. Сана, 1995.

8. Статистический ежегодник ЦСБ ЙР за 1996 г., Сана, 1997 г.

А.Ж.Хасянов

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС ЛИВИИ И ЗАПАД В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА

Нефтегазовый комплекс Ливии не только играет определяющую роль в развитии экономики этой страны, но и является основным условием стабильности ее политического режима. Это обусловлено тем, что главным национальным богатством Ливии считаются запасы нефти и природного газа, экспорт которых обеспечивает стране приток в государственный бюджет значительных валютных поступлений. По разведанным запасам нефти Ливия занимает первое место в Африке и пятое среди стран-членов ОПЕК (после Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Ирака). С 1962 г. Ливия является членом ОПЕК. На долю Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (ВСНЛАД) приходится около 2% всех мировых нефтяных ресурсов. По данным на 1 января 2000 г., разведанные запасы нефти в Ливии составили 29,5 млрд. баррелей. По итогам 1 квартала 2000 г. ежесуточная добыча сырой нефти равнялась 1,37 млн. баррелей, из которых 1,2 млн. баррелей шли на экспорт. Ежегодный доход от экспорта сырой нефти был: 7,4 млрд. долл. в 1999 г. и 11,7 млрд. долл. в 2000 г. Нефтяная составляющая в доходе от всего ливийского экспорта равна 98% (2000 г.). По сведениям на 1 января 2000 г. запасы природного газа в Ливии оценивались в 46,4 трлн. кубических футов (или 1,65 трлн. куб. м), хотя некоторые эксперты заявляют, что реальные запасы природного газа могут составлять 50–70 трлн. кубических футов (1,8–2,5 трлн. куб. метров). В 1998 г. в стране было добыто около 220 млрд. кубических футов природного газа[1].

Геологоразведочные работы в Ливии были начаты еще в 1955 г. Первые месторождения нефти (Амаль и Насер) были обнаружены через четыре года. Экспортировать нефть страна начала в 1961 г. В настоящее время в Ливии насчитывается 12 месторождений нефти с запасами 1 млрд. баррелей и выше, а также два месторождения с запасами от 500 до 1 млрд. баррелей нефти. Ливийские месторождения в основном расположены в прибрежной полосе Средиземного моря и группируются в трех районах: в западной части побережья (нефтяные поля Сама, Бейда, Рагуба, Дахра-Хофра и Бахи), в северно-центральной части страны (гигантские нефтяные поля Дефа-Ваха и Насер, а также большое газовое поле Хатейба) и в восточной части (Сарир, Месла, Гяло, Бу Атифель, Интисар, Нафура-Угила и Амаль).

Таким образом, все они преимущественно сконцентрированы в бассейне Сирт. При этом следует отметить, что только 25% территории Ливии включены в соглашения с нефтяными компаниями. В то же время важно обратить внимание на то, что история освоения большинства нефтяных месторождений в Ливии насчитывает около 33 лет. В большинстве своем они были открыты, за исключением месторождения Мурзук, в период с 1956 г. по 1972 г. Нефтяные месторождения, разрабатываемые ливийской государственной Национальной нефтяной компанией (или корпорацией – ННК, «Libyan National Oil Company», NOC), ежегодно в среднем истощаются на 7–8%. В связи с этим сегодня приоритетное внимание уделяется геологоразведке на побережье в новых районах в бассейнах Сирт, Гадамис и Мурзук, а также в ранее неразведанных районах, таких как Куфра и Киренаика. Жизнь уже разведанных нефтяных месторождений может быть также значительно продлена в случае использования современных дорогостоящих нефтедобывающих технологий. В настоящее время Ливия столкнулась с необходимостью сохранения нефтедобычи на хорошо разработанных нефтяных полях, например, Брега, Сарир, Вафа или Зуэтина, и введения в строй новых месторождений, таких как Мурзук – Эс-Сахара и Мабрук. Примечательно, что месторождение Мурзук – Эс-Сахара (запасы нефти оцениваются в 2 млрд. баррелей) начало вводиться в строй (т.е. начата добыча нефти) с декабря 1996 г. Главный оператор работ – испанская компания «Repsol-YPF», действующая совместно с австрийской компанией «OMV» и французской «TotalFinaElf»[2].

Развитие нефтедобывающей промышленности Ливии принято отсчитывать с 1968 г., когда была создана Национальная нефтяная компания. Нефтяная и газовая отрасли находятся под контролем государства. Нефтедобыча управляется ливийской ННК (NOC). ННК (NOC) включает в себя 33 нефтяные и газовые компании. На их долю приходится 63% (по другим данным, более 70%) всей добычи нефти в стране. Главными дочерними компаниями ННК (NOC) являются «Arabian Gulf Oil Company» («Agoco»), «Waha Oil Company» (WOG) и «Sirte Oil Company» (SOG).

Из дочерних структур ННК (NOC) наибольшие показатели по объемам добываемой нефти имеет компания «Agoco» – около 450 тыс. баррелей в сутки. Этот показатель в основном достигается за счет эксплуатации месторождений Сарир, Нафур – Угила и Месла. Второе место по добыче нефти занимает другая «дочка» ННК (NOC) – «Waha Oil Company» (WOC), созданная в 1986 г. на базе «Oasis Oil Co.» – совместного предприятия ННК (NOC) и американских компаний «Conoco», «Marathon» и «Amarada Hess», – 400 тыс. баррелей в сутки. В 1986 г. это СП добывало 450 тыс. баррелей в сутки. (В 1986 г. после того, как президент США Рональд Рейган запретил американцам работать в Ливии, страну покинули пять нефтяных компаний – «Amarada Hess», «Conoco», «Grace Petroleum», «Marathon» и

«Occidental»)[3]. Важно отметить, что данный спад обусловлен тем обстоятельством, что нефтяные поля, разрабатываемые WOC, оснащены преимущественно американским оборудованием, ремонт которого затруднен в силу невозможности прямых закупок запасных частей из-за введенного США эмбарго в отношении Ливии. Этот спад Ливия до сих пор не смогла преодолеть, даже несмотря на принятую в 1992 г. экстренную программу по усилению обслуживания оборудования WOC. Еще одна дочерняя компания ННК (NOC) – «Sirte Oil Company» (SOC), добывает приблизительно 110 тыс. баррелей нефти в сутки. Первоначально она была создана в 1985 г. как совместное предприятие «Grace Petroleum», одной из пяти американских нефтяных компаний. Основная доля добываемой SOC нефти приходится на месторождение Рагуба в центральной части бассейна Сирт. Оно соединено трубопроводной веткой с главным трубопроводом, который перекачивает добываемую на месторождении Насер нефть в город Марса-эль-Брега. Месторождение Насер является одним из крупнейших в Ливии, дающим около 60 тыс. баррелей нефти в сутки (в 1992 г. этот показатель составлял 70 тыс. баррелей в сутки). При этом ожидается, что добыча на месторождении Насер будет и дальше снижаться. Помимо этого, SOC разрабатывает еще два нефтяных поля – Эт-Табадди и Эс-Сумуд[4].

Начиная с 1979 г. ННК (NOC) получила право на заключение соглашений о разделе продукции с иностранными компаниями. При этом доля участия ННК (NOC) в каждом из соглашений по разработке и эксплуатации нефтяных месторождений с иностранными компаниями составляет не менее 50%. Таким образом, нефтеразведочные работы в ВСНЛАД ведутся как национальными и совместными компаниями-операторами, так и зарубежными компаниями, получившими концессионные права на нефтеразведку. Концессии предоставляются в виде «Соглашений о разработке и долевом участии в производстве» (EPSA, «exploration/production sharing», т.е. «разведка/раздел продукции»). Иностранная компания ведет своими силами нефтепоиск, и в случае открытия крупного месторождения и начала его промышленной эксплуатации становится, совместно с ННК (NOC), компанией-оператором. Стоимость концессии зависит при прочих равных условиях от географического расположения концессионного участка. Территория Ливии разделена на 4 зоны, различаемые по степени вероятности залегания там нефти.

Сегодня осуществляется третий этап добычи нефти – EPSA-3. Его условия предусматривают возмещение затрат по нефтеразведке за счет планируемой продукции, равное участие партнеров (ННК и иностранный подрядчик) в расходах по развитию открытого месторождения. Распределение дохода регулируется по скользящей шкале, при этом часть, отходящая подрядчику, освобождается от уплаты налогов и арендной платы за разработку месторождения. ННК (NOC) была вынуждена выдвинуть упомянутые условия после того, как работы по договорам

EPSA-1,2 принесли незначительные результаты ввиду их низкой экономической эффективности для подрядчика. По прогнозам экспертов ННК (NOC), исполнение EPSA-3 добавит, по меньшей мере, еще 2 млрд. баррелей нефти к уже разведанным нефтяным запасам. Соглашения в рамках EPSA-3 уже подписаны с компаниями «Shell» (Дания), «PetroFina» (Бельгия), «Agip-ENI» (Италия), «Canadian Occidental», «Husky Oil» (Канада), «Lasmo» (Великобритания), «Lundin Oil» (Швеция), «Nimr Petroleum» (Саудовская Аравия), OMV (Австрия), «PanCanadian» (Канада); «Pedco» (Южная Корея), «Petrobras» (Бразилия), «Petronas» (Малайзия), «Red Sea Oil Corp.» (Канада), «Repsol-YPF» (Испания), «Saga Petroleum» (Норвегия), «TotalFinaElf» (Франция), «Veba» (Германия), «Wintershall» (Германия), государственным консорциумом Южной Кореи, рядом других корпораций.

В то же время следует отметить, что активность иностранных нефтяных компаний в стране существенно снизилась в период действия санкций, особенно с 1992 по 1999 г. В августе 1996 г. американский конгресс ввел в действие закон д'Амато, предусматривающий наложение санкций правительством США на иностранные компании, инвестирующие более 40 млн. долл. в ливийский нефтегазовый сектор[5]. Этот закон вызвал резкую критику со стороны Евросоюза, ряд членов которого – Италия, Германия, Испания – в значительной степени удовлетворяют потребности своих ТЭК за счет ливийской нефти и заинтересованы в дальнейшем всестороннем развитии сотрудничества с Джамахирией в этой области. Более того, после приостановки международных санкций в 1999 г. иностранные нефтяные компании выразили готовность вкладывать инвестиции в ливийскую нефтегазовую отрасль. Группа из 76 международных нефтяных компаний заявила о том, что Ливия является «страной № 1» с точки зрения проведения разведки на нефть и ее добычи. В частности, в начале июля 1999 г. испанская «Repsol-YPF» заявила о том, что Ливия станет ключевым регионом в планах будущей экспансии этой компании[6].

Ливия нуждается в иностранных инвестициях и обновлении устаревшего или выходящего из строя нефтяного оборудования. В апреле 1999 г. Ливия провела международную конференцию по проблемам нефтегазового комплекса в Женеве, на которой присутствовало около 400 представителей нефтяных компаний. На конференции ливийский министр нефти, нынешний глава ННК (NOC) Абдалла Салем аль-Бадри заверил нефтяные компании в том, что заключенные с его страной контракты о выделении блоков для их разведки и разработки будут строго соблюдаться. В ноябре 1999 г. ННК (NOC) назвала 80 блоков, как на суше, так и на шельфе, которые будут открыты для иностранных нефтяных компаний, уже работающих в Ливии, равно как и для тех компаний, которые выразили свою заинтересованность работать в рамках EPSA-3. В число этих блоков вошли: C1–C8, в бассейне Киренаика (северо-восток страны); G1–G6, в бассейне Гадамес

(Западная Ливия); M1–M13, в бассейне Мурзук (юго-западный приграничный район); O1–O13, не зафиксированные шельфовые районы; и S1–S53, в бассейне Сирт. В июне 2000 года стало известно, что Ливия готовит лицензирование на 130 нефтяных и газовых блоков[7].

В июле 2000 г. ННК (NOC) объявила о том, что около 70% территории страны будут открыты для проведения разведочных работ. Кроме того, было заявлено, что все разведочные блоки будут сведены в три пакета, первый из которых должен включать блоки в богатом нефтью бассейне Мурзук.

В настоящее время основными зарубежными нефтяными компаниями, работающими на территории Ливии, как это видно из перечня компаний, заключивших соглашения в рамках EPSA-3, являются: «Agip-ENI» (Италия), «Canadian Occidental», «Lasmo» (Великобритания), «Lundin Oil» (Швеция), «Nimr Petroleum» (Саудовская Аравия), OMV (Австрия), «Pedco» (Южная Корея), «Petronas» (Малайзия), «Red Sea Oil Corp.» (Канада), «Repsol-YPF» (Испания), «TotalFinaElf» (Франция), «Veba» и «Wintershall» (Германия). При ежегодном снижении производительности месторождений нефти, разрабатываемых ННК (NOC), Ливия находится в сильной зависимости от деятельности иностранных компаний и рабочих-нефтяников. Наиболее активно из зарубежных компаний в Ливии работает итальянская «Agip-ENI», которая по праву может считаться в истории нефтяной отрасли Ливии «ветераном» – первые проекты в этой стране итальянцы начали реализовывать еще в 1960 г.

В 1997 г. 37% всей добываемой в Ливии нефти приходилось на западные компании. В последние годы доля добываемой ими нефти возрастает: «Agip-ENI» – с 230 тыс. баррелей в сутки (из них 140 тыс. на месторождении Бу Атифель) в 1997 г. до 250 тыс. баррелей в сутки в 1999 г., германские «Wintershall» и «Veba» (совместно) – с более чем 170 тыс. баррелей в сутки в 1997 г. до 195 тыс. баррелей в сутки в 1999 г. В 1999 г. французская «TotalFinaElf» добывала 85 тыс. баррелей в сутки, испанская «Repsol-YPF» – 80 тыс. баррелей в сутки. Нефтедобыча, ведущаяся на блоке NC-115 в бассейне Мурзук, который разрабатывается совместно испанской «Repsol-YPF», французской «TotalFinaElf» и австрийской OMV (75% добытой нефти идет ливийской ННК / NOC), увеличилась с 75 тыс. баррелей в сутки в начале 1998 г. до 140 тыс. баррелей в сутки в начале 1999 г. В январе 1999 г. испанская «Repsol-YPF» заявила о том, что она обнаружила легкую качественную нефть на блоке NC-115[8].

В октябре 1997 г. международный консорциум, руководимый английской компанией «Lasmo» (33,3% акций), действующей совместно с итальянской «Agip-ENI» (33,3% акций) и группой в составе пяти южнокорейских компаний, ведомой компанией «Korea National Oil Corp.», заменившей компанию «Pedco» (одной из этой пятерки является компания «Hyundai»), объявил, что он обнаружил огромные запасы сырой

нефти на блоке NC-174, находящемся в 465 милях к югу от Триполи, в бассейне Мурзук. Английская «Lasmo» обнародовала оценку, в соответствии с которой производство нефти на этом месторождении, названном «Слон» («Elephant»), будет стоить примерно 1 (один) доллар за баррель. Примечательно, что это месторождение находится всего лишь в 40 милях к северу от месторождения Мурзук/Эс-Сахара, разрабатываемого испанской компанией «Repsol-YPF», со своим 30-дюймовым трубопроводом, ведущим к побережью. Согласно заявлениям представителей «Lasmo», оценочное бурение в 1998 г. подтвердило, что извлекаемые запасы нефти превышают 500 млн. баррелей. Первоначально месторождение «Слон» должно было быть запущено в производство в 2000 г. на уровне примерно 50 тыс. баррелей в сутки. Однако преждевременно начатая эксплуатация месторождения в настоящее время приостановлена, как отмечается, в силу некоторых бюрократических препятствий. Ожидается, что производительность месторождения «Слон» достигнет 150 тыс. баррелей в сутки спустя 1–2 года с момента начала промышленной эксплуатации.

К числу других зарубежных нефтяных компаний, активно действующих на ливийском рынке, следует отнести независимую шведскую компанию «Lundin Oil», которая совместно со своим партнером канадской компанией «Red Sea Oil of Canada», обнаружила запасы нефти, оценивающиеся в размере 84 млн. баррелей, на нефтяных полях Северный и Южный Эн-Нага, расположенных на блоке NC-177 в бассейне Сирт. В декабре 1999 г. «Red Sea Oil of Canada» объявила, что испытание блока откладывается. Предполагается, что суточная производительность этого блока должна составить 40 тыс. баррелей нефти.

«Canadian Occidental» контролирует, но все еще не разработала свое месторождение на блоке NC-101 в бассейне Мурзук, которое потенциально может содержать 200 млн. баррелей нефти[9].

В 1959 г. было открыто месторождение в Мабруке, расположенном в 600 км к югу от г.Сирт. Однако из-за высокой стоимости работ (около 1 млрд. долл.) ввиду сложного географического шельфа долгое время оно было законсервировано. Мабрукское месторождение, по оценкам, содержит 1,3 млрд. баррелей нефти. По его разработке в мае 1993 г. ННК (NOC) подписала соглашение сроком на 35 лет с компанией «TotalFinaElf», которая, в свою очередь, сдала в аренду 25% территории компании «Saga Petroleum». Она сформировала дочернюю фирму «Saga Petroleum Mabruk», открывшую в 1996 г. представительство в Триполи. Двухэтапный проект развития этого месторождения предусматривает его первоначальную разведку с целью выяснения коммерческой целесообразности дальнейших капиталовложений. При ее наличии должна начаться интенсивная разработка всего месторождения. Первоначально компании-операторы намереваются задействовать нефтеносные поля на западе Мабрука (запасы

нефти – 50 млн. баррелей). К концу 1999 г. здесь планировалось добывать до 30 тыс. баррелей в сутки. «TotalFinaElf» и «Saga Petroleum» занимаются также и разведкой нефтяных месторождений в Хараме и Антелате (Феззан), которые, предположительно, содержат в совокупности около 2,1 млрд. баррелей нефти. Однако к указанному сроку французская «TotalFinaElf» при разработке своего месторождения Мабрук пока достигла уровня примерно в 18 тыс. баррелей в сутки.

Развитию еще одного перспективного месторождения в Мурзуке, расположенного в Сахаре, на юго-западе страны, ННК (NOC) придает приоритетное значение. Проект по его развитию, предусматривающий две стадии реализации, оценивается в 1 млрд. долл. После его завершения производительность месторождения составит около 250 тыс. баррелей в сутки. Все контракты по выполнению работ 1-й очереди проекта уже распределены. Всего нефтеносное месторождение в Мурзуке содержит, оценочно, 800 млн. баррелей нефти. Было запланировано начать добычу в декабре 1998 г. с 50 тыс. баррелей в сутки, доведя ее к 2005 г. до 200 тыс. баррелей в сутки. В 1998 г. ННК подписала соглашение по развитию данного месторождения с Европейским консорциумом в составе компаний «Repsol-YPF» (доля – 45%), «TotalFinaElf» (30%) и OMV (30%). Когда месторождение начнет выработку продукции, доля ННК (NOC) в доходах составит 50%. В последующем состав консорциума расширился.

Несколько раньше, 11 июля 1997 г. эти же европейские нефтяные компании во главе с испанской компанией «Repsol-YPF» подписали с Ливией контракт на добычу, переработку и сбыт нефти, добываемой в бассейне Мурзук на юго-западе страны в 800 км к югу от Триполи. В состав этого консорциума входят испанская нефтяная компания «Repsol-YPF» (является оператором и обладает 32% акций), норвежская «Norsk Hydro» (20% акций), действующая через компанию «Saga Petroleum Mabruk», австрийская OMV и французская «TotalFinaElf» (по 24% акций). Ливийские источники утверждают, что этот контракт является новым шагом данных компаний по эксплуатации нефти Ливии. Испанская «Repsol-YPF», начала свою деятельность в Ливии в 1994 г., войдя в состав консорциума европейских компаний и получив по соглашению 40% всего объема предложенных ему работ. В планы этого четырехстороннего консорциума входит совместная разработка трех нефтяных полей в бассейне Мурзук на блоках NC-186, NC-187 и NC-190. При этом работа на первых из перечисленных блоков была начата в мае 1998 г., а на блоке NC-190 – в августе 2000 г.

В начале 2000 г. консорциум в составе этих четырех западноевропейских нефтяных компаний провел испытание скважины А-1, пробуренной на исследуемом блоке NC-186 площадью 4300 кв. км в бассейне Мурзук. Представитель испанской компании заявил, что эта первая скважина, пробуренная на данном блоке, свидетельствует о «значительном нефтяном столбе в каменно-песчаном слое Хаваз».

Дебит скважины, по данным проведенного испытания, составляет 2500 баррелей нефти в сутки при заслонке 3/4 дюйма. Разведочные работы на этом блоке и двух других блоках бассейна Мурзук начались в мае 1998 г. В то же время нефтедобыча в бассейне Мурзук была начата еще в декабре 1996 г. Испытанная скважина А-1 расположена всего лишь в 20 км от инфраструктуры месторождения Эс-Сахара, которая располагает достаточными незанятыми мощностями для того, чтобы взять на себя дополнительную нагрузку по перекачке и экспорту ожидаемой нефти. В мае 2001 г. на блоке NC-186 было завершено бурение новой скважины А-2, которая первоначально давала 2670 баррелей нефти в сутки.

По некоторым сведениям, в начале июня 1999 г. отдача легкой беспримесной (менее 0,6% примеси серы) нефти на месторождении Мурзук/Эс-Сахара уже достигала 140 тыс. баррелей нефти в сутки и потенциально могла вырасти примерно до 200 тыс. баррелей в сутки. Тем не менее сложности с перекачкой нефти по трубопроводу до порта в Эз-Завии, где она перерабатывается на местном НПЗ, сдерживают темпы увеличения добычи нефти.

В августе 1994 г. завершилась вторая очередь разработки месторождения Эс-Сарра, расположенного на юго-востоке Ливии, что позволило увеличить добычу нефти на этом месторождении до 53 тыс. баррелей в сутки. Запасы месторождения оцениваются в 250 млн. баррелей нефти. В 1995 г. германская компания «Wintershall», занимающаяся его разработкой, заявила о том, что ежедневная добыча нефти здесь составляет 60 тыс. баррелей.

В 1991 г. концессия на еще одно ливийское месторождение – Кабир была передана компании «Agolo» («Arabian Gulf Oil Company»), полностью принадлежащей ННК. После проведения подготовительных работ в 1996 г. «Agolo» объявила о начале добычи нефти на этом месторождении. К началу 1998 г. из его недр, содержащих нефть парафинового основания с малым количеством серы, извлекалось до 90 тыс. баррелей в сутки.

Необходимо также отметить значительные ливийские запасы нефти и газа, находящиеся под морским дном. Ливийская прибрежная полоса включает относительно узкий континентальный шельф и залив Сирт. Самое большое шельфовое нефтяное месторождение Ливии – Эль-Бури, расположенное вблизи ливийского западного побережья и считающееся крупнейшим нефтедобывающим нефтяным полем в акватории Средиземного моря. Его запасы оцениваются в 2 млрд. баррелей нефти (хотя есть предположения о 5 млрд. баррелях нефти) и 2,5 трлн. кубических футов газа. Это месторождение было открыто итальянской компанией «Agip-ENI» в 1976 г. на глубине 8700 футов (примерно 285 метров). Его разработка является одной из главных задач в нефтегазовых планах Ливии. В 1993 г. ННК (NOC) заключила соглашение с «Agip-ENI», которое привело ранее существовавшее соглашение

1974 г. в соответствие с условиями EPSA-3. Доля «Agip-ENI» увеличилась с 14 до 30%. В декабре 1995 г. итальянская компания завершила первую стадию разработки месторождения (вся программа оценивается в 2 млрд. долл.), увеличив производство сырой нефти с 65 тыс. до 80 тыс. баррелей в сутки. В настоящее время осуществляется вторая стадия, которая, по расчетам, должна была дать возможность повысить производительность месторождения до 150 тыс. баррелей в сутки. Однако в последующем объемы нефтедобычи резко снизились. Этот спад следует прежде всего объяснить невозможностью импортировать специальное морское нефтедобывающее оборудование вследствие действия международных санкций. Однако, вероятно, эти объемы будут восстановлены за счет притока новых инвестиций.

С момента открытия крупного месторождения Эль-Бури итальянская компания «Agip-ENI» и другие нефтяные компании, действующие в стране, неоднократно выступали с заявлениями об обнаружении нефти на других своих блоках на территории Ливии.

В то же время важно отметить, что самые крупные нефтегазовые поля (3,7 млрд. баррелей нефти и 12 трлн. кубических футов природного газа) сконцентрированы на спорной водной территории между Ливией и Тунисом. После долгих взаимных претензий и споров в 1988 г. Ливия и Тунис договорились, что работами на этой территории будет заниматься объединенная ливийско-тунисская нефтяная компания («Libyan-Tunisian Joint Oil Company» – JOC) – совместное предприятие ННК (NOC) и государственной тунисской нефтяной компании ETAP с равными (50–50) долями капитала. Ливийская часть спорной зоны включает в себя перспективную структуру Омар, которая, по предварительным оценкам, содержит более чем 65% всех нефтегазовых запасов спорной территории. 1 февраля 1997 г. JOC предоставила право на ведение геолого-разведочных работ консорциуму в составе «Nimr Petroleum» (Саудовская Аравия) и «Petronas» (Малайзия). Компании обязались вложить в проведение этих работ 30 млн. долл. Работы рассчитаны на пять лет. Полная разработка этой концессии может потребовать более 1 млрд. долл.

В стремлении повысить интерес к слабо разведанным нефтеносным районам ливийская государственная ННК (NOC) предложила зарубежным нефтяным компаниям три пакетных соглашения на разработку выставленных на тендер блоков, предварительно смешав высокорисковые и низкорисковые площадки в трех пакетных соглашениях.

Первое пакетное соглашение включает площадку в богатом нефтью бассейне Мурзук, включенное в список под № 1, а также средиземноморские шельфовые блоки O-9 и O-10, блок S-36 в бассейне Сирт и район на границе бассейна Куфра на юго-востоке страны. Летом 2000 года из неофициальных ливийских источников стало известно, что, несмотря на продолжающиеся переговоры, испанская нефтяная компания «Repsol-YPF» получит первый из трех пакетных

соглашений на нефтеразработку блоков, выставленных на тендер Ливией. По мнению ряда экспертов, официальному Триполи импонирует наступательная манера поведения «Repsol-YPF» на ливийском рынке. Этому способствует и тот факт, что компания не скрывает того обстоятельства, что Ливия и Алжир являются ее приоритетными рынками в Северной Африке. Компания «Repsol-YPF» продала основную часть своего бизнеса в Египте, включая свою долю в прибыльной конфессии Хальда, американской независимой корпорации «Apache Corp.» в начале 2000 г.

Согласно ливийским источникам, французская «TotalFinaElf» и австрийская OMV также имеют хороший шанс на завоевание второго пакетного соглашения, которое объединяет один блок в Сирте, три – в Киренаике и еще один – в Гадамесе.

Меньшую ясность вызывает вопрос о будущем держателе третьего пакетного соглашения, которое включает два блока в Сирте, один – Киренаике и два – на шельфе вблизи границы с Египтом.

Всего около 14 компаний зарегистрировались в тендере за лицензирование участков по трем вышеназванным пакетным соглашениям.

Эмилио Карро (Emilio Cairo), президент компании «Repsol's Libya» заявил, что отдача нефтяного поля Эс-Сахара, которое включает блок NC-115, «случайно» примыкающий к блоку, предложенному в первом пакетном соглашении и расположенному в бассейне Мурзук, в последнее время стабильно держится на уровне 160 тыс. баррелей в сутки после установки системы закачки воды (water injection system). Отвечая на вопрос о перспективах нефтеотдачи, Эмилио Карро заявил, что он надеется на сохранение добычи нефти на этом нефтяном поле на нынешнем уровне в последующие 5–8 лет. «Закачка воды идет достаточно успешно. Мы не видим проблем», – сказал Э.Карро. При этом около 100 тыс. баррелей добываемой нефти отправляются на НПЗ в Эз-Завии, а остальные 60 тыс. баррелей – на экспорт.

По словам управляющего производственно-конструкторского департамента ННК (NOC) Абд ар-Рахмана Бениеза, Ливия устала от санкций ООН и нуждается во внедрении новых технологий для увеличения производительности своих нефтяных полей. Он отметил, что в стране создан специальный комитет, который призван вести мониторинг всех полей, которые нуждаются в восстановлении нефтеотдачи. Предполагается, что этот комитет проведет ревизию всех нефтяных полей Ливии. Некоторые иностранные нефтяные компании уже предложили свои услуги по выполнению восстановительных работ на ливийских нефтяных месторождениях, и вопрос находится на стадии переговоров.

Дополнительным свидетельством перспективности Ливии в качестве региона разведки новых месторождений нефти и их разработки является то, что эта страна привлекла к себе внимание одной из крупнейших в мире нефтяных компаний «Royal Dutch Shell», которая в течение 9 лет отсутствовала на ливийском рынке. Она присоединилась

к другим европейским компаниям, стремящимся получить свой «кусочек пирога» от участия в проектах по разведке и разработке нефтяных запасов Ливии.

Это же подтверждается некоторыми высказываниями представителей американских нефтяных компаний. Так, в феврале 2001 г. представители четвертой по капиталам среди крупнейших нефтяных компаний США «Conoco Inc.» открыто заявили, что американская администрация должна смягчить санкции в отношении Ливии, открыв тем самым дверь для вложения «Conoco» инвестиций в ливийскую нефтегазовую промышленность после 15-летнего перерыва. Высокопоставленный чиновник «Conoco Inc.» Арчи Дунхам отметил: «Я настроен весьма оптимистично в отношении изменений, которые произойдут в политике США с приходом новой администрации», добавив, что он верит в то, что администрация Дж. Буша пересмотрит политику экономических санкций против Ливии в кратчайшие сроки, увидев ее «полный провал».

В 1999 г. эмиссары «Conoco» уже побывали в Ливии, посетив район нефтедобычи, в котором работало совместное предприятие «Oasis Oil Co.», прежде чем оно свернуло свою деятельность в стране после введения американских санкций. После завершения этой поездки в годовом отчете компании за 1999 г. было отмечено, что «инфраструктура (района – авт.) находится в хорошем состоянии и нормально функционирует». При этом следует отметить, что в 1999 г. высокопоставленные делегации остальных американских компаний по совместному предприятию «Oasis Oil Co.» также посетили Ливию с ознакомительными целями[10].

В середине ноября 2000 г. в Триполи состоялась крупная конференция по вопросам иностранных инвестиций, подготовленная ливийским правительством. На ней присутствовали делегации 77 иностранных энергетических компаний. Ливийская сторона отметила, что в стране разработана долгосрочная программа привлечения иностранных инвестиций в экономику страны. При этом Триполи рассчитывает в ближайшие десять лет получить зарубежных инвестиций в нефтегазовую промышленность в размере более 10 млрд. долл. на разведку и разработку нефтяных полей. В частности, предполагается, что 6 млрд. долл. будут направлены на нефтегазоразведочные работы, 3,99 млрд. долл. – на развитие уже открытых нефтегазовых месторождений, 3 млрд. долл. – на реконструкцию старых и строительство новых НПЗ, 0,5 млрд. долл. – на развитие нефтехимического комплекса страны. Помимо этого, ННК (NOC) планирует инвестировать 680 млн. долл. в расширение нефтедобычи и модернизацию сопутствующих транспортных сооружений на нефтяных полях, 300 млн. долл. – в строительство нефтегазовых объектов, призванных удовлетворить растущие внутренние потребности страны[11].

В то же самое время и сама Ливия активно занимается инвестированием капиталов в нефтяную промышленность за рубежом. Эту

задачу осуществляет ливийская государственная компания «Oilinvest», которая в различной форме включает в себя более 30 других компаний. Уставной капитал в 465 млн. долл. распределен между ННК (NOC), ливийской компанией «Лафико», занимающейся привлечением иностранных инвестиций в экономику Ливии, и ЛАФБ (Ливийским арабским Внешбанком). В настоящее время «Oilinvest» действует в 15 странах Европы и Азии. Действуя через итальянскую компанию «Tamoil», 95% активов которой принадлежит «Oilinvest», ливийцы получили возможность закрепиться в нефтеперерабатывающей промышленности Италии, Швейцарии, Германии, Франции и Греции. Расширилось влияние Oilinvest после приобретения ею контрольных пакетов акций в Италии: НПЗ в Кремоне (89,5%) мощностью 5,1 млн. тонн в год, НПЗ «Нортолони рефайнери» (75%) и НПЗ «Наполи рефайнери» (100%). «Oilinvest» также владеет непривилегированными акциями НПЗ «Монт Эдисон» и НПЗ «Ройал Датч рефайнери»; в Швейцарии – НПЗ в г.Колломбе (70%) мощностью 3,6 млн. тонн в год; в Германии – НПЗ в Гамбурге (66%) мощностью 4,0 млн. тонн в год и НПЗ «Шмидт рефайнери» (100%); в Греции – НПЗ (14%) мощностью 5,0 млн. тонн в год; на Мальте – НПЗ (100%) мощностью 3,75 млн. тонн в год.

«Oilinvest» обеспечивает всем указанным НПЗ 70–80% их потребности в нефти. Наряду с этим компания «Oilinvest» поставляет нефтепродукты на принадлежащие ей в Италии 2300 бензозаправочных станций (5,5% рынка), в Швейцарии – 330 бензозаправочных станций (11%), во Франции – 1000, в Германии – 190. При участии «Tamoil» создана совместная ливийско(75%)-венгерско(12,5%)-австрийская(12,5%) компания «Тамойл Итари КФТ», которая планирует установить контроль на рынке нефтепродуктов Венгрии и перерабатывать на венгерских нефтеперерабатывающих предприятиях порядка 8 млн. тонн ливийской нефти. С этой целью создано совместное предприятие, 75% акций которого принадлежат «Oilinvest», 12,5% – «Минерал Инпекс» (Венгрия), 12,5% – «Минерал Контор» (Австрия). Аналогичное предложение сделано ливийцами в Болгарии.

Кроме того, Ливия активно работает на рынке нефтепродуктов Чехии, Словакии и Румынии, осуществляя поставки нефти для переработки ее на нефтеперерабатывающих заводах этих стран. Полученная прибыль делится в соотношении: 70% – Ливии, 30% – стране-партнеру.

В 1997 г. завершено строительство первой серии заправочных станций в Египте. Кроме того, планируется строительство бензозаправочных станций на магистрали, проходящей вдоль средиземноморского побережья Египта и соединяющей его с Ливией, как, впрочем, и в различных районах Египта. Эти бензозаправочные станции будут управляться ливийской компанией «Oilinvest».

Ливия выкупила через малоизвестную Кипрскую оффшорную компанию (полагают, что это совместная ирако-ливийская компания)

долю капитала в «Мидди Ист Ойл рефайнери» («Midor»). Доля капитала приобретена компанией «Лафико», финансирование сделки осуществлялась Ливийским арабским иностранным банком. Основной капитал компании «Midor» – совместный египетско-израильский. В соответствии с проектом, компания планирует строительство НПЗ на побережье к западу от Александрии (Египет), стоимость которого оценивается в 1 млрд. долл. Планировалось завершить проект к 2001 г.

В 1997 г. Ливия вела переговоры с Тунисом о строительстве НПЗ в Ла-Скирре (Тунис), южнее г.Габес. Стоимость проекта 1,1 млрд. долл. Завод должен будет перерабатывать около 6 млн. тонн ливийской и алжирской нефти.

Только в 1995 г. через сеть бензозаправочных станций и систему оптовой торговли группа компаний «Oilinvest» реализовала более 12,8 млн. тонн готовых нефтепродуктов, что эквивалентно годовому потреблению этих продуктов всей Швейцарией. В составе всех этих компаний работают около 2 тыс. человек или 15 тыс. человек, если учитывать персонал бензозаправочных станций и различных сервис-центров.

В настоящее время Ливия считается не только крупнейшей в Африке нефтедобывающей страной, но и одним из наиболее крупных североафриканских поставщиков нефти в Европу. Следует отметить, что нефтяные поставки в Европу из Северной Африки отличаются двумя преимуществами: экономия времени при доставке и относительно низкие транспортные расходы. Ливийская нефть является высококачественной, «легкой», без значительных примесей серы. Кроме того, нефтедобыча здесь требует относительно небольших затрат. Ливийские месторождения располагаются недалеко от местных НПЗ и вблизи от европейских рынков сбыта. Наконец, несмотря на полувековые геологоразведочные работы, проводимые в стране, территория Ливии по-прежнему в подавляющей части остается неисследованной, а следовательно, считается потенциально привлекательной на поиск нефти и природного газа.

Основными импортерами ливийской нефти являются Италия, Германия, Испания, Франция, на которые в сумме приходится около 3/4 или 74% ливийского нефтяного экспорта, меньшие объемы импортируют также Австрия, Великобритания, Греция и Швейцария. Например, по данным на 1999 г., Италия экспортировала из Ливии 516 тыс. баррелей нефти в сутки, Германия – 296 тыс. баррелей нефти в сутки, Франция – 67 тыс. баррелей в сутки.

В этой связи следует отметить, что еще в 1971 г. Ливия стала второй страной в мире после Алжира (который приступил к этому виду деятельности в 1964 г.) по экспорту сжиженного природного газа. С тех пор ливийский экспорт сжиженного природного газа существенно снизился, что объяснялось наличием технических ограничений, которые не позволяли Ливии развивать это производство. Ливийский завод по сжижению природного газа, расположенный в Марса-эль-Брега,

был построен в конце 60-х годов компанией «Esso» и имел мощность 124 млрд. кубических футов газа. Однако технические трудности снизили этот показатель на треть. Основным покупателем этого сжиженного газа стала испанская «Enagas». Работа по модернизации завода в Марса-эль-Брега была приостановлена после 1992 г. Если она будет выполнена, то Ливия сможет увеличить экспорт сжиженного природного газа втрое, а его возможными покупателями могут стать Испания, Турция и Италия.

Существуют потенциальные возможности для значительного увеличения поставок ливийского природного газа в Европу. Однако на сегодняшний день единственным крупным покупателем ливийского газа является испанская «Enagas». Соглашение о создании совместного предприятия между итальянской «Agip-ENI» и ливийской государственной ННК (NOC) в рамках Западно-ливийского газового проекта (Western Libyan Gas Project – WLGP), оцениваемого в 5,5 млрд. долл., преследовало целью производство и последующий экспорт значительных объемов природного газа в Италию. В соответствии с планом итальянской компании «Edison Gas» предлагалось в течение 24 лет импортировать около 140 млрд. кубических футов (к 2006 г.) ливийского газа в год через 370-мильный подводный трубопровод по дну Средиземного моря до юго-восточного побережья Сицилии, а затем на Апеннинский полуостров по соединительной ветке с Транссредиземноморской системой, предназначенной для перекачки алжирского природного газа в Италию. Компания «Edison Gas» планирует использовать газ преимущественно для выработки электроэнергии в Италии с продажей его излишков частным покупателям. Являясь участницей всеобъемлющего Западно-ливийского газового проекта (WLGP), «Agip-ENI» уполномочена разрабатывать громадные ливийские газовые запасы на шельфовом блоке NC-41, расположенном в заливе Габес, и на континентальном газонефтеносном поле Вафа на алжирской границе. Проведение исследовательских работ на месторождении Вафа и блоке NC-41 было завершено и предполагается, что добыча газа начнется в конце 2003 г. Ожидается, что добыча газового конденсата составит около 70 тыс. баррелей нефтяного эквивалента в сутки[12].

«Agip-ENI» также выдвигала идею соединения месторождений Ливии и Египта с Италией посредством трубопровода. Принципиальное соглашение о соединении египетской и ливийской газовых систем было достигнуто в июне 1997 г., сразу вслед за визитом в Ливию президента АРЕ Хосни Мубарака. В настоящее время этот план находится на стадии изучения. Существует еще один план, в соответствии с которым предполагается строительство примерно 900-мильного трубопровода из Северной Африки в Южную Европу. Этот трубопровод сможет транспортировать природный газ из Египта, Ливии, Туниса и Алжира по территории Марокко в Испанию. При

этом трубопроводная нитка между Марокко и Испанией уже существует. Одновременно с этим в мае 1997 г. Тунис и Ливия договорились создать совместное предприятие, которое будет заниматься прокладкой газопровода из района Мелита в Ливии в южнотунисский город и промышленный центр Габес. В конце 1998 г. Тунис и Ливия подписали соглашение о поставках около 70 млрд. кубических футов природного газа в год из района ливийских газовых месторождений в Тунис начиная с 2003 г.

Подводя итог, можно заключить, что в 90-е годы XX века развитие нефтегазового комплекса Ливии во многом опиралось на взаимовыгодное сотрудничество с западными, прежде всего западноевропейскими нефтяными компаниями. Примечательным является и то, что жесткие меры со стороны США и в меньшей степени Великобритании в отношении режима в Триполи, включая угрозу применения экономических санкций против ливийских партнеров в нефтегазовой сфере, хотя и затруднили приток в эту арабскую страну новых технологий и инвестиций, тем не менее не привели ни к свертыванию экономического сотрудничества с Ливией, ни к краху ее нефтегазовой отрасли. Это позволяет рассчитывать, что, несмотря на включение Вашингтоном ливийского режима в число стран, которые поддерживают международный терроризм, и даже прямые угрозы проведения против нее военной акции, крупные западноевропейские компании, поддерживаемые своими национальными правительствами, будут активно участвовать в развитии и дальнейшем освоении нефтегазовой отрасли экономики этой страны. Этому способствует как стремление Западной Европы гарантировать свою энергетическую безопасность, так и инвестиционно-технологическая заинтересованность Ливии в продолжении этого сотрудничества.

[1] CIA. Libya. The World Factbook, 2000; Country Profile: Libya. – NUSACC Publications Department. Arab World Online.

[2] Country Profile: Libya. – NUSACC Publications Department. Arab World Online; TRIPOLI: Repsol-YPF confirms new oil find in Libya. – BBC, 17.05.2001, 13:18:58.

[3] Country Profile: Libya. – NUSACC Publications Department. Arab World Online.

[4] Robert Campbell. Conoco CEO «optimistic» US will relax sanctions on Libya // BridgeNews, Jose, Venezuela. Feb. 13, 1999.

[5] US Senate panel approves 5-year extension for Iran-Libya sanctions // OGJ Online, 05.08.2001.

[6] Country Profile: Libya. – NUSACC Publications Department. Arab World Online; CIA. Libya. The World Factbook, 2000.

[7] Libya sees $10b energy foreign investments. The long-term plan was revealed at a government-sponsored foreign investment conference, the first of its kind in Libya // Reuters, November 15, 2000, 01:33 PM.

[8] UK filling stations on Libyan wish list. Special report: the petrol crisis // Guardian, Monday, June 11, 2001; TRIPOLI: Repsol-YPF confirms new oil find in Libya // BBC, 17.05.2001, 13:18:58.

[9] Ian Jack. Libya is a good place to do business: Ottawa. But Jewish groups, U.S., say country remains a base for state terrorism // National Post, July 10, 2001.

[10] Robert Campbell. Conoco CEO «optimistic» US will relax sanctions on Libya // BridgeNews, Jose, Venezuela. Feb. 13, 1999; UK filling stations on Libyan wish list. Special report: the petrol crisis // Guardian, Monday, June 11, 2001.

[11] Libya sees $10b energy foreign investments. The long-term plan was revealed at a government-sponsored foreign investment conference, the first of its kind in Libya // Reuters, November 15, 2000, 01:33 PM; Libya courts international investors for $35 billion development plan // CNN.com, November 15, 2000.

[12] Italian practical diplomacy with Libya, Iran and Algeria // Alexander's Gas & Oil Connections, Volume 4, issue № 9. Tuesday, May 11, 1999.

А.Ж.Хасянов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА СУДАНА

Несмотря на то, что Судан по-прежнему в основном принято считать всего лишь перспективной с точки зрения обнаружения и разработки нефти страной, он уже стал нефтегазодобывающим государством. Нефтяная промышленность превращается в важнейший сектор экономики страны, и за ней многообещающее будущее.

Нефтеразведка в Судане пока еще находится на ранних стадиях развития и охватывает всего лишь 15–20% перспективных с точки зрения наличия нефти районов страны. Нефтяные запасы центральной части Судана оцениваются в 600 млн. – 1,2 млрд. баррелей. При этом суданские власти утверждают, что верхний уровень пргноза не является столь уж маловероятным с учетом открытия в последнее время новых нефтяных месторождений и результатов поискового бурения в этой части страны. Извлекаемые запасы сырой нефти в Судане оцениваются некоторыми источниками в 800 млн. баррелей[1].

В то же время, по утверждению официальных властей Судана, разведанные запасы нефти в стране достигают 2 млрд. баррелей. Эксперты Независимого нефтяного обозрения «Скважина» в своем докладе от 23 апреля 2001 г. пришли к выводу, что в 1996–1999 гг. доказанные запасы нефти Судана увеличились с 20 млн. тонн до 160 млн. тонн. Эта цифра подтверждается и суданскими геологами. Однако Администрация энергетической информации Министерства энергетики США исходит из более консервативной оценки, которая на январь 2000 г. равнялась 35 млн. тонн. При этом признается, что разведкой было охвачено не более 15% территории Судана, что сохраняет хорошие шансы для новых значительных открытий[2].

Нефтеразведка в Судане началась в конце 50-х годов XX века и преимущественно концентрировалась на континентальном шельфе Красного моря. В 1959–1967 гг. итальянская компания «Agip Mineraria», а также «Oceanic Oil Company» и суданская «Digna Oil Company» получили концессии в районе Красного моря. Они пробурили 7 скважин и провели сейсмические исследования на площади более 15 тыс. кв. км. Однако результаты поиска были удручающими. Помимо упомянутых компаний нефтеразведкой в эти годы на территории Судана занимались английская «British Petroleum» и датская «Shell».

В 1974 г. нефтяная компания «Chevron» получила право на исследование южной и центральной частей Красного моря и выполнила на них аэромагнитные и сейсмические поисковые работы. В двух пробуренных скважинах был обнаружен природный газ. Единственным существенным открытием на красноморском шельфе в 1976 г. стало газоносное месторождение Суакин.

В 1979 г. каждая из нефтяных компаний «Total» (Франция) и «Union Texas» (США) получила концессии в районе Красного моря с целью продолжения работ, начатых прежними концессионерами. Кроме того, пробурив две пустые скважины на блоке В, в 1983 г. «Total» была вынуждена свернуть работы, объяснив этот шаг началом гражданской войны в Южном Судане. Вместе с тем она сохранила за собой полученные от властей лицензии[3].

В 1977 г. были обнаружены нефтяные месторождения на юго-западе Судана. В 1980 г. уровень разведанных запасов позволил начать промышленную разработку месторождений. Но начавшаяся на юге страны война сделала невозможной эксплуатацию месторождений нефти.

В 1991 г. права на разведку района Красного моря были переданы международной нефтяной корпорации «Судан» Лтд. (International Petroleum Company Suadan Ltd – IPC Sudan Ltd), в состав которой вошла шведская нефтяная компания «Lundin Oil». В настоящее время блоки 13 и 15 выведены за рамки концессии.

Нефтеразведка во внутренних бассейнах на юге и юго-востоке района была начата в 1975 г. Эти районы представляли собой цепочку внутриконтинентальных бассейнов осадочных пород, протянувшихся с северо-запада на юго-восток и включавших три крупные котловины – блоки Муглад, Мелут и Голубой Нил.

В 1975 г. нефтяная компания «Chevron» получила права на 516 тыс. кв. км на блоках Муглад и Мелут. В 1979 г. ей были предоставлены права еще на 73 тыс. кв. км на блоках Голубой Нил и Баггара к северо-западу от блока Муглад. Поиск, проведенный компанией «Chevron», привел к открытию ряда мелких и средних месторождений в Южном Судане недалеко от городов Бентиу, Малакаль и Муглад. К этим открытиям относятся нефтяные поля средних размеров Юнити и Хеглиг, расположенные в провинциях Верхний Нил и Южный Кордофан. Более мелкими нефтяными полями были Абу Габра и Шараф. Согласно сообщениям прессы, извлекаемые запасы нефти месторождений Хеглиг и Юнити оценивались в 660 млн. – 1,2 млрд. баррелей. Как предполагается, район вокруг двух этих месторождений также является перспективным на нефть. Однако прогнозные оценки дают большой разброс. Компания «Chevron» в начале 80-х годов XX века приблизительно оценила их на уровне 10 млрд. баррелей. Канадская компания «Talisman» определила запасы нефти в этом районе в границах 8,5–12,5 млрд. баррелей.

Компания «Chevron» аннулировала свои концессии в Судане в 1985–1990 гг., объяснив свое решение тем, что они охватывали районы страны, в которых велись боевые действия между правительственными войсками и повстанцами-южанами. За время своей деятельности в стране «Chevron» пробурила 28 скважин в районах своих бывших концессий. Блоки, включавшие месторождения Юнити и Хеглиг, были проданы суданскому правительству, которое поделило бывшие концессии компании «Chevron» на более мелкие разведочные блоки.

В период начальной разведки внутренних бассейнов Судана активность проявляла компания «Sun Oil», получившая концессии в бассейнах Хартум, Кост, Бара, Хамара и Атбара.

Независимая канадская компания «Arakis Energy» («Arakis») получила часть концессии «Chevron» к северу от города Бентиу в 1993 г. Спустя три года, в 1996 г., «Arakis» приступила к разработке нефтяных полей Юнити и Хеглиг Верхненильского бассейна, оказавшихся в границах ее концессии, и начала добычу в небольших объемах (2 тыс. баррелей в сутки) для удовлетворения внутренних нужд. Эти поля считаются удаленными и для эффективной разработки нуждаются в значительном притоке капитала. «Arakis Energy» была не в состоянии разрабатывать эти нефтяные поля самостоятельно. В декабре 1996 г. была создана «Greater Nile Petroleum Operating Company» (GNPOC), которая представляла собой международный консорциум в составе китайской «China National Petroleum Corporation» (CNPC, 40%), малайзийской «Petronas» (30%), суданской государственной компании «Sudapet» (5%) и «Arakis Energy» (25%), являвшейся оператором проекта. С созданием GNPOC появился значительный капитал для того, чтобы развивать эти нефтяные поля и выступить с предложением по строительству 1500-км трубопровода от месторождения Хеглиг до порта Башаир, располагающего отгрузочным нефтяным терминалом и находящегося на побережье Красного моря в южном предместье Порт-Саида. Однако недостаток ресурсов и давление со стороны США сделали для «Arakis Energy» трудным продолжение работы в Судане. В связи с этим в октябре 1998 г. «Arakis Energy» согласилась продать свои суданские активы другой канадской компании, «Talisman Energy»[4].

Эта замена обеспечила привлечение дополнительного капитала, необходимого для строительства трубопровода, который был пущен в строй в мае 1998 г. Трубопровод достиг начальной мощности (150 тыс. б/с) в июне 1999 г. В 2000 г. его пропускная способность вышла на максимальный уровень – 200 тыс. б/с. Активы GNPOC в проекте «Большой Нил» включают 3 разведочных блока и 2 разрабатываемых блока на участке 12 млн. акров, а также трубопровод и терминал на побережье Красного моря. Консорциум добывает около 10 млн. тонн нефти в год на 6 южно-суданских месторождениях. По имеющимся сведениям, консорциум обнаружил значительные – объемом до 800 млн. баррелей –

запасы нефти. Согласно условиям соглашения, правительство Судана должно получать 60% доходов от продажи нефти, а остальную часть – участвующие в проекте компании.

В середине октября 2000 г. в Хартуме международный консорциум GNPOC заключил контракт с малайзийской компанией «Petronas», который предусматривает увеличение уровня нефтедобычи в стране со 185 тыс. баррелей в сутки до 232 тыс. б/с уже к середине 2002 г. В соответствии с контрактом «Petronas» «создаст мощности для развития двух несвязанных нефтяных полей в Монга и Бамбо, расположенных в бассейне Муджлад в Западном Судане». Эти мощности включают строительство дополнительных хранилищ и поставку трех дополнительных нефтяных насосов[5].

В 1997 г. было заключено соглашение о разделе продукции на добычу нефти на блоке 5А в бассейне Муглад с консорциумом, в состав которого вошли шведская компания «Lundin Oil» (IPC Sudan Ltd) – 40,38%, «Petronas» (Малайзия) – 28,5%, «OMV» (Австрия) – 26,13%, «Sudapet» (Судан) – 5%. В настоящий момент ведется доразведка блока. Оценочные извлекаемые запасы нефти по блоку составляют более 100 млн. тонн, планируемый уровень добычи 5 млн. тонн в год.

Также в апреле 1997 г. был организован консорциум в составе «Gulf Petroleum Corporation» (Катар) – 60%, «Concorp» (Судан) – 20%, «Sudapet» (Судан) – 20% для проведения разведочных работ и организации разработки двух ранее открытых месторождений в районе бассейна Мелут.

В начале 2000 г. для работы в этом же бассейне был создан новый консорциум в составе «Gulf Petroleum Corporation» (Катар) – 46%, «Melut Petroleum» (Канада) – 46%, «Sudapet» (Судан) – 8%. По некоторым неподтвержденным данным, из-за нерешенности проблем финансирования проекта в июле 2000 г. канадская компания была лишена прав на участие в работах.

Катарская нефтяная корпорация «Gulf Petroleum Corporation» (GPC), также ведущая самостоятельную нефтеразведку в Судане, производит 10 тыс. б/с на месторождении Адар. Кроме того, «China National Petroleum Corporation» (CNPC) владеет правами на блок 6 в Южном Судане. В марте 2000 г. соглашение о разведке и разделе продукции с суданским правительством подписала канадская «Fosters Resources»[6].

В 1999 г. было сообщено, что французская «TotalFinaElf» рассматривает возможность возвращения к своей концессии – блоку В в бассейне Бор (Южный Судан), от которой она отказалась в 1983 г. В сентябре 2000 г. малайзийская «Petronas» получила 40% акций на блок 5В. Программа работ предусматривала начало ее выполнения в конце 2000 г. «Petronas» остается оператором работ на блоке, а оставшиеся акции должны быть распределены между европейскими компаниями, наиболее вероятным кандидатом из которых остается «TotalFinaElf». Суданское правительство отметило, что оно оставит

за собой большее количество акций – 15%, в то время как в предыдущих совместных предприятиях государство оставляло за собой только 5% акций. В 2000 г. суданское правительство объявило, что оно открыло Красное море, бассейн Голубого Нила и северо-западный район на границе с Ливией для проведения нефтеразведки[7].

Большие нефтеносные участки общей площадью 120 тыс. кв. км вокруг южного города Бор предоставлены для разработки канадской, китайской, малазийской компаниям, а также катарской «Gulf Petroleum» и французской «TotalFinaElf». Согласно недавнему заявлению одного западного эксперта, район вокруг Бора, по всем признакам, представляет собою золотое дно.

По словам суданского министра энергетики, компании из Великобритании, Индии, Италии, Новой Зеландии и Пакистана соревнуются за получение пока еще не названных нефтеносных участков.

Усовершенствованная экспортная инфраструктура сделала Судан более привлекательным для инвесторов. Месторождения в районе Муглад дают сырую нефть с показателем 330–420 API и 0,5% содержания серы. Сырая нефть является высоко парафиновой, что требует подогрева для поддержания текучести в трубопроводе[8].

Добываемая нефть предназначена прежде всего для удовлетворения внутренних потребностей страны. В 1997 г. национальное потребление нефтепродуктов в Судане составило 1,3 млн. метрических тонн.

Изучением рынка сбыта нефтепродуктов и их торговлей занимаются такие топливно-энергетические компании, как «Agip» (В ноябре 1999 г. компания «Agip (Sudan)» была продана мавританскому бизнесмену и начала вести свои операции под новым названием GAPCO), «Mobil», «Nile Petroleum» и «Shell». Ранее было объявлено, что суданское правительство начало переговоры с дистрибьюторами относительно отказа от государственной монополии на импорт некоторых нефтепродуктов, в частности авиационного топлива для иностранных авиакомпаний. В соответствии с обсуждаемым планом дистрибьюторы получат право на импорт нефтепродуктов в соответствии с объемами их продаж и перепродажу этих нефтепродуктов государству на неудобных условиях поставок в кредит.

Дистрибьюторская инфраструктура, созданная в Судане, включает речные, автодорожные, трубопроводные и железнодорожные системы, каждая из которых нуждается в улучшении. Имеется нефтеналивная пристань и 55 нефтехранилищ. Функционирует трубопровод, который соединяет НПЗ в Порт-Судане с крупным нефтераспределительным центром в Хартуме.

В мае 1999 г. новый 1500-км трубопровод был торжественно введен в строй. Этот трубопровод соединяет нефтяное поле Хеглиг в провинции Западный Кордофан со специально построенной бухтой Бешаир на берегу Красного моря. Трубопровод, который обошелся в 1 млрд. долл., был построен совместно китайскими, германскими,

аргентинскими, английскими и малайзийскими компаниями. Его первоначальная перекачивающая мощность равняется 150 тыс. б/с, хотя суданские власти заявили о том, что она может быть увеличена до 450 тыс. б/с. К третьему кварталу 2000 г. трубопровод перекачивал максимум 200 тыс. б/с, хотя более типичная его загрузка равнялась 185 тыс. б/с. Планировалось увеличить пропускную способность трубопровода до 230 тыс. б/с к 2001 г. С тех пор, как экспортный нефтепровод начал перекачку сырья, сепаратисты, ведущие вооруженную борьбу против суданского исламского правительства, уже трижды взрывали его. Однако повреждения достаточно быстро устранялись.

В августе 2000 г. было объявлено, что суданская государственная компания «Sudanese National Petroleum Company» планирует проложить новый трубопровод, который будет снабжать Эфиопию и Эритрею нефтепродуктами с расположенного в Хартуме НПЗ. Маршрут трубопровода пройдет через суданские районы Эль-Газира, Сеннар и Гедареф. Кроме того, планируется еще один трубопровод для экспорта сырой нефти из нефтяных полей Адарейель в районе Верхнего Нила в Эфиопию.

Цены на нефтепродукты регулируются государством и субсидируются им. В 1993 г. цены на нефтепродукты в стране выросли на 19%. Предыдущие попытки правительства сократить или отменить субсидии приводили к массовым народным беспорядкам. В январе 2000 г. суданское правительство увеличило цены на прокачку нефти в среднем на 18%.

В Судане функционируют три государственных нефтеперерабатывающих завода, два из которых, наиболее старых по срокам строительства, расположены в Порт-Судане (мощностью 21,7 тыс. б/с) и Эль-Обейде (мощностью 10 тыс. б/с). Строительство нового НПЗ, оснащенного специальным каталитическим расщепителем жидкостного осадка (a residue fluid catalytic cracker) и рассчитанного на мощность 50 тыс. б/с, было завершено в мае 2000 г. Новый НПЗ размещается в Эль-Гейли, расположенном в 70 км к северу от Хартума. Строительство сооружения, осуществляемое совместным предприятием с участием суданского правительства и китайской «China National Petroleum Corporation» (CNPC), началось в мае 1998 г. Продукция нового НПЗ включает конденсированную нефтегазовую смесь, бензин, газовый конденсат, нефтяное горючее и керосин. Вместе с тем Судан по-прежнему нуждается в импорте авиационного топлива[9].

Продукция Хартумского (Эль-Гейли) НПЗ доставляется в Порт-Саид по трубопроводу, построенному в 1977 г. первоначально с целью транспортировки импортируемых нефтепродуктов в различных направлениях. Введение в строй нового НПЗ не только обеспечивает собственное потребление Судана, но и позволяет экспортировать как часть производимых на нем нефтепродуктов, так и сырую нефть. Судан обычно импортировал 1,5 млн. тонн нефтепродуктов в год. Как ожида-

ется, новый НПЗ позволит сберечь правительству Судана более 100 млн. долл. в год, которые раньше тратились на импорт нефтепродуктов.

Новый НПЗ также позволит в пять раз увеличить внутреннее потребление газа (по оценке, 100 тыс. тонн в год). Избыточное количество газа будет экспортироваться. В то же время планируется, что позже этот газ будет перерабатываться в топливо для тепловой электростанции.

В стране также существует частный НПЗ – «Concorp refinery», введенный в строй в июне 1999 г. Его строительство обошлось владельцу, суданскому бизнесмену, в 15 млн. долл., а мощность составляет 10 тыс. б/с. Это предприятие производит нафталин, керосин, бензин, дизельное топливо.

Судан по-прежнему сохраняет зависимость от поставок импортируемых нефтепродуктов, так как существующие суданские НПЗ не способны полностью удовлетворить внутренние потребности страны.

Нефтяная промышленность управляется министерством энергетики и горного дела. Кроме того, она подконтрольна министерству финансов и планирования Судана. Его представители входят в состав государственного Совета по делам нефти (Petroleum Affairs Board), который уполномочен давать окончательное одобрение заключаемым нефтяным контрактам. В то же время постепенно контроль над нефтяной промышленностью переходит в руки государственного органа – Exploration and Production Authority[10].

Согласно прогнозам, Судан располагает значительными запасами природного газа, которые оцениваются в объеме 3 трлн. куб. футов.

Страна экспортирует как сырую нефть, так и готовые нефтепродукты. В июне 1999 г. было объявлено о начале экспорта суданской нефти. В августе 1999 г. Судан отгрузил первую партию сырой нефти за рубеж, в Сингапур.

Новый нефтяной терминал на суданском побережье Красного моря расположен в порту Башаир в 25 км к югу от Порт-Судана. Башаирский портовый терминал способен хранить 2 млн. баррелей, обладая потенциальными возможностями по увеличению этого показателя до 3,2 млн. баррелей при использовании запасных резервуаров. Терминал в Башаире наполняется по трубопроводу, идущему от месторождения Хеглиг и открытому в мае 1999 г. К началу 2000 г. Судан поставил на экспорт 15 млн. баррелей нефти. Планировавшиеся объемы нефтеэкспорта Судана в 2001 г. оценивались в 7,5 млн. тонн.

После завершения строительства НПЗ в Эль-Гейли Судан приступил к экспорту готовых нефтепродуктов. Так, в июне 2000 г. Судан отгрузил свою первую партию в объеме 20 тыс. тонн бензина на Мальту.

Гражданская война в Судане идет с 1983 г. Повстанцы из южных провинций, населенных христианами и приверженцами традиционных африканских верований, пытаются добиться независимости от мусульманского правительства. Во главе борьбы стоит сепаратистская Народно-освободительная армия Судана (НОАС), руководимая Джоном Гарангом.

НОАС, в частности, претендует на провинцию Хилейг как историческую часть южного Судана, а поэтому мирная добыча нефти исключена там до тех пор, пока не будут решены проблемы Юга. Несмотря на раскол, произошедший в 1997 г. в рядах НОАС, и переход части повстанческих отрядов на сторону правительства Судана, ситуация на юге страны по-прежнему не урегулирована и там ведутся боевые действия.

Предпринятая официальным Хартумом в мае 2000 г. попытка поставить отряды правительственной милиции на защиту богатого нефтью Бентиу привела к открытой войне среди бывших союзников. Столкновения между разными фракциями южан в этом районе продолжаются.

В ноябре 1997 г. США ввели против Судана экономические санкции, обвинив суданские власти в поддержке международного терроризма и нарушении прав человека в стране (гражданская война, вызванная племенным сепаратизмом на юге Судана). Санкции предусматривают приостановку торговли между двумя странами и прекращение американского инвестирования проектов в Судане[11].

США обосновывали эти санкции против Судана тем, что доходы от нефти используются правительством страны для ведения гражданской войны. В результате этих санкций американские нефтяные компании не имеют права на работу в Судане. Иностранные компании, налаживающие деловые или торговые отношения с Суданом, могут также подвергнуться американским санкциям. Тем не менее в стране продолжают работу многие иностранные компании, включая GNPOC, «Lundin Oil» (IPC Sudan Ltd), «Petronas», «Sudapet», «Gulf Petroleum Corporation» (GPC), «China National Petroleum Corporation» (CNPC), «National Iranian Gas Company», «OMV», «Royal Dutch/Shell» и «Talisman Energy». Французская «TotalFinaElf» в настоящее время предпринимает шаги по возвращению на суданский рынок, в частности к разработке своей прежней концессии в бассейне Бор.

В феврале 2000 г. США расширили свои санкции, распространив их на суданскую государственную нефтяную компанию «Sudapet» и «Greater Nile Petroleum Operating Company» (GNPOC). Это очень важно, так как 25% акций GNPOC принадлежит канадской международной «Talisman Energy». Несмотря на то, что в отношении «Talisman Energy» американские санкции не распространялись, руководство компании, испытывая давление со стороны США и международных правозащитных организаций и христианских церквей Северной Америки, было вынуждено заявить в декабре 1999 г. о подготовке к продаже своих активов в Судане. Однако, по их признанию, речь не идет о ближайшем будущем.

В этом контексте западные нефтяные компании, например, канадская «Talisman» и шведская «Lundin Oil», сталкиваются с проблемами давления, оказываемого США и некоторыми международными правозащитными организациями, которые утверждают, что участие этих компаний в проекте «Большой Нил», пусть неявно, но способствует укреплению суданского военного режима. Более того, организации по правам

человека в Северной Америке и церковь, возглавившие кампанию, направленную против деятельности «Talisman», утверждают, что репрессивный исламский режим поддерживает древнюю традицию рейдов арабов с севера за рабами на юг Судана. В это же время китайские нефтяные компании уверенно расширяют свое присутствие в Судане, не обращая внимания на протесты «защитников прав человека и демократии».

По оценке США, ежедневные доходы суданского правительства от продажи нефти составляют 1 млн. долл., которые тратятся на закупку оружия и импорт необходимых нефтепродуктов. По сведениям США, на доходы от первой экспортной отгрузки нефти в 1999 г. Судан приобрел 20 польских танков «Т-55», поставленных в Порт-Судан.

Суданская нефть считается «восковой» по своим характеристикам, средний уровень API равняется 32, без примесей серы. Парафиновая природа сырой нефти делает ее хорошим сырьем для производства горючесмазочных материалов.

В 1998 г. в стране добывалось 12 тыс. б/с, или примерно 600 тыс. метрических тонн. Оценочный уровень нефтедобычи в Судане в 2001 г. составил 13,5 млн. тонн.

Шведская нефтяная компания «Lundin Oil» добилась в 2000 г. первого заметного успеха в своей деятельности на территории Судана. Пробуренная компанией скважина на месторождении Тар Джат-1 в ходе проведенных испытаний дала 4560 баррелей нефти в сутки. Предполагается, что компания сконцентрирует свои усилия именно на разработке этого месторождения.

Следует отметить, что по инициативе США еще в 70-х годах XX века были созданы транснациональные консорциумы по освоению ресурсов нефти в южных и центральных районах Судана и по строительству оттуда нефтепроводов к портам Красного моря или Гвинейского залива. Однако в конце 80-х американские и большинство западноевропейских компаний вышли из этих структур, предварительно «заморозив» финансирование проектов. В результате американцев и западноевропейцев в Судане «заменили» скандинавские и восточноазиатские компании.

В стране принят комплекс законов о поощрении иностранных инвестиций и создании прогрессивного инвестиционного климата. В соответствии с суданским законодательством министр энергетики может предоставлять значительные налоговые льготы иностранным нефтяным компаниям, включая 5-летнее освобождение от налога на прибыль.

За последние пять лет действующие в стране нефтяные компании Канады, Китая, Швеции, Малайзии, Австрии и Катара инвестировали в нефтяную промышленность Судана около 1,6 млрд. долл.

С конца 80-х годов XX века Судан стал привлекать интерес советских, а затем и российских компаний. Так, в самом конце 80-х – начале 90-х годов СССР, позднее Россия планировала построить нефтепровод в Судане, а также заняться там нефтедобычей. Однако в силу многих причин этим планам не суждено было сбыться.

Появление российских нефтяников в Судане лет пятнадцать тому назад было бы проблематично, поскольку им противостояли бы интересы крупных и богатых международных корпораций. Однако солидные западные компании оставили Судан из-за гражданской войны на юге и опасения подвергнуться преследованиям со стороны правозащитных организаций и в результате экономических санкций США.

По мнению некоторых аналитиков, эмбарго и бойкоты создают достаточно благоприятные условия для компаний, которые не опасаются санкций со стороны Запада. В настоящее время российским нефтяникам в Судане закрепиться куда проще, чем в более спокойной стране. Значительный опыт такого сотрудничества уже накоплен и в Иране, и в Ираке, и в Ливии.

В 90-е годы прошлого века российские нефтяные компании, в частности «Зангас» и «ЛУКОЙЛ-Белоруссия», уже пытались проникнуть на суданский рынок. Однако в 1998 г. из-за низких мировых цен на нефть переговоры были прекращены.

В 1997 г. суданцы договорились с «Зарубежнефтегазстроем» о строительстве части нефтепровода длиной 411 км, и наши строители уже разработали схему финансирования с участием французских банков, но суданское правительство расторгло контракт. Их больше устроило предложение китайской компании, которая согласилась построить весь трубопровод за 600 млн. долл. против российской оценки стоимости строительства в 850 млн. долл.[12]

В то же время при отсутствии крупных игроков с Запада (исключение составляют «Agip», «Royal Dutch/Shell» и «TotalFinaElf», сохраняющие свои представительства в Судане) шансы российских нефтяников для расширения своей деятельности в этой стране считаются неплохими. Более того, на контракты могут рассчитывать даже маленькие фирмы. Так, в 1999 г. катарская «Gulf Petroleum», работающая в этой стране, вела предварительные переговоры с «Воронежвнешторгом» относительно привлечения этой организации в качестве подрядчика по обустройству новых месторождений.

С сентября 2000 г. в Судане начала работать «Славнефть». Именно в это время «Славнефть» и министерство энергетики Судана подписали соглашение об изучении геологической информации по блоку нефтяных месторождений № 11 в центре страны (провинция Хартум). Суданская сторона передала компании все имеющиеся у нее данные геологоразведки по этому участку[13].

22 апреля 2001 г. Панафриканское информационное агентство PANA сообщило, что российская «Славнефть» достигла договоренности с суданским правительством о работах по разведке нефти и газа в Судане. По утверждению этого агентства, «Славнефть» получила концессию на разведку углеводородов в центральной части страны – штатах Хартум, Гезира, Северный Кордофан и Нахр эн-Нил, а также на востоке в районе Западный Токар. Однако это сообщение было преждевре-

менным. Президент «Славнефти» Михаил Гуцериев, который посетил Хартум с однодневным визитом, действительно подписал 21 апреля 2001 г. с Министерством энергетики и горного дела Республики Судан соглашение о дальнейшем сотрудничестве по изучению месторождений центральной части страны. Но смысл этого документа в том, что российско-белорусской компании в дополнение к уже имеющейся у нее документации на участок «Блок-11» передаются на изучение все имеющиеся материалы по соседнему участку «Блок-9» (по предварительной оценке, извлекаемые запасы обоих участков составляют около 140 млн. тонн нефти).

Министр энергетики и горного дела Судана Авад аль-Карим аль-Хайер заявил на церемонии подписания, что данное соглашение формально дает «зеленый свет» российской компании для работы на территории страны и в конечном итоге должно привлечь в Судан российские инвестиции. В то же время он подтвердил, что информация, имеющаяся по геологоразведке нефтяных месторождений Судана, является неполной и противоречивой. Но именно по ней «Славнефть» намерена принять решение о начале разведки месторождений и промышленной добычи нефти. По условиям соглашения, изучением уже имеющихся данных геолого- и сейсморазведки по 9-му блоку занимаются специалисты структурного предприятия «Славнефти» – Тверского отделения Мегионского информационного геологического центра. По словам президента «Славнефти», при положительных результатах анализа данных бурение могло начаться уже в августе 2001 г. Однако сама работа на перспективных участках начнется только тогда, когда «Славнефть» изучит полученные данные и убедится в целесообразности разведки. По другим сведениям, «Славнефть» уже готова начать переброску людей и техники в Судан.

Отсутствие полной и объективной информации по суданским месторождениям объясняется следующим: основной объем геологоразведочных работ осуществлялся до начала гражданской войны в стране. Поэтому данные по многим месторождениям – по меньшей мере 17-летней давности. Вместе с тем следует отметить, что по результатам поисково-разведочных работ в Судане выделяются два перспективных нефтегазоносных района: Верхненильский бассейн и Красноморский бассейн. Основной объем работ на шельфе Судана площадью 60 тыс. кв. км осуществлялся до начала гражданской войны в стране (1983 г.) компаниями «Agip», «Chevron», «Total», «British Petroleum», «Shell», «Union Texas», «Texas Western». Специалистами компаний был сделан вывод о перспективности красноморского шельфа в отношении добычи газа и газового конденсата. Также существуют предпосылки открытия и нефтяных залежей. Основным регионом нефтяных операций в Судане является расположенный на юге страны участок Муглад (Верхненильский бассейн), месторождения которого содержат низкосернистую легкую нефть. Поисково-разведочные

работы в этом регионе осуществлялись компанией «Chevron» – было пробурено 87 разведочных и поисковых скважин, разведано и подготовлено к разработке 7 месторождений нефти.

По заявлению министра энергетики и горного дела Судана аль-Хейра, суданская сторона не хотела бы ограничиваться предложением о разработке только девятого и одиннадцатого блоков: «У нас много свободных блоков – в частности, мы предлагаем для разработки блок № 15 (нефтегазовое месторождение на шельфе Красного моря)». «Славнефть» уже выразила свою заинтересованность в добыче газа и газового конденсата на 15-м блоке шельфа Красного моря.

Несмотря на не слишком богатые разведанные запасы нефти и газа в Судане и на политические риски работы в этой стране, экспорт суданской нефти обещает быть прибыльным, поскольку суданские порты на Красном море находятся на главном маршруте следования танкеров из Персидского залива в Европу. Положительным фактором является и расположение блоков, предложенных для разработки «Славнефти». Они находятся вблизи от столицы страны, где имеются построенные китайцами перерабатывающие мощности, и вдалеке от театра военных действий в южных провинциях. В этих условиях «Славнефть» заявляет о низкой себестоимости добываемой нефти и демонстрирует свою решимость не останавливаться на достигнутых договоренностях и приобрести, если удастся, контрольный пакет в действующем суданском проекте добычи и экспорта нефти. С этой целью «Славнефть» провела переговоры о покупке 46-процентной доли у канадской компании «Melut Petroleum» в консорциуме, который занимается добычей нефти на месторождениях Хеглиг и Юнити в Верхненильском бассейне. Помимо «Melut Petroleum», обладающей 46-процентной долей в проекте, консорциум включает суданскую госкомпанию «Sudapet» (8%), катарскую «Gulf Petroleum Corp.» и китайскую нефтяную государственную компанию «China National Petroleum Corp.» (вместе – 46%). Российская сторона предлагает примерно 10 млн. долл. за долю «Melut».

По словам президента «Славнефти», если договоренность с канадской компанией о продаже ее доли будет достигнута, правительство Судана передаст в аренду «Славнефти» 8% акций компании «Sudapet». Таким образом, НГК «Славнефть» получит контрольный пакет данного нефтяного проекта в размере 54%.

«После этого мы начнем вкладывать в проект реальные средства, обустраивать инфраструктуру суданских городов, которых касается данный проект, финансировать соцсферу, – заявил глава «Славнефти» корреспонденту агентства «Прайм-ТАСС». – Народ Судана реально почувствует присутствие в стране российских инвестиций. Сотрудничество «Славнефти» и Судана только начинается»[14].

Для реализации всех намеченных планов в «Славнефти» была создана специальная рабочая группа, а в Хартуме предполагалось открытие представительства компании.

О том, какое внимание уделяют в этой африканской стране российским нефтяникам, говорит тот факт, что президента «Славнефти» принял президент Судана. В ходе этой встречи президент Республики Судан генерал Омар Хасан Ахмед аль-Башир проявил большой интерес к планам «Славнефти» и выразил надежду на развитие взаимовыгодного сотрудничества. В свою очередь, президент компании подчеркнул, что поддержка со стороны суданского руководства является самой серьезной гарантией успешной работы «Славнефти» в Судане. По словам суданских государственных чиновников, руководство страны приветствует сотрудничество с российскими нефтяными компаниями «в любых формах и проявлениях». Переговоры, кстати, велись и с «Роснефтью», «Роснефтегазстроем» и «Татнефтью».

Руководство Судана рассчитывает, что «Славнефть» будет разрабатывать 15-й блок шельфа Красного моря в консорциуме с «Роснефтью». По словам первого замминистра энергетики и горного дела Судана Хасана Мохаммеда Али Эль-Тона, предполагается, что их работа на шельфе начнется раньше, чем добыча на девятом блоке. Кстати сказать, в феврале 2001 г. вице-президент «Славнефти» заявил, что компания ведет переговоры с «Роснефтью» по созданию СП для работы в Судане. Однако ситуация по работе на шельфе осложняется из-за того, что суданская сторона не предоставляет ни «Роснефти», ни «Славнефти» всей имеющейся у нее информации о месторождениях, и подсчитать рентабельность добычи невозможно. Вероятно, «Роснефть» в отличие от «Славнефти» смущает высокий риск работы в стране, в отношении которой не сняты ограниченные санкции ООН и где продолжается гражданская война. «Роснефть» пришла к пониманию, что в случае участия в данном проекте необходимо будет поделить риски, так как этот регион представляется сложным как с экономической, так и с политической стороны, однако пока никаких решений на этот счет принято не было[15].

Следует также обратить внимание на активность в освоении суданского рынка АО «Татнефти», поддерживаемой руководством Республики Татарстан. Так, во второй половине июня 2001 г. в Республике Судан с двухдневным визитом находилась официальная делегация Республики Татарстан во главе с премьер-министром Рустамом Миннихановым. Делегация была принята президентом Республики Судан Омаром Хасаном Ахмедом аль-Баширом. Во время визита состоялись встречи с министром энергетики и горного дела Овадом Ахмедом аль-Джазом, министром промышленности и инвестиций М.Бен Али Султаном и заместителем министра иностранных дел Хамди Тадж ад-Дином.

Во время встреч обсуждался вопрос об участии АО «Татнефть» в разработке месторождений нефти. Между нефтяной компанией «Gulf Petroleum Corp.», участвующей в проведении разведочных работ и

организации разработок ранее открытых месторождений, и «Татнефтью» подписано соглашение о совместной нефтедобыче. Вторым подписанным документом стал меморандум о сотрудничестве между министерством энергетики и горного дела Республики Судан и «Татнефтью».

Таким образом, Судан является весьма привлекательным объектом для инвестиционных проектов западных, прежде всего западноевропейских, азиатских и российских нефтяных компаний. Однако сдерживающим моментом на пути их реализации представляются политическая нестабильность в Судане, ведение боевых действий на его территории и введенные США против суданского режима экономические санкции.

[1] Нолинский А. «Славнефть» в Судане: экономические выгоды и политические риски в одном пакете // Rusenergy.com, 24.04.2001; An MBendi Profile: Sudan – Oil And Gas Industry: Exploration & Production – Overview; Sudan Country Analysis Brief. – November 2000. URL:
http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/sudan.html.

[2] Независимое нефтяное обозрение «СКВАЖИНА». События. Новости компаний. 23.04.2001.

[3] An MBendi Profile: Sudan – Oil And Gas Industry: Exploration & Production – Overview; Независимое нефтяное обозрение «СКВАЖИНА». События. Новости компаний. 23.04.2001.

[4] Panafrican News Agency, Khartoum, 19.10.2000; Sudan Country Analysis Brief. – November 2000. URL:
http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/sudan.html.

[5] Panafrican News Agency, Khartoum, 19.10.2000; Независимое нефтяное обозрение «СКВАЖИНА». События. Новости компаний. 23.04.2001.

[6] Нолинский А. «Славнефть» в Судане: экономические выгоды и политические риски в одном пакете // Rusenergy.com, 24.04.2001; China and Sudan to boost economic ties // BBC, Monday, 23.02.1998, 00:40 GMT.

[7] An MBendi Profile: Sudan – Oil And Gas Industry: Exploration & Production – Overview.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Sudan Country Analysis Brief. – November 2000. URL:
http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/sudan.html.

[12] «Славнефть» осваивает Африку («Славнефть» и министерство энергетики Судана подписали в субботу соглашение о сотрудничестве) // КоммерсантЪ, ПРАЙМ-ТАСС, 24.04.2001.

[13] Шевелькова О. Михаил Гуцериев: «Славнефть» идет в гору // Время MN, 19.07.2000.

[14] «Славнефть» добудет суданскую нефть. – ПРАЙМ-ТАСС, 23.04.2001 г.; Нолинский А. «Славнефть» в Судане: экономические выгоды и политические риски в одном пакете // Rusenergy.com, 24.04.2001.

[15] «Славнефть» осваивает Африку («Славнефть» и министерство энергетики Судана подписали в субботу соглашение о сотрудничестве) // КоммерсантЪ, ПРАЙМ-ТАСС, 24.04.2001.

Д.Л.Шевелев

ПОЗИЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА ПО ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ ИНТИФАДЫ

Целью данной статьи стал анализ позиции Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП) по палестинской проблеме в период второй интифады – с сентября 2000 г. В качестве источников использовались документы и материалы Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС МП).

За палестинским восстанием, начавшимся 28 сентября 2000 г., закрепились названия «вторая интифада» или «интифада аль-Аксы». Поводом к восстанию стало посещение парламентариями фракции Ликуд во главе с А.Шароном Храмовой горы.

Позицию РПЦ МП по палестинской проблеме определяют на сегодняшний день следующие факторы: во-первых, значение Святой Земли для всего христианского мира, во-вторых, наличие в Палестине недвижимой собственности РПЦ МП, в-третьих, желание увеличить доходы от приема паломников. Кроме того, на отношение Церкви к властям Израиля повлияли: поддержка, оказываемая Палестинской национальной администрацией (ПНА) Московской Патриархии, находящейся в конфликте с Русской Православной Церковью За Границей (РПЦЗГ), непризнание Тель-Авивом избрания 13 августа 2001 г. Собором Иерусалимской Православной Церкви митрополита Иерапольского Иринея на пост Предстоятеля Иерусалимского Патриархата, а также захват 2–5 апреля 2002 г. израильскими войсками гостиницы для паломников в Вифлееме, принадлежащей РПЦ МП.

Отношение Церкви к палестинской проблеме в период второй интифады было изложено на конференции «Святая Земля и российско-палестинские отношения: вчера, сегодня, завтра», которая проходила 11 октября 2000 г. в Москве и была организована Российской академией наук, Русской Православной Церковью и посольством Государства Палестина в Российской Федерации[1]. Кроме того, позиция Церкви отражена также в отчетах о встречах Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с Президентом Израиля М.Кацавом 24 января 2001 г., с главой Палестинской национальной администрации Я.Арафатом 24 ноября 2000 г. и 29 мая 2001 г., с министром иностранных дел Израиля Ш.Пересом 21 мая 2001 г. и в заявлении Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного

Синода Русской Православной Церкви в связи с ситуацией на Ближнем Востоке от 5 апреля 2002 г.

Русская Православная Церковь видит важность присутствия в Святой Земле в силу того, что в Иерусалиме «совершилось крестное страдание и Воскресение Спасителя»; поскольку русские паломники «начали посещать Святую Землю уже в первые века исторического бытия <...> [русской] Церкви»; поскольку русское присутствие в Палестине имеет давнюю историю и поскольку «количество паломников к святым местам многократно возросло»[2]. «Наша Церковь, – сказал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на конференции 11 октября 2000 г., – была и остается теснейшим образом связанной с этой землей через молитвы, через почитание подвижников благочестия, подвизавшихся у Гроба Господня, через многовековую традицию паломничества, через русское церковное присутствие в благословенной Палестине»[3]. И далее: «До сих пор в Иерусалиме у Гроба Господня, на Голгофе теплятся русские лампады. Множество икон, богослужебных предметов и церковной утвари находится в православных греческих храмах в Святой Земле, и местные христиане с теплом и любовью к России, к Русской Православной Церкви, к ее благочестивому народу говорят об этом»[4].

Представляет Церковь в Палестине Русская духовная миссия, первоначально учрежденная в 1847 г.[5] Деятельность Русской духовной миссии РПЦ МП была возобновлена в 1948 г.[6] В функции Миссии входят управление собственностью РПЦ МП в Палестине, прием паломников, реставрация храмов, а также забота о насельниках обителей в Святой Земле[7].

Церковь полностью поддерживает усилия Российской Федерации в качестве коспонсора мирного процесса на Ближнем Востоке. Так, Алексий II во вступительном слове на открытии конференции «Святая Земля и российско-палестинские отношения: вчера, сегодня, завтра» призвал к «активизации [мирного процесса] при максимально возможном участии России»[8].

Причиной второй интифады Церковь считает поступок А.Шарона: «Во Святой Земле происходят кровопролитные столкновения, начало которых последовало после вызывающего поступка... Ариэля Шарона»[9]. РПЦ МП выступает за прекращение боевых действий в Палестине: «Нужно сделать все возможное для прекращения военных действий в Святой Земле», – заявил Алексий II на встрече с главой Палестинской национальной администрации Я.Арафатом 24 ноября 2000 г.[10]

Церковь находит необходимым продолжать мирный процесс. Собственно же предложения Церкви содержат общие призывы и каких-либо конкретных мер не выдвигают.

Выходом из ситуации, по мнению церковных властей, должна стать **«демилитаризация** [выделено мною. – *Д.Ш.*] Израилем терри-

торий, находящихся под палестинским контролем, через соблюдение прав, прежде всего права на жизнь, свободу и достояние для каждого человека...»[11].

В официальных заявлениях Московского Патриархата не дается определения термину «демилитаризация». В международном праве существуют различные трактовки этого понятия. Так, «Дипломатический словарь» определяет демилитаризацию как «международно-правовой режим определенной территории, запрещающий ее использование в военных целях в мирное время»[12]. Демилитаризация предполагает заключение двустороннего или многостороннего договора, согласно которому на определенной территории будут ликвидированы военные сооружения и запрещено содержание вооруженных сил[13].

Исходя из предложений Церкви, Израиль должен в одностороннем порядке осуществить «демилитаризацию», что невозможно в принципе, поскольку в одностороннем порядке может быть осуществлен только вывод войск. Таким образом, в документах Службы коммуникаций ОВЦС МП под термином «демилитаризация», очевидно, подразумевается понятие «вывод войск».

Иерусалим занимает в позиции РПЦ МП по урегулированию особое место, поскольку «Святой город имеет глубокое символическое значение в христианской эсхатологии» и «по исполнении времен Церковь чает увидеть горний Иерусалим – средоточение вечного Царства Божия»[14].

РПЦ МП склоняется к поддержке палестинцев в их конфликте с Израилем: Церковь «поддерживает справедливое стремление арабского народа Палестины к обретению государственности, к восстановлению международно признанных прав на обладание исконными землями, включая территории внутри Иерусалима, превращение которого в столицу двух государств – арабского и еврейского – видится... реалистичным планом справедливого урегулирования...»[15]. В то же время Церковь принимает общий контекст и риторику новой складывающейся системы международных отношений: «Любые проявления терроризма..., – заявил Алексий II 21 мая 2001 г. на встрече с Ш.Пересом, – не должны быть терпимы»[16].

Особое внимание уделяется проблеме статуса Святых мест. Церковь предлагает сохранить экстерриториальность Святых мест. На территорию вокруг мечети аль-Акса, по мнению РПЦ МП, должен быть выдан «временный мандат на управление этим местом постоянными членами Совета Безопасности ООН», либо необходимо «сохранить для иудеев доступ к Стене плача на основе принципа экстерриториальности». При этом условием любого решения должно быть сохранение status quo христианских святых мест[17]. Такое предложение было поддержано лидерами других конфессий России, в том числе одним из руководителей Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России З.Коганом[18]. Иное мнение высказал главный раввин России (от Федерации еврейских общин России)

Б.Лазар: «Временный мандат на управление Иерусалимом постоянными членами Совета Безопасности ООН на основе экстерриториальности будет не лучшим решением»[19].

Предложение Церкви о «временном мандате» Совета Безопасности ООН на управление «местом вокруг мечети аль-Акса» в общем повторяет аналогичное израильское предложение о передаче Храмовой горы под суверенитет Совета Безопасности ООН, якобы озвученное на встрече премьер-министра Израиля Э.Барака и Я.Арафата 25 сентября 2000 г.[20]

Особой заботой Церкви является собственность в Израиле и на территории Палестинской национальной администрации и паломничество русских ко христианским Святым местам. РПЦ МП владеет в Святой Земле следующей недвижимой собственностью: собор Святой Троицы и здание Русской духовной миссии в Иерусалиме, монастырь с храмом святого апостола Петра в Яффе, храм в честь святого пророка Илии в Хайфе, монастырь в Тверии с храмом святой равноапостольной Марии Магдалины, Горненский женский монастырь в Эйн-Кареме с храмом в честь Казанской иконы Божией Матери и храмом во имя святого Иоанна Предтечи, а также мужской монастырь Живоначальной Троицы в Хевроне и участок в городе Иерихон[21].

РПЦ МП настаивает на обеспечении свободы паломничества к Святым местам в Палестине. «Надеюсь, что Святая Земля станет вновь доступна многочисленным паломникам, которые приезжают поклониться святыням трех мировых монотеистических религий», – заявил Святейший Патриарх 21 мая 2001 г. на встрече с делегацией государства Израиль во главе с министром иностранных дел Ш.Пересом[22].

В сентябре 2001 г. РПЦ МП временно прекратила направлять паломников в Иерусалим, поскольку Русская духовная миссия не могла гарантировать безопасность пилигримам. До начала интифады аль-Аксы Церковь отправляла в Святую Землю примерно по сто человек в месяц. С сентября 2001 г. по сентябрь 2002 г. Паломническая служба Московского Патриархата сократила количество посещавших Палестину до десяти паломников в месяц. Проблемы паломничества должны были обсуждаться 5 сентября 2001 г. на встрече Святейшего Патриарха Московского и всея Руси с премьер-министром А.Шароном, во время визита последнего в Москву 3–6 сентября 2001 г., но в последний момент Шарон отказался от встречи с Алексием II. По сведениям информационного сервера pravoslavie.ru (24.02.2002), с начала 2002 года «наметилась тенденция к возобновлению паломничества из России в Святую Землю», прерванного событиями второй интифады. Так, на Пасху 2002 г. ожидался приезд более ста паломников[23]. Таким образом, по-видимому, РПЦ МП сняла запрет на выезд паломнических групп, несмотря на то, что Русская духовная миссия РПЦ МП в связи с продолжающимся восстанием палестинцев сейчас также не может гарантировать безопасность русским паломникам и

сохранность недвижимой собственности. Доказательством этому стали события 2–5 апреля 2002 г. Информация о них поступала весьма разрозненно. Попытаемся восстановить картину происходившего.

29 марта 2002 г. началась военная операция израильских войск на территории Западного берега реки Иордан. Данный шаг Тель-Авива последовал за серией террористических актов на территории Израиля в марте 2002 г., самым мощным из которых стала акция смертника из боевиков ХАМАС 27 марта в Нетании – взрыв в холле отеля «Парк», в результате которого 21 человек погиб и 135 были ранены.

2 апреля израильская армия вошла в Вифлеем. В тот же день в 8 часов утра примерно 50 израильских снайперов, выбив все двери, заняли в Вифлееме Дом паломника – гостиницу на ул. Млечного грота, принадлежащую РПЦ МП, напротив базилики Рождества Христова. Рядом с базиликой находились здания Палестинской национальной администрации, а с семиэтажной гостиницы РПЦ МП хорошо просматривались город и окрестности.

В ночь на 3 апреля 150–200 бойцов из отрядов Танзим – боевых соединений движения ФАТХ – и палестинской полиции, по некоторым данным, оставив на входе оружие, вошли внутрь базилики Рождества Христова и в сад св. Иеронима при францисканском храме, попросив священников предоставить им убежище, что те и сделали. Известно, что 8–10 из укрывшихся палестинцев – христиане. После этого боевики запретили находившимся в церкви священнослужителям и корреспондентам покидать здание. Занявшие храм боевики вели обстрел израильских позиций снаружи церкви[24]. Очевидно, что палестинцы обстреливали также позиции израильтян, расположенные и в Доме паломника. По словам М.Сабаха, патриарха Иерусалимской греко-католической церкви (05.04.2002 г.), ответный огонь по церкви израильская армия не открывала[25].

2 апреля 2002 г. Святейший Патриарх обратился с письмами к премьер-министру Израиля А.Шарону и президенту Израиля М.Кацаву, в которых, в частности, сказано:

«Русская Православная Церковь последовательно выступает за мир на Ближнем Востоке, скорбит обо всех жертвах обострившегося противостояния, призывает его стороны остановить кровопролитие. Мы многократно обращались и к Правительству Израиля, и к лидерам Палестинской национальной администрации с миротворческими предложениями. Однако, к сожалению, последние действия израильских войск подрывают миротворческую миссию Русской Православной Церкви и косвенно втягивают ее в конфликт, ибо земельный участок и здание, являющиеся собственностью нашей Церкви, готовятся к использованию для вооруженных действий.

Московский Патриархат считает недопустимым использование для любых вооруженных действий территорий и зданий религиозных организаций, призванных благовествовать мир.

В связи с вышеизложенным Русская Православная Церковь заявляет свой решительный протест и требует немедленно вывести войска с принадлежащей ей территории».

Патриарх обратился также с письмами, в которых содержалась просьба о содействии в решении данного вопроса, к президенту РФ В.В.Путину, президенту США Дж.Бушу и Генеральному секретарю ООН К.Аннану[26]. Протест израильским войскам направил также Начальник Русской духовной миссии РПЦ МП архимандрит Феодосий[27].

В ночь с 4 на 5 апреля израильские солдаты покинули здание гостиницы РПЦ и заняли участок рядом с гостиницей, приобретенный еще при архимандрите Антонине (Капустине), не находящийся на данный момент в собственности Московского Патриархата. Ущерб, нанесенный израильтянами гостинице РПЦ МП, оценивался предварительно в 500 тысяч долларов[28]. Заместитель начальника Русской духовной миссии иеромонах Феофан (Лукьянов) заявил 4 апреля 2002 г. газете «Известия»: «В случае чего мы потребуем возмещения всякого ущерба с Израиля»[29].

В интервью агентству pravoslavie.ru иеромонах Феофан сообщил, что «в результате активных действий со стороны МИДа России, российского посольства в Израиле и Русской Церкви еще до окончания операции в Вифлееме израильские войска вынуждены были уйти с оккупированной ими русской церковной территории»[30]. По этому заявлению можно предположить, что между ОВЦС МП и Министерством иностранных дел Российской Федерации существует режим координации и согласования предпринимаемых действий.

5 апреля 2002 г. Служба коммуникаций ОВЦС МП распространила текст заявления Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода по поводу событий на Ближнем Востоке. В заявлении вновь указывается на необходимость обеспечения свободы паломничества в Святую Землю. Патриарх и Синод высказали возмущение «оскорбительными действиями по отношению к святыням» и «использованием для силовой борьбы зданий и территорий, принадлежащих религиозным организациям». «Попытки фактически делегитимизировать Палестинскую национальную администрацию..., – говорится в заявлении, – могут привести к полному срыву переговорного процесса и к тому, что палестинский народ лишится реальной возможности осуществить свое международно признанное право на создание собственного государства». Церковь еще раз выступила за прекращение боевых действий и возобновление переговоров. «Палестинская сторона должна безоговорочно прекратить террористические акты против мирных людей, а Израиль – вывести войска из арабских городов, вернуть палестинскому лидеру свободу общения с миром и со своими соотечественниками...» – сказано в заявлении. Священноначалие РПЦ МП призвало руководство России, США, ООН и Европейского Сою-

за «приложить все усилия для установления мира в регионе конфликта и для того, чтобы обеспечить исполнение там решений мирового сообщества». По мнению Церкви, продолжение конфликта «создаст реальную угрозу столкновения цивилизаций в других регионах»[31]. Эта фраза из заявления Патриарха и Священного Синода подтверждает высказанный выше автором тезис о том, что Московская Патриархия пытается поддерживать риторику складывающейся системы международных отношений.

11 апреля 2002 г. израильская армия вновь заняла гостиницу РПЦ МП в Вифлееме, которую покинула 5 апреля. По-видимому, данный шаг был предпринят израильскими военными с целью наблюдения за передвижениями палестинцев, укрывшихся на территории христианских Святых мест. Очевидно, более выгодной позиции рядом с базиликой не существует. По сообщениям РИА «Новости» и сервера pravoslavie.ru (12.04.2002), Израиль заявил о готовности возместить ущерб, нанесенный гостинице в Вифлееме, о чем сообщил 8 апреля полномочный министр посольства Израиля в России А.Милман[32].

Следует сказать о том, что палестинские власти пытаются активизировать контакты с Московской Патриархией. В 1998 г. РПЦ МП Палестинской национальной администрацией был передан монастырь Живоначальной Троицы в городе Хеврон и в 2000 г. – участок в городе Иерихон, что может свидетельствовать о поддержке позиции Московской Патриархии в конфликте последней с РПЦЗГ.

4 января 2001 г. посол Государства Палестина в Москве Х.аль-Ориди заявил, что православные христиане Палестины обратились к Патриарху Московскому и всем православным с призывом поддерживать православные храмы во всем мире. «Русская Церковь, – сказал посол, – должна сыграть свою духовную роль и помочь христианам Палестины защитить свои святыни». Х.аль-Ориди отметил, что православные храмы притесняются израильскими властями[33]. Сказанное может свидетельствовать также и о влиянии, имеющемся у РПЦ МП на территории ПНА.

Напомним факторы, говорящие о том, что Московский Патриархат при сохранении видимости нейтралитета по отношению к участникам конфликта склоняется к поддержке палестинских властей:

1) поддержка Палестинской национальной администрацией Московской Патриархии в ее противостоянии с РПЦЗГ;

2) влияние РПЦ МП на территории ПНА;

3) желание палестинских властей привлечь Московский Патриархат на свою сторону;

4) захват израильскими войсками гостиницы в Вифлееме, принадлежащей РПЦ МП, 2–5 и 11 апреля 2002 г.;

5) непризнание Тель-Авивом избрания митрополита Иринея Патриархом Святого Града Иерусалима и всей Палестины.

Коснемся последнего из указанных факторов. Согласно процедуре избрания Патриарха Иерусалимской Православной Церкви, список кандидатов на Патриарший престол должен быть одобрен правительствами тех государств, на которых распространяется каноническая территория Иерусалимской Церкви, т.е. правительствами Израиля, Иордании и ПНА. 8 февраля 2001 г. Поместный Собор утвердил список из 15 кандидатов на пост Предстоятеля Церкви. 10 июля того же года Местоблюститель Иерусалимского Патриаршего престола митрополит Петрский Корнилий сообщил Синоду Иерусалимского Патриархата об ответе израильского правительства, который был подписан министром юстиции М.Шитритом и исключал из списка кандидатов на пост Предстоятеля пятерых, в том числе митрополита Иерапольского Иринея. 10 июля 2001 г. генеральный секретарь Иерусалимского Патриархата митрополит Вострский Тимофей посетил Русскую духовную миссию и попросил содействия РПЦ МП для изменения позиции Израиля в отношении предполагаемых претендентов[34].

Несмотря на неприятие Израилем кандидатуры митрополита Иринея, 13 августа 2001 г. Собор Иерусалимской Православной Церкви избрал его на пост Предстоятеля Иерусалимского Патриархата. На данный момент Израиль отказывается признавать это избрание[35]. По всей видимости, существующее положение сохранится и далее: Израиль не будет официально признавать избрание Иерусалимского Патриарха, тогда как Патриарх будет продолжать служение, несмотря на несогласие Тель-Авива (Апост. прав. 30: прав. VII всел. собора 3). В таких условиях, думается, РПЦ МП может оказать содействие в диалоге между Иерусалимским Патриархом и израильскими властями.

При анализе материалов ОВЦС МП обнаруживается также роль Церкви как посредника в выяснении судьбы заложников, находящихся в руках противоборствующей стороны. Так, 24 января 2001 года на встрече Святейшего Патриарха Московского и всея Руси с делегацией Израиля во главе с президентом М.Кацавом президент Израиля обратился с просьбой оказать помощь в выяснении судьбы трех израильских солдат, захваченных боевиками движения «Хизбалла». Патриарх обещал обратиться к Блаженнейшему Патриарху Антиохийскому и всего Востока Игнатию для выяснения судьбы пропавших израильских солдат[36]. В сообщении Службы коммуникаций ОВЦС МП не говорится, о каких солдатах идет речь. По всей видимости, имелись в виду исчезнувшие 7 октября 2000 г. во время патрулирования израильской стороны израильско-ливанской границы сержант Ади Авитан, 22 года, старший сержант Беньямин Аврахам, 21 год, и старший сержант Омар Саваид, 27 лет[37].

Русская Православная Церковь Московского Патриархата является заинтересованной стороной в ближневосточных делах. Уже названные факторы определили позицию РПЦ МП по палестинской проблеме в период с 28 сентября 2000 г. Одни из них говорят о важности и необходимости активных контактов между Московской Патри-

архией и Государством Израиль, остальные – о стремлении РПЦ МП к сближению с ПНА.

Предложения Церкви по ближневосточному урегулированию носят общий характер.

На данном этапе Церковь может оказывать содействие в установлении доброжелательных отношений между властями Государства Израиль и Иерусалимским Патриархом, а также использовать церковные и личные связи для выяснения судьбы заложников, которые находились либо находятся в руках экстремистских организаций и движений. Это может укрепить авторитет РПЦ МП в регионе и способствовать развитию контактов между Церковью и Государством Израиль.

[1] См.: Итоговый документ конференции «Святая Земля и российско-палестинские отношения: вчера, сегодня, завтра» // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (ИБ ОВЦС МП). – 2000, № 10, с. 29–30.

[2] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при открытии конференции «Святая Земля и российско-палестинские отношения: вчера, сегодня, завтра» // ИБ ОВЦС МП. – 2000, № 10, с. 19.

[3] «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире». Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата на конференции «Святая Земля и российско-палестинские отношения: вчера, сегодня, завтра» // ИБ ОВЦС МП. – 2000, № 10, с. 21.

[4] Там же, с. 25.

[5] См.: Россия в Святой Земле: Документы и материалы / Архив внешней политики Российской империи; Императорское православное палестинское о-во; Ин-т рос. истории РАН. Т. 2. – М.: Междунар. отношения, 2000, с. 12–27.

[6] См.: Распоряжение Совета Министров СССР о выезде в Израиль Русской духовной миссии. 14 октября 1948 г. // Советско-израильские отношения: Сб. документов / Министерство иностранных дел Рос. Федерации; Федеральная архив. служба России; Ин-т востоковедения РАН; Министерство иностранных дел Гос-ва Израиль; Гос. архив Израиля; Центр им. Каммингса (Тель-Авивский ун-т). Т. 1. Кн. 1. – М.: Междунар. отношения, 2000, с. 405–406.

[7] «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире», с. 25.

[8] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при открытии конференции... с. 20–21.

[9] «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире», с. 27.

[10] ИБ ОВЦС МП. – 2000, № 11, с. 57.

[11] «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире», с. 27.

[12] Дипломатический словарь / Ред. колл.; Гл. ред.: А.А.Громыко и др. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 1. – М.: Наука, 1984, с. 299.

[13] См. подробнее: Клименко Б.М. Демилитаризация и нейтрализация в международном праве. – М.: ИМО, 1963.

[14] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при открытии конференции... с. 20.

[15] Там же. См. также: ИБ ОВЦС МП. – 2001, № 5, с. 105–106.

[16] ИБ ОВЦС МП. – 2001, № 5, с. 104.

[17] «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире», с. 28.

[18] http://www.pravoslavie.ru 11.10.2000.

[19] НГ-религии: Приложение к «Независимой газете». 2001, № 23 (14 декабря), с. 5.

[20] См.: Известия, 27.09.2000, № 182.

[21] См.: «Русская Церковь и Святая Земля: духовные связи, забота о мире», с. 24.

[22] ИБ ОВЦС МП. – 2001, № 5, с. 104.

[23] http://www.pravoslavie.ru 24.02.2002.

[24] http://www.pravoslavie.ru 03.04.2002; Известия, 03.04.2002. № 57; 04.04.2002, № 58; 05.04.2002, № 59; Rzeczpospolita. 2002. Nr. 79. (4 kwietnia). S. A6.

[25] Известия, 05.04.2002, № 59.

[26] Служба коммуникаций ОВЦС МП.
http://www.russian-orthodox-church.org.ru 02.04.2002.

[27] http://www.pravoslavie.ru 02.04.2002.

[28] http://www.pravoslavie.ru 04.04.2002., 05.04.2002; http://www.rbc.ru 05.04.2002.

[29] Известия, 04.04.2002, № 58.

[30] http://www.pravoslavie.ru 05.04.2002.

[31] Служба коммуникаций ОВЦС МП.
http://www.russian-orthodox-chiirch.org.ru 05.04.2002.

[32] http://www.pravoslavie.ru 12.04.2002.

[33] http://www.pravoslavie.ru 04.01.2001.

[34] http://www.pravoslavie.ru 11.07.2001.

[35] НГ-религии, 28.11.2001. № 22.

[36] ИБ ОВЦС МП. – 2001, № 1, с. 40.

[37] Министерство иностранных дел Государства Израиль,
http://www.mfa.gov.il

В.П.Юрченко

О РОЛИ СИЛЫ И НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКЕ ИРАКА
(история и современность)

Иракское общество имеет очень сложную и многообразную структуру. Оно формировалось после политической консолидации страны под британским мандатом из совершенно разнородных этнических, религиозных и племенных локальных сообществ. Причем сообщества не только не имеют каких-либо отношений друг с другом, но и зачастую враждебны. Вплоть до сегодняшнего дня «житель Ирака смотрит на себя прежде всего как на араба или курда, а потом уже как на иракца. Араб смотрит на себя прежде всего как на суннита или шиита» [5, с. 227–228]. Фейсал, первый король Ирака, еще в 20-е годы писал: «По-прежнему, и я говорю это с сердцем, полным печали, – не существует иракского народа. Есть только трудно вообразимые массы человеческих существ, лишенных какой-либо патриотической идеи, вдохновленных религиозными традициями и вздором, не связанных никакими общими связями, склонных к пороку и анархии, постоянно готовых восстать против любого правительства» [цит. по 4, с. 211]. С известной долей условности, эта эмоциональная характеристика может быть отнесена и к современному иракскому обществу.

Трудно представить наличие единства у арабов, курдов, туркманов, персов, ассирийцев, армян, езидов, халдеев, сабейцев. Сунниты и шииты также разделены на многочисленные племена и группировки. Это обстоятельство исключало в прошлом и исключает на данном этапе возможность формирования какой-либо демократической системы государственного устройства, сохраняет угрозу раскола страны, а также объясняет особую значимость для Ирака фактора силы, силового решения многих политических проблем. Прежние иракские правители осмысливали, да и С.Хусейн прекрасно осознает, с кем они имели дело и кем он управляет.

В подобных условиях формирование общенациональной консолидированной политической структуры всегда причислялось к главным приоритетам иракских правительств. Прогресс в данном направлении во все времена был относителен, но главное, как он достигался. Монархический режим, особенно в первые десятилетия правления, пытался идти к цели эволюционно-реформистским путем, стремясь достичь равновесия между традиционным и современным, но он не смог сохранить эту линию, когда под вопрос было поставлено само его существование. Последующие ре-

жимы и особенно диктатура Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ, партия Баас) при решении вопросов, связанных с консолидацией иракского общества, все больше опирались на насильственные меры, причем зачастую весьма жестокие. Особая, более значимая, чем в других странах Ближнего Востока, роль силового фактора в политике и жизни Ирака связана также с тем, что сила, резкость, бескомпромиссность и страстность иракского национального характера, приверженность иракцев к крайностям не уравновешиваются в полной мере терпимостью, гуманизмом, широтой взгляда на вещи. «Традиции кровной мести, поднятые в XX веке до уровня политической борьбы, приобрели характер групповой мести и тем самым приняли огромный трагический масштаб» [6, с. 228]. Поэтому не случайно в современной истории Ирака было так много восстаний и вооруженных выступлений, как ни в какой другой арабской стране. Именно оттого почти все государственные перевороты в стране носили кровавый характер, а иракская политическая жизнь отмечена насилием и жестокостями. «Свирепое подавление курдов, айсоров, шиитских племен способствовало закреплению этих качеств, выработало привычку решать сложные вопросы силой оружия» [5, с. 141], привело к абсолютизации положения о том, что только сильная, предельно жесткая власть может рассчитывать на самосохранение в течение длительного периода времени, а также предопределило изначальную милитаристскую направленность всех багдадских режимов. В значительной мере это можно отнести и к путям решения правителями Ирака внешнеполитических проблем.

До 1920 г. Ирак не был единым целым, а его создание Великобританией фактически представляло собой искусственное склеивание двух вилайетов бывшей Османской империи – Багдадского и Басрийского. В 1925 г. к королевству был присоединен бывший Мосульский вилайет. Попытки англичан привить на местной почве парламентаризм были натужными. В обществе с традиционной патриархальной структурой это повлекло за собой политическую нестабильность, частую смену правительств и парламентов. Так, за годы королевского режима (1920–1958) в стране сменилось 50 кабинетов министров и 15 составов парламента, причем только один из них действовал в течение четырех лет, т.е. полный срок полномочий.

В 20–30-е годы страной правила ничтожная по численности, но политически хорошо организованная суннитская багдадская верхушка. Этот период характеризовался внутриполитической нестабильностью, в Ираке происходили крестьянские восстания, волнения племен, частые смены правительств.

Власти широко использовали войска для карательных операций против национальных меньшинств и шиитов. Это губительно сказалось на моральном состоянии личного состава иракской армии. Систематическое участие в расправах с мирным населением, полная безнаказанность поощряли худшие инстинкты у военнослужащих, способствовали за-

креплению у них негативных качеств. Регулярное вовлечение армии в карательные операции неизбежно вело к тому, что военные привыкли смотреть на себя, как на решающую политическую силу, привилегированную касту, от которой полностью зависит власть и без которой режим не может справиться с государственными проблемами.

В конце 40-х – начале 50-х годов в Ираке резко усиливается борьба против монархического режима. Причем в середине 50-х годов отмечается усиление националистической и левой оппозиции. В 1954 г. создается подпольная организация «Свободные офицеры». Доминирующее положение в ней занимала фракция во главе с генералом Абдель Керимом Касемом. Его ближайшим соратником был полковник Абдель Салям Ареф.

Утром 14 июля 1958 г. части иракской армии под командованием Касема вошли в Багдад. Монархия была свергнута, а король Фейсал II и его ближайшие помощники Абдул Илах и Нури Саид убиты. Революция носила антимонархический, антифеодальный, националистический характер. Она была подготовлена всем ходом борьбы иракского народа против британского империализма и его местных приспешников. «Среди политически сознательных классов, от крайне правых до крайне левых, было трудно найти лиц, которые не находились бы в той или иной степени в оппозиции режиму, за исключением тех, чье личное благосостояние зависело от его существования, кто был связан с ним» [9, с. 149]. В то же время новый режим окончательно похоронил дело эволюционного развития Ирака. Насилие превратилось в основное средство захвата и сохранения власти.

Национализм пришедших к власти военных не сочетался с социально прогрессивными, демократическими тенденциями. Более того, военщине были присущи консервативные, антидемократические взгляды. Отсюда торможение в преобразованиях и демократизации политической жизни страны. Вскоре дали о себе знать разногласия между различными фракциями «Свободных офицеров», сказались обиды за то, что часть военных не получила важных постов и была отодвинута в сторону от активной политики. Разошлись пути Касема и Арефа. Последний возглавил в марте 1959 г. мятеж в Мосуле, а после его подавления был приговорен к длительному тюремному заключению, но в 1961 г. освобожден.

В первый период правления Касема весьма активно действовала Иракская коммунистическая партия (ИКП). Она сумела повести за собой значительные массы населения и создала вооруженные отряды народного сопротивления. В тот период компартия имела существенное преимущество перед баасистами и помогала Касему в борьбе с ними. Более того, коммунисты в 1958–1959 гг. поддались чувству мести, столь знакомому в иракской политической действительности. При подавлении антиправительственных выступлений в Мосуле и Киркуке отряды ИКП проявили ненужную жестокость по от-

ношению к своим политическим противникам. Однако вскоре Касем, опасаясь роста влияния ИКП, подверг ее притеснениям и репрессиям, а отряды народного сопротивления были распущены властями. Постепенно усиливался режим личной власти Касема, который превратился в единоличного диктатора. Фактически он вел борьбу против всех основных политических сил страны. Неудачи в войне с курдами, противоборство с оппозицией, сложности в экономике, промахи во внешней политике усиливали изоляцию режима в стране и за ее пределами.

В 1962 г. оформилось руководство заговора против Касема. Его возглавили баасисты и сторонники Арефа. Партия Баас тщательно готовилась к расправе над своими политическими оппонентами. Причем удар нацеливался не только против режима, но и против ИКП. Заблаговременно создавались отряды Национальной гвардии, для которых заготовлялись тысячи зеленых повязок, дубинки, стрелковое оружие. В городах были составлены поквартальные списки коммунистов и других противников ПАСВ, подлежащих немедленному аресту.

8 февраля 1963 г. войска заговорщиков вошли в Багдад и штурмом взяли здание министерства обороны, где размещался Касем. 9 февраля он был расстрелян, а его труп, привязанный к стулу, был показан по национальному телевидению (еще один «колоритный» штрих к характерным особенностям политической борьбы в стране). Ареф стал президентом Ирака, но реально основные рычаги власти находились в руках баасистов.

Новый режим развязал в стране массовый террор. Руководил расправами лидер иракской Баас ас-Саади, занимавший пост главы правительства и министра внутренних дел. Для упрочения своей власти и борьбы с оппозицией баасисты широко использовали Национальную гвардию, численность которой выросла с 5 тыс. чел. в феврале до 54 тыс. в августе 1963 г. Гвардейцы контролировали всю общественную и частную жизнь в Ираке. Первоначально острие террора было направлено против коммунистов, а затем против юнионистов – сторонников египетского президента Насера и демократически настроенной части общества. Летом режим развязал кровопролитную войну против курдов. Действия баасистов в 1963 г. по своей жестокости значительно превзошли деяния сторонников Касема после революции 1958 г. Уже в первые дни после переворота они расстреляли и замучили несколько тысяч человек. Всего же за десять месяцев правления ПАСВ жертвами стало до 10 тыс. чел., многие из которых погибли от зверских пыток. Около 100 тыс. чел., оказалось в концлагерях и тюрьмах. Такого жестокого насилия и разгула палачей, как при первом баасистском режиме, в многострадальном Ираке еще не было. 1963 год вошел в историю страны как год национальной трагедии и кровавого террора.

18 ноября 1963 г. в результате государственного переворота партия Баас была отстранена от власти военными во главе с

А.С.Арефом. Однако установившаяся в Ираке политическая стабильность была весьма хрупкой. Фактически борьба за власть между различными группировками никогда не прекращалась. Продолжались репрессии против левых сил и курдов. В 1964 г. режим развернул кампанию против баасистов и юнионистов. Режим Арефа превратился в военно-бюрократическую диктатуру. В стране укрепились позиции правых сил.

В условиях усиливавшегося внутриполитического кризиса руководство ПАСВ, заручившись поддержкой некоторых влиятельных представителей военной верхушки, 17 июля 1968 г. совершило государственный переворот. Между баасистами и армейской группировкой сразу же развернулась острая борьба. В итоге 30 июля военные были смещены с занимаемых постов. Власть полностью перешла в руки ПАСВ.

Верховным органом власти был провозглашен Совет революционного командования (СРК). Его председателем стал Ахмед Хасаи аль-Бакр, одновременно занявший пост президента Ирака. Саддам Хусейн стал вторым человеком в новой иерархии власти, заняв пост заместителя председателя СРК. Он руководил Бюро партийной безопасности, курировал отделы организационной и идеологической работы ПАСВ.

На своем пути к вершинам власти С.Хусейн был не очень разборчив в средствах. Еще в 1964 г. он начал создавать так называемый Специальный аппарат (Аль-Джихаз Аль-Хас). Этот законспирированный орган был известен лишь очень узкому кругу баасистских функционеров под кодовым названием «Джихаз ханин». Ему предстояло сыграть весьма важную роль в жизни не только Саддама, но и всей страны. Организация представляла собой тайную структуру, состоящую из наиболее преданных кадров, которые занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью в партии и в стране. В известном смысле, по мнению российского ученого Б.Сейраняна, «саддамовский специальный аппарат стал своеобразным прообразом, ядром будущего баасистского режима в Ираке, постепенно расширяя свою структуру и устанавливая контроль над всеми сферами общественной жизни» [14, 1994, № 4, с. 60]. С.Хусейн, используя «Джихаз ханин», устранял и уничтожал любую группу или личность, которые угрожали Баас извне, а также ликвидировал многочисленные фракции и группировки внутри самой ПАСВ. Взамен «убывших» на ответственные посты в партии, армии и госаппарате назначались люди, связанные с Саддамом родственными связями, либо неформальными узами по принципу личной преданности. Таким путем в высших эшелонах власти оказалось много лиц, происходивших из Тикрита, родины С.Хусейна.

Баасисты, учтя уроки поражения в 1963 г., с первых дней после возвращения к власти стали подчеркивать бескровный характер пе-

реворота. Было заявлено о намерении создать широкий фронт прогрессивных сил. Из тюрем выпустили до 1000 коммунистов и демократов. Руководство ПАСВ вошло в контакт с ИКП. Правительство объявило амнистию участникам курдского восстания. И все же, несмотря на показные либеральные жесты новых правителей, взаимное недоверие оставалось главной чертой характеризовавшей отношения правящего режима с другими политическими силами Ирака. Для этого у оппозиции были все основания. Ведь многие шаги баасистов отнюдь не способствовали отмыванию кровавого имиджа партии. По стране прокатилась широкая волна арестов «империалистических, сионистских, коммунистических и насеровских агентов».

Баас пришла к власти недемократическим путем. Население Ирака в своей основной массе не поддерживало ПАСВ. В 1968 г. в ней было всего около 5 тыс. членов. Партия была преимущественно суннитской. Социальная база режима оставалась очень узкой. «Враждебная конкуренция со стороны идеологически сходных политических сил (таких, как коммунисты), постоянная угроза заговоров, в которых так преуспели баасисты, стремление к неограниченной власти на фоне тяжелого положения основных масс населения заставили баасистское руководство прибегнуть к методу раскрытия заговоров, массовых казней. Вся история режима изобилует примерами раскрытия шпионских сетей, заговоров и покушений» [4, с. 115]. Заговоры были для Саддама своеобразным инструментом для устранения реальной и потенциальной оппозиции, способом посылки сигнала внешним противникам, для терроризирования населения, удерживания его в страхе.

В октябре 1968 г. учреждается особый «революционный суд» для осуждения «шпионов, агентов и врагов народа», состоявший из трех офицеров без юридического образования. Этот «суд», даже по иракским представлениям, был пародией на судопроизводство. Обвинения были весьма однообразны: «заговор с целью свержения правительства» и «шпионаж в пользу США, Израиля и Ирана». Наряду с этим широко практиковались похищения людей и казни без судебного разбирательства. Массированные чистки от нежелательных элементов проводились в государственных учреждениях. Причем чистки проводились не ради самих чисток. С.Хусейн делал и делает их, т.к. убежден, что если он сам не ударит по своим противникам, реальным или воображаемым, то они ударят по нему первыми. Каждая чистка, каждая казнь имеет свою скрытую цель. Это значит, что никто, даже его ближайшие соратники, не могут чувствовать себя в безопасности.

Однако в партийных сферах все отчетливее зрело понимание необходимости «очеловечить» лицо режима, предпринять шаги для примирения с бывшими противниками ради выхода из политической изоляции. С этой целью многие действия нового режима были направлены на укрепление социальной базы путем привлечения на свою сторону трудящихся. Власти уменьшали налоги, снижали цены

на бензин и дизельное топливо, отменили ряд ограничений на импорт товаров первой необходимости.

В 1970 г. руководство ПАСВ выдвинуло перед ИКП условия создания единого фронта. Ими были признание: Баас в качестве «революционной, юнионистской, социалистической и демократической» партии; исторически прогрессивного характера революции 1968 г.; руководящей роли Баас в правительстве, массовых организациях и Фронте; предоставление права политической деятельности в армии только ПАСВ. В 1973 г. коммунисты приняли эти условия и подписали с ПАСВ соглашение о Хартии национальных действий и образовании Прогрессивного национально-патриотического фронта (ПНПФ).

Образование ПНПФ и коалиционной политической системы оказалось лишь ширмой, использовавшейся баасистами для консолидации своей власти. В тот период правящему режиму нужно было, в первую очередь, справиться с восстанием курдов, и он временно нейтрализует компартию, предложив ей союз. На деле же руководство ПАСВ изначально держало курс на создание однопартийного режима, опирающегося на разветвленную систему спецслужб и партийные военизированные формирования. К тому же С.Хусейна всегда тревожила широкая народная база ИКП, ее эффективная организационная структура, особенно среди курдов и шиитов.

В конце 70-х годов, после расправы с курдами и шиитами, ПАСВ больше не нуждалась в сотрудничестве с ИКП, которая оставалась единственным препятствием на пути установления полной гегемонии Баас в стране. Началось «выдавливание» коммунистов из всех сфер жизни общества. Была запрещена их деятельность в массовых организациях, где коммунисты сохраняли некоторое влияние. В 1978–1979 гг. примерно 10 тыс. сторонников компартии были репрессированы, в основном уничтожены. На них устроили самую настоящую охоту. К подозреваемым в принадлежности к ИКП врывались в дома, их убивали на глазах у родственников и сослуживцев, прямо на улицах. Широко практиковались пытки и похищения людей. Саддам объявил коммунистов «иностранными агентами», арестовал их представителей в ПНПФ и запретил выпуск всех изданий ИКП. Таким образом, Ирак стал страной с монополией ПАСВ на власть и тотальной идеологизацией общества, навязанной свинцом и кровью.

После июля 1968 г. правящий в Ираке режим стал утрачивать чисто военные черты. Пример Сирии, где военная верхушка местной Баас фактически подчинила себе партию, оказал сильное влияние на политику Саддама в отношении армии. Руководство ПАСВ взяло решительный курс на установление полного идеологического, политического и административного контроля над ВС посредством их баасизации. Была поставлена задача создания «идеологической армии», нацеленной на защиту власти Баас. Всех нелояльных режиму офицеров увольняли из ее рядов, либо отправляли на службу в Курдистан. В военно-учебные заве-

дения принимались только члены Баас, которые подписывали обязательство работать в интересах партии. В случае его нарушения военнослужащие подвергались репрессиям. Жестче стала дискриминация по религиозному и национальному признакам при наборе в вооруженные силы и продвижении по службе. На ответственные посты выдвигали лишь генералов и офицеров, связанных с С.Хусейном и тикритским кланом. К концу 1976 г. в армии завершилось формирование сети баасистских политических комиссаров, принадлежащих к аппарату безопасности Саддама. В 1977 г. на пост министра обороны был назначен родственник С.Хусейна генерал А.Хейралла, что означало прямой переход армии под контроль диктатора. В 1978 г. издается декрет, запрещающий небаасистскую партийную деятельность в вооруженных силах. К этому времени из руководства Баас была вытеснена так называемая «военная» группировка, ориентировавшаяся на президента Бакра. Часть видных военных баасистов (всего до 60 человек, включая бывшего министра обороны генерала Тикрити) была уничтожена, другие брошены в тюрьмы или уволены со службы.

С.Хусейн давно мечтал о превращении партии Баас в хорошо организованную и действенную силу, способную не только захватить власть, но и прочно ее удерживать. В этой связи «все более привлекательным для него становились модели большевистской России и фашистской Германии, внутренне прочные и сумевшие создать мощнейшие в мире армии, опираясь на однопартийные системы. Саддам тщательно изучает опыт коммунистического движения, уделяя особое внимание вопросам организационной структуры партии, вникает в сталинские методы установления контроля над партийным и государственным аппаратом» [14, № 2, 1994, с. 58]. В итоге ему удалось создать строгую партийную структуру, наладить подбор и расстановку нужных и преданных кадров. При этом С.Хусейн умело использовал для достижения корыстных политических целей племенные, клановые, региональные и семейные связи и противоречия.

Во второй половине 70-х годов в Ираке форсированными темпами происходило сращивание партийного и государственного аппарата, сосредоточение всей власти в руках партийных органов, устанавливался тотальный контроль над СМИ при одновременном их значительном количественном росте. Огромные средства расходовались на совершенствование форм и методов баасистской пропаганды. Аппарат «Джихаз ханин» пронизал все сферы жизни страны. Члены партии назначались ответственными за свой квартал и даже дом. Они были обязаны сообщать властям о благонадежности всех своих соседей и родственников. Ярко выраженный идеологический характер придавался всей системе просвещения, начиная с дошкольного уровня. Она была сориентирована на воспитание молодежи в духе идей партии Баас. Небаасистам были закрыты двери не только военных, но и педагогических учебных заведений. Любые формы сопротивле-

ния баасизации влекли за собой аресты, пытки и часто оканчивались «исчезновением» недовольных.

Суровые наказания были введены для членов ПАСВ. Так, Уголовный кодекс, разработанный под личным руководством С.Хусейна, предусматривал смертную казнь за утаивание членами Баас их бывшей партийной принадлежности, за вступление в ПАСВ при одновременном поддержании связей с другими политическими партиями, за выход из Баас и вступление в другую партию, за склонение члена ПАСВ к выходу из партии. В 1975–1978 гг. принимается серия антидемократических законов. В частности, по закону № 35 (1977 г.), который реформировал всю правовую систему страны, лишались иракского гражданства «все лица, придерживающиеся враждебной политической, экономической или интеллектуальной оппозиции к революции и ее программам». Закон вводил в действие баасистскую интерпретацию «арабской идентичности». Документ фактически оправдывал любые варварские акции в отношении курдов.

К 1977 г. руководители партийных организаций провинций, органов безопасности, командование армии и министры отчитывались уже не перед президентом Бакром, а непосредственно перед Саддамом. К этому времени он, успешно расправившись со всеми своими врагами и соперниками в Баас, решил, что пришла пора «отцу» уступить место «сыну». 17 июля 1979 г. Бакр был лишен всех постов и взят под домашний арест. Официально сообщили, что он ушел в отставку по болезни. Единоличным главой государства и партии стал С.Хусейн.

Появление во главе страны Саддама Хусейна явилось логическим следствием всей предшествующей истории внутриполитического развития Ирака, его традиций – амбициозности, гегемонизма, жестокости, культа войны. Саддам – естественный продукт иракского политического поля.

Свой приход к власти диктатор отметил грандиозной «чисткой», точнее, погромом реальных и потенциальных соперников и критиков среди руководящего слоя ПАСВ. «Просто лишить соперников власти Саддаму было недостаточно. Помня о том, что Касем и Ареф проявляли мягкость и не уничтожали противников, а последние одерживали верх, Саддам не хотел повторять ошибку» [1, с. 164]. После публичных «признаний», скорого суда и помещенных в прессе «саморазоблачений» 21 человека приговорили к расстрелу, а 33 – к различным срокам тюремного заключения. Среди казненных была треть членов Совета революционного командования, министры, члены иракского регионального руководства ПАСВ, профсоюзные деятели. Часть репрессированных была в прошлом выдвиженцами самого Хусейна. Команду для исполнения приговора сформировал лично диктатор. Она состояла из сохранивших его доверие членов СРК и специально выделенных провинциальными организациями Баас особо отличившихся партийных активистов. Казнь состоялась на гигантской площади в присутствии огромной массы народа, а также многочисленных журнали-

стов и дипломатов, приглашенных сюда по настоянию «хозяина». После этого по Ираку прошла общенациональная кампания чисток, в ходе которой до 500 баасистов высокого ранга подверглись казням, репрессиям или без лишнего шума «исчезли» вместе с семьями.

Саддам укреплял свою власть тотальным террором, и эту линию он проводит до сегодняшнего дня. В его глазах никакое инакомыслие не может быть незначительным или ничтожным. Оно приравнивается к мятежу, требующему возмездия и полного искоренения. «Для Хусейна политика – это непрерывная борьба за выживание. Конечная цель – остаться в живых и сохранить власть, а это дело оправдывает любые средства. Верить никому нельзя. Все являются действительными или потенциальными врагами. Нужно ни в коем случае не терять бдительности, заставляя других дрожать от страха, и всегда быть готовым убить, прежде чем убьют тебя» [1, с. 15].

Приход к власти в Ираке ПАСВ привел к затуханию внутриполитических конфликтов и окончанию хронической нестабильности в верхних эшелонах государственной власти. Однако подлинная стабильность утвердилась лишь после укрепления позиций «гражданского» крыла партии во главе с С.Хусейном, выступившим с программой преобразований, сформулированной в самой общей форме в лозунге: «Сильная экономика, сильная армия, сильное руководство».

Начавшаяся в 1980 г. война с Ираном существенно осложнила обстановку в стране. Возросшие военные расходы, снижение мировых цен на нефть, экономические неурядицы поставили страну на грань финансового краха. Нарастание военных и экономических трудностей сопровождалось усилением националистических тенденций. Непомерно раздувался культ личности С.Хусейна. Одновременно заметно возросла роль исламской религии в обществе.

Даже в годы войны режим не прекращал репрессий в армии. Так, генералы А.Х.Гашим и Х.С.Фахри, руководители операции по разгрому иранских войск в районе Фао, имевшей решающее значение для перелома в боевых действиях против Ирана, были сняты с занимаемых постов и канули в неизвестность. «Великий полководец» не терпел соперников.

К 1990 г. иракское общество подошло в очень сложном состоянии. Баасизм в Ираке основательно разрушил и деформировал сложную традиционную систему отношений, имевших определенную иерархию и упорядоченность. На место представителей прежних уважаемых фамилий пришли новые лидеры. Они самоорганизовались по старому клановому признаку, но в самих новых кланах укрепились другие законы и порядки. Убийства противников внутри страны и за рубежом, устранение заговоров, пытки и показательные процессы стали постоянной реалией жизни Ирака. Общенациональное единство поддерживалось не столько за счет адекватных связей, сколько насильственно,

и из-за общего интереса в получении своей доли государственного пирога.

Нельзя не отметить, что режиму удалось сыграть на инстинктах и привычках иракцев не самого лучшего свойства. Длительная подневольность и невозможность самореализации в независимых от государства сферах деятельности привели к распространению иждивенческих и паразитических настроений. Ситуация усугубилась резким ухудшением финансово-экономического положения страны после окончания войны с Ираном. Осложнилась социальная ситуация, росли цены. В этих условиях захват и разграбление Кувейта в 1990 г. были не просто авантюрой руководства. Они были поддержаны большинством населения, в особенности военными и сотрудниками спецслужб.

После поражения Ирака в войне с многонациональной коалицией в феврале 1991 г. обстановка в стране резко обострилась. Внутренние оппозиционные силы сочли ситуацию благоприятной для открытого выступления против баасистского режима. Воспользовавшись временным параличом власти, курды на севере и шииты на юге в течение короткого времени установили свой контроль над большими территориями. Однако в Багдаде довольно быстро пришли в себя от последствий военного разгрома, а у иракской армии осталось достаточно сил для проведения масштабных карательных операций против оппозиции.

И все же наиболее опасными для режима в тот период были колебания, сомнения и попытки использовать ситуацию для захвата власти со стороны соратников президента и отдельных представителей правящей элиты. Борьба с этой угрозой стала главным делом наиболее доверенных родственников Саддама. «Оправившись от шока поражения, Хусейн спешно стал искать основу не просто в лице наиболее способных тикритцев, а в кровных родственниках, привязанных к нему еще узами кровавых преступлений. В критических условиях методы манипулирования кровными родственниками, просто тикритцами и старыми доверенными людьми типа Т.Азиза, и достижения баланса путем противовесов различных по степени, характеру и источнику влияния фигур не могли обеспечить сохранения власти. Саддам Хусейн стал создавать не просто коллегиальный орган руководства, а именно клан, спаянный кровным родством, соучастием в преступлениях, контролирующий все без исключения стороны жизни. Все люди этого клана понимали и понимают, что их судьба и будущее неразрывно связаны с судьбой С.Хусейна. Без него они, их дети и родственники не могут не только участвовать во власти и получать материальные блага, но и просто сохранить жизни. ... Все они стали заложниками режима, вместе с которым они должны выжить или погибнуть» [4, с. 225–226].

Для упрочения контроля за обстановкой в стране летом 1991 г. в Ираке создается институт военных губернаторов, которые сосредоточили в своих руках все силы по поддержанию порядка. Особое внимание уделяется своевременному выявлению и пресечению деятель-

ности любых оппозиционных режиму группировок, создаваемых на политической основе или в результате межклановых разногласий.

И все же, несмотря на жестокий террор и постоянные репрессии, угрозы правящему в Ираке режиму существовали и продолжают существовать. В 1992 году в г.Салах-эд-Дине в Курдистане состоялась конференция 31 оппозиционной партии и группировки, действующих в Ираке и за рубежом. Однако, несмотря на продемонстрированное стремление к единству, оппозиция так и не смогла создать реально действующий блок.

В 1999 г. в Нью-Йорке состоялась новая встреча иракских оппозиционеров, где были выработаны основные принципы объединения антирежимных сил. В то же время большинство шиитских группировок отказалось от участия в совещании и дало ему негативную оценку. Их позиция заключается в неприятии каких-либо переговоров под эгидой США и в отклонении любой американской помощи в борьбе против С.Хусейна. В целом иракская оппозиция по-прежнему разобщена, не имеет прочной опоры внутри страны и видных авторитетных лидеров. В этих условиях, несмотря на всю сложность внутриполитической обстановки, режим сохраняет контроль над развитием обстановки на большей части территории Ирака.

Для борьбы с силами оппозиции власти выработали довольно эффективные меры обеспечения безопасности режима. Решением этих задач заняты многочисленные спецслужбы и различного рода военизированные формирования.

К основным спецслужбам Ирака относятся: Главное управление разведки (ГУР), Служба специальной безопасности (ССБ), военная разведка. Наиболее крупной разведывательной и контрразведывательной организацией считается ГУР. Имеются также Служба общей безопасности. Непосредственно президенту подчиняется орган военной контрразведки – Военная служба безопасности. Сотрудники перечисленных ведомств и привлеченные ими к сотрудничеству лица действуют во всех государственных, общественно-политических структурах и организациях, в сфере частного бизнеса и др. За рубежом спецслужбы помимо решения чисто разведывательных задач ведут активную слежку за иракскими гражданами.

Служба специальной безопасности отвечает за безопасность президента и членов его семьи. ССБ стоит на вершине иракского разведывательного сообщества. Численность ее кадрового состава оценивается в пять тысяч человек. В основном это выходцы из Тикрита, Хуведжи и Самарры. На работу в ССБ принимаются также выходцы из племени ад-Делаим, проживающего на западе страны. Служба ведет активную работу среди курдов и шиитов. Правящий режим не скупится на содержание специальных служб, т.к. считает решаемые ими задачи приоритетными для своего сохранения.

К военизированным формированиям, выполняющим задачи по обеспечению безопасности баасистского режима и его лидера относятся: Рес-

публиканская гвардия (РГ), Республиканская гвардия особого назначения (РГОН), «федаины Саддама» и военизированные отряды Баас.

Основным инструментом силового подавления возможных массовых беспорядков и попыток военных переворотов является Республиканская гвардия. Она подчиняется непосредственно С.Хусейну, а командует ее формированиями младший сын президента Кусей. По своей численности и уровню подготовки РГ может успешно противостоять регулярной армии, в ее составе имеется семь дивизий (пехотных – 3, механизированных – 1, танковых – 3), сведенных в два корпуса: Северный (штаб в Багдаде) и Южный (штаб в Делайя). Соединения и части РГ комплектуются специально отобранным личным составом и оснащены наиболее современным и технически исправным вооружением. Денежное содержание военнослужащих Республиканской гвардии в пять-восемь раз выше, чем в армии.

Значительными военными возможностями обладает Республиканская гвардия особого назначения (26 тыс. человек), которой также командует Кусей. РГОН была выделена из состава Республиканской гвардии в 1983 г. и предназначена для защиты лично президента и его семьи, предотвращения и подавления попыток переворотов. Личный состав РГОН отбирается очень тщательно по принципу личной преданности главе государства. Формирования гвардии несут службу по охране резиденций С.Хусейна и являются резервом при локализации кризисных ситуаций. Организационно РГОН состоит из четырех специальных бригад, танковой бригады, полка САУ, артиллерийского командования (две батареи), командования ПВО, разведывательного бюро, подразделений обеспечения.

Отряды «федаинов Саддама» (40 тыс. человек) созданы в 1991 г. и подчиняются старшему сыну президента Удею. Они осуществляют патрулирование в городах и сельской местности, занимаются охраной общественного порядка и борьбой с контрабандой.

На сегодняшний день одним из важных инструментов поддержания порядка в стране являются военизированные подразделения партии Баас. Периодически проводимые учения обеспечивают их постоянную готовность быстро и четко решать задачи по предотвращению, а в отдельных случаях и подавлению антиправительственных выступлений.

Высшим координационным органом специальных служб Ирака является Совет национальной безопасности (СНБ), который возглавляет С.Хусейн. Непосредственно работу СНБ курирует Кусей. При СНБ имеется специальный комитет, наделенный особыми полномочиями, позволяющими ему арестовывать любого подозреваемого, невзирая на его служебное положение, пусть даже весьма высокое. В то же время реально деятельность спецслужб оценивается не СНБ, а имеющим более серьезное влияние Управлением президентского дворца, где в узком кругу собираются лица, особо близкие к Саддаму.

С их участием и решаются важнейшие вопросы руководства разведывательным сообществом страны.

В комплексе президентского дворца в интересах Совета национальной безопасности действует объединенный оперативный центр. Его обслуживает персонал ССБ, использующий современную вычислительную технику, сетевое оборудование, средства связи и информацию для контроля за оперативной обстановкой в Багдаде и его окрестностях. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций в том или ином районе столицы из центра поступают необходимые распоряжения в бригаду быстрого реагирования ССБ, батальон быстрого реагирования и батальон обеспечения безопасности военной разведки, части быстрого реагирования РГОН. Объединенный оперативный центр связан с базой данных ГУР, где хранятся данные на значительную часть населения страны.

По сообщениям иностранной печати, в 1997 г. в Ираке создана новая структура «Аднан», которая подчиняется лично президенту и должна стоять над всеми остальными специальными службами.

Действия конкурирующих и не доверяющих друг другу спецслужб почти не согласовываются. Службы безопасности редко и неохотно делятся друг с другом полученной информацией. В надежде на неудачу коллег при проведении операций порой дело доходит до саботажа со стороны соседних ведомств. Вместе с тем следует подчеркнуть, что иракские спецслужбы в целом успешно справляются с поставленными задачами по обеспечению безопасности режима и поддержанию стабильности в стране. Именно благодаря их функционированию настроения безысходности и апатии среди населения после 1991 г. не были доведены до критической точки.

Важное значение для судеб Ирака имеет расстановка сил в высших эшелонах власти. Президент продолжает политику соблюдения баланса сил между его старыми соратниками по баасистскому движению и представителями правящего клана Ат-Тикрити. Единство и слаженность действий высшего руководства Ирака в сложившейся ситуации становится основой выживания режима в условиях международных санкций. В связи с этим личность С.Хусейна как единоличного лидера страны продолжает оставаться основным фактором в деле сохранения внутренней стабильности и нейтрализации внешних усилий, направленных на смену центральной власти и раскол страны. Ясное понимание этого момента остальными членами руководящего звена привело к дальнейшей концентрации власти в руках президента. Практически все важные решения внутри- и внешнеполитического характера принимаются лично С.Хусейном. Серьезная внешняя угроза баасистскому режиму объективно способствует консолидации поддерживающих его политических сил, экономических структур и общественных организаций вокруг правящей партии и ее лидера.

Учитывая ключевую политическую роль С.Хусейна, приняты беспрецедентные меры по обеспечению его личной безопасности. В

частности, усилен режим секретности вокруг местопребывания и маршрутов движения президента, увеличено количество поясов безопасности и созданы дублирующие охранные службы.

В августе 1999 г. С.Хусейн назначил своим преемником на посту главы государства младшего сына Кусея (1968 г. рождения). В настоящее время Кусей отвечает за личную безопасность президента, членов его семьи и высшего руководства страны. Указом Саддама предусмотрена передача Кусею широких полномочий вплоть до выполнения обязанностей главы государства «в случае, если с президентом что-нибудь произойдет». В настоящее время он курирует деятельность регионального руководства Баас, вооруженных сил и спецслужб. С 1997 г. Кусей возглавляет межведомственную комиссию, координирующую экономическую политику в стране. На него также возложено ведение диалога с курдами. В помощь Кусею создан специальный комитет из числа ближайших сподвижников Саддама. В апреле 2001 г. Кусей избран заместителем генерального секретаря ПАСВ по оборонной политике. Этим шагом официально закреплено его положение в качестве второго человека в Ираке. По характеру Кусей считается более спокойным, чем его старший брат Удей.

В этой связи отметим, что в случае, если бы «наследником» диктатора стал Удей, имеющий взрывной и значительно более жестокий, чем у отца, характер, политика Ирака могла бы стать еще более непредсказуемой. Сейчас Удей контролирует СМИ, молодежные и спортивные организации.

Подстать С.Хусейну и другие высшие руководители страны. «Иракские руководители так долго вонзали ножи в спину друг другу, что больше уже никому не могут доверять и считают, что надо держаться людей из родного города» [15, 26.9.1989 г.]. Но и своих тикритцев Саддам не щадит, если считает, что они представляют опасность для его власти.

Вся история иракской Баас – это длинная цепь заговоров, чисток, казней, периодического устранения различного рода «изменников». В ходе борьбы за власть баасисты овладели наиболее изощренными методами воздействия на массы и самыми жестокими методами борьбы с политическими противниками. Монополизация политической деятельности, насаждение диктаторских методов правления, ставка на насильственное решение курдского и шиитского вопросов – вот главные черты политики баасистов. В сложных внутриполитических условиях партия Баас остается связующей силой в обществе и одним из главных инструментов режима в проведении внутренней политики.

Уже в первые годы своего существования иракское государство столкнулось с острыми проблемами налаживания отношений с национальными меньшинствами. На территории Ирака проживают различные народы и народности. Основное население страны – арабы (75%), вто-

рой по численности национальностью являются курды (20%). В стране проживают также туркманы, ассирийцы (айсоры), персы, армяне и др.

Сложнейшие и весьма деликатные проблемы межнациональных отношений иракские власти традиционно пытались решать административными и силовыми методами, причем зачастую огнем и кровью в самом непосредственном смысле этих слов. В стране принимались законы, которые должны были способствовать ассимиляции национальных меньшинств, препятствовать их национальному возрождению.

Главной составляющей межнациональных отношений в Ираке была и остается курдская проблема. Причем стремление разгромить курдское движение, полностью подчинить Курдистан Центру превратилось в константу внутренней политики всех багдадских режимов от короля Фейсала до Саддама Хусейна. Курдский вопрос считается одним из самых сложных и болезненных для Ирака, а национальное движение курдов реально угрожает единству и территориальной целостности страны. Одновременно действия багдадских властей и курдских националистов представляют собой одну из самых наглядных иллюстраций приоритета силовых методов в иракской политике, причем методов самых жестоких и беспощадных.

Курдская проблема в Ираке берет начало в 20-х годах прошлого столетия, когда обширные территории, населенные преимущественно курдами (так называемый Южный Курдистан, районы городов Мосул, Киркук, Сулеймания, Эрбиль и др.), были включены в состав иракского королевства на правах обычных провинций. При этом они не получили каких-либо национальных прав. Более того, на всем протяжении иракской истории центральные власти в той или иной степени и форме проводили политику ассимиляции курдов, считая, что только так можно решить весь комплекс проблем, связанных с межнациональными отношениями. В Багдаде всегда утверждали, что Курдистан – это «неотъемлемая часть арабской родины», а курды в лучшем случае правомочны рассчитывать лишь на весьма ограниченные права национального меньшинства. В этих условиях столкновение арабов с курдами стало неизбежным: курды не могли не требовать автономии, арабы же не могли не опасаться того, что курдская автономия станет основной угрозой иракской государственности, что приведет страну к расколу. Первое крупное восстание курдов было в 1926 г. В дальнейшем курдские восстания вспыхивали в 1930–1931, 1931–1932, 1934 и 1935 гг. Все они были жестоко подавлены иракской армией.

Еще большую значимость курдская проблема приобрела в связи с обнаружением в начале 20-х годов на севере Ирака крупных запасов нефти и началом ее добычи. Это обстоятельство поставило в повестку дня вопрос о принадлежности территорий нефтяных месторождений и распределении доходов от продажи нефти.

Дискриминационная политика, осуществлявшаяся иракскими властями в отношении курдов, еще больше ужесточилась в годы второй

мировой войны. Это привело к новому восстанию в Курдистане в 1943 г., которое с трудом было подавлено лишь осенью 1945 г. В 1946 г. курды создают свою политическую организацию – Демократическую партию Курдистана (ДПК), которую возглавил М.Барзани.

В первые месяцы после революции 1958 г. новый режим сделал некоторые послабления курдам: было провозглашено равноправие между арабами и курдами, власти ввели местное самоуправление в Курдистане, разрешили преподавание на курдском языке в школах и создание курдских СМИ. В Ирак после многолетней эмиграции вернулись М.Барзани и его соратники. В то же время подлинной автономии курды не получили. Уже в 1960 г. правительство начало широкую антикурдскую кампанию. Официозная газета «Ас-Саура» призывала «покончить с заигрываниями с курдами» и «расплавить курдскую нацию среди арабов». В 1961 г.Касем развязал войну в Курдистане, направив туда крупные силы войск. Правительственные ВВС подвергли массированным бомбардировкам курдские районы. В ходе операций армия проявляла жестокость к мирным жителям, однако сломить сопротивление повстанцев не удалось.

Попытки баасистов достичь договоренности с курдами на основе их подчинения центральным властям успеха не имели. В июне 1963 г. против них были брошены крупные силы сухопутных войск, ВВС, а также формирования полиции и Национальной гвардии. Военные широко применяли тактику «выжженной земли», разрушали курдские деревни, сжигали посевы и леса, истребляли мирных жителей и скот. Людей расстреливали с самолетов. Фактически проводилась линия на геноцид курдского населения. Неоднократно предпринимались попытки физического устранения М.Бар-зани. Однако и тогда властям так и не удалось подавить восстание.

В 1964–1965 гг. правительство и ДПК вели переговоры, в ходе которых руководство повстанцев отказалось принять навязываемые им властями условия, выражавшиеся в формуле «не отдадим курдам ни пяди арабской земли». В результате война в Курдистане продолжилась. В мае 1966 г. началось крупное наступление против курдов. В нем участвовало 35 тыс. чел., поддержанных большими силами авиации. Тем не менее курды перехватили инициативу и нанесли иракской армии крупное поражение, что вынудило власти вновь пойти на переговоры с М.Барзани. 24 июня 1966 г. в Багдаде была опубликована правительственная декларация, предусматривавшая мирное решение курдского вопроса. Боевые действия прекратились.

Баасисты после своего второго прихода к власти вновь пытались силовым путем навязать курдам свои условия урегулирования. Однако в ходе возобновившихся боев повстанцы к осени 1969 г. заняли около половины территории Курдистана. Режим оказался на грани острого кризиса и был вынужден пойти на весьма серьезные уступки курдам. 11 марта 1970 г. СРК обнародовал Декларацию по урегулированию курдской проблемы, в которой говорилось о намерении властей создать Курдский

автономный район (КАР). Декларация предусматривала удовлетворение почти всех основных требований курдского движения в Ираке. Однако в документе ничего не было сказано об одном из кардинальных вопросов – территориальном, о конкретных границах будущего автономного района. Это в первую очередь касалось Киркука, нефтяного центра Курдистана, где в то время добывалось до 2/3 иракской нефти.

Для реализаций положения Декларации 1970 г. правящий режим определил срок в четыре года. Такой длительный временной промежуток дал возможность баасистам в дальнейшем блокировать многие принципиальные вопросы, касающиеся автономии курдов. Используя ряд внешних и внутренних факторов, багдадские власти вероломно отказались от целого ряда принципиальных положений Декларации. В ответ в 1973 г. ДПК не вошла в состав ПНПФ. Но вскоре в курдском движении не без помощи властей произошел раскол, и «новая» ДПК стала сотрудничать с Багдадом.

21 марта 1974 г. СРК утверждает закон № 33 о создании курдского автономного района с центром в городе Эрбиль. Однако данный документ не только не соответствовал условиям Декларации 1970 г., но и в значительной степени сводил на нет уступки властей, которых добились курды ценой огромных жертв. В состав КАР не был включен ряд районов с преобладающим курдским населением и богатых нефтью. Диктуя свою волю как по территориальным, так и по политическим вопросам, баасистский режим практически предложил курдам лишь куцую автономию, что, естественно, вызвало резко отрицательную реакцию у курдского руководства и привело к возобновлению вооруженного противостояния уже в апреле 1974 года.

Война с курдами вылилась в тяжелые и затяжные боевые действия, требовавшие от Багдада все новых усилий и жертв без видимой перспективы на конечный успех. Фактически, она поставила режим на грань выживания. Ситуация осложнялась тем, что Иран поддерживал сторонников Барзани, в том числе поставками оружия. В этих условиях иракское руководство в марте 1975 г. заключило соглашение с Ираном, по которому пошло на уступки в вопросе о прохождении границы по реке Шатт-эль-Араб. Со своей стороны, Иран прекращал оказание помощи курдским повстанцам. Оказавшись в изоляции, курды были вынуждены прекратить вооруженную борьбу. Но не надолго, уже в 1976 г. они вновь взялись за оружие.

С 1975 г. террор властей в Южном Курдистане принял тотальный характер. Режим расправлялся практически со всеми течениями в курдском движении. Спасаясь от преследования, страдая от тяжелейших лишений, нехватки пищи, жилья, медицинской помощи, десятки тысяч иракских курдов были вынуждены перейти в Иран. Вдоль границ с Турцией и Ираном иракская армия приступила к созданию 1,5-километровой «полосы безопасности» или «арабского пояса». Целью данного мероприятия было затруднить контакты иракских курдов со своими единоплеменниками в

других странах и ограничить им оперативный простор для антирежимной деятельности. Депортированное курдское население размещалось в пустынных районах на юго-западе страны. Баасисты также пытались «очистить» от курдов провинции Дияль, Киркук и Мосул. Правительство «вырезало» ряд курдских административных единиц из состава КАР. Необходимо подчеркнуть, что политика изменения структуры населения в Курдистане начала осуществляться еще при Касеме. Она носила преемственный характер – ее придерживались все без исключения иракские режимы.

Депортация курдов осуществлялась с присущей баасистскому режиму жестокостью. Семьи, подлежавшие выселению, располагали 2–3 днями на сборы. При этом скот, домашние животные, птица конфисковывались. Затем курды на армейских грузовиках вывозились в наспех сооруженные «жилые комплексы», которые были организованы по военному образцу и охранялись вооруженными отрядами. В них не было ни школ, ни магазинов. Не было даже питьевой воды. Вода выдавалась дважды в сутки из автоцистерн. Курдам были запрещены контакты между отдельными семьями, им не разрешалось покидать новые места жительства. Выступления протеста против режима, установленного в «жилых комплексах», жестоко подавлялись. В рамках кампании по насильственному переселению курдов в период с 1974 по 1978 гг. в провинциях Дияль, Сулеймания, Эрбиль, Киркук, Дохук и Мосул обезлюдели 1222 деревни, из которых 240 было сожжено, а часть была срыта бульдозерами и саперными танками. Всего за указанный период, по различным оценкам, из Курдистана было депортировано от 300 до 350 тыс. человек.

Проводившаяся с середины 70-х годов политика баасизации этнических меньшинств, в первую очередь курдов, сочеталась с политикой их насильственной арабизации. Багдадский режим открыто демонстрировал стремление превратить курдов в национальное меньшинство, лишенное не только собственной территории, но и культуры. Интенсивно проводился курс на «декурдизацию» северных районов Ирака. Курдские средства массовой информации, общественные и профсоюзные организации были запрещены. Курдские школы закрывались, а на их месте открывались арабские. В них вся учебно-воспитательная работа велась в духе идей ПАСВ.

Осенью 1979 г. в преддверии возможной войны с Ираном С.Хусейн обещал вернуть курдов в Курдистан.

Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. иракские курды попытались решить свои проблемы при помощи Ирана. Они участвовали в боевых действиях на стороне иранских войск, помогли им захватить несколько населенных пунктов в приграничной зоне на севере Ирака. В то же время часть курдов поддержала иракцев в их противоборстве с Ираном.

Месть Багдада не заставила себя ждать. Иракские войска провели ряд карательных операций в Южном Курдистане. Против повстанцев и мирного населения было применено химическое оружие. Всего с апреля 1987 г. по август 1988 г. армия использовала его более 40 раз.

Наибольшую известность получило применение боевых отравляющих веществ в г.Халабджа вблизи границы с Ираном 16 марта 1988 г., когда погибло 5 тыс. и было искалечено до 20 тыс. человек.

Еще до окончания боевых действий на иранском фронте иракские власти разработали комплексную программу борьбы с курдами, получившую название «Анфаль» («Военная добыча»). Ее целью было «окончательное решение курдской проблемы и разгром диверсантов». Программа осуществлялась в восемь этапов с февраля по сентябрь 1988 г. Фактически она свелась к уничтожению десятков тысяч курдов, против которых широко применялось химическое оружие, полностью было разрушено три тысячи курдских деревень, десятки других населенных пунктов и многочисленные гражданские объекты, включая мечети. Курдское население открыто грабили и лишали собственности. Проводились массовые аресты, продолжилась практика депортации в «жилые комплексы». Сельское хозяйство, промышленность и инфраструктура Курдистана разрушались. С 1989 г. вдоль границ с Турцией и Ираном началось создание пограничной полосы шириной от 30 до 60 км, из которой выселялось местное население, преимущественно курды. Это привело к «освобождению» от населения трети территории Южного Курдистана. Реализация данного мероприятия вызвала ожесточенное сопротивление курдского населения.

Руководителем программы «решения курдского вопроса» в Ираке в конце 80-х годов являлся наместник президента в Курдистане двоюродный брат Саддама генерал Али Хасан аль-Маджид, прозванный курдами «химический Али».

В конце февраля 1991 г. после поражения Багдада в войне с антииракской коалицией началось восстание курдов. Руководство курдского движения делало расчет на то, что главные силы режима ослаблены и в первую очередь будут брошены против шиитов. Курды были также уверены, что военное присутствие США послужит для Багдада сдерживающим фактором, и даже надеялись на конкретную помощь союзников. Однако оценка как состояния иракской армии, так и степени готовности США свергнуть С.Хусейна оказались неверными.

Первоначально курдским отрядам удалось захватить до 75% территории Южного Курдистана, в том числе взять под свой контроль многие города и нефтяные месторождения. Но у режима хватило сил одновременно вести борьбу и с курдами, и с шиитами. В марте-апреле курдские отряды потерпели военное поражение. При подавлении восстания правительственные войска превзошли все использовавшиеся ранее способы самого жестокого подавления и уничтожения мирного населения. Более 2,5 млн. человек подверглись бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Огромная волна беженцев (до 2 млн. человек) хлынула к границам Турции и Ирана. По некоторым данным, с 1986 г. по 1991 г. иракская армия уничтожила около 200 тыс. курдов. Впоследствии на территории Курдистана неоднократно находили массовые захоронения мирного населения.

Массовая гибель людей, ужасающие условия, в которых оказались беженцы, вызвали резкое недовольство Запада, который взял на себя ответственность за обеспечение выживания иракских курдов. Под их давлением Багдад был вынужден прекратить боевые действия в Курдистане и вывести оттуда свои войска. Под международной опекой на севере Ирака была создана зона безопасности, в которой запрещалось пребывание иракских войск. Затем Вашингтон и его союзники самостоятельно, без санкции ООН, ввели запретную зону для полетов иракских самолетов над территорией севернее 36 параллели. Это фактически означало невозможность использования властями авиации для оказания воздействия на курдов. Таким образом, США и их союзники полностью исключили контроль Багдада над курдскими районами.

Ситуация в Курдистане вновь обострилась осенью 1996 г., когда вспыхнули ожесточенные бои между отрядами ДПК и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Причем ДПК пользовалась поддержкой Багдада, а ее сторонники смогли нанести поражение отрядам ПСК и захватить большую часть территории курдской автономии. Одновременно иракская армия по просьбе М.Барзани (сына основателя ДПК Мустафы Барзани) вошла на территорию КАР и заняла его центр Эрбиль. Вторжение преследовало цель ликвидировать расположенную в Эрбиле базу антисаддамовского заговора, который в течение четырех лет готовило ЦРУ. Здесь же размещался штаб созданного в 1992 г. оппозиционного Иракского национального конгресса и его вооруженные отряды. Правительственные силы на месте казнили более 100 человек, а до 1,5 тыс. человек были вывезены из Курдистана и брошены в тюрьмы соседних провинций. Таким способом С.Хусейн показал, что способен влиять на ситуацию в КАР. Однако под давлением США и их союзников иракские войска вернулись в места своей дислокации. При американском посредничестве враждующие группировки достигли соглашения о прекращении огня, а в 1998 г. ДПК и ПСК договорились о разделе власти и доходов в Курдистане.

В последующем Багдад не прекращал попыток оказывать влияние на ход событий в районах, находящихся под контролем курдов. В мае и ноябре 2001 г. С.Хусейн предлагал курдским лидерам начать прямой диалог, но последние отвергли это предложение, заявив, что пойдут на контакты с центральными властями только под эгидой ООН после создания в Ираке демократической многопартийной системы и проведения свободных выборов под международным контролем.

В конце 90-х годов с одобрения и при прямой финансовой поддержке Усамы бен Ладена на территории Южного Курдистана была создана исламистская группировка «Джунуд Ислам». Ее ядро составили курды и иракские «афганцы». В 2001 г. группировка насчитывала в своих рядах около четырех тысяч человек.

Следует отметить, что ситуация вокруг КАР оказывает непосредственное влияние на положение в других северных провинциях Ирака и в стране в целом. Продолжается засылка террористических групп

антибаасистской оппозиции, подготовленных спецслужбами США и Израиля в специальных лагерях на территории Северного Ирака. Основная задача их деятельности – дестабилизация обстановки в провинциях, непосредственно граничащих с КАР.

Таким образом, ситуация в Курдистане представляет одну из главных угроз национальной безопасности Ирака, его единству и территориальной целостности. Отсутствие реальных перспектив урегулирования курдской проблемы ведет к дальнейшему усилению сепаратизма, еще большему отрыву региона от центральной власти.

Коротко остановимся на проблеме ассирийского населения Ирака. Именно оно стало одной из первых жертв насилия со стороны багдадских властей. В августе 1933 г. иракское правительство устроило резню ассирийцев, в ходе которой погибло более 2,5 тыс. человек, разрушено 60 деревень, свыше 6 тыс. ассирийцев бежали в Сирию, а еще 15 тыс. заявили о своем желании покинуть Ирак. Погром стал своеобразной местью ассирийцам за их службу в армии при англичанах и участие в подавлении антиколониальных выступлений арабов. Акция проходила под лозунгами «защиты отечества от ассирийской агрессии» и «священной войны с неверными». В бойне наряду с армией приняли участие некоторые курдские и арабские племена. Зверская расправа с ассирийцами вошла в историю Ирака как один из самых темных и унизительных эпизодов. Случаи насилия против ассирийского населения имели место и в последующие годы. Так, в 1962 г. в ходе операций против курдов войска генерала Касема разрушили 150 ассирийских деревень, а 30 тыс. человек стали беженцами. Баасистский режим в духе политики «разделяй и властвуй» регулярно провоцирует распри между курдами и ассирийцами.

Шиитская проблема представляет для правящего в Багдаде суннитского режима еще большую опасность, чем курдская. Во-первых, шииты составляют большинство населения страны – 62%, в то время как сунниты, включая курдов, – лишь 34%. К тому же шииты компактно проживают на иракском юге. Во-вторых, шииты – это арабы. И если в деле борьбы с курдским движением нацию можно было сплотить, то в данном случае это невозможно. Особое значение имеет то обстоятельство, что на территории Ирака в городах Неджеф и Кербела находятся главные шиитские святыни.

С самого начала формирования иракского государства шииты являлись для багдадских властей гражданами второго сорта. Им было отказано в равном представительстве в центральных и провинциальных законодательных и исполнительных органах власти. Уровень жизни и развитие хозяйства районов компактного проживания шиитов значительно отставали от показателей по центральному региону. Шиитское духовенство по своему статусу также было ниже суннитского.

Выступления шиитских племен против дискриминации и притеснений властей начались в 20-е годы. Правительство жестоко рас-

правлялось с повстанцами, уничтожались дома, посевы, скот. Широко применялась практика взятия в заложники женщин и детей. Для борьбы с восставшим населением активно использовалась авиация. Крупное восстание на юге Ирака имело место в 1935 г.

Комплекс дискриминационных мер в отношении шиитов значительно усилился при баасистском режиме. В свою очередь у шиитов росло раздражение правлением религиозного меньшинства, которое усиливалось экономическими и социальными изъянами саддамовской внутренней политики в 70-е годы, когда многие шииты были насильственно превращены в горожан, среди которых они составили беднейший слой населения. Возмущение вызывал светский характер правящей ПАСВ, партийный контроль над религиозной деятельностью, нарушения традиционного мусульманского миропорядка.

Жестокие удары, наносившиеся багдадскими партийцами по шиитской общине, вызвали массовые волнения на юге Ирака. Особо широкий размах они приобрели в Неджефе и Кербеле в феврале 1977 г. Во главе движения встало духовенство, что придало ему исламистскую направленность. При подавлении беспорядков власти наряду с полицией широко использовали армейские части. Применялись и экономические методы борьбы с шиитской оппозицией. В 1978 г. доходы шиитов были поставлены под строгий контроль. Это нанесло удар в самое сердце шиитского сообщества. Духовенство было лишено главного средства общественной и политической власти и сведено к положению рядовых государственных чиновников, которые не могли самостоятельно распоряжаться финансовыми ресурсами.

Для отстаивания своих прав шииты создали политическую партию исламистской ориентации «Ад-Даава», а также стали широко применять в борьбе с правящим режимом террор. Столкновения полиции и войск с шиитами продолжались до конца 1979 г. Исламская революция в Иране воодушевила иракских шиитов, превратив «Ад-Даава» в главную политическую силу, оппозиционную багдадским властям. В марте 1980 г. в Иран было выслано 35 тыс. шиитов, а партия «Ад-Даава» запрещена. В апреле 1980 г. был казнен лидер иракских шиитов Мухаммед ас-Садр. Вместе с тем С.Хусейн, опасаясь расширения шиитского движения, пошел на определенные уступки: режим стал больше внимания уделять вопросам религиозного воспитания населения и религиозным ценностям в целом. Однако и масштабы репрессий не уменьшились.

В то же время следует подчеркнуть, что шииты во время войны с Ираном в целом остались лояльны багдадскому режиму. В определенной степени этому способствовало заявление аятоллы Хомейни о необходимости перенести центр шиизма из иракских городов Неджеф и Кербела в иранский Кум.

Весной 1991 г. шииты сочли ситуацию весьма благоприятной для открытого выступления против режима. Восстание вспыхнуло 1 марта 1991 г., т.е. фактически на следующий день после военной капитуляции

Багдада перед международной коалицией. В течение короткого времени повстанцы установили контроль над обширными районами юга страны. Ожесточенные бои шли в Басре. Однако оправившись от первоначального шока, власти решительно приступили к подавлению восстания. Особо «отличились» в этом деле части Республиканской гвардии. Жестокость их действий превзошла все, что имело место ранее при подавлении выступлений оппозиции. В городах гвардейцы сгоняли всех подозреваемых вместе с их семьями в определенные места. Мужчин привязывали к танкам и бронетранспортерам, их семьи расстреливали, а затем им самим методично перерезали горло. Активно практиковалось переселение целых племен с юга на север и наоборот. Они размещались чересполосно, активных лидеров уничтожали, а на их место навязывались марионеточные шейхи. Вместе с тем правительственные силы не разрушили комплексы святых гробниц имамов Али и Хусейна в Неджефе и Кербеле. Операциями по подавлению шиитов руководил министр внутренних дел, родственник Саддама генерал Камаль Хасан.

В целом же, несмотря на широкий размах и крайнюю жестокость, карательные операции против шиитов не привели к полной ликвидации очагов вооруженного сопротивления режиму, хотя шиитским повстанцам был нанесен серьезный урон.

Если Запад оказал содействие курдам и спас их от полного разгрома, то шиитов он фактически бросил на произвол судьбы, т.к. опасался усиления влияния исламского фундаментализма.

С целью борьбы с шиитами с 1992 г. на юге Ирака осуществляется масштабная программа мелиоративных работ именно в районах, где базируются отряды повстанцев. Власти отвели часть вод рек Тигр и Евфрат и тем самым осушили обширную заболоченную территорию, вынудив местных жителей уйти дальше вглубь болот или в соседний Иран. Часть уцелевшего населения была интернирована в концентрационных лагерях. Проведение мелиоративных работ позволило военному командованию более эффективно использовать пехотные подразделения на бронетранспортерах в борьбе с шиитскими партизанами. Для подавления вооруженной оппозиции правительственные силы выжигают шиитские деревни, подвергают их интенсивным артиллерийским обстрелам. Армия препятствовала доставке продовольствия и медикаментов местному населению. Сооружение дамб, плотин и каналов для окружения и рассечения болот на части продолжается по настоящее время. Фактически можно говорить о серьезном изменении экологической ситуации на иракском юге, его опустынивании.

В 1995 г. правительственные войска возобновили операции против шиитов. Крупная карательная операция на юге Ирака была проведена в августе 1996 г. Для борьбы с повстанцами были применены артиллерия и зажигательные вещества. В 1998 г. проведены две крупные и ряд мелких войсковых операций против шиитских боевиков (общее руководство ими осуществлял лично Кусей). В феврале 1999 г. вновь

вспыхнули волнения шиитов на юге Ирака, что было вызвано убийством их духовного лидера М.Садра и двух его сыновей. Боевая активность партизан была отмечена в апреле и августе 1999 г. Власти реагировали на все эти выступления новыми карательными операциями.

Иракское руководство постоянно предпринимает меры превентивного характера по профилактике шиитских волнений. Силовые методы подавления шиитских волнений активно поддерживает член СРК Али Хасан аль-Маджид. Он лично возглавил операцию на юге страны против шиитских боевиков в декабре 1999 г. Примечательно, что именно генерал Маджид был назначен командующим Южным военно-административным округом. Кроме постоянного военного контроля над шиитскими провинциями руководство Ирака недвусмысленно предупредило шейхов на юге страны, что в случае поддержки представителями их племен оппозиционных выступлений в отношении глав племенных кланов будут применены самые жесткие меры воздействия.

В последнее время для снижения напряженности и стабилизации обстановки власти наряду с силовыми мероприятиями стали принимать меры по улучшению гуманитарной ситуации в южных провинциях. Организован бесперебойный завоз продуктов питания, медикаментов и товаров первой необходимости. Недостаток электроэнергии в южных провинциях компенсировался за счет уменьшения объемов ее подачи в г.Багдад, северные и центральные провинции.

В ответ на репрессии со стороны правящего режима шииты ужесточили сопротивление карательным экспедициям и развернули интенсивную террористическую деятельность. Жестокость порождает новую жестокость. Рассматривая партию Баас как одну из основных сил, способствующих выживанию режима, оппозиция именно против нее направила острие своей вооруженной и террористической деятельности. Отряды шиитов совершают нападения на штаб-квартиры местных организаций партии Баас и ее активистов, а также на государственные учреждения. В результате нападений только в 1999 г. разрушено более 10 штаб-квартир местных организаций ПАСВ, убито и ранено около 100 партийных активистов.

На сегодняшний день ведущей и наиболее авторитетной силой шиитской оппозиции на юге страны является Высший совет исламской революции Ирака (ВСИРИ). Его лидер – М.Б.Хаким. По утверждению руководителей ВСИРИ, их вооруженные формирования («корпус Бадр») насчитывают до 30 тыс. человек. Шииты требуют предоставления им автономии в районах компактного проживания. Совет получает поддержку от Ирана, а сам Хаким проживает и действует на иранской территории. В целом на сегодняшний день шиитское исламистское движение превратилось в одну из ведущих сил, оппозиционных режиму Саддама Хусейна.

Обладая достаточно высоким экономическим потенциалом (по запасам нефти республика занимает одно из ведущих мест в мире) и

сравнительно крупными людскими ресурсами, Ирак в течение длительного времени претендовал на лидерство в арабском мире, а в настоящее время продолжает оказывать существенное влияние на формирование и развитие военно-политической обстановки в регионе Персидского залива. При этом фактор силы играл и продолжает играть важную роль во внешней политике Ирака.

Региональные амбиции Багдада начали проявляться еще в 30-е годы. Уже в то время иракские политики заявляли о стремлении контролировать зону Персидского залива и играть руководящую роль в арабском мире. Но тогда ни сил, ни возможностей для реализации этих замыслов у Ирака не было.

Революция 1958 г. и особенно приход к власти баасистов в 1968 г. резко активизировали внешнеполитическую активность Ирака, привели к бурному росту региональных и панарабских амбиций его руководства и, как следствие, обострили отношения с соседними государствами. Так, генерал Касем стал соперничать с египетским президентом Насером за лидерство в арабском мире и втянул Ирак в первый кризис с Кувейтом. Однако его претензии и поступки выглядят весьма скромно на фоне непомерных амбиций и «славных» дел С.Хусейна, который не только претендовал на роль общеарабского лидера масштаба Г.А.Насера, но и на роль лидера Движения неприсоединения, и даже выдвинул идею сделать Ирак постоянным членом Совета Безопасности ООН. Саддам постоянно подчеркивал, что иракцы – это цвет арабской нации, ее костяк и основная сила. А это дает им право быть первыми среди арабов. Более того, с целью утверждения своей гегемонии С.Хусейн развязал две кровопролитные войны.

Для реализации своих внешнеполитических планов Ирак постоянно наращивал мощь вооруженных сил. Иракские идеологи еще в 30-е годы изображали свою страну Пруссией Ближнего Востока. Это сравнение было постепенно внедрено в сознание элиты и народа Ирака. После 1968 г. темпы военного строительства заметно ускорились. Руководство ПАСВ поставило целью превратить иракские ВС в сильнейшую армию региона. В стране интенсивно развивалась военная промышленность. Приоритет в военных программах отдавался наступательным видам вооружения. Багдад осуществлял программу ядерных исследований в военно-прикладных целях. К 1990 г. Ираку удалось создать крупнейшие по численности вооруженные силы на Ближнем и Среднем Востоке.

Наиболее полно роль силового фактора во внешней политике Ирака проявилась в конфликтах с Ираном и Кувейтом.

Ирано-иракские отношения. Конфликт между двумя странами имеет давнюю историю и включает в себя три основные составляющие: пограничко-территориальную – спор о прохождении границы по реке Шатт-эль-Араб и принадлежности ряда участков в приграничных

районах; политическую, связанную с противоборством двух государств за лидерство в зоне Персидского залива; религиозную – шиитский режим в Иране выступает в роли покровителя притесняемого суннитами шиитского населения Ирака.

6 марта 1975 г. в Алжире Ирак и Иран подписали соглашение о демаркации сухопутной и водной границы между двумя странами. Багдад пошел на уступки Тегерану главным образом из-за обещания последнего прекратить оказание помощи иракским курдам.

Победа исламской революции в Иране в 1979 г. привела к обострению ирано-иракских отношений. Тегеран развернул активную подрывную пропагандистскую деятельность среди иракских шиитов, которых призывал к свержению власти баасистов. Иранская революция и деятельность ее вождя аятоллы Хомейни вызывали серьезную тревогу у иракской правящей верхушки, в них они видели непосредственную угрозу своему режиму и его региональным амбициям. С.Хусейна также не удовлетворяли положения договора 1975 г., который он вынужден был подписать. В политике багдадского лидера все больше стали возобладать экспансионистские тенденции в отношении восточного соседа.

Ситуация для начала войны с Ираном рассматривалась иракским руководством как благоприятная, в первую очередь, с точки зрения соотношения военных сил. Ирак рассчитывал на легкую победу, полагая, что иранская армия находится в стадии разложения. Причем в Багдаде полагали, что ограниченные по масштабам, но быстрые и мощные удары иракской армии заставят Тегеран отказаться от попыток свергнуть баасистский режим и вынудят пойти на удовлетворение требований Ирака.

На принятие решения о войне с Ираном в немалой степени повлияли взаимная личная неприязнь и соперничество между С.Хусей-ном и Хомейни, двумя крайне амбициозными лидерами, суннитско-шиит-ские противоречия, традиционное арабо-персидское соперничество, борьба за нефтяные месторождения в зоне Персидского залива, а главное, борьба между двумя государствами за безусловное лидерство в регионе. К победоносной войне с Ираном (а в таком ее исходе в Багдаде не сомневались) иракское руководство подталкивало и то обстоятельство, что изоляция Египта после заключения в 1979 г. мирного договора с Израилем давала Багдаду реальный шанс стать единоличным лидером арабского мира, а самому Саддаму сыграть лелеемую им роль «рыцаря арабской нации» и «меча арабов».

При планировании войны расчет делался на восстание арабского населения в пограничной провинции Хузестан, тяжелое международное положение ИРИ, в том числе обострение отношений Ирана с США, которые молчаливо поощряли Ирак к нападению на Иран. Напуганный иранской революцией, С.Хусейн рассматривал войну против

ИРИ как превентивную акцию, направленную на сохранение целостности Ирака, как способ отвлечь население от неурядиц в экономике, оправдать перманентные чистки в партии Баас, истребление курдов. Саддам видел свою миссию и в том, чтобы содействовать свержению фундаменталистского исламского режима или, по крайней мере, ослабить его, заставить принять унизительный мир. Наконец, багдадский лидер стремился аннексировать богатую нефтяную провинцию Хузестан, которую баасисты именовали «Арабистаном». Иракский президент пытался также представить себя в роли защитника Запада от агрессивного исламского фундаментализма аятоллы Хомейни. В Ираке война была названа «второй Кадиссией» (сражение в 636 г., завершившееся разгромом персов арабами), но чаще говорилось о «Кадиссии Саддама». Ирак выдвинул Ирану и ряд других претензий: вернуть ОАЭ три острова в Персидском заливе, обеспечить равноправие и урегулировать проблемы арабского, курдского и белуджского меньшинств в ИРИ.

И все же, хотя войну начал Ирак, но во многом способствовал ее развязыванию Иран. Для Тегерана она стала логическим продолжением исламской революции с ее доктриной перманентности и экспорта в другие страны, прежде всего соседние. В целом война стала неизбежной из-за столкновения двух взаимоисключающих политических систем и идеологий.

Анализ подходов иракского руководства к подготовке и планированию войны с Ираном наглядно демонстрирует отсутствие у него глубокой, всесторонней и реалистической оценки как собственных сил и возможностей, так и вероятных последствий развязывания столь масштабного конфликта. В частности, С.Хусейн не уяснил одной истины – нельзя развязывать войну с государством, в котором произошла революция. Война объединила иранское общество. Руководство ИРИ воспользовалось иракским нападением для укрепления своих позиций. В итоге Саддаму пришлось заплатить очень высокую цену за свою политическую недальновидность.

7 сентября 1980 г. Багдад потребовал от Ирана освободить территорию, удерживаемую в нарушение Алжирских договоренностей. 17 сентября Ирак денонсировал договор 1975 г. как «не соответствующий воле иракского народа». 22 сентября иракские войска начали широкомасштабные операции против Ирана.

28 сентября 1980 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 479, призвавшую стороны немедленно прекратить дальнейшее применение силы и приступить к разрешению спорных вопросов мирными средствами. Ирак согласился с требованиями резолюции, а Иран ее отверг.

Война не оказалась для Багдада «легкой прогулкой». Очень скоро стало очевидно, что «блицкриг» провалился и 5 октября Ирак заявил о своей готовности вернуться к исходным позициям (впослед-

ствии официальные иракские представители неоднократно повторяли эти предложения, но не удостаивались ответа со стороны противника). Иран же в качестве главных условий прекращения боевых действий поставил предание С.Хусейна суду как военного преступника и отстранение от власти в Ираке партии Баас. Не оправдались расчеты Багдада на использование чувства арабского национализма у населения Хузестана, так же как провалились намерения Тегерана поднять иракских шиитов против суннитского режима.

С ноября 1980 г. иракские войска на многих участках вели уже оборонительные бои. Их наступательный порыв выдохся и к декабрю фронт стабилизировался. Его линия имела протяженность около 1200 км, полностью проходя по территории Ирана на расстоянии от 3 до 80 км от границы. Началась позиционная война, продолжавшаяся до весны 1982 г., а затем иранские войска в результате наступления вынудили иракцев отступить на свою территорию. Летом 1982 г. Багдад заявил, что полностью отводит свою армию к границам 1975 г., что и было сделано к концу июля.

Ни страна, ни армия оказались не готовы к затяжной войне. Силы Ирака были ограничены. По своим физическим и географическим размерам, численности населения, а самое главное, по объему военно-экономического потенциала Иран в несколько раз превосходил Ирак. Рассчитывая на легкий успех, Ирак инициировал войну, а в результате не знал, как из нее выпутаться. Таким образом, авантюра Саддама едва не обернулась катастрофой. Ираку помогло то обстоятельство, что сверхдержавы СССР и США весьма негативно воспринимали военные успехи Ирана. Так, после перехода иранскими войсками иракской границы Советский Союз в июле 1982 г. возобновил военные поставки Ираку. Крупные поставки оружия стали осуществляться из социалистических стран Восточной Европы, Франции, Китая и других государств.

Военные потери, понесенные Ираном, особенно в ходе битвы за Фао весной 1988 г., нанесли ему сильный психологический удар, в то же время моральный дух иракцев окреп. Летом 1988 г. иракская армия почти повсеместно вышла на свои прежние позиции вдоль государственной границы, а на некоторых участках вступила на иранскую территорию. 18 июля 1988 г. Иран заявил о принятии им условий резолюции СБ ООН № 589. 20 июля боевые действия между Ираком и Ираном были прекращены (официально это произошло 8 августа).

Ирано-иракская война, продолжавшаяся почти восемь лет, не принесла военных и политических преимуществ ни одной из сторон. Как Ирак, так и Иран не достигли поставленных целей. Тем не менее вынужденного признания ИРИ резолюции Совета Безопасности, снятия лозунга «Война до победного конца» и, наконец, известного заявления Хомейни в котором он признал, что ему не удалось достичь своей цели – устранить С.Хусейна, оказалось вполне достаточно для баасистской пропаганды, чтобы признать Иран побежденным. К тому

же после перемирия Ирак по праву «победителя» удерживал около 2000 кв. км иранской территории. Однако реально Ираку не удалось решить в свою пользу вопрос о лидерстве в регионе, хотя война и повысила авторитет Багдада в арабском мире.

Ирано-иракская война стала одним из самых продолжительных вооруженных конфликтов XX столетия. Иракские потери (оценочно) составили 250 тыс. убитых, 350–400 тыс. раненых, 150 тыс. искалеченных. Война обошлась Багдаду в 125–147 млрд. долл., из которых на закупки оружия было израсходовано 30–35 млрд. долл. Потери от недополученного нефтяного экспорта составили 40–41 млрд. долл. Долги Ирака после войны превысили 80 млрд. долл. (не считая саудовских нефтяных займов с 1985 г.), в том числе арабским кредиторам – 35 млрд. долл. (из них треть – Кувейту). Но Ирак не собирался возвращать долги, так как считал, что защищал арабское дело от «шиитского империализма и его военной экспансии».

Война 1980–1988 гг. явилась серьезным испытанием для правящего в Ираке баасистского режима, который с трудом выдержал его, однако в Багдаде не извлекли из тяжелых военных испытаний надлежащих выводов. Наоборот, уже в 1990 г. С.Хусейна потянуло на новую авантюру – нападение и захват Кувейта.

Ирано-иракские отношения остаются сложными по настоящее время. Фактически неурегулированными остаются территориальные проблемы. В Багдаде продолжают оказывать содействие ряду оппозиционных иранских группировок. Со своей стороны, Тегеран поддерживает курдскую и шиитскую оппозиции в Ираке. Существует и проблема беженцев: в Иране находится несколько сотен тысяч иракских курдов и шиитов. До конца не решена проблема обмена военнопленными времен войны 1980–1988 гг.

Прекращение ирано-иракской войны не привело к значительному снижению напряженности в зоне Персидского залива. «Победа» над Ираном усилила региональные и панарабские амбиции Саддама, который стал вести себя все более самоуверенно.

Быстрый рост амбиций Ирака вызвал настороженное отношение у его недавних союзников. Малые страны Залива после войны приступили к восстановлению отношений с ИРИ, что С.Хусейн посчитал «непристойной поспешностью». Не понравилось Ираку и то, что ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией стремился восстановить паритет Ирана и Ирака, чтобы не попасть в зависимость ни от того, ни от другого. К тому же Багдаду было отказано в приеме в ССАГПЗ. Раздражали Саддама и саудовские притязания на лидерство в регионе.

Окончание войны с Ираном не означало прекращения наращивания боевой мощи иракской армии. С.Хусейн принял решение ускорить процесс переоснащения вооруженных сил на более современную боевую технику и всемерно развивал военную промышленность. Иракское руководство, не считаясь с расходами и издержками, к 1990 г. создало

вооруженные силы, несопоставимые по размерам, боеспособности и насыщенности боевой техникой с армией любого другого государства региона. Ирак к началу 90-х годов оставался крупнейшим в мире импортером вооружений и товаров военного назначения, почти в два раза опережая Саудовскую Аравию, занимавшую второе место. В условиях роста амбиций иракского лидера и наращивания военного потенциала Ирака все более актуальными становились вопросы: как намерен баасистский режим распорядиться столь огромным военным механизмом? Собирается ли Багдад пойти на развязывание еще одного вооруженного конфликта в регионе, а если да, то где и когда?

В ночь с 1 на 2 августа мир получил ответы на данные вопросы: иракская армия вторглась без объявления войны в Кувейт.

Иракско-кувейтские отношения никогда не отличались ни взаимным доверием, ни, тем более, дружелюбием. Главной причиной тому были никогда не скрывавшиеся претензии Ирака на Кувейт. Этой линии в явной или скрытой форме придерживались все сменявшие друг друга иракские режимы.

Версия об исторических правах Ирака на всю территорию Кувейта, т.е. на само Государство Кувейт как таковое, возникла еще в 30-е годы. В качестве главного обоснования выдвигался тезис об общности двух стран как частей бывшей Османской империи. При этом особый упор делался на то, что в течение некоторого времени кувейтская территория входила в состав вилайета Басра. Отсюда делался вывод: когда Англия уйдет из эмирата, последний должен воссоединиться с Ираком. Подобные высказывания звучали в Багдаде на самом высоком уровне.

Имелись и весомые экономические причины для претензий на кувейтскую территорию: Ирак – крупное, динамично развивающееся государство – имеет непропорционально малый и весьма неудобный выход к морю (протяженность иракской береговой линии всего 56 км). И, конечно же, кувейтская нефть: соединение нефтяных запасов двух стран превратило бы Ирак в крупнейшего в мире обладателя и производителя «черного золота». Отдельно стояли частные территориальные претензии Ирака к Кувейту: в Багдаде претендовали на ряд участков территории эмирата к югу от иракского порта Умм-Каср, а также прибрежные острова Варба и Бубиян, закрывающие выход Ирака к морю.

В июне 1961 г. Кувейт становится независимым государством. И правительство Касема сразу же инициировало конфликт с ним, заявив, что Кувейт является частью Ирака. К границе эмирата были подтянуты иракские войска. Однако попытки Касема овладеть Кувейтом окончились провалом. Эмират обратился за помощью к Великобритании и ЛАГ, направившим в Кувейт свои воинские контингенты. Более того, Ирак фактически оказался по данному вопросу в изоляции в арабском мире.

В 1963 г. первое баасистское правительство признало независимость Кувейта и подтвердило статус иракско-кувейтской границы, установленный в 1932 г. Однако второй баасистский режим отказался признать законность соглашения 1963 г. в части, касающейся статуса границы. В Багдаде стали претендовать на новую пограничную линию южнее Умм-Касра, остров Варба и северную часть острова Бубиян. При этом Ирак предложил Кувейту территориальную компенсацию за счет своих земель. Кувейтское руководство отвергло эти предложения. На протяжении 60–70-х годов между двумя странами нередко возникали пограничные конфликты: в 1967, 1973, 1974 и 1977 гг. В подавляющем большинстве случаев они инициировались Ираком, пытавшимся оказать давление на Кувейт.

Летом 1990 г. иракское руководство начало активно нагнетать напряженность в отношениях с Кувейтом. Одновременно обвинения выдвигались в адрес ОАЭ. Суть претензий Багдада к южному соседу сводилась к следующему:

– Кувейт систематически и умышленно наносит ущерб Ираку, организуя «экономическую агрессию» путем понижения цен на нефть, что ухудшает финансовое положение Ирака;

– Кувейт отказывается аннулировать иракский долг;

– Кувейт нарушает панарабский принцип – «каждый араб должен пользоваться богатством арабской нации».

15 июля 1990 г. Ирак направил в ЛАГ меморандум, в котором обвинил Кувейт и ОАЭ в намерении подорвать иракскую экономику посредством наращивания объемов добычи нефти, что уже привело к резкому падению цен на нее на мировом рынке. Ирак также требовал аннулирования кувейтского долга в 12 млрд. долл. и выделении ему Кувейтом 10 млрд. долл. на преодоление финансового кризиса в стране. Эмират также обвинялся в незаконной добыче иракской нефти в приграничном районе Северная Румейла путем наклонного бурения. Кувейтское правительство обещало рассмотреть все эти претензии.

Тем не менее С.Хусейн продолжал антикувейтскую кампанию, перейдя к прямым угрозам в адрес южного соседа. Переговоры, проведенные по спорным вопросам между делегациями двух стран в саудовском городе Джидде, закончились провалом. Иракский лидер и не нуждался в их успехе, он взял курс на захват Кувейта. В тоже время, проявляя коварство, Саддам заверял президента АРЕ Х.Мубарака в том, что дело не дойдет до применения военной силы, а тем более до захвата Кувейта. Подобные заверения получили также король Иордании Хусейн, король Саудовской Аравии Фахд, руководитель ООП Я.Арафат.

Какие же цели преследовал Ирак, пойдя на захват Кувейта? На первое место можно поставить экономические – стремление улучшить собственное тяжелое экономическое положение за счет богатого, но значительно более слабого соседа. Это была соблазнительная

иллюзия быстрого решения сложных проблем – ведь денег нужно было много и быстро. А к августу 1990 г. Ирак переживал серьезнейший экономический и финансовый кризис. Фактически страна была на пороге банкротства. Одновременно акция преследовала политические цели – в Багдаде стремились на деле доказать свое верховенство в арабском мире и упрочить свое положение как регионального центра силы, а также реабилитировать за не столь удачное, как хотелось бы, завершение войны с Ираном. В целом можно сказать, что, вторгнувшись в Кувейт, Саддам пытался в самой грубой форме реализовать интересы Ирака за счет другого государства.

Агрессия против Кувейта стала роковым просчетом С.Хусейна и его окружения. Готовя вторжение в эмират, они не предполагали, какую цену их стране и народу придется заплатить за это. В Багдаде неверно оценили политическую и военную ситуацию в мире и ближневосточном регионе, ошибочно спрогнозировали возможные последствия своего шага. Авантюра переросла в затяжной кризис, а ее итоги для Ирака были куда более катастрофическими, чем в войне с Ираном.

Командующий саудовскими войсками и силами коалиции в войне 1991 г. генерал принц Халед бен Султан писал: «Саддам Хусейн задевал интересы не только западных стран и Израиля. В подобном случае состав антииракской коалиции оказался бы совсем другим. Хусейн угрожал жизненно важным интересам всех основных «игроков» этого региона – арабским государствам, например, Саудовской Аравии, Сирии и Египту, равно как не арабским – например, Турции и Ирану. Ни одно из них не хотело терпеть региональную гегемонию Саддама, а ведь именно на это была направлена его агрессия» [9, с. 291].

Не оправдались расчеты Багдада на понимание своих действий советским руководством – Москва в числе первых однозначно осудила оккупацию Кувейта и поддержала все международные санкции против Ирака. До Саддама не дошла суть тех глубинных изменений, которые произошли в СССР за годы перестройки.

Самым негативным было отношение к иракским действиям США и их западных союзников. Запад не мог смириться с захватом эмирата: слишком велик был удар по его интересам, по существующему мировому экономическому порядку, неотъемлемой частью которого являются дешевая кувейтская нефть и многомиллиардные вложения кувейтских капиталов в ключевые отрасли западной экономики; слишком велика была угроза безопасности прозападных монархических режимов Аравии и Израиля. С.Хусейн продемонстрировал тем самым, как мало он знает о функционировании экономических и политических структур Запада, о том, как принимаются там решения. В первую очередь, это относится к США.

Многие исследователи конфликта в зоне Персидского залива в 1990–1991 гг. считают, что именно на американском направлении С.Хусейн допустил свой главный просчет. Этому в определенной сте-

пени способствовала предыдущая политика Вашингтона в отношении Багдада, преследовавшая целью умиротворение Саддама. «Крен Америки в сторону Ирака вполне мог породить у иракского диктатора веру в то, что вторжение в Кувейт сойдет ему с рук» [цит. по 2, с. 392]. Ведь США никогда определенно не предостерегали Ирак от применения силы в отношении Кувейта, а также заявляли, что у них нет каких-либо особых обязательств по обороне эмирата.

Всесторонняя и непредвзятая оценка ситуации в мире и регионе оказалась не под силу режиму С.Хусейна. Это не позволило Багдаду провести оптимальную в создавшихся весьма непростых условиях политическую линию. Выработка и практическая реализация подобного курса требовала долговременных и тщательно разработанных коллективных усилий. Но всего этого в Ираке не было, да и не могло быть в условиях диктатуры и террора. Никто не осмелился остановить Саддама, воспрепятствовать претворению в жизнь его авантюрных замыслов. Ведь «иракский режим не предполагает какого-либо контроля за деятельностью высших государственных органов, в Ираке нет институтов, способных ограничить абсолютную власть Саддама...» [9, с. 163]. В итоге захват Кувейта, его «возвращение Родине» оказались не просто политическим просчетом, а крупнейшей стратегической ошибкой С.Хусейна.

Мировое сообщество в буквальном смысле этого слова молниеносно отреагировало на захват Ираком Кувейта. 6 августа 1990 г. СБ ООН принимает резолюцию № 661, вводившую политические, экономические и военные санкции против Ирака. 7 августа начались массированные переброски американских войск в зону Персидского залива, а вскоре к США присоединились их союзники по НАТО, в первую очередь Великобритания и Франция, а также ряд других арабских, европейских, азиатских и африканских стран. Всего в антииракской военной коалиции приняли участие 34 государства.

В Багдаде же по-прежнему не прислушивались к требованиям о незамедлительном прекращении оккупации Кувейта. Более того, Ирак заявил о необратимости случившегося. Наращивалось военное присутствие в эмирате, а в начале августа было даже опасение того, что иракские войска вторгнутся на территорию Саудовской Аравии. Иракцы приступили к слому кувейтской государственно-административной системы. 9 августа 1990 г. в Багдаде объявили о полном слиянии Кувейта с Ираком. Происходило масштабное ограбление эмирата. И здесь в первых рядах были функционеры Баас различных уровней, крупные военные и гражданские чиновники.

После вторжения с иракской стороны последовала целая серия шагов, еще больше ухудшивших положение Багдада. А ведь после всего произошедшего ничто не мешало С.Хусейну выждать, осмотреться, внимательно проанализировать сложившуюся ситуацию, а лишь затем принять соответствующее решение. Причем в первую

очередь требовалось самым серьезным образом отнестись к реакции в мире и регионе, осознать всю серьезность действий мирового сообщества в отношении Ирака. Но вместо этого в Багдаде выдвигали различного рода «мирные инициативы» и «пакетные» условия своего ухода из Кувейта, сознательно удерживали иностранных граждан, находившихся на территории Кувейта и Ирака, фактически выставляя их в качестве заложников, осуществляли вторжения на территории иностранных посольств в Эль-Кувейте или блокировали их, выступали с угрозами уничтожения всех нефтепромыслов в зоне Персидского залива. Иракское руководство каждым последующим шагом нагромождало одну ошибку на другую и все сильнее загоняло себя в угол. В результате действия Багдада лишь способствовали упрочению антииракской коалиции, пополняли ее ряды, укрепляли мнение о том, что образумить Саддама можно только силой.

25 сентября Совет Безопасности принимает резолюцию № 670, которая объявила полную морскую и воздушную блокаду Ирака. Замораживанию подлежали все иракские активы, находящиеся на территории стран-членов ООН. Практически с конца сентября 1990 г. Ирак оказался в почти полной международной политической и экономической изоляции.

В то же время ряд международных организаций и государств (ОИК, Движение неприсоединения, СССР, ООП и др.) предпринимали интенсивные шаги с целью убедить Багдад пересмотреть свою позицию, найти способ политико-дипломатического урегулирования конфликта на основе требований ООН. При этом Ираку гарантировалась отмена санкций, по существу, предлагался «нулевой вариант».

Но тщетно, багдадский диктатор отвергал все призывы, несмотря на то, что абсолютное превосходство многонациональных сил (МНС) во главе с США не вызывало сомнений. Тем более, что по мере пробуксовывания политических усилий коалиция наращивала военные приготовления. Не оправдались расчеты Багдада и на оттяжку времени и появление серьезных разногласий между членами антииракской коалиции. 16 ноября 1990 г. СБ ООН принял резолюцию № 678, которая определила окончательную дату для отвода иракских войск из Кувейта 15 января 1991 г. После этого было решено применить силу. 30 ноября СРК Ирака отверг этот ультиматум. В последние мирные дни Советский Союз всячески пытался не допустить военного решения конфликта. Однако С.Хусейн вновь подтвердил свою репутацию непредсказуемого политика, выбрав «тропу войны». Да и США не очень-то желали политического решения: в Вашингтоне решительно настроились на военное наказание Ирака. Саддама не хотели выпускать из ловушки, которую он сам себе поставил. На что рассчитывал иракский лидер в условиях абсолютного военного превосходства сил многонациональной коалиции, сказать трудно.

По состоянию на август 1990 г. иракские ВС, хотя и считались сильнейшими в регионе, но значительно отставали в своем развитии от передовых армий мира, в первую очередь по техническому оснащению, особенно радиоэлектронным средствам. На их вооружении было много устаревшей техники. Уровень развития военного искусства в Ираке также не отвечал современным требованиям, а опыт войны с Ираном, обладавшим далеко не самыми сильными и технически хорошо оснащенными вооруженными силами, имел ограниченное значение. Перед началом войны иракское командование неверно оценило военную ситуацию, ошибочно прогнозировало характер возможных операций МНС и соотношение сил противоборствующих сторон. Все это в полной мере проявилось в войне с многонациональной коалицией и обусловило поражение в ней иракской армии.

Уже в первом массированном ударе 17 января 1991 г. авиации союзников удалось дезорганизовать иракскую ПВО, завоевать и сохранить полное превосходство в воздухе, нарушить (но не вывести полностью из строя) систему военного и государственного управления. В течение 40 суток Ирак превратился в мишень, которую расстреливали из всех видов оружия. Были разрушены, уничтожены или выведены из строя многие мосты, система ПВО, органы связи и управления, энергетические объекты, нефтеперерабатывающие заводы и другие объекты нефтехимического комплекса, правительственные учреждения. Методически уничтожалась иракская группировка в Кувейте.

В ходе войны Ирак активно применял баллистические ракеты типа «Аль-Аббас», «Аль-Хусейн» и Р-17Э («Скад»). Всего с 18 января по 25 февраля было выпущено 79 ракет, в том числе по Саудовской Аравии – 39, по Израилю – 40. Применением ракетного оружия иракцы пытались спровоцировать Израиль на ответные удары по Ираку и тем самым расколоть антииракскую коалицию, отвлечь на борьбу с мобильными ракетными комплексами как можно большую часть авиации противника и не дать ей тем самым возможности действовать по другим целям, нанести противнику определенные потери в живой силе и технике. 28 января иракцы начали подрыв и поджог крупных резервуаров нефти в Кувейте и спуск больших объемов нефти из хранилищ в Персидский залив.

24 февраля 1991 г. начался последний этап «Бури в пустыне» – воздушно-наземная операция «Меч пустыни». Ко времени перехода в наступление МНС удалось нейтрализовать иракские ВВС и средства разведки. Вооруженные силы Ирака практически были лишены возможности контролировать действия войск союзников на территории Саудовской Аравии.

В ходе наземной операции был завершен разгром Южной группировки иракских ВС, всего за 108 часов освобожден Кувейт и установлен контроль над некоторыми районами южного Ирака. Тем самым были созданы условия для принуждения иракского руководства к капитуляции. 28 февраля 1991 г. Ирак был вынужден заявить о своем

согласии на полное и безоговорочное выполнение всех требований соответствующих резолюций СБ ООН. Однако внутри страны через средства массовой пропаганды и информации провозглашался лозунг о победе «революционного Ирака над империализмом и его приспешниками». В то же время США и их союзники не пошли на полный разгром Ирака и свержение режима С.Хусейна. Это было вызвано следующими основными причинами: нежеланием нести лишние потери; арабские союзники Запада, да и сами западные страны не хотели полного изменения регионального баланса сил; опасение раскола Ирака и последующего возникновения на его территории опасных очагов нестабильности и конфликтов.

3 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию № 687, которая определила следующие основные условия капитуляции Ирака:

– ликвидация под международным контролем оружия массового уничтожения и баллистических ракет с дальностью более 150 км;

– отказ от использования, разработки, создания и приобретения ОМУ и баллистических ракет с дальностью более 150 км;

– Ирак обязан выплатить Кувейту материальную компенсацию за нанесенный ущерб.

20 мая 1991 г. СБ ООН принял решение о создании специального компенсационного фонда с целью возмещения убытков со стороны истцов и юридических лиц. Резолюция Совета Безопасности от 14 августа 1991 г. обязывала Ирак отчислять 30% средств от продажи нефти и нефтепродуктов в компенсационный фонд. В свою очередь, комитет ООН, созданный на основе резолюции № 661 от 6 августа 1990 г., единогласно принимает решение о том, какие товары Ирак может приобретать на вырученную сумму, а какие нет.

Таким образом, баасистский режим во главе с его лидером С.Хусейном своей политикой насилия и авантюр загнал Ирак в некое подобие гетто. Государство оказалось в политической, экономической и иной изоляции со всеми вытекающими отсюда последствиями, от которых страдает прежде всего иракский народ и страна в целом. Однако в Багдаде винят в этом кого угодно и что угодно, но только не себя и не свою политику.

Попытка захвата Кувейта полностью разрушила претензии Ирака на роль лидера арабского мира, ослабила его способность препятствовать процессу ближневосточного урегулирования и решению широкого круга региональных проблем. Соседи Ирака не желают полного восстановления его былой военной и экономической мощи, опасаются, что в этом случае Саддам вновь может использовать силу для решения спорных вопросов.

Враждебностью и напряженностью характеризуются иракско-кувейтские отношения в период после войны. В октябре 1994 г. в зоне Персидского залива возник новый кризис, вызванный выдвижением двух танковых дивизий иракской Республиканской

гвардии в направлении границы с Кувейтом. В Багдаде заявили, что это обычные учения. Но США начали переброски в зону Залива частей сухопутных войск, морской пехоты, ВВС и ВМС. В итоге Ирак отвел войска на север и согласился положительно решить вопрос о признании суверенитета и границ Кувейта, что и было сделано 10 ноября 1994 г.

Со своей стороны Кувейт не желает идти на нормализацию отношений с Багдадом до полного выполнения всех требований соответствующих резолюций СБ ООН. Сохраняются разногласия о линии прохождения границы, прежде всего в районе, прилегающем к морскому побережью Персидского залива. На современном этапе и на обозримую перспективу кувейтское руководство продолжает рассматривать Ирак в качестве основного фактора нестабильности в регионе и серьезной угрозы национальной безопасности страны. Данный вывод базируется на том, что в ближайшее время в Ираке вряд ли произойдет смена политической ориентации правящего режима, и основные рычаги власти в Багдаде останутся у С.Хусейна или его прямых преемников, которые не пойдут на коренное изменение своей политики. Это, по мнению кувейтцев, не исключает при определенных обстоятельствах возможности рецидива событий августа 1990 года. Исходя из этих выводов, Кувейт в интересах обеспечения безопасности государства и защиты своего суверенитета разрешил размещение у себя на территории подразделений американских сил передового базирования и складирование боевой техники ВС США. В марте 2002 г. Кувейт заявил о готовности предоставить свою территорию для ВС США и их союзников в случае проведения ими военной операции против Ирака.

На арабском саммите в Бейруте в марте 2002 г. Ирак официально заявил о том, что он гарантирует безопасность Кувейта. Думается, однако, что данное заявление вызвано в большой степени конъюнктурными соображениями, связанными со стремлением избежать новой масштабной американской военной операции против саддамовского режима, а также желанием улучшить свои позиции в арабском мире.

Кратко остановимся на ряде других направлений внешней политики Ирака, где также в той или иной степени проявляются силовые элементы.

Ирак является участником договоров о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах (1963 г.) и о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), но не подписал конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия (1972 г.) и конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении (1993 г.).

Иракско-американские отношения. США считают, что Ирак наряду с Ираном представляет серьезную угрозу безопасности транспортировки нефти из зоны Персидского залива на мировые рын-

ки сырья. В Вашингтоне также полагают, что Ирак по-прежнему имеет многочисленную армию и представляет значительную опасность для государств зоны Залива. Более того, в условиях отсутствия контроля со стороны ООН Ирак смог бы в течение года возобновить производство баллистических ракет, химического и биологического оружия. Отсюда – курс США на ликвидацию багдадского режима и приведение к власти в Ираке прозападного правительства. В борьбе с Саддамом американцы активно используют курдский фактор, всячески поощряют деятельность антирежимной оппозиции, оказывая ей политическую поддержку, финансовую и военно-техническую помощь.

После известных событий 11 сентября 2001 г. Ирак превратился в один из главных объектов нападок со стороны Вашингтона, хотя прямых доказательств причастности иракского режима к террористическим актам на американской территории не имеется. В Багдаде их даже осудили, правда, сделали это с запозданием и весьма формально. США причислили Ирак к так называемой «оси зла». Фактически США приступили к подготовке масштабной военной операции против Ирака, конечной целью которой, по всей видимости, является отстранение от власти С.Хусейна и партии Баас. Предлогом для ее проведения является, с точки зрения Вашингтона, поддержка Ираком международного терроризма, в том числе организации «Аль-Каида», и отказ Багдада допустить инспекторов ООН по контролю за разоружением.

И здесь хотелось бы отметить ряд существенных, на взгляд автора, моментов.

Первое. Утверждения о наличии у Ирака довольно сильной, а тем более оснащенной современной техникой армии явно преувеличены (о реальном состоянии иракских ВС будет подробнее сказано ниже). Здесь остановимся лишь на моральном и боевом духе иракских военнослужащих. Его ни в коей мере нельзя считать достаточно высоким для ведения длительных и напряженных боевых действий в условиях непрерывного и массированного воздействия авиации и других средств поражения. К тому же офицерский корпус запуган постоянными чистками и репрессиями, а уровень его подготовки не отвечает современным требованиям.

Второе. Не следует преувеличивать степень сплоченности иракского народа вокруг правящего режима и его лидера, его готовности защищать этот режим. Ведь население страны в своем подавляющем большинстве устало от постоянно возрастающих тягот жизни в условиях действия международных санкций, запугано многолетним террором, насилием и репрессиями баасистов и озабочено главным образом вопросами собственного выживания. В то же время нельзя исключать активного сопротивления иностранной интервенции со стороны тех, кто тесно связан с нынешней властью, запятнал себя участием в ее многочисленных преступлениях, тех, кто кровью повязан с Саддамом Хусейном и его окружением. Нельзя исключать и того, что большие жертвы и крупные разрушения, причиненные в результате бомбардировок и обстрелов,

могут вызвать ожесточение у населения против интервентов, подтолкнуть его к тем или иным формам сопротивления иностранным войскам.

Третье. О роли курдского фактора. Руководство курдским движением, добившись фактической независимости от центральной власти, отчетливо понимает, что режим С.Хусейна в условиях реального противодействия со стороны Запада не пойдет на развязывание новой войны против курдов. В случае же прихода к власти в Багдаде нового, «демократического» режима, поддерживаемого тем же Западом, становится вполне вероятным использование центральным правительством силы для склонения курдов к покорности. Исходя из этих предпосылок, курдские лидеры не испытывают большого желания участвовать в свержении нынешнего багдадского режима, хотя и оказывают всяческую помощь оппозиционным ему силам, прекрасно понимая, что их деятельность не представляет реальной угрозы для Саддама.

И, наконец, четвертое. При проведении операции непосредственно на иракской территории американское командование в отличие от Афганистана не будет иметь реальных военных союзников. Нынешняя оппозиция баасистскому режиму весьма разнородна, слабо организована и в значительной степени представлена организациями и группировками, находящимися за рубежом и не имеющими, что называется, живой связи с родиной. К тому же в ее руководстве нет видных и авторитетных лидеров, известных и популярных в Ираке, а уж тем более пользующихся там поддержкой. Все это может очень серьезно затруднить действия американцев.

Таким образом, в конце XX – начале XXI столетия Ирак прочно утвердился как эпицентр острого и затяжного военно-политического кризиса широкого международного масштаба. В определяющей степени причиной этому стало чрезмерное и авантюрное использование баасистским режимом и его лидером силы для решения спорных проблем с соседними государствами и для удовлетворения своих непомерных внешнеполитических амбиций. И здесь вполне можно согласиться с утверждением о том, что С.Хусейн «самим фактом своего пребывания у власти в Багдаде препятствует созданию соответствующей системы безопасности в Заливе и восстановлению нормальных межгосударственных отношений» [11, с. 403].

Вооруженные силы рассматриваются руководством страны в качестве гаранта защиты территории Ирака от внешней агрессии, сохранения существующего строя, поддержания внутренней стабильности и порядка в государстве. Исходя из этого, в Багдаде, несмотря на тяжелое экономическое положение страны, сложившееся в результате международной блокады, считают проблему обеспечения выживаемости ВС одной из основных на современном этапе.

Серьезные изменения претерпела военная доктрина Ирака, которая носит оборонительный характер. Ее нынешний вариант был принят СРК в 1992 г. на срок действия международных санкций. Док-

трина имеет условное наименование «Сохранение сил и неучастие в военных конфликтах». Идеологической базой документа являются лозунги объединения мусульман и борьба против иностранного военного присутствия на территории арабских и мусульманских стран. Политические и военно-технические аспекты доктрины заключаются в отказе от военной угрозы по отношению к другим государствам, сохранении национальных вооруженных сил, поддержании в боеготовом состоянии за счет внутренних резервов максимально возможного количества вооружения и военной техники. Главной задачей военного строительства считается поддержание боеготовности армии на уровне, обеспечивающем прочность правящего режима.

Боевые действия в январе-феврале 1991 г. и последующие ракетно-бомбовые удары авиации США и Великобритании, деятельность Спецкомиссии по разоружению Ирака нанесли его ВС и военно-промышленному комплексу очень серьезный урон, привели к значительному снижению боеспособности и ослаблению технической оснащенности иракской армии.

В период после войны иракское руководство сделало и продолжает делать все возможное для восстановления военного и военно-экономического потенциала страны. По мнению зарубежных исследователей, Ирак сумел достичь многого в этой области. Так, по данным американского конгресса, к лету 1996 г. Ирак полностью или частично восстановил более 200 заводов по производству боеприпасов, военного снаряжения, смог приступить к ограниченному производству танков Т-72 и ракет малого радиуса действия, отремонтировал большое число артиллерийской, бронетанковой и авиационной техники, поврежденной в ходе операции «Буря в пустыне». На сегодняшний день ВС Ирака по-прежнему являются самыми крупными среди армий арабских государств зоны Персидского залива. На начало 2002 г. они насчитывали 424 тыс. человек. В резерве числится 650 тыс. человек. Мобилизационные ресурсы Ирака составляют 5,6 млн. человек, в том числе годных к военной службе – 3 млн. человек. Военный бюджет в 2001 г. – 1,4 млрд. долл.

В то же время иракские вооруженные силы, несмотря на значительную численность и наличие большого количества боевой техники, не представляют собой мощной, обученной современным способам ведения боевых действий силы, способной оказать эффективное сопротивление ВС США в случае проведения ими военной операции против Ирака. В первую очередь это относится к силам ВВС и ПВО, понесшим наибольшие потери в войне 1991 г. и от последующих ударов западных союзников.

* * *

Во время правления С.Хусейна Ирак неоднократно подвергался серьезным военно-политическим испытаниям. Поражение в войне 1991 г., экономическая блокада, потеря большей части национально-

го богатства, восстания на севере и юге страны глубоко потрясли общество. Однако режим и возглавляющий его тикритский клан, монополизировавший политическую власть путем насилия, сумел сохранить ее во многом благодаря тому, что за революционной фразеологией он всегда скрывал глубоко традиционалистскую опору на суннитские племена центрального и северного Ирака, представители которых составляли основу спецслужб и армии.

И все же думается, что социальная база нынешнего иракского режима в настоящее время значительно сузилась вследствие долговременного и сильного падения жизненного уровня основной массы населения страны, отсутствия самых элементарных демократических свобод, постоянного страха и репрессий.

Основным инструментом внутренней политики С.Хусейна и его ближайшего окружения остаются партия Баас и многочисленные спецслужбы. Мощным средством воздействия на массы является официальная пропаганда, широко использующая социальную демагогию. Однако при всем этом главным средством удержания власти в своих руках иракские правители по-прежнему считают насилие и жестокость.

1. Апдай Р.Дж. Саддам Хусейн. Политическая биография. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

2. Белоногов А.М. МИД, Кремль. Кувейтский кризис. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

3. Львов В.В. Ирак: реалии власти. // Ближний Восток и современность (выпуск четвертый). – М., 1997.

4. Львов В.В. Современная политическая элита Ирака. А есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000.

5. Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. – М.: Наука, 1970.

6. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. – М.: Наука, 1970.

7. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. – М., 1997.

8. Современный Курдистан. Проблемы национального движения. – М., 1995.

9. Халед ибн Султан. Воин пустыни. Личный взгляд на войну в Заливе командующего Объединенными вооруженными силами. – М.: «Дар-эль-Кэмам», 1996.

10. Barry Rubin. Radical Middle Elast States and US. Policy. – Washington, 1993.

11. Penrose E., Penrose T. Iraq: International relations and national development. – London, 1978.

12. The Military Balance 2001–2002. – London. 2001.

13. The World Armies 2001–2002. – London, 2001.

14. Азия и Африка сегодня.

15. Аргументы и факты.

16. Зарубежное военное обозрение.

17. Независимая газета.

18. Независимое военное обозрение, М.
19. Пульс планеты, М.

С.М.Задонский

НАУЧНАЯ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ

В настоящее время турецкая промышленность развивается почти полностью за счет импортных технологий. Вместе с тем правительство Турции понимает необходимость создания в стране общегосударственной системы по внедрению новых технологий в национальную промышленность. В этой связи проводится активная работа по определению перспектив развития передовых технологий, планированию их внедрения, анализу технологических рисков, расширению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), своевременному обновлению действующего оборудования и выработке подходов к обеспечению конкурентоспособности турецких товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Ученые Турции ведут исследования в области развития средств связи, биохимии и биомедицинских технологий, совершенствуют химическое производство и осуществляют поиск альтернативных источников энергии, работают над методами повышения качества сельскохозяйственной продукции. Уделяется внимание НИОКР в области ветеринарии.

Отмечая технологический прорыв турецкой промышленности, вместе с тем необходимо сказать, что процесс развития в Турции самой науки, и прежде всего фундаментальной, пока еще находится на начальной стадии. По заказу министерства промышленности и торговли в 1995 году турецким Фондом развития технологий была разработана «Промышленная стратегия на 1995–2005 годы», основные положения которой в общем виде свелись к следующему:

– роль государства в экономике постепенно должна уменьшаться;

– государственная политика закупок, развития национальной промышленности и технологий должна формироваться в соответствии со стратегическими приоритетами на основе сотрудничества правительственных и деловых кругов;

– в первую очередь должны поощряться инвестиции в те отрасли промышленности, где используются или создаются новые технологии;

– в связи с вступлением Турции 1 января 1996 года в таможенный союз с ЕС национальная промышленность должна развиваться в соответствии с международными нормами и стандартами;

– для обеспечения постоянного экономического роста, создания в стране научной и исследовательской базы, быстрого внедрения в производство результатов фундаментальных и прикладных исследований было признано целесообразным создать соответствующий механизм поощрений и необходимые для его реализации структуры: национальный патентный институт, комитет стратегического планирования, институт стратегических исследований, центры НИОКР при университетах, центр контроля и совершенствования качества продукции, общество по развитию промышленности, институт по подготовке специалистов в области стандартов, технопарки, в различных ведомствах группы специалистов, работающих на международном уровне.

Для реализации многих положений «Промышленной стратегии» в Турции была создана академия наук (ТЮБА), руководящими органами которой являются общее собрание академиков и комитет академии. Организация научных и технических исследований Турции (ТЮБИТАК) является аппаратом высшего совета по научной и технологической политике страны, выступает в роли советника правительства Турции в этой области.

Высший совет по научной и технологической политике Турции был создан в 1983 г. и является высшим органом, который определяет перспективы развития науки и технологий в стране. В его состав входят премьер-министр (председатель), государственные министры и министры национальной обороны, образования, здравоохранения, лесного и сельского хозяйства, промышленности и торговли, энергетики и природных ресурсов; советники государственной плановой организации, казначейства; председатели ТЮБИТАК, организации по атомной энергии, союза бирж и торговых палат; представители университетов. На заседании высшего совета по научной и технологической политике, состоявшемся 25 августа 1997 г., были рассмотрены итоги осуществления научной и технологической политики Турции, а также 28 приоритетных военных проектов. На высший совет по научной и технологической политике Турции возложено выполнение следующих задач:

– подготовка для правительства страны долгосрочных программ развития науки и технологий;

– определение приоритетных НИОКР и обеспечение их финансирования;

– распределение НИОКР среди государственных исследовательских учреждений;

– поощрение НИОКР в частном секторе национальной экономики;

– подготовка законов, направленных на поощрение научных исследований и создание новых технологий;

– создание условия для формирования научной элиты в стране;

– обеспечение координации НИОКР в рамках страны как между организациями, так и между секторами экономики.

Главной задачей турецкой научной и технологической политики становится получение доступа к современным передовым технологиям,

прежде всего информационным, которые станут базой для дальнейшего экономического роста страны. От получения технологий будет зависеть место и роль Турции в глобальных и региональных структурах.

На заседании высшего совета по науке и технологиям была подчеркнута огромная роль научно-технического прогресса в отношении:

– выживания и развития национальной экономики;

– улучшения уровня жизни в стране;

– повышения конкурентоспособности государства на международной арене.

Эти положения были заложены в научную и технологическую политику Турции на предстоящие десять лет. В рамках этой политики для достижения нацией экономических и социальных результатов должен быть осуществлен ряд мероприятий по рациональному использованию ресурсов, прежде всего природных, и проведена интеграционная стратегия для:

– повышения интеллектуального потенциала страны;

– наращивания возможностей Турции в проведении НИОКР;

– ускоренного внедрения новых технологий во все секторы турецкой экономики;

– сосредоточения НИОКР на экономических приоритетах государства;

– финансирования прежде всего технологически емких и крупных проектов, которые повысят технологический потенциал страны и создадут благоприятные условия для прорыва в экономическом развитии.

Основные положения турецкой научно-технологической политики были уточнены в 2000 г. при составлении восьмого пятилетнего плана развития экономики государства. Для ускорения научно-технологического прогресса в соответствии с экономическими приоритетами страны предусматривается выделение значительных средств для реализации:

– планов создания национальных информационных структур, необходимых для XXI века;

– совершенствования сети железных дорог на базе высокоскоростных технологий;

– НИОКР в области гибких технологий и своевременного их внедрения в промышленность;

– НИОКР в авиапромышленности, генной инженерии, биотехнологиях;

– экологически чистых и энергосберегающих технологий;

– НИОКР для производства современных материалов для отдельных отраслей промышленности.

Высший совет по научной и технологической политике, принимая во внимание потребности нации, на своем заседании 25 августа 1997 года сформулировал следующие приоритетные направления развития научно-технического прогресса в стране:

– подготовка технико-экономических обоснований (ТЭО) для создания национальной информационной структуры;

– основание информационного центра;

– создание системы электронной торговли;
– учреждение фондов по технологическому развитию регионов страны;
– организация управления людскими ресурсами;
– стимулирование исследований в области социальных и общественных наук;
– развитие национальной метрологии;
– реструктуризация научно-исследовательских институтов;
– изменение системы выделения средств на НИОКР;
– обеспечение государственной поддержки исследованиям в интересах промышленности;
– образование исследовательских центров на базе соединения науки и промышленности;
– строительство наземной станции управления спутниками;
– ускоренное расширение технологических возможностей национальной военной промышленности (ВП);
– учреждение национального аэрокосмического агентства;
– участие в международных исследовательских программах;
– НИОКР в области био- и звуковых технологий;
– сотрудничество с иностранными институтами и организациями в области их деятельности;
– НИОКР по эффективному использованию энергоресурсов;
– морские исследования и разработки;
– НИОКР по инновационной политике в целом.

Созданное в 1995 году в Турции общество по внедрению технологий отмечает следующие особенности турецкой промышленности и технологий:
– основа турецкой промышленности – малые и средние предприятия;
– ограниченность финансовых возможностей предприятий;
– выпуск на заводах в основном товаров широкого потребления;
– использование технологий зарубежного происхождения;
– за исключением сырья и полуфабрикатов, высокая зависимость промышленности от импорта;
– низкий уровень производительности и автоматизации;
– слабая конкурентоспособность промышленной продукции;
– осуществление, как правило, краткосрочных проектов;
– существование непонимания важности информационного обеспечения проекта;
– отсутствие перспективного планирования.

В отношении государственных организаций, занимающихся НИОКР, представители общества высказывают следующие соображения:
– испытывают значительные финансовые и материальные трудности;
– имеют нехватку квалифицированного персонала;
– время, выделяемое на осуществление исследований, недостаточно;
– академический персонал жалуется на существующее положение;

– бюрократические препоны непреодолимы;

– отсутствует долгосрочное стратегическое планирование;

– связь науки с промышленностью слабая;

– во многих исследовательских организациях разрабатываются одни и те же проблемы;

– специализация по проблемам среди университетов отсутствует;

– приток в науку специалистов из промышленности незначителен.

В 1991 году создан Турецкий Фонд развития технологий (ТТГВ) под эгидой Мирового банка. Целями создания Фонда являются:

– развитие структуры научных и технологических исследований в стране;

– создание финансовых источников поддержки и поощрения НИОКР в турецкой промышленности;

– определение приоритетных областей для проведения НИОКР и развития технологий;

– укрепление сотрудничества между университетами, частным и государственным секторами экономики.

С турецкой стороны учредителями фонда стали казначейство, ТЮБИТАК, управление по поддержке и развитию малых и средних промышленных предприятий и около 54 отдельных компаний. Высшим советом по науке и технологиям Турции Фонду развития технологий поручено развивать существующие информационные системы, организовать электронную торговлю, сформировать инновационную политику государства, создавать новые информационные центры, развивать технологии в области энергетики.

В 1995 году по решению научного совета ТЮБИТАК был создан Департамент изучения и оценки технологий (ТИДЕБ), который оказывает финансовую помощь НИОКР, осуществляет отсрочку оплаты налогов при проведении НИОКР, координирует взаимодействие университетов и промышленности, организует торговлю технологиями и награждает премиями ученых, достигших успехов в разработке и внедрении передовых технологий. Как правило, около 50% поданных на рассмотрение проектов получают государственную поддержку.

В ноябре 1998 г. вышел закон о поддержке НИОКР на средних предприятиях с числом занятых не более 200 человек. Предусматривается, что ТЮБИТАК и ТТГВ в течение трех лет могут возмещать до 60% расходов на эти цели. При этом упомянутые структуры будут отслеживать осуществление проекта на всех его этапах: технико-экономическое обоснование, лабораторные исследования, изготовление прототипа продукции, пробное производство, оформление необходимых патентов и лицензий, серийное производство, сервисное послепродажное обслуживание продукции. Руководство Турции надеется, что это даст толчок к развитию НИОКР в частном секторе экономики на динамично развивающихся средних предприятиях.

Турция не участвует в научной и технологической программе Европейского союза, поскольку для этого страна должна внести в течение

четырех лет свой пай в размере 300 млн. ЭКЮ, а в настоящее время казначейство Турции не имеет таких средств. Поэтому государство пока не может воспользоваться общеевропейскими технологическими разработками в рамках упомянутой программы.

Министерство промышленности и торговли до сих пор не обеспечило рассмотрение в парламенте закона о районах страны с развитой технологией, что сдерживает создание в Турции технопарков. По этой причине руководящий совет управления по поддержке и развитию малых и средних промышленных предприятий (KOSGEB) на своем заседании 15 апреля 1997 г. принял основные нормативные положения в отношении этих образований.

Следует отметить, что наиболее передовые технологии, современная научно-исследовательская база, хорошо подготовленные кадры сосредоточены в военной промышленности Турции. Все военные программы тщательно прорабатываются, готовятся на перспективу, их осуществление находится под постоянным контролем министерства национальной обороны Турции (МНО). Правительством страны, как правило, выделяются необходимые ассигнования на НИОКР в военных целях, последующую модернизацию продукции военных предприятий. 10 февраля 1998 г. министерством национальной обороны Турции был принят «План развития технологий и военных НИОКР на 1999–2008 годы». Согласно плану, ежегодно будет расходоваться 35–50 млн. долл. на НИОКР в интересах национальной обороны страны.

Правительством Турции было принято решение о создании «Научно-технического центра передовой технологии в авиастроении и военной промышленности». В районе Пендик (Стамбул) подготовлена площадка 13 кв. км, где строятся:

– центр передовой технологии;
– институт сложной технологии;
– центр авиастроения;
– зона свободной торговли.

Основная задача данного комплекса – подготовка и переподготовка специалистов военной промышленности, проведение исследований по созданию новых и модернизации имеющихся вооружений, техническая экспертиза предложений иностранных и турецких фирм при выполнении заказов министерства национальной обороны. При осуществлении этого проекта руководством страны были сформулированы следующие подходы:

– функционирование этого технопарка в первую очередь будет направлено на удовлетворение потребностей национальной обороны;

– проект должен быть нацелен на обеспечение индустриализации Турции, создание конкурентной среды в НИОКР, быстрое внедрение новых технологий в производство;

– ориентированность проекта на создание технологий, повышающих экспортный потенциал страны;

– привлечение для осуществления проекта максимально возможных частных инвестиций;

– обеспечение свободной конкуренции в создании электронных систем для авиации;

– обеспечение сотрудничества промышленных, финансовых и деловых кругов страны, научно-исследовательских структур и государственных организаций для рентабельного функционирования центра;

– обеспечение максимально высокого вклада в проект национальных компаний.

Этот проект осуществляется под руководством аппарата советника по ВП. Для этого был создан консорциум в составе турецкой фирмы «Текфен» и ирландской компании ТПА. К реализации проекта были привлечены министерство промышленности и торговли, государственная плановая организация, ТЮБИТАК, семь университетов, союз торговых палат и бирж Турции, генеральная дирекция по гражданской авиации и строительству портов и аэродромов, управление железных дорог, департамент по эксплуатации гражданских аэродромов и ряд других ведомств. Конечной целью проекта являлось обеспечение поступления в Турцию высоких западных технологий, без которых невозможно создание конкурентоспособной продукции ВП и быстрое развитие самой этой отрасли. Преследуется также цель достичь слияния науки и промышленности. При этом специалисты для осуществления НИОКР должны быть набраны из ТЮБИТАК, Стамбульского технического, Босфорского и Средневосточного университетов, компании «Аселсан» и университета Билькент.

Реализация запланированных мероприятий позволит организовать на высоком уровне НИОКР, создавать свои и закупать передовые технологии, адаптируя их к местным условиям, правильно развивать национальную ВП, довести качество ее продукции до международных стандартов ISO 9000 и стандартов НАТО AQAP. Для этого кабинет министров Турции с 1997 г. начал поддержку проектов по трансферту высоких технологий, стал выделять больше средств на НИОКР, наращивать количество квалифицированного персонала, занятого этой работой.

В настоящее время в рамках проекта завершено строительство аэродрома, которое осуществляло министерство транспорта Турции. Часть средств на строительство выделял фонд развития ВП.

В 1991 г. исследовательские центры (технопарки) меньших масштабов при поддержке государственной плановой организации и организации по развитию промышленности при ООН начали создаваться в Измирском, Эскишихирском, Средневосточном и Стамбульском университетах. С целью развития связи науки с промышленностью в мае 2000 г. в Адане был открыт еще один исследовательский центр на базе университета Чукурова. До этого в начале года два центра были открыты в Гебзе. Таким образом, программа на 2000 г. по созданию трех новых

исследовательских центров была выполнена. На 2001 г. было запланировано открыть еще три аналогичных центра. До этого за последние 10 лет в Турции было создано шесть центров по развитию технологий (исследовательских центров). Располагаются они, как правило, на территории университетов. Это позволяет, в случае необходимости, представителям фирм использовать университетские лаборатории, получать квалифицированную техническую и любую другую справочную помощь от ученых университетов. Особенно велика роль центров развития технологий в организации выставок и ярмарок как внутри страны, так и за рубежом, в разработке программных продуктов, опубликовании результатов исследований, патентовании изобретений, рекламе, обучении, подготовке необходимых документов, предоставлении офисных услуг. При этом часть помощи турецких ученых оплачивается KOSGEB и часть – фирмами-заказчиками работ. Однако размер платежа KOSGEB на одну фирму ограничен суммой 25 тыс. долл. США.

Таким образом, в настоящее время в Турции имеется девять исследовательских центров или центров развития технологий, в которых проводят исследования 154 фирмы. Общая площадь этих технопарков около 10 000 кв. метров. Турецкие специалисты технопарки разделяют на следующие виды:

1. Индустриальные парки, в которых осуществляется сборка, производство и распределение готовой промышленной продукции с применением технологических новинок.

2. Деловые центры, в которых предоставляются помещения для офисов, оказываются услуги и организован выпуск продукции легкой промышленности на основе передовых технологий.

3. Исследовательские центры, в которых НИОКР осуществляют университеты и промышленные компании, работа доводится до изготовления прототипа, предоставляются лаборатории, офисы и услуги.

4. Объединенные исследовательские центры, в лабораториях которых совмещаются усилия фундаментальной и прикладной науки с промышленностью.

5. Технополисы – научные городки с развитой университетской и промышленной исследовательской базой, необходимой социально-культурной инфраструктурой.

По мнению руководства турецкой государственной плановой организации, в национальных технопарках, в первую очередь, должны проводиться НИОКР в следующих областях: биотехнология, аэрокосмические разработки, электроника, источники энергии, новые материалы, исследование морей, новые технологии в угольной и сталелитейной промышленности, исследования в животноводстве и сельском хозяйстве, передовые технологии в пищевой промышленности.

22 июля 2000 г. между ведомством внешней торговли и исследовательским центром ТЮБИТАК–МАМ был подписан протокол о создании на территории последнего в Гебзе свободной зоны для технологий.

При этом преследуются цели: увеличение производства товаров и их экспорта, ускорение поступления иностранных инвестиций и технологий, развитие внутреннего рынка Турции, повышение конкурентоспособности отечественной продукции. Предполагается, что исследования в свободной зоне для технологий будут осуществляться прежде всего по следующей проблематике: электроника и автоматизация в промышленности, энергетика, передовые технологии, сельское хозяйство и продукты питания, окружающая среда.

Причиной выбора первой свободной зоны для технологий в Гебзе на территории ТЮБИТАК–МАМ, как представляется, послужили следующие соображения:

– легко применять положение закона о свободных экономических зонах в отношении технопарка ТЮБИТАК–МАМ;

– высокотехнологичное оборудование, которое будет разрабатываться в ТЮБИТАК–МАМ, позволит получить большую добавочную стоимость;

– фирмы, арендующие площади в свободной зоне для технологий, смогут пользоваться научной поддержкой существующих структур ТЮБИТАК–МАМ;

– ТЮБИТАК–МАМ имеет развитую инфраструктуру, его территория удобно расположена и имеет хорошие связи с различными регионами Турции, включая порты, аэропорты, вокзалы и другие транспортные узлы;

– в Гебзе находится около 800 средних и крупных производственных фирм, т.е. район играет важную роль в экономике Турции;

– легко решаются вопросы подбора квалифицированных кадров и социально-бытовые проблемы.

Первой инофирмой, которая арендовала площади в свободной зоне для технологий, стала американская компания «Дженерал электрик». Она создала фирму «ГИМТЕК», в составе которой в настоящее время имеется около 60 турецких исследователей. Фирма занимается совершенствованием реактивных двигателей для самолетов в специально построенной для этих целей лаборатории. Только на первом этапе бюджет фирмы составил десять млн. долл. США.

Турецкая компания «Арчелик» весь свой отдел перевела в свободную зону для технологий. Вначале планировалось продолжить НИОКР по созданию новой стиральной машины. «Арчелик» закупила у американской фирмы Scenix технологию управления домашними приборами через «Интернет». Стоимость чипа управления турецкого производства будет около пяти долларов. За последние пять лет фирма «Арчелик» израсходовала на НИОКР около 100 млн. долл., что позволило увеличить объем продаж на 2% и поставить на рынок четыре новых товара.

ТЮБИТАК–МАМ по заказу министерства внутренних дел страны разрабатывает специальную электронную карточку гражданина, которая будет использоваться в качестве удостоверения личности. На карточку

может быть внесено до 32 килобайт информации, включая номер гражданина, его фотографию, отпечатки пальцев, сведения удостоверения личности и т.д. Эта же карточка будет применяться также министерством труда и социальной защиты.

Следует отметить, что на территории ТЮБИТАК–МАМ все фирмы будут пользоваться следующими преимуществами и льготами:

– по применению существующего в Турции законодательства в отношении налогов, пошлин, таможенного и валютного регулирования, других издержек;

– использование дешевой рабочей силы;

– свободный перевод прибылей без налогообложения как за рубеж, так и внутри страны;

– освобождение от налога прибыли и ренты, полученной за счет привлечения финансовых ресурсов;

– применение режима внешней торговли при перемещении товаров и услуг между свободной зоной для технологий Гебзе и другими районами Турции;

– для товаров из третьих стран, направляемых в Турцию и ЕС, взимание лишь установленного налога по совместной тарифной сетке без каких-либо дополнительных платежей в случае, если эти товары направляются не для свободного обращения;

– использование фирмами льготного режима на этапе капиталовложений и производства в соответствии с регламентирующими документами кабинета министров Турции;

– установление одинакового режима благоприятствования как для местных, так и иностранных фирм;

– неустановление каких-либо ограничений по срокам пребывания товаров и технологий на территории ТЮБИТАК–МАМ;

– запрещение в течение десяти лет с начала деятельности забастовок на конкретной фирме;

– осуществление любых платежей в конвертируемой валюте;

– отсутствие каких-либо ограничений на экспорт продукции и технологий;

– выдача разрешений на деятельность в свободной зоне для технологий сроком на 99 лет;

– сведение до минимума всех бюрократических процедур с момента обращения фирмы на открытие офиса и в процессе ее деятельности.

Предполагается, что центры развития технологий (технопарки) и свободная зона для технологий позволят поднять долю высоких технологий в экспорте продукции турецкой обрабатывающей промышленности. В настоящее время она составляет 2,5–5,7%. В период 1977–1998 гг. Турция получила лишь 51 международный патент от института патентоведения США. Принимая во внимание дороговизну этой процедуры, не следует ожидать в ближайшие годы резкого роста полученных турецкими фирмами международных патентов на изобретения.

Турецкие специалисты считают, что для достижения успеха в технологическом развитии следует определиться с перечнем приоритетных технологий; организовать сотрудничество науки и производства; создать необходимые законы; выбрать лидеров по разработке приоритетных технологий; создать необходимую социальную инфраструктуру.

Основные НИОКР в настоящее время сосредоточены в следующих организациях:

***1. Мраморноморский исследовательский центр* (*MAM*)** был создан в Гебзе в 1972 г. и имеет 7,3 кв. км лабораторных, учебных и производственных площадей. Исследования в Центре финансируются местными и иностранными компаниями, а также ТЮБИТАК. Все НИОКР сосредоточены в пяти институтах и 15 исследовательских лабораториях, в которых занято 750 сотрудников.

В интересах ВП Турции НИОКР осуществляет в следующих институтах и лабораториях:

а) Институт развития технологий.

Целью создания института была разработка и создание качественных самописцев, повышающих производительность труда. В дальнейшем в институте приступили к созданию для нужд вооруженных сил Турции систем опознавания «свой-чужой». Другая программа предусматривает создание тренажера для пилотов с целью имитации воздушного боя в наземных условиях и финансируется министерством обороны Германии.

б) Национальный институт метрологии.

Был создан с целью приведения в соответствие национальных мер и весов международным требованиям.

в) Лаборатория электроники и полупроводников.

В лаборатории ведутся исследования в области микроэлектроники и защиты передаваемых сведений, в частности, разрабатываются шифровальные устройства, системы закрытия речевых сообщений, а также различные самописцы и устройства опознания.

г) Химическая лаборатория.

В ней в интересах МНО Турции осуществляются работы по созданию композитных материалов.

д) Лаборатория новых материалов.

Специалисты этой лаборатории проводят исследования в интересах ВП по созданию новых марок сталей и магнитных материалов.

2. Институт исследований в области электроники и технологий БИЛТЕН (Анкара) функционирует под руководством ТЮБИТАК и имеет в своей структуре следующие основные подразделения:

а) Лаборатория виртуальных изображений.

Занимается разработкой пассивных систем определения местоположения цели, систем сжатия изображений и их передачи по видео-

или телефонным каналам связи, технических средств идентификации оружия и используемых в нем боеприпасов, аппаратуры снятия отпечатков пальцев с помощью компьютеров. Большинство устройств и технологий разрабатывается для жандармских войск Турции, а также для систем безопасности крупных государственных и частных организаций и предприятий.

б) Лаборатория речевого анализа.

В ней осуществляются НИОКР по созданию отдельных узлов мобильных телефонов, а также систем очистки, анализа речевых сообщений, их идентификации с конкретным лицом для криминалистических лабораторий.

3. Институт исследований и разработок в области ВП (Анкара) был создан в рамках ТЮБИТАК в 1972 г. и проводит НИОКР с узлами летательных аппаратов и подводных лодок в аэродинамической трубе, построенной в марте 1994 г. Осуществляет структурные, механические и метрические исследования различных материалов. В институте имеется современная лаборатория для проведения различных химических опытов и анализов. В контрольной лаборатории осуществляется проверка и регулировка узлов беспилотных летательных аппаратов, в том числе системы управления и контроля. Ведутся работы по созданию самописцев, анализирующих с помощью компьютера по ряду параметров работу систем военного назначения, организованы НИОКР в области аэробалистики.

4. Средневосточный технический университет (Анкара). В его рамках имеется департамент координации промышленных исследований, который состоит из трех отделов: механического, электроники и воздухоплавания.

В них проводятся: НИОКР по структурному анализу материалов, их текучести и вибропрочности; техническая поддержка проекта по оснащению самолетов F-16 системой радиоэлектронной борьбы; разработка систем опознавания «свой-чужой»; совершенствование совместно с компанией «Аселсан» систем связи; создание аппаратуры «автопилот», композитных материалов, датчиков для анализа работы реактивных двигателей, систем телекоммуникаций. Для ВП страны проведены НИОКР и изготовлены лабораторные образцы:

– приемных и передающих устройств в миллиметровом диапазоне волн;

– пороховой ракетный двигатель «Рамсет»;

– композитный материал «Секом»;

– мобильная система связи;

– система идентификации с помощью компьютера удостоверения личности владельца.

5. Фирма СТМ (Анкара) была создана 7 мая 1991 г. по решению Высшего координационного совета по ВП с целью внедрения передовых технологий и оказания помощи различным организациям военно-

промышленного комплекса (ВПК) по их выбору. Высший координационный совет по ВП является высшим политическим органом, принимающим решения по вопросам ВП. Председателем этого комитета является премьер-министр, а его членами – начальник генерального штаба (НГШ); министры: национальной обороны, иностранных дел, промышленности и торговли, финансов и таможен; а также государственный министр, отвечающий за проблемы экономики, и командующие видами ВС. Акциями фирмы владеют: аппарат советника по ВП, «Хавелсан», «Стфа Савроник», «Интес» и «Стфа Энерком». Фирма СТМ участвовала в реализации программы оснащения самолетов F-16 системами радиоэлектронной борьбы (РЭБ); производства мобильных радиолокационных систем (РЛС), системы сбора и обработки данных, беспилотных летательных аппаратов. При этом она осуществляла руководство проектом, обеспечивала трансферт необходимой технологии, ее интеграцию и поставку запасных частей. Вклад этой фирмы в области передовых технологий достигает 47%. Она дает консультации по системам управления, микроволновой технике, компьютерному и программному обеспечению.

6. Компания «Хавелсан» (Анкара), 97,8% акций которой принадлежит фонду развития турецких ВС, имеет территорию 69 000 кв. м, в том числе: крытую – 20 000 кв. м, производственную – 11 500 кв. м. Участвует в осуществлении следующих военных проектов с привлечением новых технологий:

– авионика самолетов F-16;

– совершенствование тренажеров для пилотов;

– контроль средств радиоэлектронной борьбы и обучение персонала.

7. Компания «Есдаш» (Анкара) была создана в 1991 году и осуществляет обслуживание электронных систем самолетов АВАКС, ведет разработку программного продукта для системы автоматического тестирования.

8. Фирма «Тюсташ» (Анкара) создана в 1970 г. и осуществляет техническую поддержку проектов в промышленности по производству стрелкового оружия, модернизации танков; строительству военных баз, заводов боеприпасов и противовоздушных систем. Кроме того, осуществляет аналогичную работу для металлургической и обрабатывающей промышленности.

9. Компания «Ялчин текник иншаат макина мюхендислик ве мимарлык А.Ш.» (Анкара) была создана в 1969 г. и занимается осуществлением проектов, которые финансируются по линии НАТО. Она построила «под ключ» с привлечением современных технологий аэродромы в Муш и Чардак, осуществляет обслуживание и совершенствование на ряде авиабаз систем навигации, складов горюче-смазочных материалов (ГСМ) и боеприпасов, тренажеров летчиков, взлетно-посадочных полос, объектов системы противовоздушной обороны (ПВО); приемо-передающих центров.

10. Фирма «Гемаш генел мюхендислик ве мимарлык А.Ш.» (Анкара) была создана в 1968 г. и занимается технической поддержкой проектов по созданию бесперебойных источников питания, строительству объектов, защищенных от оружия массового поражения, а также взлетно-посадочных полос и др. вспомогательных аэродромных сооружений.

11. Фирма «Интер мюхендислик данышманлык ве тиджарет А.Ш.» (Стамбул) была создана в 1985 г. и ведет разработку и внедрение новых систем безопасности для аэродромов, модернизацию самолетов и вертолетов, аппаратуры автоматического контроля и программного продукта для такого контроля.

Лидерами исследований в области физики считаются Средневосточный технический и Анкарский университеты, а также такие высшие учебные заведения, как «Хаджеттепе», «Билькент», «Гази», «Эге», «Богазичи».

Среди научных работ в области химии ведущие позиции занимают Средневосточный технический и Стамбульский университеты, а также «Хаджеттепе» и «Богазичи». В университетах проводятся также прикладные исследования в интересах министерства национальной обороны Турции. Специалисты Стамбульского технического университета решают проблему производства броневой стали. В Босфорском университете осуществляются разработки комплектующих элементов электронных систем, используемых в различных видах вооружений и боевой техники. В университете «Билькент» ведутся исследования в области полупроводниковой технологии. Ученые Средневосточного технического университета работают над проектами средств военной электроники миллиметрового диапазона волн, созданием защитных керамических материалов на основе кремния, повышением экономичности ракетных двигателей с защитным покрытием из керамики и работающих на жидком топливе.

Университет «Богазичи» совместно с ТЮБИТАК ведет проработку вопроса размещения на территории Турции 20–22 сейсмических станций общей стоимостью около 1,5 млн. долл. Преследуется цель организации превентивных мероприятий с целью избежать разрушительных последствий землетрясений. При этом в первую очередь принимаются во внимание результаты последнего землетрясения августа 1999 и июля 2000 годов.

Несмотря на предпринятые турецким правительством меры по поощрению НИОКР, наблюдается явное нежелание частного сектора осуществлять инвестиции в исследования и разработки. В определенной степени это объясняется низким образовательным уровнем владельцев частных компаний:

	Образование				
	Отсутствует	Начальная школа	Средняя школа	Лицей	Университет
%	0,9	12,7	9,7	25,6	51

Другим не менее важным фактором, оказывающим влияние на НИОКР в частном секторе турецкой экономики, являются механизм принятия решений на проведение исследовательских работ и внедрение новых технологий:

– владелец компании принимает решение самостоятельно, ни с кем не советуясь – 39,2%;

– решение принимает руководящий совет компании – 39,5%;

– владелец компании принимает решение, посоветовавшись с сотрудником фирмы – 4,0%;

– принятие решения передано специалисту по подлежащей внедрению технологии – 8,0%;

– принятие решения передано компании, специализирующейся в области внедрения новых технологий – 5,1%;

– решение принимают чиновники государственного аппарата – 0,7%;

– варианты решения дают друзья и знакомые – 1,0%;

– другие варианты – 2,5%.

По изложенным причинам распределение высококвалифицированного персонала, занимающегося НИОКР, в государственном секторе экономики выглядит следующим образом:

	Кол-во (%)
– промышленный сектор	16
– государственные компании в других секторах экономики	27
– университеты	57

В последние годы руководством Турции был принят ряд мер, направленных на развитие НИОКР и создание современных технологий. При этом предусматривается:

– поощрение исследований и научных публикаций в университетах;

– создание исследовательских отделов в университетах и отдельных НИИ;

– поощрение НИОКР в промышленности;

– отсрочка от налогов на расходы по НИОКР;

– организация торговли современными технологиями;

– осуществление университетами НИОКР по заказу промышленности;

– проведение технологических конгрессов;

– поощрение премиями создаваемых технологий;

– финансирование ТЮБИТАКом около половины расходов на НИОКР на коммерческой основе в течение трех лет;

– предоставление турецким фондом развития технологий для НИОКР на коммерческой основе беспроцентных кредитов на половину необходимой для осуществления проекта суммы;

– по долгосрочным НИОКР государство применяет пониженную ставку налогообложения и осуществляет финансирование международных НИОКР с участием Турции.

В связи с этим в Турции существенно возросло число научных публикаций. Количественный показатель начал использоваться в качестве критерия оценки научных достижений. Это неверно. Причиной роста научных публикаций в международных изданиях можно назвать политику Турции, направленную на дополнительную оплату таких изданий. При этом качество и уровень статей остаются низкими. Практические исследования в лабораториях с целью наработки материала для этих публикаций проводятся недостаточно. В основном этим занимаются в университетах. Да и сами исследовательские лаборатории слабо укомплектованы как необходимым оборудованием, так и кадрами.

Программа ТЮБИТАК по дополнительной оплате публикаций турецких ученых в международных изданиях осуществляется с 1993 г. и за семь лет 41 674 ученых опубликовали 18 564 научных статей, получив от ТЮБИТАК общее вознаграждение в размере 1 259 трлн. турецких лир. При этом если в 1993 г. по международной классификации Турция занимала 37-е место в мире по количеству научных публикаций, то в 1999 г. она заняла 25-е место. В 1993 г. оплату за публикации в международных изданиях от ТЮБИТАК получили 2 279 ученых, а в 1999 г. – 3 264. Научная политика Турции слабо увязывается с исследованиями, которые проводятся в ведущих государствах мира. Причиной этого является недостаточное финансирование НИОКР в стране. Турецкие ученые считают, что на НИОКР должно выделяться больше средств из бюджета, должна быть на государственном уровне четко сформулирована научная политика страны. Из-за нехватки средств турецкая академия наук не выполняет возложенные на нее функции. Выпускники высших учебных заведений страны в дальнейшем не заинтересованы в работе с целью получения научных степеней и званий, а получившие их – не обладают необходимой профессиональной подготовкой, не способны продвигать научные исследования, достигать практического выхода на передовые технологии. В стране существует «потребительское» отношение к технологиям, они закупаются за рубежом в готовом виде. Провозглашенная связь науки с промышленностью на деле не выполняется. Так, если в развитых странах более 50% НИОКР выполняется частным сектором экономики, то в Турции этот показатель составляет лишь 23%. В передовых государствах 10–20% НИОКР выполняются в университетах, в Турции же – 62%.

Ряд турецких специалистов с целью заинтересовать выпускников высших учебных заведений в работе по получению научных степеней и званий, повышения уровня НИОКР предлагает следующие меры:

– в ближайшее время направить в университеты 10 000 перспективных молодых исследователей. Сосредоточить основные НИОКР в Средневосточном техническом университете;

– открыть факультеты по подготовке строителей, механиков, электриков и электронщиков в университетах Анкары и Ходжатепа;

– казначейству Турции своевременно оплачивать НИОКР, перечислять средства за результаты исследований, пришедшие из-за рубежа;

– 50% стоимости стипендии, выделяемой различными фондами, обществами и фирмами на обучение студента в высшем учебном заведении, резервировать на продолжение его обучения по программе «доктор»;

– торгово-промышленным палатам, профессиональным организациям, как это принято в развитых странах, выделять существенные премии за разработки;

– на поддержку подготовки национальных ученых ввести отчисления от деятельности в стране спортивных клубов.

Наряду с отмеченными мероприятиями с целью улучшения подготовки студентов предлагается упразднить совет по высшему образованию, а его полномочия разделить между академией наук и организацией научных и технических исследований.

На третьем турецком конгрессе технологий было отмечено, что правительство страны приоритетной задачей должно считать развитие собственных технологий и выработать национальную долгосрочную политику в этой области:

– с целью обеспечения развития промышленности должны быть пересмотрены политика и программы подготовки производственных кадров;

– расходы на НИОКР частного сектора экономики должны выйти на уровень, принятый в промышленно развитых странах.

В ходе работы конгресса «большой премии» ТЮБИТАК–ТЮСИАД–ТТГВ была удостоена разработка компанией Alcatel–Teletas телефонного аппарата XXI столетия. Поощрительными премиями были отмечены новый источник питания фирмы «Систаш» и программное обеспечение компании «Тесан».

Страна экспортирует текстиль, продукты питания, сырье, предоставляет услуги для туристов. Закупает же самолеты, вертолеты, вооружение, программное обеспечение. Иными словами, Турция экспортирует продукцию, не содержащую высоких технологий, а импортирует высокотехнологичные товары. Это приводит к дисбалансу во внешней торговле, превышению в денежном исчислении объемов импорта над экспортом. С целью устранения этого дисбаланса Турция должна наладить в стране НИОКР, производство и экспорт высокотехнологичной продукции. Однако этому препятствует ограниченность финансовых ресурсов. Иностранные инвесторы не спешат своими руками создавать себе конкурента в виде Турции. Поэтому турецкие ученые вынуждены обходиться внутренними финансовыми возможностями.

Кроме этого, следует иметь ввиду, что НИОКР в своем большинстве являются весьма дорогостоящими. Единственный путь вернуть вложенные средства – это продать созданную продукцию. Если в отношении гражданской продукции риск ее сбыта на рынке могут взять

на себя фирмы, то в отношении изделий военного назначения ситуация совсем иная. Покупателем вооружений и военной техники на внутреннем рынке выступает единственная структура – силовые ведомства в лице вооруженных сил страны, жандармерии, полиции. На внешнем рынке сбыт военной продукции ограничивает крайне высокая конкуренция. В сложившейся ситуации Турция должна создать постоянно действующие механизмы поощрения и поддержки НИОКР в военной области. В противном случае эти исследования будут весьма рискованными предприятиями в плане возврата вложенных средств и не привлекут внимания частного сектора национальной экономики. В качестве примера можно указать, что компания «Аселсан» только на разработку тактических средств радиосвязи серии «9600» израсходовала 20 млн. долл. Это стало возможным лишь благодаря финансовой поддержке заказчика аппаратуры – министерства национальной обороны и фонда развития технологий, а также привлечения фирмой «Аселсан» собственных ресурсов.

Турецкие промышленники отмечают, что с 1996 г. вооруженные силы страны приступили к реализации в течение 25 лет программы закупки на 150 млрд. долл. США вооружения и военной техники, в основном за рубежом. Если предположить, что в стоимости этой продукции расходы на НИОКР составляют 10%, то, организовав производство на своих оборонных заводах, Турция могла бы вложить в НИОКР в военных целях 1,5 млрд. долл. США.

Следует иметь в виду, что Турция ежегодно расходует на НИОКР средства на уровне одной отдельно взятой фирмы США. В США ежегодно на исследования расходуется около 250 млрд. долл.

Исходя из задач развития национальных военных НИОКР, в области электроники ведущей компанией в этой сфере была выбрана фирма «Аселсан». Начав свою деятельность в области военной электроники с покупки лицензии на производство тактических средств радиосвязи и проведя собственные НИОКР, фирма превратилась не только в основного поставщика этой продукции для своих вооруженных сил, но и осуществляет их экспорт. Кроме этого, в настоящее время на заводах компании для гражданских и военных нужд производятся аппаратура связи и радиоэлектронной борьбы, радиолокационные станции, электрооптические приборы, программные продукты, микроэлектроника и т.д. При реализации своих разработок «Аселсан» осуществляет сотрудничество с университетами страны и организацией научных и технических исследований.

Если в Турции ежегодно отмечается 200–300 обращений на получение патента на изобретение, то в Южной Корее таких обращений ежегодно 68 тыс., США – 110 тыс. В настоящее время в Турции имеется около 4,5 млн. персональных компьютеров, 2,5 млн. из которых подключены к «Интернет». В то же время в стране используется около 21 млн. сотовых телефонов, т.е. почти каждая семья имеет сотовый

телефон. Исключая технологии связи и коммуникаций, приоритетными направлениями для осуществления капиталовложений Турция считает исследования в области генной инженерии, создание новых видов продуктов питания.

На третьем турецком конгрессе технологий было отмечено, что с 1996 г. в Турции разрабатывался план национальной информационной системы страны (TUENA). Несмотря на то, что ТЮБИТАК под эгидой министерства транспорта завершил его разработку в начале 2000 г., кабинет министров не предпринимает практических шагов по реализации этого плана. Более того, в проекте восьмого пятилетнего плана развития экономики Турции на него не выделены ассигнования. Следует отметить, что Турция по уровню информатизации общества занимает 45 место в мире. Оценка производилась «World Times» в 55 странах, которые обеспечивают 97% вклада в мировую экономику и 99% расходов на развитие науки и технологий, по следующим четырем группам критериев:

– обеспеченность компьютерами (на одного человека, на один дом, в частном или государственном секторах экономики, учащихся и не учащихся, наличие компьютерных сетей, программное обеспечение);

– информационная инфраструктура (количество абонентов кабельного телевидения, количество сотовых телефонов на одного человека и их стоимость; количество на одного человека факсов, радиоприемников и телевизоров; обеспеченность телефонами жилых помещений);

– использование «Интернет» (количество пользователей «Интернет» на предприятиях и дома, использование «Интернет» в учебных целях, а также для электронной торговли);

– подготовленность общества (гражданские свободы, количество газет, независимость средств массовой информации; процент обучающихся в средних школах и лицеях).

При этом в соответствии с индексом информатизации населения государства были сведены в следующие группы:

1. Индекс более 3500. В эту группу входят страны с быстрыми темпами развития информационных систем, созданной инфраструктурой для использования компьютеров.

2. Индекс 2000–3500. В эту группу входят государства с плановым поступательным развитием информированности населения, возможностью использования научных информационных технологий как в профессиональных, так и личных целях. Однако в этих странах развитие информационных технологий осуществляется замедленными темпами.

3. Индекс 1000–2000. В странах, входящих в эту группу, пока в недостаточной степени определены социально-экономические и политические приоритеты. Это приводит к сдерживанию развития информационной инфраструктуры.

4. Индекс менее 1000. Возможности развития информационных систем в этих государствах ограничены из-за существующего распределе-

ния прибыли, культурных и этнических особенностей. Это, как правило, страны, которые только вступают на путь внедрения передовых технологий.

Для реализации плана TUENA было признано необходимым создать в Турции министерство информации. В 2000 г. в парламент страны был вынесен соответствующий законопроект. Однако его рассмотрение отложено в связи с тем, что для реализации плана создания национальной информационной системы необходимо в течение десяти лет изыскать около 35 млрд. долл.

Одной из причин, которая вынудила турецкое руководство приступить к решению этой проблемы, явилось то, что объем электронной торговли в мире в 1998 г. составил 301,4 млрд. долл. Ожидается, что в 2002–2003 годах эта цифра может составить 1 трлн. долл. При этом следует отметить, что первое применение электронной торговли началось в 1995 г. Результаты оказались удовлетворительными.

В 1999 г. прирост производительности труда в США, стране, впервые применившей эту систему торговли, составил 6%, создано дополнительно 20 млн. рабочих мест, уровень ежегодной инфляции не превышает 2%, возросли поступления в бюджет. Развитие этой новой отрасли экономики предполагает использование информационных систем и, в частности, «Интернет».

Результаты проведенных в Турции исследований показали, что 88% турецких фирм подключены к «Интернет», в том числе 92% финансовых компаний, 84% фирм, занимающихся оптовой торговлей, 76% фирм – производителей продукции. Вместе с этим следует отметить, что лишь около 2–15% турецких фирм осуществляют через «Интернет» электронную торговлю.

Таким образом, по прогнозу специалистов на среднесрочную перспективу (до 2010 года) развитие высокотехнологических производств и информационных технологий Турецкой Республики будет продолжаться. По ряду наименований товаров как гражданского, так и военного назначения турецкие компании сделают значительный шаг вперед – от приобретения самих товаров и технологий на их производство за рубежом до разворачивания национального производства на собственной промышленной базе, используя при этом национальные научные разработки. Однако основу этой крупной для такой страны, как Турция, подвижки в научно-техническом прогрессе будут составлять все же иностранные разработки и аналоги.

С.И.Симановский

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗРАИЛЯ

Во время своего визита в Москву в январе 1997 г. известный политический и общественный деятель Израиля Натан Щаранский (в то время министр промышленности и торговли) назвал свою страну «мировой супердержавой в области высоких технологий». Это не просто впечатляющая метафора, а реальный факт, подтверждаемый объективными статистическими данными. Вклад страны в мировую науку весьма высок и общепризнан. По многим показателям развития науки, техники и производства Израиль заслужил право именоваться первым или одним из первых в мире. Действительно, крохотный по географическим и демографическим меркам Израиль на наших глазах становится одним из интеллектуальных центров мира на современном этапе его развития, когда решающим фактором экономического роста является не сырьевой, а человеческий ресурс, то есть «мозги», создающие новые научные знания, высокие технологии, эффективные системы управления производством. «Богатство страны, – указывал К.Маркс в своих «Технических тетрадях», – проявляется не столько в обладании предметами, уже созданными и освоенными, сколько в превосходстве мастерства и знания, с тем, чтобы изобрести и сделать больше».

В основе наблюдаемого ныне прогресса израильской экономики лежит дальновидный и вовремя сделанный Израилем выбор социально-экономической стратегии через приоритетное развитие научно-технической и инновационной деятельности, максимальное использование интеллектуального ресурса. Еще на заре создания еврейского государства в 1948 г. его первый премьер-министр Давид Бен-Гурион сказал: «Наш долг – сделать Израиль признанным международным центром науки, знания и обучения» [Цит. по: «The Israel Academy of Sciences and Humanities», Jerusalem, 1994, с. 7].

Жизнь подтвердила целесообразность и эффективность избранной страной парадигмы технологического прорыва, целенаправленной и последовательной политики ее реализации.

Краткий исторический очерк

Следует отметить наличие в стране относительно развитой научно-исследовательской инфраструктуры еще до образования Государства Израиль. Начало ее формированию было положено созданием в 1870 г. сельскохозяйственной школы «Микве-Исраэль». В 1921

г. была основана сельскохозяйственная опытная станция в Тель-Авиве, со временем преобразованная в Научно-исследовательский сельскохозяйственный институт, который ныне является крупнейшим научным центром страны.

Исследования в области медицины и здравоохранения стали проводиться в стране с основанием Еврейской станции здоровья в канун первой мировой войны. Они получили дополнительный стимул с образованием в середине 20-х годов Института микробиологии и факультетов биохимии, бактериологии и гигиены при Еврейском университете в Иерусалиме. Тем самым была заложена основа медицинского центра «Хадасса», который в настоящее время является самым мощным научно-исследовательским медицинским комплексом в Израиле. Первым политехническим научно-педагогическим учреждением стал Технологический Институт (Технион) в Хайфе, основанный в 1924 г. выходцами из Германии. В 1925 г. был открыт Еврейский университет в Иерусалиме.

Исследования и разработки промышленного характера начались в стране с образованием в 30-х годах Лаборатории Мертвого моря, которая разрабатывала технологии в области неорганической химии и переработки минерального природного сырья. В 1934 г. был создан Иследовательский центр Даниеля Зиффа в г.Реховоте, преобразованный в 1949 г. в знаменитый впоследствии научно-исследовательский институт им. Хаима Вейцмана (первого президента Израиля, известного ученого-химика).

Научно-исследовательская деятельность приобрела приоритетное значение в Израиле сразу же после образования государства, что было вызвано необходимостью обеспечить обороноспособность и безопасность страны в условиях враждебного окружения, а также прокормить ее население при скудных земельных ресурсах и практическом отсутствии минерального сырья и полезных ископаемых. В связи с этим первостепенное внимание уделялось развитию исследований и разработок в области обороны и сельского хозяйства.

Фундаментальные исследования проводились университетами и за счет иностранной помощи, главным образом со стороны США. В 1972 г. был образован Израильский научный фонд (ИНФ) и учрежден независимый совет по координации научной деятельности университетов.

В конце 60-х годов в развитии НИОКР страны наметился переход от интенсивных фундаментальных к прикладным исследованиям, расширенному внедрению научно-технических достижений в народное хозяйство. В период между 1969 и 1987 гг. расходы на промышленные исследования и разработки увеличивались в среднем на 14% ежегодно [www.nber.org]. Вначале производство наукоемкой и высокотехнологичной («хай-тек», от английского «high-tech») промышленной продукции было довольно скромным, но к концу 70-х годов оно приобрело значительные масштабы и составило основу израильского промышленного экспорта.

Стимулом бурного роста наукоемких и высокотехнологичных производств в Израиле стало благоприятное сочетание трех факторов. Во-первых, высокотехнологичная продукция пользуется огромным спросом на мировых рынках, так как без нее немыслима модернизация существующих, создание и развитие новых современных производств. Во-вторых, местные экономические условия (практическое отсутствие полезных ископаемых, недостаточное развитие базовых отраслей перерабатывающей промышленности – металлургии, тяжелого машиностроения и т.п., наличие значительного числа ученых и специалистов современных отраслей знаний, определяющих научно-технический прогресс, в общей массе занятых в народном хозяйстве, относительно небольшая материало- и капиталоемкость производств «хай-тек») оказались благоприятными обстоятельствами для развития именно наукоемких отраслей промышленности и сельского хозяйства. В-третьих, в соответствии в мировыми тенденциями и по указанным причинам местного характера макроэкономическая политика израильского руководства сориентировалась на стимулирование роста сектора «хай-тек» в качестве приоритетного направления социально-экономической стратегии развития государства на обозримую перспективу.

Инновационная деятельность с начала 70-х годов становится основным источником повышения конкурентоспособности израильских промышленных фирм ввиду дефицита природных ресурсов и высокой стоимости рабочей силы. Однако проведение НИОКР на современном уровне было относительно дорого для местных фирм, которые из-за малых размеров и ограниченных финансовых возможностей не могли успешно конкурировать с крупными транснациональными корпорациями в создании и внедрении высоких технологий. В связи с этим в стране была создана комплексная система поддержки промышленных НИОКР, ядро которой составляют правительственные учреждения.

Структура управления исследованиями и разработками

Ведущая роль государства в организации и управлении системой НИОКР страны закреплена в Законе о поощрении промышленных исследований и разработок, принятом Кнессетом (парламентом) в 1985 г. Правительственный орган практической реализации национальной инновационной политики – Ведомство Главного ученого (ВГУ), входящее с 1973 г. составной частью в структуру Министерства промышленности и торговли. ВГУ отвечает за осуществление правительственной политики по поддержке и поощрению промышленных исследований и разработок. Задачами ВГУ являются: расширение научно-технической инфраструктуры промышленности, развитие наукоемких производств, обеспечение занятости научно-технического персонала, повышение конкурентоспособности израильской промышленности, увеличение объема национального производства и улучшение торгового баланса страны.

Программа поддержки основана на разделении с компаниями-заявителями риска в проведении ориентированных на рынок исследований и разработок, завершающихся созданием новых процессов или продуктов. Гранты (пособия) выдаются компаниям, проекты которых получили одобрение Исследовательского комитета ВГУ. Объем грантов составляет от 30 до 66% от оценочных расходов на НИОКР по проекту. Масштабы пособий зависят от конкретных обстоятельств; например, более высокая пропорция государственных ассигнований характерна для проектов, в которых принимает участие значительное число иммигрантов из бывшего СССР. Стандартный уровень финансовой поддержки со стороны ВГУ – 50% стоимости инновационного проекта.

В тех случаях, когда исследования и разработки, поддержанные правительством, приводят к успешным коммерческим результатам, разработчики оплачивают предоставленный им грант через систему ройялти (ежегодных отчислений) в среднем в размере 2% от последующих продаж продукции произведенной по окончании проекта. Предусмотрен также широкий диапазон налоговых льгот и прочих стимулов.

Годовой бюджет ВГУ заметно вырос со 110 млн. долл. в 1990 г. до 428 млн. долл. в 1999 г. В 2000 г. ВГУ помогло более чем 900 предприятиям в реализации около 1000 промышленных проектов. Важным показателем успешной реализации результатов промышленных НИОКР является рост платежей в пользу ВГУ в форме ройялти компаниями-разработчиками, который в 1999 г. составил более 139 млн. долл. Нынешним Главным ученым является д-р Кармель Верниа, бывший заместитель директора по научным исследованиям и разработкам фирмы «Комверс инфосис», который в мае 2000 г. заменил на этом посту проф. Орна Берри.

ВГУ принимает участие в работе других учреждений, так или иначе вовлеченных в НИОКР. Должности Главного ученого предусмотрены также и в ряде других министерств; эти лица ответственны за поддержку исследований и разработок в своих отраслях. Так, Министерство сельского хозяйства осуществляет финансовую поддержку Сельскохозяйственной исследовательской организации – крупнейшего отраслевого научного центра в Израиле, Министерство инфраструктуры финансирует деятельность Исследовательской администрации наук о Земле.

Вся научно-исследовательская деятельность в стране – в университетах, НИИ и КБ самых различных ведомств и отраслей промышленности как в государственном, так и частном секторах, так или иначе связанная с национальной обороной и безопасностью, – координируется государством на правительственном уровне специальным Управлением оборонных исследований и разработок – «Мафат», относящимся к Министерству обороны Израиля. Его руководителем сейчас является д-р Шмуэль Керен [«Defense News», 11–17 February 2002, с. 19].

В систему органов управления НИОКР в Израиле входит и Министерство науки (нынешний министр – Матан Вильнаи), которое в известной

мере дублирует функции Министерства промышленности и торговли в лице его ВГУ. В связи с этим многие представители научной общественности Израиля считают его одним из наиболее слабых министерств в правительстве страны, а его наличие – одним из недостатков нынешнего механизма управления национальной наукой (по аналогии с дискуссией вокруг Министерства промышленности, науки и технологий в России). Это обстоятельство иллюстрируется хотя бы тем фактом, что его бюджет уменьшился с 60 млн. долл. в 1995 г. до 50 млн. долл. в 1999 г., составив около 8% всех расходов на гражданские НИОКР в стране. За последние 16 лет на посту руководителя Министерства науки сменилось 11 человек, которые рассматривали этот пост в качестве промежуточного трамплина в политической борьбе за получение более весомых министерских портфелей и соответственно относились к своим функциям. Усилия по повышению роли и авторитета этого ведомства в известной степени связаны с его бывшим руководителем (в правительстве Б.Нетанияху) Сильваном Шаломом, которому удалось наладить относительно эффективную координацию в области управления НИОКР с другими отраслевыми министерствами и ведомствами, ввести во многих из них должности Главных ученых и повысить их статус в практической реализации результатов исследований и разработок. Нынешнее руководство Министерства науки пытается поднять значение своего ведомства в системе руководства израильской наукой и довести его долю в финансировании национальных НИОКР до 18% к 2005 г. путем создания так называемых «мини-национальных лабораторий» для проведения стратегических исследований в таких направлениях, как биотехнология, очередное поколение телекоммуникационных технологий в системе Интернет и др. Нынешний дефицит финансирования фундаментальных исследований в Израиле через Министерство науки частично компенсируется благодаря сотрудничеству с Израильским научным фондом (ИНФ), годовой бюджет которого в последние годы составляет в среднем 32 млн. долл. [Science, Vol. 284 , 7 May, 1999, с. 894].

В своей деятельности Министерство науки также взаимодействует с государственными и частными научно-исследовательскими учреждениями, университетами, с Израильской Академией естественных и гуманитарных наук (ИАЕГН), которая по своим функциям, структуре и характеру существенно отличается от Российской академии наук.

Она была основана в 1959 г. и конституирована в 1961 г. в соответствии с «Законом 5721–1961 об Израильской Академии естественных и гуманитарных наук» как общественная организация – сообщество выдающихся израильских ученых. Основные задачи: поддержка научных исследований; подготовка рекомендаций правительству для принятия решений по вопросам планирования научных исследований,

разработки и реализации научной политики; поддержание контактов с родственными учреждениями за рубежом; представление Израиля в международных научных организациях и на международных форумах ученых за рубежом; содействие в организации и проведении подобных мероприятий в Израиле; публикация оригинальных исследований и обзорных работ, содействующих прогрессу естественных и гуманитарных наук.

Академия состоит из двух отделений: естественных наук и гуманитарных наук, каждое из которых насчитывает по 40 членов (не считая почетных членов Академии в возрасте от 75 лет и старше), избираемых ежегодным Общим Собранием. Руководство Академией осуществляет Правление, состоящее из президента, экс-президента, вице-президента, председателя Отделения естественных наук, председателя Отделения гуманитарных наук, административного директора. Президентом ИАЕГН ныне является Якоб Зив, административным директором – Меир Цадок, председателем Отделения естественных наук – Руфь Арнон и председателем Отделения гуманитарных наук – Шауль Шакедт [The World of Learning 2001, Europa Publications, 2001, с. 808].

Основным направлением деятельности Академии является поощрение фундаментальных исследований. Совместно с Комитетом по планированию и грантам (КПГ) Совета по высшему образованию она руководит деятельностью Фонда фундаментальных исследований (ФФИ), который выделяет гранты для проведения исследований фундаментального характера как в научно-исследовательских институтах, так и в высших учебных заведениях. Годовой бюджет ФФИ около 20 млн. долл.

ИАЕГН также принимает участие в управлении деятельностью нескольких фондов, учрежденных частными лицами или организациями: стипендиальный фонд Фулькеса, предоставляющий гранты молодым ученым-медикам; фонд Адлера для финансирования космических исследований, а также фонд Вольфа для поощрения фундаментальных исследований в области естественных и гуманитарных наук по темам, ежегодно отбираемым на конкурсной основе. Академия также курирует так называемую программу Вольфсона, оказывающую материальную поддержку в виде стипендий перспективным молодым ученым.

Важное место в структуре организации и управления научными исследованиями и разработками в Израиле занимают профессиональные научные общества по различным направлениям естественных, точных и гуманитарных наук. Всего в настоящее время их насчитывается 46. [The World of Learning 2001, op. cit., с. 808–809].

Финансирование

Несмотря на постоянно сложную внутреннюю политическую и экономическую ситуацию, израильское руководство уделяет неослаб-

ное внимание вопросам формирования и развития национального научно-технического потенциала, проведению активной инновационной политики, ясно осознавая, что именно достижения в сфере науки и высоких технологий в специфических условиях Израиля являются решающим фактором обеспечения обороноспособности и социально-экономического прогресса страны и, в конечном счете, ее выживания в современной обстановке.

Уже в течение более 30 лет Израиль направляет в сферу исследований и разработок значительные ресурсы, причем объемы этих ассигнований неуклонно растут: от 0,3% валового внутреннего продукта (ВВП) в 1970–1972 гг. до 1,8% в 1980–1990 гг., 2,4% в 1991–1993 гг., 3,2% в 1994–1995 гг. В 1997 г. этот показатель возрос до 3,5%, что вывело страну по относительным расходам на НИОКР на первое место в мире. (Поиск, № 6, 8–14 февраля 1997 г., с. 15). Для сравнения: в 1995 г. расходы на НИОКР в других странах были следующими (в процентах от ВВП): Япония, Швеция – 2,8; США, Германия – 2,7; Франция – 2,4; Великобритания, Швейцария – 2,3; Голландия – 2,1; Канада – 1,4; Россия – 0,73% [Наука России в цифрах, 1996. – М.: ЦИСН, 1996, с. 82].

В настоящее время доля расходов на науку в израильском ВВП составляет, с учетом роста расходов на оборону и ухудшения общей экономической ситуации в стране в связи с интифадой, около 3,2–3,3%. В 1999 г. этот показатель для указанных стран составлял: Швеция – 3,8; Япония – 3,04; США – 2,54; Германия – 2,44; Франция – 2,17; Великобритания – 1,87; Швейцария – 2,73; Голландия – 1,95; Канада – 1,66; Россия – 1,01% [Наука России 2001. – М.: ЦИСН, 2001, с. 128]. Эти сравнительные данные показывают, что Израиль в последние годы стабильно занимает одно из первых мест в мире по уровню расходов на НИОКР.

В середине 90-х годов на науку в Израиле выделялось в абсолютном выражении примерно 500 млн. долл. в год, из которых около половины (300 млн. долл. в 1996 г.) составляли правительственные ассигнования. К концу 90-х годов расходы на НИОКР в стране равнялись 700–800 млн. долл. в год. В 2001 г. они достигли уже 1,084 млрд. долл., [www.3m.com], что указывает на позитивную динамику ассигнований на развитие научно-технического потенциала страны. До 80% этих расходов инвестируется в высокотехнологичные и наукоемкие разработки.

Как и во многих других странах, помимо государственных расходов, источниками финансирования национальных НИОКР в Израиле являются также производственные фирмы, специализированные фонды, общественные организации, иностранные инвестиции (в том числе, и по линии международного сотрудничества), пожертвования отдельных организаций и частных лиц и т.п.

Как государственные учреждения, так и сами научно-исследовательские организации занимают активную позицию в поисках средств для проведения НИОКР, различных спонсорских источников в рамках

регулярно проводимой кампании «fund-raising» («сбор средств»). Примером успешного привлечения дополнительных фондов для проведения НИОКР является упомянутый Институт им. Вейцмана, годовой бюджет которого, финансируемый за счет государственных ассигнований, составляет 170 млн. долл. Примерно такую же сумму Институт собирает ежегодно за счет спонсорских вкладов израильских источников и соотечественников за рубежом. Представительства Института по «сбору средств» действуют в 21 стране мира, эффективно изыскивая источники для расширения исследовательской деятельности. В планах Института, в частности, предусматривалось создать с помощью внешних источников к началу 2002 г. научный центр по проблемам использования солнечной энергии, лабораторию по микротехнологии, а также музей науки, для чего предполагалось собрать за 3 года (1999–2001 гг.) до 500 млн. долл. дополнительных средств. [«Science», vol. 284, 7 May 1999, с. 896].

По закону университеты имеют статус неприбыльных организаций, т.е. не получают прибыли от своей деятельности. Чтобы преодолеть этот запрет, университеты устанавливают связь с промышленностью, разрабатывая соответствующий проект по заказу заинтересованной фирмы, либо внедряя собственные разработки через образование специальных внедренческих или научно-производственных объединений, таких как «Йеда» («Знание»), созданное в 1958 г. при Институте им. Вейцмана, или возникший в 1964 г. опытно-внедренческий комплекс «Исум» («Внедрение») при Еврейском университете Иерусалима, функционирующих на коммерческих началах.

Так, в 1999 г. «Исум» только от продажи своих патентов получил доход в размере 28 млн. шекелей (около 6,8 млн. долл. по тогдашнему курсу). В этом же году фирма «Йеда» при Институте Вайцмана заработала 55 млн. долл. на продаже своих изобретений и выполнении заказов промышленных фирм. Доля местных производственных предприятий Израиля, финансирующих ориентированные на промышленность университетские НИОКР, превышает 9% (в США и Канаде этот показатель составляет 6–7%). Тем не менее большинство руководителей университетов считают, что вклад израильских фирм в университетские НИОКР недостаточен. При этом они приводят пример Массачусетского технологического института (США), который ежегодно получает от промышленных фирм 60 млн. долл. Однако и некоторые университеты Израиля получают от частных фирм довольно значительные средства. Например, в 1999 г. Еврейский университет Иерусалима получил от частных фирм 42,3 млн. шекелей (около 10 млн. долл.), Институт Вейцмана – 47,8 млн. шекелей (11,4 млн. долл.).

В Тель-Авивском университете около 15% исследований финансируется частными фирмами. На факультете механики почти 40% всех исследований выполняются за счет средств из частных источников. В последнее время Тель-Авивский университет проводит более 50 исследований для промышленных фирм с объемом затрат примерно в

2 млн. шекелей ежегодно. [Новости недели, № 219, 01.11.2001, с. 47]. В основном речь идет об исследованиях, носящих прикладной характер, цель которых – решение конкретных производственных проблем предприятий-заказчиков.

При этом некоторые ученые – сотрудники университетов не просто получают денежное вознаграждение от частных фирм, но и становятся держателями их акций или устанавливают с ними иные, более сложные экономические отношения.

Что касается промышленных компаний, то в их научно-исследовательских подразделениях расходы на науку составляют от 10 до 20% получаемых доходов. Особенно высокий уровень затрат на НИОКР характерен для предприятий военно-промышленного комплекса.

Капиталовложения в «мозги», научные исследования и разработки считаются в стране одним из наиболее эффективных направлений инвестиционной политики. Подсчитано, что в Израиле каждый доллар, вложенный в сферу НИОКР, дает увеличение экспорта на 8–10 долл.

Научно-исследовательские и образовательные учреждения

Признанными центрами образования, научных исследований и разработок в Израиле являются университеты.

Старейший из них – Еврейский университет в Иерусалиме, основанный в 1918 г. и официально открытый (инаугурированный) в 1925 г. Он финансируется главным образом из частных источников при частичной поддержке государства. Количество студентов – 24200 чел., преподавателей – 1400 чел. Количество факультетов – 8. При Университете действуют 96 научно-исследовательских институтов и центров.

Тель-Авивский университет основан в 1953 г., официально открыт в 1953 г. Финансируется частным капиталом при частичной поддержке государства. В составе университета 9 факультетов и 12 учебно-академических школ. Количество студентов – 26 тыс. чел., преподавателей – 2200 чел. При университете функционируют 87 научно-исследовательских институтов и центров.

Университет Бар-Илан в Рамат-Гане основан и официально открыт в 1955 г. Финансируется государством. Имеется 6 факультетов, на которых обучаются 20 тыс. студентов. Число преподавателей – 1500. При университете работают 89 научно-исследовательских институтов и центров.

Университет города Хайфы открыт в 1963 г. На его 7 факультетах 1200 преподавателей обучают 13 тыс. студентов. При университете имеется 76 научно-исследовательских институтов и центров.

Университет им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве. Основан в 1965 г. В его составе 5 факультетов с числом студентов 15 тыс. чел. и преподавателей 1000 чел. При университете функционируют 3 научно-исследовательских института.

Один из старейших научно-педагогических центров Израиля – Израильский технологический институт – Технион в г.Хайфа. Основан в 1912 г., официально открыт в 1924 г. На его 9 факультетах (естественные и точные науки) обучается 8850 студентов и 3550 аспирантов. Число преподавателей – 1150. При этом всемирно известном вузе политехнического профиля, по праву занимающем достойное место в одном ряду с такими авторитетными центрами образования и науки, как Массачусетский технологический институт (МТИ) в США, действуют 34 научно-исследовательских института и центра в различных областях техники, включая космические исследования и разработки.

Мировым признанием пользуется также Научный институт им. Вейцмана в Реховоте, образованный в 1949 г. на базе созданного супругами из Англии Ребеккой и Израилем Зифф в 1934 г. Научно-исследовательского института им. Даниэля Зиффа – в память их сына. Институт представляет собой неприбыльную корпорацию по фундаментальным и прикладным исследованиям в области естественных и точных наук. Институт готовит кадры высшей квалификации. На его шести факультетах обучаются 785 аспирантов, охватываемых системой так называемой докторантуры Файнберга, присуждающей магистрские и докторские ученые степени. Преподавательский состав насчитывает 300 чел., обладающих высокими академическими званиями. При Институте действуют 33 научно-исследовательских центра. Основателем нынешнего Института был Хаим Вейцман, первый президент Израиля. Он руководил этим научным учреждением в течение 18 лет, даже во время исполнения своих президентских обязанностей. За три года до его смерти Институту было присвоено его имя.

Открытый университет Израиля – высшее учебное заведение заочного (дистанционного) обучения, без осуществления научно-исследовательской деятельности. Основан в 1974 г. под названием «Университет для каждого»; нынешнее название носит с 1989 г. Предлагает 400 учебных курсов в различных областях знаний. Число обучающихся – 26 тыс. чел. В основном штате университета 250 преподавателей и еще 1000 преподавателей в 100 консультационных пунктах по всей территории Израиля.

В Израиле действует также система заочного обучения в рамках английского Университета Дерби (Derby), который имеет свои филиалы в Иерусалиме, Рамат Эфале, Ришон ле-Ционе, Хайфе, Беэр-Шеве и Кфар-Сабе. На его факультетах психологии, педагогики, мэнеджмента, экономики туризма, компьютерных наук, бухгалтерского учета занимаются пять тысяч израильских студентов [Наш Иерусалим, 15.08.2001, с. 6].

Обучением студентов по различным гуманитарным и техническим специальностям в стране занимается также система высшего образования, в рамках которой действует 21 высшее учебное заведение (институты и колледжи), охватывающие около 43,5 тыс. студен-

тов. В учебно-педагогическом процессе в этих учреждениях занято около 2 тыс. преподавателей [Подсчитано по данным: «The World of Learning 2001», op. cit., с. 808–830].

Всего в Израиле около 200 тыс. студентов [Новости недели, № 167, 02.11.2000, с. 47], что делает его одним из самых «обучающихся» государств мира – 344 студента на 10 тыс. чел. населения. Для сравнения: в 1997/1998 учебном году этот показатель составлял: Испания – 422, Финляндия – 408, США – 394, Австралия – 350, Франция – 258, Великобритания – 229, Германия – 218, Россия – 227, Япония – 222. [Наука России в цифрах 2000. – М.: ЦИСН, 2000, с. 136]. В отличие от ряда европейских стран, где высшее образование бесплатное, в Израиле плата за обучение в высших учебных заведениях достигает 2500 долл. в год. Многие представители израильской общественности полагают, что в современном демократическом обществе, каковым Израиль себя считает, высшее образование является пропуском на рынок труда, и все желающие должны иметь равную возможность его получить.

Осенью 2000 г. была создана так называемая «комиссия Винограда» с целью изучения этого вопроса и подготовки для внесения в правительство предложения о существенном снижении, а в отдельных случаях и полной отмене платы за обучение в высших учебных заведениях, что, в конечном итоге, должно способствовать большей доступности высшего образования и повышению интеллектуального потенциала страны. В конце 2001 г. Кнессет принял предложенный вице-спикером Михаилом Нудельманом (депутат от партии «Наш дом Израиль») закон о льготных государственных ссудах на высшее образование. Эти ссуды положены студентам, обучающимся на первую академическую степень (бакалавр), в течение всех лет обучения. Размер годовой ссуды равен стоимости годичного обучения в израильском вузе, получающем дотации от государства, либо стоимости годичного обучения в том учебном заведении, где обучается конкретный студент (если вторая сумма окажется меньше первой). Закон вступает в силу с 1 октября 2002 г. [Наш Иерусалим, 02.01.2002).

При содействии Израиля была создана сеть высших учебных заведений и на территории ПНА, главным образом на Западном берегу р.Иордан:

Университет г.Вифлеема, основан в 1973 г. Контролируется римско-католической церковью, на трех его факультетах преподаются религиозные и богословские дисциплины. Число студентов (*из разных стран мира*) *– 1850, число преподавателей – 185.*

Университет г.Бирзейта (*Западный Берег*). *Частное автономное учебное заведение. Основан в 1975 г. на базе общеобразовательной школы* (*с 1924 г.*), *затем колледжа* (*с 1951 г.*). *На 4 факультетах обучается 4 тыс. студентов. Преподавательский состав насчитывает 260 чел. Имеется аспирантура. При университете работают*

два научно-исследовательских института: Палестинский институт археологии и Институт международных исследований.

Университет г.Хеврон был основан в 1971 г. как независимое национальное высшее учебное заведение. В вузе 6 факультетов, на которых обучаются 2 тыс. студентов. Число преподавателей – 100 чел.

Университет Ан-Наджа (*An-Najah*) *в Наблусе* (*Западный Берег*). *Национальный вуз с частным контролем. Основан в 1977 г. В его составе 13 факультетов, колледж, аспирантура, 6 исследовательских центров. Обучается 9 тыс. студентов, число преподавателей – 325 чел.*

Университет Аль-Кадс (*Al-Quads*) *в Иерусалиме. Основан в 1979 г. Частное высшее учебное заведение. Язык преподавания – английский. Имеется 7 факультетов, 3 научно-исследовательских института и 4 исследовательских центра. Число студентов – 2800, число преподавателей – 250.*

Общинный педагогический колледж в г.Тулькарм (*Западный Берег*). *Основан в 1931 г. Обучается 400 студентов. Число преподавателей 20 чел. Готовит школьных учителей для мусульманских общин со специализацией по арабскому языку, основам ислама, исламского общественного устройства, компьютерной технике, основам сельского хозяйства.* [*«The World of Learning 2001», op. cit., с. 829–830*].

Помимо научных центров при университетах, в стране успешно функционирует также довольно развитая сеть государственных научно-исследовательских институтов в области естественных, точных и общественных наук.

В агропромышленной сфере крупнейшим научным центром является Сельскохозяйственная исследовательская организация, в составе которой имеется 9 научно-исследовательских институтов. Исследованиями и разработками в области технических наук занимаются 13 научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов. Имеется 7 научно-исследовательских институтов естественно-научного профиля. Специальный институт проводит научные исследования в области медицины. В сфере образования также работает специализированный научно-исследовательский институт. Шесть научно-исследовательских институтов разрабатывают проблемы религии, антропологии, социологии. Четыре НИИ занимаются вопросами экономики, права, внутренней и внешней политики; три работают в области истории, археологии и географии. Кроме того, значительная научно-исследовательская работа проводится в 42 библиотеках и архивах, 32 музеях и картинных галереях.

Доля населения, занятого в сфере НИОКР Израиля, – одна из самых высоких в мире. По количеству научно-технических работников на 10 тыс. занятого населения – 140 человек – Израиль ныне занимает первое место в мире, опережая Японию (93), США (80), Россию (74),

Германию (62), Францию (58), Великобританию (53), Италию (34). [Наука России в цифрах, 2001. – М.: ЦИСН, 2001, с. 131]. В стране более 200 тыс. чел. являются обладателями академических степеней. Соотношение высококвалифицированных специалистов с высшим образованием в структуре рабочей силы страны приближается ныне к 33% (США – 22%), что делает Израиль одним из самых высокообразованных государств мира.

Сфера высоких технологий (сектор «хай-тек»)

Израилю потребовалось всего лишь одно поколение, чтобы стать страной, производящей в массовом масштабе высокотехнологичную «хай-тек» продукцию. За это время в Израиле были совершены три научно-технические революции – в области медицины и здравоохранения, в агропромышленном производстве и в области связи и телекоммуникаций, составляющих ныне основу комплекса высокотехнологичных отраслей экономики страны. Если еще в 70-х годах основной статьей израильского экспорта была продукция сельского хозяйства, главным образом апельсины, и 15 лет назад Израиль вообще не присутствовал на мировой карте «хай-тека», то уже в 1990 г. он экспортировал высокотехнологичную продукцию на сумму 4,5 млрд. долл., в 1997 г. – на 9 млрд. долл. [Science, vol. 284, 7 May, с. 892]. Ныне он занимает третье место в мире по числу высокотехнологичных компаний, котирующихся на нью-йоркской бирже. Сегодняшний сектор «хай-тек» Израиля – по существу, визитная карточка страны.

В Израиле действуют около 4 тыс. фирм «хай-тек», примерно 1500 из них – начинающие компании (так называемые «стартовые» /«start-up»/ фирмы). За год в стране создается 300–500 новых фирм наукоемкого профиля. По числу вновь создаваемых стартовых компаний в области «хай-тек» Израиль находится на втором месте в мире. [Вместе, сентябрь 2000, с. 3]. Израильские высокотехнологичные компании представляют собой в основном малые и средние предприятия, гибко и оперативно реагирующие на изменения рыночной конъюнктуры. Только 6 корпораций имеют объем годовой прибыли свыше 100 млн. долл. и 10 компаний имеют штат работников численностью свыше 1000 человек. [МИГ news, 17.01.2001, с. 41].

На долю сферы «хай-тек» приходится две трети промышленного производства и 75–80% промышленного экспорта Израиля (без учета алмазов) который в 1999–2000 гг. составлял 18,2–19,3 млрд. долл. в год. В ней сконцентрированы высококвалифицированные кадры, в том числе 15 тысяч исследователей [Новости недели, № 169, 16.11.2000, с. 52].

Как отмечалось выше, высокотехнологичные производства наиболее соответствуют специфике Израиля – страны, лишенной природных ресурсов (за исключением одного – интеллектуального потенциала населения). Сфера «хай-тек» способствует повышению научно-технического уровня, технической оснащенности производства, совер-

шенствованию качественной структуры израильского экспорта, усилению его конкурентоспособности и в целом – росту производительности труда во всей национальной экономике. Для нее характерна высокая рентабельность – в 2–2,5 раза выше, чем в других отраслях экономики страны. Доля высокотехнологичной промышленности в израильском ВВП достигает в последние годы 15%. [www.businessweek.com, 19.04.2002].

Область высоких технологий выступает в качестве генератора и катализатора научных идей и прикладных разработок. По некоторым оценкам, по количеству разработок прикладного характера Израиль опережает ведущие страны Западной Европы [МИГ news, 16.08.2000, с. 50].

Сектор «хай-тек» израильской промышленности в значительной степени обеспечивает безопасность государства. Потребности армии, интересы обороны страны явились исторически одним из главных факторов развития высокотехнологических производств в Израиле. Ныне на их основе оборонный сектор израильской экономики успешно обеспечивает оперативное снабжение вооруженных сил самым современным и высококачественным вооружением и приносит стране ежегодно 2–2,5 млрд. долл. поступлений от продажи оружия и военной техники на мировых рынках.

Укреплению международного престижа Израиля способствует котировка акций более чем 120 израильских компаний «хай-тек» на американском биржевом рынке. Подтверждением международного признания достижений сферы «хай-тек» Израиля служат недавние крупные сделки по приобретению ведущими американскими корпорациями стартовых израильских фирм в области информационных технологий.

Уровень кооперации и, следовательно, взаимозависимости между израильскими и американскими высокотехнологичными компаниями довольно высок. С одной стороны, это дает израильской стороне дополнительные ресурсы и стимулы для развития, но с другой – ограничивает возможности самостоятельного рыночного маневра, что особенно заметно сказывается в оборонном секторе израильской экономики в форме ограничений товарной структуры и географии его экспорта.

В целом сфера «хай-тек» Израиля функционирует довольно успешно. Показательным в ее развитии был 2000 год, который считают пиком экспортного бума, когда только стартовые компании заработали на продаже своей высокотехнологичной продукции 3,1 млрд. долл. Лишь за первое полугодие продажа продуктов программного обеспечения выросла на 40% и достигла 1,3 млрд. долл. [Вместе, сентябрь 2000, с. 3]. Экспорт электроники, телекоммуникационного оборудования, компьютерных компонентов, продуктов программного обеспечения рос в этом году более высокими темпами, чем общий и промышленный экспорт: на 43% за 7 месяцев по отношению к аналогичному периоду 1999 г. Самым динамичным был экспорт продукции компьютерной промышленности, что было связано с вводом в строй нового, крупнейшего

в мире завода по производству полупроводников корпорации «Интел» в г.Кирьят-Гат [Новости недели, № 169, 16.11.2000, с. 52].

Наиболее эффективными отраслями сферы «хай-тек» Израиля являются: оборонная промышленность, производство оборудования для телекоммуникаций, изготовление медицинского оборудования, разработка программного обеспечения, производство компонентов компьютеров, выпуск бытовой техники и т.д. Вместе с тем имеются отрасли с недостаточным уровнем и динамикой развития. Это прежде всего биотехнология. Она требует разработки и осуществления государственной программы поддержки на несколько лет (включая инвестиционные и налоговые льготы) с примерным объемом капиталовложений до 3–5 млрд. долл. ежегодно. Однако, по мнению ряда экспертов, такой уровень финансирования практически нереален: сегодня в израильский «хай-тек» всего инвестируется ежегодно около 5 млрд. долл. [Вместе, сентябрь 2000, с. 3].

Государственное финансирование сферы «хай-тек» в Израиле осуществляется в основном за счет бюджета Ведомства Главного ученого (ВГУ) Министерства промышленности и торговли. Ввиду хронического дефицита этого бюджета в последние годы Объединение промышленников Израиля предлагает устанавливать величину этого бюджета как фиксированную долю (0,6%) от ВВП страны, тогда он составит около 600 млн. долл. вместо нынешних 400 млн. долл.

Следует отметить определенный рост частных израильских и иностранных инвестиций в сферу «хай-тек». В 2000 г. они составили около 2 млрд. долл. Вместе с тем наметилось снижение доли израильских венчурных (рисковых фондов) в местную высокотехнологичную промышленность с 55% в 1997 г. до 30% в первом квартале 2000 г. Остальная часть средств (около 70%) вносится иностранными инвестиционными фондами, главным образом американскими. Что касается отраслевой структуры общих инвестиций в сферу «хай-тек» Израиля, то около 90% всех вложений в начале 2000 г. направлялись в сектор информационных технологий.

Под влиянием усилившейся конкуренции среди иностранных, в основном американских, и израильских фондов за право инвестирования в сферу высоких технологий Израиля наметилась тенденция к повышению удельного веса капиталовложений на ранней стадии реализации проектов, т.е. в стартовые компании (до 43% от всех частных инвестиций в первом квартале 2000 г.), тогда как обычно инвесторы предпочитали вкладывать средства в проекты лишь на стадии их промышленного внедрения.

В последнее время в связи с наметившимся кризисом в сфере «хайтек» Израиля наблюдается тенденция к оттоку капиталов из этой сферы за границу. По данным Банка Израиля, если в течение 1996–1999 гг. израильские промышленные структуры вкладывали за рубежом в высокотехнологичные производства в среднем около 600 млн. долл. ежегодно, то

уже за первый квартал 2000 г. зарубежные инвестиции израильских компаний и фондов выросли до 1,1 млрд. долл. [МИГ news, 16.08.2002, с. 51]. Этот процесс дополняется «утечкой» специалистов из израильского «хай-тека» за границу. В стране, таким образом, создается дефицит квалифицированных кадров в этой сфере.

В связи с этим Министерство промышленности и торговли, а также Ассоциация электронной промышленности Израиля выступили с инициативой пригласить на работу в Израиль иностранных специалистов в области программирования и компьютерной электроники. По имеющимся оценкам, в израильском «хай-теке» сейчас не хватает до 10 тысяч таких специалистов. Общий же дефицит инженерно-технических кадров высшей квалификации в Израиле составляет 20–30 тыс. человек [МИГ news, 18.10.2000, с. 40]. И это – при возросшем уровне безработицы в стране вообще и в среде научных работников и инженеров в особенности. (К концу 2001 г. в общей массе безработных в стране 12% составляли «академаим» – бывшие научные сотрудники высшей школы и исследовательских организаций [Новости недели, № 225, 12.12.2001, с. 46].) Против этой инициативы выступили министерства главы правительства, финансов, труда и социального обеспечения. Их усилиями вопрос приглашения зарубежных специалистов в израильский «хай-тек» пока заблокирован.

Действительно, мотивы промышленников вполне ясны: оплата труда компьютерщиков-иностранцев намного ниже, чем собственно израильских и даже «русских» специалистов. Если индийские, польские, румынские и иные зарубежные инженеры вполне согласны на зарплату в 300–500 долл. в месяц, то «русские» (которым поначалу начисляют 1,5–2 тысячи долларов) начинают через некоторое время требовать предоставления более высокого жалованья и всех положенных социальных льгот и гарантий. Кстати, средняя заработная плата в «хай-теке» Израиля составляла в 2000 г. 16500 шекелей (около 3900 долл. по тогдашнему курсу) и снизилась к концу первого полугодия 2001 г. только на 0,7%, при средней зарплате в промышленности к концу июня 2001 г. в 9034 шекелей (около 2050 долл.). [Наш Иерусалим, 17.10.2001, с. 5].

Государство Израиль ежегодно выплачивает около 150 млн. долл. иностранным инженерам. Они работают во всех высокотехнологичных отраслях, в крупных промышленных концернах. В то же время в стране не находят работу не только выпускники израильских вузов, но и специалисты со стажем, прибывшие из стран бывшего СССР. В связи с этим «русская» партия «Исраэль-ба-алия» внесла в Кнессете законопроект об ограничении найма иностранных специалистов и соответствующем использовании местных ученых и инженеров, организации их необходимой профессиональной переподготовки [Новости недели, № 220, 08.11.2001, с. 45].

Сфера «хай-тек» Израиля находится на переднем крае национальной экономики, оказывая заметное влияние на ее общий уровень

и отдельные показатели. Вместе с тем и она сама является чутким барометром экономических процессов, протекающих как в хозяйстве страны, так и во всей мировой экономике.

С конца 2000 г. в сфере «хай-тек» наметился серьезный кризис. Он связан с общим застоем в экономике Израиля. В 2001 г. произошло уменьшение валового национального продукта на 0,5% – самый низкий показатель развития народного хозяйства страны с 1953 г. Объем промышленного производства сократился на 6%, а в отраслях высоких технологий – почти на 25%. Отмечается падение инвестиций, которые в 2001 г. уменьшились на 11%. При этом иностранные инвестиции снизились на 67%. [«Глобус» № 493, 25–31 марта 2002 г., с. 19]. Экспорт продукции сферы высоких технологий в 2001 г. упал на 10% по сравнению с 2000 г. до 10 млрд. долл. В 2001 г. закрылось 500 из 3000 стартовых компаний в стране и, по прогнозам, в 2002 г. закроются еще не менее 100. Оставшиеся могут не заработать и 1 млрд. долл. в 2002 г. на экспорте своей продукции по сравнению с 3,1 млрд. долл. в 2000 г. – наиболее успешном для их деятельности [Business Week, 19.04.2002].

В начале 2002 г. экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. За первые два месяца 2002 г. объем израильского экспорта снизился на 6% относительно показателя первых двух месяцев 2001 г. Сокращение объемов зарегистрировано практически во всех экспортных отраслях. Экспорт продукции «хай-тек» упал на 15%.

Израильская экономика самым тесным образом связана с экономикой США, которая оказывает существенное влияние на состояние мировой экономики в целом. В 2001 г. в экономике США наблюдался определенный застой, в особенности после событий 11 сентября 2001 г., а в сфере «хай-тек» даже известный спад, который привел к падению цен на акции высокотехнологичных компаний и соответственно к резкому снижению агрегированного индекса НАСДАК (NASDAQ), отражающего уровень котировок этих компаний на нью-йоркской бирже. Мировой кризис индустрии высоких технологий привел к существенному замедлению темпов роста оборота мировой торговли: с 12,4% в начале 2001 г. до 2,7% в начале 2002 г. Это обстоятельство отразилось и на динамике экономического роста Израиля. По данным исследовательского отдела Банка Израиля, кризис сферы «хай-тек» в Израиле стал причиной сокращения ВВП страны в 2001 г. на 2,8% или на 9 млрд. долл. в денежном выражении. [Глобус, № 493, 25–31 марта 2002, с. 18]. Столь солидная сумма возникла в результате 90%-ного снижения оптовых цен на полупроводники (важный компонент экспортной продукции израильского «хай-тек»), 46%-ного падения курсов акций высокотехнологических компаний на американской электронной бирже НАСДАК и сокращения сферы деятельности фондов рискового капитала, финансировавших многие проекты в Израиле.

По подсчетам министерства финансов Израиля, экономика страны потеряла в 2001 г. около 5% роста ВВП. В значительной степени

эта потеря явилась следствием интифады, которая привела к непредвиденно высоким расходам на оборону, безопасность, полицейские и медицинские службы. Эти расходы с начала интифады определяются суммой 10–12 млрд. долл. или около 20% государственного бюджета страны [Надежда, 20.03.2002, с. 7].

Тяжелое положение в израильской экономике не могло не отразиться и на рынке труда. Количество безработных в стране достигло рекордной за всю историю Израиля цифры в 260 тыс. чел., превысив 10%-ный рубеж. Естественно, она коснулась и сферы «хай-тек». Только в компаниях, производящих программное обеспечение, в 2001 г. в связи с сокращением числа предприятий без работы оказались свыше 2500 чел. [Новости недели, № 226, 20.12.2001, с. 46].

Как отмечалось выше, подобная ситуация в сфере «хай-тек» побуждает некоторые израильские инвестиционные фонды вкладывать средства в высокотехнологические предприятия за рубежом, а ряд промышленных компаний даже собирается переносить за границу собственные производства. Так, по данным Объединения промышленников Израиля, около 20 отечественных компаний «хай-тек» готовы перевести свои производства в США, Индию, Южную Корею, Иорданию, Вьетнам и другие страны в связи с ожидаемым дальнейшим ухудшением экономического положения в стране, а также в связи с меньшей стоимостью рабочей силы в некоторых из этих государств [Новости недели, № 190, 12.04.2001, с. 46].

С учетом наблюдаемого кризиса в сфере высоких технологий, в стране предпринимаются некоторые шаги по исправлению нынешней ситуации. Например, высвобождающиеся из «хай-тек» специалисты будут преподавать математику, физику, компьютерную грамоту, другие технические дисциплины школьникам старших классов в рамках проекта «Национальная программа». [Новости недели, № 158, 31.08.2000, с. 51]. Страховая компания «Клаль Битуах» предложила стартовым фирмам новую услугу, не имеющую аналогов в мире: за относительно небольшую плату в размере 2700 долл. в год предоставлять страховку для покрытия рисков в сумме до 2 млн. долл. [Новости недели, № 200, 21.06.2001, с. 46]. Министерство промышленности и торговли намерено стабилизировать положение в сфере «хай-тек» и даже содействовать созданию новых предприятий путем образования специального фонда с уставным капиталом в 200 млн. шекелей (около 50 млн. долл.) для помощи мелким и средним предприятиям. [Там же, № 218, 25.10.2001, с. 46]. Институт экспорта и Объединение промышленников Израиля собираются создать аналогичный фонд для оказания помощи примерно 350 стартовым компаниям. [Там же, № 243, 18.04.2002, с. 46]. В сентябре 2001 г. министерство финансов Израиля приняло решение освободить от налогов иностранные инвестиции в израильский «хай-тек». [Русский израильтянин, № 41, 8–15.10.2001, с. 13].

В настоящее время рассматривается несколько сценариев дальнейшего развития Израиля на перспективу до конца 2002 г. Пессимистический вариант предполагает нарастание спада в экономике и ожидание общего ущерба народному хозяйству страны в размере до 41 млрд. шекелей. [Глобус, № 493, 25–31.03.2002, с. 19]. Осторожные оптимисты (и автор этих строк в том числе) полагают, что в связи с завершением в мае 2002 г. антитеррористической операции «Защитная стена» и относительной нормализацией внутриполитической обстановки в стране, наблюдаемыми симптомами оздоровления американской экономики и оживления мировой экономической ситуации уже к концу текущего года можно ожидать вполне реального улучшения положения в мировом секторе высоких технологий и в израильском «хай-теке», в частности. Нынешний спад носит, по-видимому, временный характер, и высокотехнологичный сектор сумеет в обозримом будущем восстановить понесенные потери и, возможно, даже превзойти свои прежние показатели в экономике Израиля и в мировом экономическом сообществе в целом.

Результативность

Проводимая Израилем активная научно-техническая политика, выражающаяся в относительно высоком уровне финансирования НИОКР, поддержании рациональной количественной и качественной структуры национального исследовательского потенциала, положительно сказывается на результатах исследований и разработок, их вкладе в мировую науку и технику, авторитете среди мировой научной общественности, экономической эффективности.

Израиль возглавляет список стран, занимающих ведущие места в мире по количеству научно-технических публикаций: более 60 статей на 10 тыс. человек занятого населения по сравнению с 30 публикациями в США. По данным английского медицинского журнала «Ланцет», пропорционально численности населения в Израиле публикуется значительно больше материалов в области медицинских исследований и практики, чем в США и Великобритании.

Уровень патентной активности израильских научно-исследовательских организаций и университетов намного опережает аналогичный показатель других стран. Так, по соотношению между числом сотрудников и количеством зарегистрированных патентов израильские университеты находятся впереди большинства развитых стран мира, а по отношению к затратам на НИОКР в исследовательских центрах Израиля на одну условную единицу финансирования приходится в два раза больше зарегистрированных патентов, чем в США, и в девять раз больше, чем в Канаде [Азия и Африка сегодня, 1997, № 11, с. 46].

По мнению экспертов из Американского математического общества, Израиль ныне считается супердержавой в области математики. Количество публикаций израильских ученых в мировой литературе по физике возросло с 1,2% в 1990 г. до 2% к концу 90-х годов. О каче-

стве этих работ свидетельствует тот факт, что, по данным Института научной информации в Филадельфии (США), индекс цитирования публикаций физиков Израиля более чем на 40% выше среднего мирового уровня [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 895, 897].

Знаком международного признания заслуг и авторитета израильских ученых является присуждение им различного рода академических званий, наград, премий, предоставление крупных грантов и т.п. Например, биохимик д-р Йосеф Ярден, декан факультета биологии Научного института им. Вейцмана получил в 1999 г. весьма престижную премию Майкла Бруно, ежегодно присуждаемую американским Фондом Ротшильда выдающимся ученым в виде гранта размером 200 тыс. долл. исключительно для работы над избранной темой в течение трех лет при освобождении от других обязанностей. Й.Ярден изучает механизм влияния роста гормонов на деление клеток и связь этого процесса с образованием раковых опухолей [Nature, vol. 399, 10.06.1999, с. 515].

Двое ученых из Хайфского Техниона д-р Аарон Чечановер и д-р Аврам Гершко стали в 2000 г. лауреатами американской премии Ласкера в размере 50 тыс. долл., традиционно считающейся «ступенькой» к получению Нобелевской премии по медицине. Ученые удостоены этой высокой награды вместе с их американским коллегой д-ром Александром Варшавским из Технологического института Калифорнии за обнаружение механизмов, с помощью которых живая клетка освобождается от ненужных ей белков, для применения в разработке противораковых препаратов [Форвертс, № 258, 28 сентября – 5 октября 2000 г., с. 2].

Характерно, что престижных международных премий удостаиваются не только израильские ученые, но и представители израильских фирм, успешно продвигающих на мировой рынок высокотехнологичную продукцию. Так, в апреле 2001 г. королева Великобритании Елизавета II присудила две престижные премии израильским компаниям: «Висоник» (за устройства в области обеспечения безопасности, в частности для охраны произведений искусства в музеях и галереях) и «Пларам» за активное внедрение на британский рынок новых полимерных материалов – поликарбонатов [Новости недели, № 198, 07.06.2001, с. 41].

Для морального и материального стимулирования научной деятельности в Израиле существует собственная система национальных премий. Наиболее престижными среди них являются ежегодно присуждаемая государственная Премия Израиля, а также премия Вульфа. В 2002 г. Премия Израиля присуждалась в 11 номинациях комиссией под руководством министра образования Лимор Ливнат. В каждой номинации назначается жюри, которое выбирает лауреатов из числа кандидатов, представленных научной общественностью [Наш Иерусалим, 20.02.2002, с. 8]. Премия Вульфа присуждается одноименным частным фондом, основанным доктором Рикардо Вульфом (1887–1981), изобретателем, дипломатом и филантропом, и его супругой Франциской Субирана-Вольф (1890–1981) в целях «поддержки науки и искус-

ства на благо человечества». Рикардо Вульф родился в Ганновере (Германия) и эмигрировал на Кубу перед первой мировой войной. В 1961 г. был назначен послом Республики Куба в Израиле, где и прожил до самой смерти. Размер денежного приза в каждой области (сельское хозяйство, химия, физика, математика, медицина, архитектура) составляет 100 тыс. долл. Торжественное вручение премии Вульфа происходит, как правило, в зале заседаний Кнессета [Форвертс, № 284, 4–10.05.2001, с. 4].

Селекционные и агротехнические достижения с использованием новейшей компьютерной и биотехнологии вывели Израиль на первое место в мире по годовому надою молока на одну корову – около 9660 л при средней жирности молока – 3,3%, что является мировым рекордом отрасли. В животноводстве применяется преимущественно искусственное осеменение с компьютерным подбором родительских пар на основе единой общенациональной племенной базы данных. В стране применяются наиболее передовые и экономичные способы орошения, позволяющие направлять влагу непосредственно к корням растений в нужное время и в требуемом количестве с использованием компьютерной технологии (капельное и точечное орошение). Эти технологии, а также права интеллектуальной собственности израильских ученых на селекционные достижения в области растениеводства и животноводства пользуются широким спросом во всем мире. Благодаря достижениям в области генетики, биотехнологии и генной инженерии, микробиологии, других отраслях сельскохозяйственных наук Израиль занимает ныне первое место в мире по производству и продаже молочных продуктов, овощей и фруктов, мяса, птицы и яиц на душу населения, третье место в мире по объему экспорта продукции цветоводства (после Голландии и Колумбии) [Форвертс, № 187, 25 июня – 1 июля 1999 г., с. 4].

Общеизвестен высокий уровень развития медицины в Израиле. В стране имеется весьма разветвленная сеть исследовательских, внедренческих и производственных организаций в области медицинской и фармацевтической промышленности, создания материально-технической базы национального здравоохранения. На основе достижений израильских медиков – ученых и практиков – в стране разрабатывается, изготавливается и поставляется на мировой рынок самое современное высокотехнологичное оборудование для диагностических и лечебных целей, в частности компьютерные томографические сканеры, медицинские ядерные излучатели, хирургические лазеры, уникальные фармацевтические препараты.

Важным направлением НИОКР в Израиле является энергетика. Практическое отсутствие в стране традиционных энергетических ресурсов побудило ученых и специалистов обратиться к поиску таких альтернативных источников энергии, как солнечная, геотермальная, ветровая. Сегодня Израиль является мировым лидером по применению

солнечной энергии в народном хозяйстве: от бытовых и промышленных солнечных бойлеров-нагревателей до создания самых мощных в мире солнечных электростанций. Примером является проект новой электростанции на солнечной энергии, которую планируется возвести в ближайшем будущем в районе г.Димона. На первом этапе ее мощность составит 100 мегаватт, в дальнейшем этот показатель возрастет до 500 мегаватт. В процессе строительства будут заняты около тысячи работников. Общая стоимость проекта составляет 200 млн. долл. [Новости недели, № 222, 18.11.2001, с. 51].

Недавно усилиями израильских геологов и изыскателей (компания «Ям Татис») на шельфе Средиземного моря вблизи г.Ашкелона были обнаружены крупные запасы природного газа на месторождении «Мари-3», которые намного превышают таковые на любом из газовых месторождений, когда-либо разрабатывавшихся на территории Израиля. Специалисты не исключают и наличия нефти в этом месторождении. В разработке проекта подводного газопровода с места предполагаемой добычи к конечному терминалу в Ашкелонском порту принимают участие, помимо «Ям Татис», также израильско-египетская компания ЕМГ, английская «Бритиш Газ» и израильско-американская «Исрамко-МЕЕ». По решению министерства инфраструктуры Израиля газопровод должен быть пущен в эксплуатацию к концу 2003 г. [Новости недели, № 226, 20.12.2001, с. 46]. Во всяком случае, это достижение отечественной геологоразведки позволяет надеяться на облегчение остроты энергетической проблемы в Израиле в ближайшем будущем за счет эксплуатации собственных топливных ресурсов и уже приносит практические результаты. Так, недавно Электрическая компания Израиля приняла решение о закупке 50% потребляемого ею газа у группы «Ям Татис». Речь идет о 1,7–1,8 млрд. куб. м газа в течение ближайших 10–15 лет. Общая стоимость этой сделки достигает 1,5–2,5 млрд. долл. [Новости недели, № 190, 12.04.2001, с. 46].

Высокая результативность труда израильских ученых и инженеров сказывается, безусловно, на достижениях оборонно-промышленного комплекса (ОПК) страны. Заслуженным авторитетом и признанием на мировом рынке вооружений и военной техники пользуется продукция таких отраслей ОПК, как авиационная, ракетная, производство стрелкового оружия, бронетехники, военной электроники, средств охраны и безопасности и т.п. Ученые и специалисты ОПК вносят значительный вклад в укрепление обороноспособности и безопасности страны, повышение ее экспортного потенциала.

Следствием значительных успехов, достигнутых в сфере «хайтек», является высокий уровень компьютеризации народного хозяйства Израиля. Так, в частности, по количеству персональных компьютеров на душу населения Израиль приближается к США, Германии, Франции, а по наличию домашних компьютеров на душу населения занимает первое место в мире, опережая США и Японию. По абсо-

лютному же количеству ЭВМ страна превосходит все вместе взятые соседние государства, насчитывающие более 100 млн. жителей. По данным ЦСУ Израиля, в 2000 г. персональный компьютер был почти у половины (47%) израильских семей по сравнению с 40,7% в 1999 г. Число пользователей Интернета растет быстрыми темпами: оно составляло к середине 2001 г. 1,5 млн. чел. или 24% от общего количества населения против 19,8% в 2000 г. и только 11,9% в 1999 г. Причем 93% из этого числа имеют доступ к Интернету непосредственно из дома [Наш Иерусалим, 31.10.2001, с. 5]. Ухудшение общей ситуации в израильской экономике привело к некоторому снижению темпов компьютеризации населения страны. Так, по данным компании «Бизнес дата Исраэль», в 2001 г. израильтяне купили примерно 200 тыс. персональных компьютеров по сравнению с 250 тыс. в 2000 г. [Новости недели, № 242, 11.04.2002].

Отмечаются и курьезные факты. По данным исследования, проведенного фирмой «Риптек» (США), одной из ведущих в мире в области защиты информации, Израиль ныне занимает первое место в мире по соотношению числа хакеров (компьютерных взломщиков банков и баз данных электронной информации) и пользователей Интернета. На 10 тыс. пользователей Интернета в Израиле приходится 26 хакеров по сравнению с 14,5 в Гонконге, 10 в Южной Корее и 8,6 во Франции [Новости недели, № 234, 14.02.2002, с. 46].

Для Израиля характерен и один из самых высоких в мире уровень телефонизации населения, в том числе значительный процент обладателей мобильных телефонов. Так, в 2000 г. в 63,5% израильских семей имелся по крайней мере один сотовый телефон по сравнению с 52,3% в 1999 г. [Наш Иерусалим, 31.10.2001, с. 5].

Список подобных примеров, свидетельствующих о высокой эффективности деятельности израильских ученых и инженерно-технических работников, их заметном вкладе в социально-экономический прогресс израильского общества, можно продолжить. Однако основным выводом является то, что благодаря приоритетному развитию научно-технической сферы Израиль сумел не только значительно улучшить свое внутреннее экономическое положение, войдя в первую десятку государств мира по уровню национального дохода на душу населения, но и существенно укрепить свои позиции в современных мирохозяйственных связях. Достаточно сказать, что с начала 1997 г. Израиль официально включен Международным валютным фондом в категорию промышленно развитых государств, которых сейчас насчитывается 26. До этого Израиль традиционно относился к так называемой «группе 77» или к категории развивающихся государств.

Интеллектуальная иммиграция

Заметные успехи Израиля в развитии национального научно-технического потенциала в немалой степени обусловлены суще-

ственным вкладом интеллектуальной иммиграции из стран бывшего СССР, прежде всего из России, и эффективной абсорбцией (абсорбция – официально принятый в Израиле термин, означающий интеграцию новоприбывших в израильское общество, включая трудоустройство, социально-культурную и морально-психологическую адаптацию) интенсивного иммиграционного потока.

Масштабная иммиграция и успешная абсорбция являются мощным рычагом прогресса и процветания Израиля, несмотря на всю тяжесть вызываемого ими социального бремени. Большинство специалистов считает, что иммиграция явилась важнейшим фактором экономического роста Израиля, беспрецедентным для современного западного мира. По словам президента Научного института им. Вейцмана Хаима Харари, иммиграция из бывшего СССР – «самое лучшее, что произошло в нашей стране за последние 25 лет» [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 892]. В основном благодаря ей (помимо действия других благоприятных факторов) за период 1991–1995 гг. (когда начал проявляться иммиграционный эффект), валовой национальный продукт Израиля вырос на 35% – в 4 раза больше, чем в Западной Европе, а промышленный экспорт возрастал на 9,1% в год. По показателю национального дохода на душу населения – 17 тыс. долл. в год – Израиль вышел на уровень Великобритании – своей бывшей метрополии [Власть /журнал издательского дома «КоммерсантЪ», № 42, 26.10.1999, с. 25].

С 1989 по 1995 гг. в Израиль, население которого к концу этого периода составляло около 5,5 млн. чел., прибыло 710 тыс. иммигрантов, причем подавляющая часть их 609,9 тыс. человек – из бывшего СССР. Они отличаются высоким образовательным уровнем (например, общий срок обучения 13 и более лет имели в этот период 40,5% из общего их числа по сравнению с 24,2% у местного населения. Многие (около 60%) имели научные, инженерные или свободные профессии (по сравнению с 28% для местного населения Израиля). В их числе – около 11 тыс. ученых, 57 тыс. инженеров и технологов (вдвое больше, чем было в Израиле до 1987 г.), около 14 тыс. – врачей и дантистов, 14,5 тыс. – среднего медперсонала, 14 тыс. – деятелей культуры, около 31 тыс. учителей и воспитателей дошкольных учреждений. [Immigrant Absorption. Situation, Challenges and Goals. Ministry of Immigrant Absorption, Jerusalem, April 1996, с. 5, 8]. Премьер-министр Израиля Ицхак Рабин незадолго до своей гибели в 1995 г. отмечал: «К нам приехало из России почти полмиллиона человек с высшим образованием. Каждый специалист стоит как минимум 40 тысяч долларов. Это значит, что наша страна получила в подарок по меньшей мере 20 миллиардов долларов» [Власть, № 42, 26.10.1999, с. 28].

В 1996–1998 гг. в страну прибыло примерно 290 тыс. чел. из бывшего СССР, в том числе немногим более 2 тыс. ученых, около

20 тыс. инженеров. В 1999–2001 гг. по разным причинам приток иммигрантов («алия» – на иврите) существенно уменьшился. В 2001 г. в Израиль репатриировалось 44,4 тыс. новых репатриантов, причем из них 33,8 тыс. – из бывшего СССР, что на 37% меньше, чем в 2000 г. [Новости недели, № 229, 03.01.2002, с. 4]. Решающий фактор снижения притока алии – перманентное состояние войны, в котором Израиль находится вот уже более полутора лет. Среди примерно 105 тыс. новых репатриантов из бывшего СССР за 1999–2001 гг., по подсчетам автора, около 1200 ученых и 12 тыс. инженеров.

Структурно иммиграционный поток ученых из стран СНГ состоит в основном из представителей тех научных дисциплин, которые ныне определяют научно-технический прогресс. По данным для середины 1990-х годов, 52% ученых-иммигрантов составляли специалисты в области математики, физики, программирования; 27% – в области биологии и биотехнологии; 12% – химики; 9 – представители гуманитарных наук. Основная возрастная группа (около 50%) – ученые в возрасте 31–45 лет. Свыше половины (56%) имели ученую степень кандидата и 16% – доктора наук [Азия и Африка сегодня, № 11, 1997, с. 48], то есть представляли собой кадры высшей научной квалификации.

Всего с начала «большой алии» за 90-е годы в Израиль приехало из бывшего СССР примерно 13 тыс. чел., которые по критериям министерства абсорбции квалифицируются как ученые. Среди них, по советской классификации, примерно 7 тыс. кандидатов наук и около 400 докторов наук, в том числе 150 профессоров [МИГ news, 02.08.2000, с. 33]. Именно об этой категории интеллектуальной иммиграции прежний министр (нынешний заместитель министра) абсорбции Израиля Юлий Эдельштейн сказал: «Всего лишь за цену авиационного билета мы получаем профессоров, для подготовки которых нам пришлось бы затратить один миллион долларов на каждого, чтобы довести до современного уровня их знаний и опыта» [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 892].

Вместе с тем перед руководством Израиля стоит весьма важная и сложная задача: наиболее эффективно и безболезненно для государства и самих иммигрантов интегрировать этот значительный интеллектуальный потенциал в национальную экономику и рационально использовать его в интересах дальнейшего прогресса израильского общества.

В отличие от многих зарубежных стран, принимающих иностранных ученых и специалистов на постоянное место жительства, в Израиле их интеграция в местное общество не остается неуправляемым стихийным процессом, а возведена в ранг государственной политики. За годы существования Государства Израиль в нем накоплен значительный опыт абсорбции иммигрантов вообще и научно-технических кадров, в частности. Сложился, развивается и постоянно совершенствуется соответствующий организационно-правовой и социально-экономический механизм иммиграционной политики.

Он включает в себя целый ряд государственных, общественных и частных организаций. В него входят, в частности, законодательные (соответствующие депутатские комиссии в Кнессете) и правительственные органы. К последним относятся Министерство абсорбции иммигрантов, Министерство финансов, Министерство труда, Министерство промышленности и торговли (через Ведомство Главного ученого, имеющего свои отделы практически во всех отраслевых министерствах и ведомствах), Министерство науки, Министерство инфраструктуры и др.

Среди общественных организаций, в частности, – Академия естественных и гуманитарных наук Израиля, Федерация торговых палат, Ассоциация предпринимателей и др., а также организации, созданные самими репатриантами для содействия процессу абсорбции и защиты своих интересов: Союз ученых-репатриантов, Союз инженеров-репатриантов Израиля с отделениями в 40 городах страны, насчитывающие около 100 тыс. членов, и т.п. Сюда же относятся профсоюзы, землячества, местные общинные организации.

Имеется также целый ряд общественных и частных информационных и консалтинговых центров, банковских и страховых учреждений, фондов, различных агентств, входящих в систему информационных и правовых услуг, трудоустройства, материальной поддержки и социального обустройства новоприбывших.

В деятельности этой системы видную роль играет образованный в 1973 г. Центр абсорбции в науке (ЦАН), который с 1975 г. является подразделением Министерства абсорбции. В последние годы он имеет годовой бюджет в размере около 30 млн. долл. на выплату репатриантам стипендий (так называемые стипендии Шапиро) и для оказания других видов поддержки [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 892].

При ЦАН с января 1994 г. была организована программа «Башан», представляющая собой коммерческий банк технических идей, предлагаемых учеными-репатриантами, для их последующей реализации в народном хозяйстве. Впоследствии эта программа была передана в ВГУ Министерства промышленности и торговли. В рамках программы авторам коммерчески перспективных идей и проектов выделяется до 100 тыс. шекелей (около 22 тыс. долл.) для регистрации патента, изготовления опытного образца и составления бизнес-плана. Авторам проектов предоставляется также бесплатная помощь юристов и патентоведов, бизнес-сопровождение проекта и поиск инвесторов.

За годы своего существования программа «Башан» доказала свою целесообразность, подготовив десятки проектов ученых и изобретателей-репатриантов как для реализации на частном рынке, так и для доработки в рамках технологических теплиц и бизнес-инкубаторов. Однако в последнее время в связи с общим дефицитом бюджетных средств на науку и усложненными бюрократическими процедурами выделения пособий эффективность программы существенно снизилась, что вызвало необходимость анализа ее деятельно-

сти на парламентском уровне с целью активизации в ближайшем будущем [Глобус, 14–21.04.2002, с. 5].

В январе 1995 г. ЦАН начал реализацию так называемой Программы Гилади (Giladi Program) по материальной поддержке научной элиты – выдающихся ученых старших возрастных категорий, прибывших в Израиль из бывшего СССР. Ее цель – оказание финансового содействия научно-исследовательским организациям, не имеющим достаточных собственных средств, в предоставлении работы сроком на три года ученым этой категории. В начале программа охватывала 300, затем 500 ученых. В настоящее время она финансирует рабочие места для 750 крупных ученых и специалистов.

При Министерстве абсорбции была также разработана общенациональная программа «КАМЕА» – комплексная программа интеграции ученых-иммигрантов в израильскую экономику с годовым фондом около 7 млн. долл., расходуемым на выделение более 400 грантов (средний размер гранта – 20 тыс. долл. в год, максимальный срок предоставления грантов – 3 года) на исследовательские проекты заявителей-иммигрантов; содействие трудоустройству ученых и специалистов в региональных научных центрах, финансируемых за счет региональных и местных бюджетов; поддержку молодых ученых.

Вместе с тем в связи с жесткой программой экономии правительственных расходов, выдвинутой в конце 2001 г. Министерством финансов, предполагалось существенно сократить в 2002 г. объем финансирования как фонда стипендий Шапиро (который ныне достигает 40 млн. шекелей), так и обеих указанных программ «КАМЕА» и «Гилади». Однако Министерство абсорбции смогло сохранить прежний уровень расходов на эти жизненно важные для страны программы. Заместитель министра абсорбции Юлий Эдельштейн отмечал: «Нам удалось доказать, что ученые, работающие по программам «КАМЕА» и «Гилади», – гордость не только алии из СНГ, но и всей страны, и вклад, вносимый ими в израильскую науку и промышленность, намного весомей тех 15 миллионов шекелей, которые Минфин намеревался сэкономить на этих программах» [Наш Иерусалим, 23.01.2002, с. 12].

В 1998 г., будучи министром абсорбции, Юлий Эдельштейн предложил создать специальные центры профориентации репатриантов. Сегодня функционируют шесть таких центров в городах Хайфа, Кфар-Саба, Тель-Авив, Ашдод, Иерусалим, Беэр-Шэва. Если 2 года назад с помощью этих центров устраивались на работу до 20% обращавшихся к их услугам, то теперь – 70%, причем все эти люди работают по своей или близкой к ней специальности. Всего таким образом трудоустроилось свыше 2,5 тыс. инженеров и техников. Сейчас за год через центры проходит около 6 тыс. человек [Новости недели, № 221, 15.11.2001, с. 45].

ЦАН активно взаимодействует с Центром по трудоустройству лиц с высшим образованием при Министерстве труда, куда направляют

ученых и инженеров для переквалификации по иным специальностям для устройства на работу, не связанную с научными исследованиями.

Ряд программ поддержки новоприбывших ученых реализуется под эгидой Министерства науки. Это, в частности, программа стипендий для завершения кандидатских (PhD) диссертаций молодыми учеными-иммигрантами. В последнее время около 100 подобных стипендий Миннауки Израиля выделяет совместно с фондом Рича (Rich Foundation). Под патронажем министерства также работает биржа труда и занятости «Клитекс» (KLITEX) для иммигрантов, имеющая непрерывно пополняемый банк данных о потребностях и вакансиях в сфере НИОКР Израиля, а также об ищущих работу новоприбывших ученых и специалистах. Как показывает практика, из обратившихся к услугам биржи заявителей примерно 30% находят себе работу.

Правительственные учреждения в ряде случаев привлекают ученых и специалистов из бывшего СССР к разработке ряда проектов и программ в качестве советников и консультантов. Так, при Министерстве национальной инфраструктуры успешно функционирует Совет ученых-репатриантов, созданный по инициативе руководителя этого ведомства Авигдора Либермана, который, в частности, заявил: «Инфраструктура Израиля сегодня нуждается в значительных изменениях, и здесь, как нигде, нам может быть полезен потенциал репатриантов – специалистов в этой области, чьим научным и профессиональным уровнем мы просто не вправе пренебрегать» [Наш Иерусалим, 09.05.2001, с. 5].

В абсорбции выдающихся ученых зрелого и пожилого возраста, иммигрировавших из бывшего СССР и способных внести весомый вклад в развитие системы высшего образования и подготовки кадров, а также в исследования и разработки, заметную роль играет Академия естественных и гуманитарных наук Израиля. Поддержка ею этой группы ученых и специалистов осуществляется через Фонд Бареха (Barecha Foundation) и Стипендиальный фонд Гвасталла (Guastalla Fellowships).

Существенную помощь в трудоустройстве научных работников и специалистов оказывают региональные и муниципальные власти Израиля из фондов местных бюджетов. Так, в связи с реализацией программы расширения преподавательской и исследовательской деятельности в Колледже Иудеи и Самарии (КИС) в г.Ариель, основанном в 1983 г., местные власти с 1991 г. начали и продолжают поныне активно привлекать ученых и преподавателей из бывшего СССР, намереваясь довести число студентов с 2,5 тыс. в 1999 г. до 7,5 тыс. в 2005 г. КИС – один из немногих вузов Израиля, штат которого в значительной степени укомплектован за счет новых репатриантов из бывшего СССР. Прибывший в Колледж в 1991 г. из Душанбе (Таджикистан) д-р Михаил Цейтлин разработал способ выращивания сверхтвердых кристаллов, который заинтересовал представителей ювелирной промышленности. В 1998 г. внешние инвесторы вложили 1

млн. долл. в дальнейшую разработку этого изобретения в лабораториях КИС. [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 895].

Активное участие в финансировании программ и проектов решения проблем занятости новоприбывших ученых и специалистов принимают частные спонсоры, в том числе и проживающие за рубежом. Так, известная американская общественная деятельница Перл Резник (имеющая российское происхождение) выступила в качестве спонсора одного из проектов включения иммигрантов из бывшего СССР в научную жизнь Израиля. На свои деньги (несколько миллионов долларов) она организовала в 1997 г. в Израиле Институт высокой технологии им. Джека и Перл Резник, основу научного коллектива которого составляют выходцы из СНГ [Science, vol. 284, 7 May 1999, с. 895].

Среди общественных организаций, играющих важную роль в системе абсорбции интеллектуальной иммиграции, видное место занимают МАТИМОП – Центр исследований и разработок израильской промышленности, образованный Ассоциацией промышленников Израиля, Ассоциацией кибуцной промышленности и объединением предприятий израильских профсоюзов «Хеврат Овдим», а также Институт инноваций «МЕССЕР», Израильский центр организации малого бизнеса «Милав», Израильский Институт экспорта, Ассоциация предпринимателей Израиля и др.

Как показывает практика, процесс трудоустройства ученых протекает сложнее и медленнее, чем абсорбция репатриантов в целом. Это объясняется различными причинами, в том числе насыщенностью рынка научной рабочей силой в Израиле, высоким уровнем конкуренции со стороны местных научных работников, в особенности профессоров и преподавателей, меньшей гибкостью ученых в отношении переквалификации и перемены профессии, наличием языкового барьера, известной степенью этнообщинной напряженности и ксенофобии и другими факторами.

Из прибывших в Израиль с 1989 по 1995 гг. 10695 ученых работу в сфере НИОКР к апрелю 1996 г. получили около 8250 чел. (77%). Из них через ЦАН Министерства абсорбции устроились 6750 чел. (82%), остальные нашли работу по другим каналам, в том числе и в результате свободного поиска. Без работы оставались 2445 чел. или 23% от числа прибывших.

Что касается инженеров, иммигрировавших в Израиль за тот же период (около 57 тыс.), то из объявивших себя таковыми по приезде лишь 65% были признаны инженерами и внесены в Реестр инженеров. Из 86% зарегистрировавшихся на биржах труда трудоустроились к апрелю 1996 г. 95%, т.е. около 30,3 тыс. чел. Оставались без работы (из числа признанных инженерами) 6,7 тыс. чел. или 18,2%. Многие из устроившихся на работу инженеров сменили свою специализацию, поменяли профессию и даже сферу занятости. Так, на инженерных должностях в середине 1990-х годов трудились только 25% инжене-

ров, иммигрировавших в Израиль из бывшего СССР, 2% занимались научной и преподавательской деятельностью, 5% работали в должностях техников, 33% стали квалифицированными рабочими, 17% – подсобными рабочими и 18% ушли в сферу торговли и обслуживания. В этот период из числа имеющих инженерный диплом бывшего СССР на инженерных должностях в Израиле работали: в промышленности – 31% , в строительстве 19, в сфере бизнеса – 21, в бытовом обслуживании – 29% [Азия и Африка сегодня, 1997, № 11, с. 50–51].

Что касается заработной платы новоприбывших научных работников и инженеров, то в целом ряде случаев она существенно ниже зарплаты коренных израильтян и старожилов, занятых в сфере НИОКР. В среднем она составляет около 40% заработка израильских ученых и специалистов.

Количество безработных среди новоприбывших работников сферы НИОКР в 1,5–2 раза выше, чем в категории новых репатриантов в целом, и в 2–2,5 раза выше, чем среди израильских ученых и инженеров [Science, vol. 284, 7 May 1999, c. 895].

Многие научные работники-репатрианты чувствуют себя в Израиле невостребованными. Им либо вообще отказывают в работе, в особенности в государственных научно-исследовательских учреждениях, либо принимают на должности явно ниже их профессиональных возможностей или научных заслуг. Так, в области химии более 600 ученых-репатриантов имеют третью академическую степень (соответствующую званию доктора наук по советской классификации), однако лишь единицы допущены на академические должности в университеты, колледжи, исследовательские институты, хотя многие получали дипломы и ученые степени уже в израильских учебных заведениях. Число публикаций авторов-репатриантов с наиболее высоким индексом цитирования в области химии намного выше, чем у их коллег – коренных израильтян, но даже и это обстоятельство и наличие международных премий и призов, полученных уже в Израиле, не гарантирует им прием на высокооплачиваемую работу и дальнейший прогресс в научной карьере. В результате многие молодые специалисты, полные творческих сил и способностей, покидают страну и пытаются сделать научную карьеру в США, странах Западной Европы, Латинской Америки. За пределами страны ныне работают около 2,5 тыс. израильских ученых-исследователей и примерно 3 тыс. специалистов в области компьютерной техники [Новости недели, 10.03.2002, с. 10].

Некоторые причины такой ситуации вполне объяснимы. Дело в том, что во многих областях науки и техники в Израиле исторически сложились свои элиты со сложной иерархией, базирующейся в значительной степени на наследовании социального статуса и экономического положения (особенно заметно это в области медицины), куда пришельцу без местных корней и связей очень сложно пробиться. В то же время в нетрадиционных областях, каким является «хай-тек», где

подобные элиты еще не сформировались, оказалось возможным легче получить работу и быстро подняться по служебной лестнице. Не случайно до 42% работников, занятых в сфере «хай-тек», – иммигранты «большой алии» из бывшего СССР, сделавшие в ряде случаев сказочную карьеру, как, например, профессор Олег Фиговский, вице-президент Союза ученых-репатриантов, совладелец крупной и всемирно известной исследовательской фирмы «Полимейт», занимающейся созданием новых материалов для электроники. В то же время из большого числа врачей, репатриировавшихся из СССР в середине 90-х годов, за прошедшие годы практически ни один не смог сделать сколько-нибудь заметной карьеры. Даже на должность заведующих отделениями в больницах выбились единицы [МИГ, 25.04.2001, с. 12]. Тем не менее даже сфера «хай-тек», до недавнего времени привлекательная для новых репатриантов своими возможностями трудоустройства и относительно высокими заработками, переживает ныне, как отмечалось выше, глубокий кризис, и первыми его жертвами становятся, как правило, недавние иммигранты.

В таких условиях «русские» репатрианты все активнее включаются в борьбу за свои права, улучшение социально-экономического положения, менее болезненную интеграцию в израильское общество.

«Инкубаторы технологии»

Значительная часть бывших советских ученых и инженеров, иммигрировавших в Израиль, интегрировалась в израильскую экономику через посредство таких гибких и эффективных малых организационных форм соединения науки с производством, как «технологические теплицы» или «инкубаторы технологии».

Инкубатор (теплица) – юридически самостоятельный небольшой (5–10 человек) творческий коллектив, находящийся в условиях, позволяющих специалистам полностью сосредоточиться на разработке научной идеи и доведении ее до стадии практического освоения. Создание этих условий (финансирование, обеспечение необходимой инфраструктурой, исследовательским и опытно-внедренческим оборудованием, правовым и экономическим консультированием и т.п.) берет на себя государство в соответствии с Программой инкубаторов технологии. Она начала осуществляться в 1991 г. по инициативе ВГУ Министерства промышленности и торговли Израиля при участии Еврейского агентства, других общественных организаций. С тех пор и по настоящее время ее бессменным директором является Рина Придор. Программа создавалась специально для выходцев из бывшего СССР, которые могли бы с ее помощью найти быстрое и эффективное применение своему творческому потенциалу в израильской экономике. Другая важная задача – развитие организационно-внедренческой базы для широкого распространения инноваций в народном хозяйстве Израиля.

Объем ассигнований на программу постоянно растет: 3,25 млн. шекелей в 1991 г., 53 млн. – в 1993 г., 90 млн. – в 1995 г., 135 млн. – в 2001 г. и 145 млн. шекелей – в 2002 г. Сегодня в стране действует 16 инкубаторов, в которых разрабатывается более 200 проектов, главным образом в области медицины, химии, электроники и биотехнологии. За прошедшее десятилетие из стен инкубаторов технологии вышло 643 стартовых компании, около половины из которых успешно продолжают в настоящее время самостоятельную деятельность.

За этот период частные предприниматели и венчурные фонды инвестировали в проекты, разработанные в инкубаторах, 525 млн. долл., государство – 246 млн. долл. В 2000 г. в этой сфере наблюдался настоящий инвестиционный бум. В компании, начавшие свою деятельность в инкубаторах, вложено 225 млн. долл., на 125% больше, чем в 1999 г. Намечено создать еще два специализированных инкубатора, в которых будут разрабатываться проекты в области биотехнологии. Правительство намерено объявить тендер на эксплуатацию этих теплиц, и заявки на участие в нем уже поступают в Министерство промышленности и торговли.

В планах министерства – полная приватизация инкубаторов технологии в течение ближайших шести лет, то есть передача их частным инвесторам в обмен на их обязательство финансировать деятельность инкубаторов в течение по крайней мере трех лет. Реализация планов зависит от опыта, который будет накоплен в результате приватизации трех первых инкубаторов – «Сорек», «Голан» и «Офаким». Примечательно, что предложения о выкупе этих инкубаторов на протяжении 2001 г. все чаще поступали от иностранных инвесторов [Наш Иерусалим, 14.11.2001, с. 9].

Среднее число проектов, разрабатываемых в инкубаторе – 8, максимальное число – 13. На проект выделяется государством до 300 тыс. долл. при условии изыскания 50 тыс. долл. от внешнего инвестора. Максимальный срок разработки проекта – два года. Затраты на управление проектом финансируются отдельно в размере 165 тыс. долл. в год [Nature, vol. 402, 11 November 1999].

Опыт показывает, что примерно 60–70% проектов по истечении двухгодичного срока выживают, тогда как 30–40% оказываются коммерчески неудачными. Таким образом, степень риска в финансировании проектов довольно высока, но она с лихвой перекрывается экономическим эффектом от коммерчески успешных разработок, за счет отчислений от которых осуществляется частичное рефинансирование программы инкубаторов технологии. Один успешный проект окупает затраты на 15–20 неудачных. В Израиле степень успеха в доведении проектов до коммерческого использования в 2–3 раза превышает аналогичный показатель для лучших научно-исследовательских учреждений Европы, США и Японии, где хорошим показателем экономической эффективности считается один коммерчески реализованный проект на 7–10 начатых [Поиск, № 8, 22–28 февраля 1997, с. 14].

За прошедшие 10 лет с начала реализации Программы инкубаторов технологии они показали себя как одна из наиболее удачных и эффективных форм интеграции новоприбывших ученых и специалистов в израильскую экономику.

Международное сотрудничество

Активные внешние связи рассматриваются в Израиле как одно из важных направлений национальной научно-технической политики, предусматривающей привлечение иностранных инвестиций, прогрессивных технологий, передовых методов управления в сферу науки, техники, производства.

Международные связи Израиля в сфере науки и техники отличаются масштабностью, разнообразием форм и методов, динамизмом. Они осуществляются на всех уровнях, начиная от личных контактов между отдельными учеными и специалистами до реализации программ и проектов в рамках межгосударственного двустороннего и многостороннего сотрудничества.

В качестве удачного примера двустороннего сотрудничества на межгосударственном уровне можно назвать совместное американо-израильское Управление по высоким технологиям, созданное на основе специального соглашения, подписанного в январе 1994 г. между Израилем и США, которое занимается вопросами координации сотрудничества обеих стран в сфере «хай-тек». Израиль считает успешным свое участие в многосторонней 5-й рамочной программе международного научного сотрудничества (FP5) Европейского Союза, по которой израильские компании получили от ЕС в 1999 г. на развитие исследований и разработок 47 млн. евро [Nature, vol. 402, 25 November 1999, с. 338].

В системе финансирования НИОКР в Израиле важное место занимают двусторонние научные фонды, в частности: Американо-израильский научный фонд (BSF) с годовым бюджетом 100 млн. долл., Американо-израильский фонд исследований и разработок в области сельского хозяйства (BARD) с бюджетом около 110 млн. долл. и Американо-израильский межгосударственный фонд исследований и разработок в промышленности (BIRD-F) с бюджетом также примерно 110 млн. долл. и межправительственный Германо-израильский фонд научных исследований и разработок (DIP). В рамках последнего, в частности, в Израиле в 1999 г. были осуществлены три проекта научно-технического сотрудничества, два из которых в области космических исследований в Технионе (Хайфа) стоимостью 2,28 млн. марок и 1,95 млн. марок соответственно [Forschungshandbuch, Neuausgabe 2002, ALPHA Informations GmbH, Lampertheim, 2002, с. 286].

Французский концерн «Электаль», специализирующийся в производстве и сбыте современных систем связи, принял решение инвестировать 15 млн. долл. в создание в Израиле технологического инкубатора в области коммуникаций совместно с израильским венчурным

фондом «Рануэй». Фирма «Франс телеком» также заинтересована в создании совместно с израильскими специалистами технологического инкубатора в производстве телефонной аппаратуры [Новости недели, № 169, 16.11.2000, с. 45].

Институт Пастера в Париже, который объединяет 4 тыс. ученых-исследователей из 21 страны, и французская группа «Компани финансьер» сообщили недавно об учреждении венчурного фонда, который будет финансировать биотехнологическую отрасль в Израиле. Уставной капитал фонда – 20 млн. евро (около 18 млн. долл.) [Ва-Банк. – Иерусалим, № 226, 20.12.2001, с. 46].

Несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку в Израиле, заинтересованность в инвестициях в израильскую сферу «хай-тек» проявили также итальянские венчурные фонды. Недавно в Израиле уже начал действовать фонд «Элис венчурс», который вложил 6 млн. долл. в «хай-тек» фирмы, производящей медицинское оборудование. Из других итальянских фондов, вложивших свои капиталы в Израиле в производство телекоммуникационной аппаратуры, можно назвать «Sintech» и «CDB WEB» [Ва-Банк, № 224, 06.12.01, с. 46].

Учитывая выгодность и перспективность научно-производственного сотрудничества с Израилем, свыше 200 иностранных компаний участвуют в настоящее время в финансировании исследований и разработок в этой стране. В целом, по данным Центра исследований и разработок в промышленности МАТИМОП при Министерстве промышленности и торговли, в Израиль ныне ежемесячно поступают из разных концов мира в среднем 150 заявок с предложениями о сотрудничестве с израильскими научно-исследовательскими организациями и производственными предприятиями [Новости недели, 16.08.2001, с. 3].

Сотрудничество в научно-технической сфере между Израилем и Россией в настоящее время далеко не в полной мере соответствует потенциальным возможностям этих государств, учитывая высокий уровень и масштабы их достижений в этой области, практическое отсутствие языкового барьера, близкий менталитет и взаимопонимание, наличие тесных личных связей между многими учеными и специалистами из обеих стран.

Как известно, контакты между российскими и израильскими учеными и специалистами начали устанавливаться еще до возобновления официальных дипломатических отношений между бывшим СССР и Израилем в ноябре 1991 г., после которого они приняли регулярный характер на уровне соглашений о сотрудничестве между отдельными российскими научными учреждениями и израильскими университетами и фирмами, а также ведомствами, ответственными за проведение научно-технической политики.

Во время визита в Москву Премьер-министра Израиля И.Рабина 25 апреля 1994 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль

о научно-техническом сотрудничестве, в рамках которого была образована российско-израильская смешанная комиссия по научно-техническому сотрудничеству. Ее первое заседание состоялось 30 ноября 1994 г. В качестве приоритетных областей взаимовыгодного сотрудничества на перспективу были определены информационные технологии, средства телекоммуникаций и систем связи, микроэлектроника, биотехнология, медицина и здравоохранение, создание новых лекарственных препаратов, аэрокосмические системы гражданского применения, экология и охрана окружающей среды.

К настоящему времени имеется ряд примеров успешного сотрудничества в указанных и других областях науки и техники. В частности, состоялось несколько запусков израильских спутников российскими ракетами, в г.Реховоте израильским Институтом Вейцмана и Московским институтом им. Ландау создан Центр исследований по теоретической физике. При Еврейском Университете в Иерусалиме по инициативе администрации премьер-министра Израиля учрежден специальный Центр академического сотрудничества израильских ученых с их коллегами в странах бывшего СССР, реализованы некоторые проекты сотрудничества в области сельского хозяйства по внедрению в России высокопродуктивных израильских пород крупного рогатого скота, птицы, передаче опыта организации тепличных хозяйств для цветоводства и овощеводства. Осуществляется ряд совместных проектов предприятиями частного сектора обеих стран в производстве пищевых продуктов, косметики, бытовой техники и электроники, пластмасс, лекарственных препаратов и т.п.

Перспективы дальнейшего расширения научно-технического сотрудничества между Россией и Израилем предусматривают совместные мероприятия по созданию инкубаторов технологии на территории обеих стран, дальнейший обмен студентами, аспирантами, учеными и специалистами, формирование двусторонних фондов поддержки НИОКР в обеих странах, согласованные меры по охране интеллектуальной собственности, совместный выход на мировые технологические рынки (в частности, в сфере модернизации парка вооружений советского производства за рубежом – самолетов, бронетехники с использованием достижений израильской электроники), совместное оказание научно-технического содействия третьим странам и т.д. Для России также представляет определенный интерес израильский опыт организации научных исследований и разработок, их финансирования, оперативного внедрения результатов в народное хозяйство, трудоустройства научных работников и инженеров в связи с притоком русскоязычных научно-технических кадров в Россию из других стран бывшего СССР.

Научно-техническое сотрудничество между Россией и Израилем имеет значительные неиспользованные резервы. Нет сомнения в том, что при наличии доброй воли, взаимной заинтересованности,

желания достижения прогресса в преодолении имеющихся проблем и трудностей оно может стать одним из важных факторов дальнейшего углубления взаимопонимания между народами Израиля и России, расширения их взаимовыгодных торгово-экономических отношений.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.В.Агавельян
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ЛИВАНЕ 3

В.М.Ахмедов
РОЛЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ САР 10

В.И.Гусаров
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АРАБСКОГО МИРА ТЕРАКТОВ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 Г. (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ) 28

Л.Данилов
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ 46

Б.В.Долгов
РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В АЛЖИРЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ 64

О.И.Жигалина
ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН: ОТ КОНФЛИКТА К ДИАЛОГУ 77

В.К.Киташов
ПОСРЕДНИЧЕСТВО США В УРЕГУЛИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА 83

Г.Г.Косач
МАРКСИСТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТИФАДЫ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ 102

В.В.Куделев
МАРОККО: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИЗВОДСТВА НАРКОТИКОВ 139

Е.С.Мелкумян
МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА САУДОВСКОЙ АРАВИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 148

Э.В.Павлуцкая
СИТУАЦИЯ В МАРОККАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СВЕРХУ 156

Г.И.Смирнова
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В СУДАНЕ 166

И.Е.Федорова
АМЕРИКАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПАТОВАЯ СИТУАЦИЯ ИЛИ ОБЕЩАЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 177

А.Н.Хайдер
СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЙЕМЕНА 184

А.Ж.Хасянов
НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС ЛИВИИ И ЗАПАД В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА 199

А.Ж.Хасянов
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА СУДАНА 215

Д.Л.Шевелев
ПОЗИЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА ПО ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ ИНТИФАДЫ 229

В.П.Юрченко
О РОЛИ СИЛЫ И НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКЕ ИРАКА (история и современность) 239

ПРИЛОЖЕНИЕ

С.М.Задонский
НАУЧНАЯ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ 281

С.И.Симановский
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗРАИЛЯ 301

CONTENTS

YU.AGAVELYAN
SOME FEATURES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF ARMENIAN COMMUNITY IN LEBANON 3

V.AHMEDOV
ROLE OF EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS IN MODERNIZATION OF SYRIAN ECONOMY 10

V.GUSAROV
SOCIO-POLITICAL IMPACT OF THE 11TH SEPTEMBER TERRORIST ATTACK ON THE ARAB WORLD (SOME ASPECTS) 28

L.DANILOV
PROBLEM OF NATIONAL MINORITIES IN IRAQI KURDISTAN 46

B.DOLGOV
RADICAL ISLAMISM IN ALGERIA AND INTERNATIONAL TERRORISM 64

O.ZHIGALINA
IRANIAN KURDISTAN: FROM CONFLICT TO DIALOG 79

V.KITASHOV
US MEDIATION IN THE MIDDLE EAST CONFLICT SETTLEMENT 83

G.KOSACH
MARXISTS IN THE FRAMEWORK OF INTIFADA: DEMOCRATIC FRONT FOR LIBERATION OF PALESTINE 102

V.KUDELEV
MOROCCO: ON THE PROBLEM OF DRAG PRODUCTION 139

E.MELKUMYAN
PEACE INITIATIVE OF SAUDI ARABIA IN THE FRAMEWORK OF ITS FOREIGN POLICY 148

E.PAVLUTSKAYA
SITUATION IN THE MOROCCAN MASS-MEDIA UNDER DEMOCRATIZATION FROM ABOVE 156

G.SMIRNOVA
SOME RESULTS OF ECONOMIC LIBERALIZATION IN THE SUDAN 166

I.FEDOROVA
US-IRANIAN RELATIONS: STALEMATE SITUATION OR PROMISING PERSPECTIVES 177

A.HAIDER
STRATEGY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN YEMEN 184

A.HASYANOV
OIL AND GAS INDUSTRY IN LIBYA AND IN THE WEST IN THE 90'S 199

A.HASYANOV
CURRENT SITUATION IN THE OIL AND GAS INDUSTRY IN THE SUDAN 215

D.SHEVELEV
POSITION OF THE RUSSIA ORTHODOX CHURCH OF MOSCOW PATRIARCHATE TOWARDS PALESTINIAN PROBLEMS DURING THE SECOND INTIFADA 229

V.YURCHENKO
ON THE ROLE OF FORCE AND VIOLATION IN THE POLICY OF IRAQ (HISTORY AND MODERNITY) 239

SUPPLEMENT

S.ZADONSKY
SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL AND INFORMATIONAL POLICY IN TURKEY 281

S.SIMANOVSKY
SCIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL OF ISRAEL 301

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (Совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
   In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. ""Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolicy and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
    In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ПЯТНАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 31.10.2002 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 22 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 67

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»